Проф. Л. Н. ЮРОВСКИЙ

ДЕНЕЖНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (1917—1927)

ФИНАНСОВОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА—1928

Проф. Л. Н. ЮРОВСКИЙ

ДЕНЕЖНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (1917—1927)

ФИНАНСОВОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА

Типография и словолитня
„КРАСНАЯ ПРЕСНЯ“
3-я МОСПОЛИГРАФ
Москва. Малая Грузинская,
Столярный пер., дом 5-7.
Главлит № 96457
Тираж 2.000

„The greatest of faults, I schould say, is to be conscious of none“.

Thomas Carlyle.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

В начале 1924 года, в то время, как проводились мероприятия по преобразованию денежной системы Советского Союза, мною составлен был очерк под заглавием «На путях к денежной реформе». Он вышел из печати в феврале 1924 г. и интерес к проблемам денежной политики был в то время так велик, что в марте его пришлось выпустить вторым изданием, текст которого отличался от первого лишь незначительными поправками. Второе издание разошлось в том же году, но повторять его, сохранив первоначальный текст или дополнив его только новой главой, посвященной денежной политике после реформы, как это сделано было для английского и немецкого изданий, представлялось уже нецелесообразным. Я не имел основания изменить свою точку зрения на основные моменты эволюции нашей денежной системы в течение описанного периода. Но было ясно, что очерк страдал многими пробелами, которые необходимо было восполнить, и что использованный статистический материал нуждается в тщательной проверке. Выпуск нового издания был поэтому отложен.

Со времени денежной реформы прошло более трех лет. История нашего денежного обращения в революционное десятилетие имеет уже не только свой дореформенный, но и свой пореформенный период. Границы исследования стали теперь другими и уже в силу одного этого оно разрослось. Кроме того, за истекшее время были опубликованы сведения, которые позволили дополнить и исправить ту часть книги, которая относится к периоду до 1924 г. Были просмотрены те периодические издания 1918—1922 гг., которым раньше мною не было уделено достаточно внимания, и сделаны извлечения из архивных материалов Народного Комиссариата Финансов. Я использовал также здесь некоторые свои работы по денежному обращению, напечатанные в журналах «Социалистическое хозяйство» и «Вестник финансов» после 1924 г., особенно статьи «Последние месяцы совзнака» (в главе VII), «Наше хозяйственное положение и ближайшие

задачи экономической политики» (в главе VIII) и «К проблеме плана и равновесия в советской хозяйственной системе» (в «Заключении»). Эти работы в значительной мере были уже задуманы в качестве Vorarbeiten к настоящему расширенному изданию истории денежной политики советской революции. В нескольких местах настоящего издания использован поэтому самый их текст. Наконец, все данные об эмиссии бумажных денег, начиная с 1917 г., были проверены группой сотрудников Валютного управления и были опубликованы в исправленном виде в сборнике «Наше денежное обращение» в 1926 г. (Москва, Финансовое Издательство). То, что предлагается в настоящее время вниманию читателей, представляет коренную переработку первоначального текста очерка и книга выпускается под новым заглавием не только потому, что предмет ее не ограничивается уже описанием путей к денежной реформе, а об'емлет и денежную политику трех с лишним пореформенных лет, но также и потому, что в описание периода до 1924 г. внесены очень крупные изменения.

Поразительно, до какой степени уже по истечении короткого промежутка времени меняется та перспектива, в которой рассматриваются явления. То, что выпячивалось при проведении реформы на первый план, теперь нередко кажется лишь второстепенным элементом отошедших в прошлое событий. А то, что представлялось мало заслуживающим внимания, оказывается иногда первоначальным звеном в цепи явлений, приобретших впоследствии крупное значение. И это обстоятельство, может быть, в большей степени, чем многое другое, заставляет переделывать описание событий, когда смотришь на них уже не глазами современника, а сопоставляешь явления, находясь на расстоянии от них. Однако описание истории денежного обращения Советского Союза и здесь доведено до последних дней и предлагаемая книга, к сожалению не может не страдать в силу этого недостатком единства перспективы. Преодолеть этот недостаток едва ли представлялось возможным.

В заключение я считаю своим долгом выразить искреннюю признательность Р. В. Зееману, помогавшему мне в деле собирания новых материалов, разработанных в настоящем издании.

Л. Ю.

ПРЕДИСЛОВИЕ

к 1-му изданию книги «На путях к денежной реформе».

Задача настоящего очерка помочь читателю уяснить себе значение той реформы денежного обращения, которая проводится в жизнь в настоящее время, и описать главнейшие условия ее происхождения. Основная мысль автора заключалась в том, что мероприятия последних лет в области денежного обращения, если брать основные их элементы, были обусловлены всей хозяйственной обстановкой и что рассматриваемые в исторической перспективе они укладываются не в случайный, а в закономерно расположенный ряд. Переход к так называемому «золотому исчислению», предоставление Государственному банку эмиссионного права, создание системы параллельного обращения банковых билетов и казначейских «денежных знаков», преобразование этой системы в направлении к единству денежного обращения,—все это составляло неизбежные звенья эволюции денежной системы в условиях той хозяйственной и финансовой обстановки, которая создалась после провозглашения новой экономической политики.

Те мероприятия, которые осуществляются в настоящее время, не образуют еще последнего звена этой цепи. Завершение реформы возможно будет лишь тогда, когда народное хозяйство будет вполне восстановлено, государственные финансы окончательно окрепнут, с мировым хозяйством установятся более тесные связи, чем те, которые наладились до сих пор. Но, если взять за исходный пункт состояние нашего денежного обращения в середине 1921 года, то надо признать, что немалая часть пути от «безденежного хозяйства» к устойчивой валюте уже пройдена и крупнейшие препятствия преодолены.

Настоящий очерк написан наспех и автор вполне сознает, что он страдает многими пробелами. В нем затронуты не все

вопросы, относящиеся к денежному обращению и представляющие интерес, и использованы далеко не все материалы, которые можно разработать. Может быть, однако, это обстоятельство до известной степени восполняется тем, что, принимая в течение последних лет участие в работах Народного Комиссариата Финансов, автор мог опираться не только на документальные и литературные источники, но и на живой опыт практической деятельности.

Февраль 1924 г.

ВВЕДЕНИЕ

Денежное обращение до Октябрьской революции

Здоровая и устойчивая система денежного обращения является продуктом сравнительно высокой экономической культуры и исторический опыт показал, что такая система может существовать в течение длительного промежутка времени лишь в экономически очень мощной стране. В истории России петербургской эпохи периоды здорового состояния денежного обращения бывали только краткими эпизодами. «Только люди, перешедшие 40-летний возраст, еще могут помнить то время, когда система денежного обращения была у нас в порядке», говорил министр финансов Николая II, С. Ю. Витте, в Государственном Совете в 1895 г., накануне проведения денежной реформы, имея при этом в виду ту денежную систему, которая была установлена в царствование Николая I при министре финансов Канкрине. А при Канкрине даже люди, перешедшие 50-летний возраст, не могли помнить то время, «когда система денежного обращения была у нас в порядке». В средине XIX века в течение полутора десятилетия просуществовало в чистом виде обращение, основанное на серебряном рубле, и на рубеже XX века около двух десятилетий продержалось обращение, основанное на золоте. Все остальное время правительственная власть почти неизменно занята была борьбою с расстройством денежного обращения.

Последний период, когда денежная система была в порядке, т.-е. период конца 19-го и начала 20-го столетия представляет для нас до настоящего времени значительный интерес. Как ни велики были экономические потрясения, пережитые Россией и Советским Союзом после 1914 года, как ни решительны были революционные мероприятия, порывавшие связи с прошлым, элементы прошлого продолжают жить в настоящем и законы последних лет в некоторых частях примыкали к той системе денежного обращения, которая тремя десятилетиями раньше создана была реформами Витте. Небезинтересно будет установить, какие обстоятельства

заставили примкнуть к сохранившейся традиции и мы остановимся на этом вопросе в одной из последующих глав.

Эти соображения должны об'яснить почему мы считаем целесообразным начать изложение с краткого описания главнейших признаков той системы денежного обращения, которая существовала у нас до мировой войны.

Денежной единицей был рубль: закон приравнивал его 17,424 долям (0,774 грамм) чистого золота. Эта денежная единица воплощалась в золотых, серебряных и медных монетах и кредитных билетах Государственного банка.

Золотые монеты чеканились в последнее время достоинством в 10 рублей и в 5 рублей. Это были полноценные деньги, что означает, что десятирублевая монета содержала 1 зол. 78,24 долей, а пятирублевая монета—87,12 долей чистого золота. Золотые монеты были законным платежным средством без ограничения суммы. Ценностное значение золотой монеты было теоретически неразрывно, а практически весьма тесно связано с ценой заключавшегося в ней металла. Это достигалось двумя мероприятиями, общепринятыми во всех тех странах, в которых существует упорядоченное металлическое обращение. Во-первых, свободой чеканки, благодаря которой всякий мог получить от государства за 1 зол. 78,24 долей чистого золота десятирублевую монету, передав государству свое золото для перечеканки: этим гарантировалось, что десятирублевая монета не могла стоить дороже, чем 1 зол. 78,24 долей чистого золота; и, во-вторых, установлением терпимости в весе (2/1000 части выше или ниже законного веса для десятирублевой монеты), терпимости в пробе (1/1000 часть выше или ниже законной пробы) и предельного веса, при котором монета признавалась полновесною: этим обеспечивалось, что содержание чистого металла в монете всегда было достаточно близко к установленной законом норме. Золотые деньги, как полноценные деньги, лежали в основе установленной системы денежного обращения. Это была система золотого монометаллизма.

Серебряные и медные монеты были неполноценны. Это значит, что в серебряных или медных монетах, номинальная стоимость которых по совокупности составляла один рубль, содержалось меньше серебра или меньше меди, чем можно было купить на 1 рубль на рынке. Серебряные монеты чеканились двоякого рода: более ценные по своему металлическому содержанию (высокопробные) достоинством в 1 рубль, 50 коп. и 25 коп. (чеканка последних в последние годы была приостановлена) и менее ценные (низкопробные) в 20 коп., 15 коп., 10 коп. и 5 коп. Ценность серебра, содержавшегося в первых, составляла, накануне войны, около 66—68% их номинальной стоимости, а во вторых, около 33—34%. Серебряные монеты также были законным платежным средством,

но с ограничением суммы. Монеты достоинством в 1 р., 50 к. и 25 коп. обязательны были к приему в платежи на сумму до 25 рублей, а монеты достоинством в 20, 15, 10 и 5 коп. на сумму до 3 рублей. Только правительственные кассы (кроме таможенных) обязаны были принимать серебряные монеты без ограничения суммы.

Медные монеты чеканились достоинством в 5 коп., 3 к., 2 коп., 1 коп., $\frac{1}{2}$ коп. и $\frac{1}{4}$ коп. Стоимость металла составляла в них около $\frac{1}{5}$ номинала. Они были обязательны к приему в платежи на сумму не свыше 3 рубл.

Серебряные и медные деньги играли в системе денежного обращения вспомогательную роль и имели хождение по номиналу в силу распоряжения государственной власти. Такое распоряжение не могло встретить сопротивление со стороны хозяйственного оборота, потому что прием этих денег в платежи был ограничен сравнительно небольшими суммами и потому, что оборот нуждался в мелких разменных деньгах. Но, поскольку существовало ограничение приема разменных денег в платежи, постольку государство могло чеканить их лишь в ограниченном количестве. Постановления монетного устава гласили, что количество серебряной монеты в обращении не должно превышать 3 руб. на душу населения. На выпуски медной монеты министр финансов должен был испрашивать разрешения в порядке управления. Вместе с тем ясно, что для неполноценных разменных денег не могло существовать свободы чеканки.

Все эти деньги: золотые, серебряные и медные, выпускались государственным казначейством. Так как серебряные и медные деньги были неполноценными, то выпуск их в обращение приносил казначейству некоторый доход. Доход этот, под названием «монетного» вносился в роспись государственных доходов. В среднем за 1910—1913 годы он составлял 5.508 тыс. рублей.

Государственные кредитные билеты были тоже деньгами, но иного рода. Они являлись обязательствами Государственного банка того вида, которые принято называть банковыми билетами или банкнотами. Содержание этих обязательств заключалось в том, что банк должен был выплатить пред'явителю за каждый рубль кредитными билетами 17,424 долей чистого золота. Государственный банк мог выпускать кредитные билеты на неограниченную сумму, но в целях обеспечения размена их на золото устав требовал, чтобы Банк всегда имел соответствующие металлические резервы. Постановления устава Государственного Банка были в этом отношении ригористичны; они были значительно более строги, чем требования уставов почти всех иностранных банков этого же рода. Сумма золота, обеспечивающего билеты, должна была составлять не менее половины общей суммы

выпущенных в обращение кредитных билетов, пока эта последняя не превышала 600 млн. рублей. Кредитные билеты, выпущенные Государственным банком сверх этой суммы, должны были быть обеспечены золотом рубль за рубль. Основанием для установления столь строгих ограничений было опасение пассивности нашего платежного баланса и желание дать возможно большую уверенность в устойчивости системы денежного обращения. Государственный кредитный билет был законным платежным средством так же, как и металлические деньги. Так как он был обязательством, выраженным в золоте и вполне обеспеченным золотом, то он, подобно золотым деньгам, был обязателен к приему в платежи без ограничения суммы.

Таковы были главнейшие основания системы денежного обращения накануне войны. Она господствовала на всем пространстве бывшей империи, за исключением Финляндии, но включая два вассальных государства в Средней Азии: Бухару и Хиву (Хорезму).

На 1 января 1914 года в обращении находилось:

Кредитных билетов Государственного банка	на	1 665	м. р.
Золотой монеты	„	494	„ „
Серебра высокопробного	„	123	„ „
„ низкопробного	„	103	„ „
Медной монеты	„	18	„ „

Справка о количестве золотой монеты дает несколько преувеличенную цифру, так как она учитывает данные Монетного двора о чеканке и не принимает в расчет утечки монеты из обращения. Общее количество денег во всяком случае превышало 2.000.000.000 рублей. На ту территорию, которая входит в настоящее время в состав Союза Советских Социалистических Республик, из этой суммы, вероятно, приходилось около 1,7—1,8 миллиардов рублей.

В первую половину 1914 года наличность золота Государственного банка значительно превышала ту норму, которой требовал закон; она превышала даже количество выпущенных в обращение кредитных билетов. Накануне войны, по балансу Государственного Банка на 1 июля, в обращении было кредитных билетов на 1.630 млн. руб., а наличность золота Государственного банка в России и за границей составляла 1.743 миллиона. Эта огромная наличность образовалась в течение последних десятилетий перед войной. В основной своей части она была накоплена при двух последних министрах финансов 19 столетия, И. А. Вышнеградском и С. Ю. Витте.

Очень сильным налоговым нажимом И. А. Вышнеградский, занявший 1 января 1887 г. пост министра финансов, добился ликвидации прежних бюджетных дефицитов. В

1887 году доходы были почти сбалансированы с расходами и затем начались ежегодные перевыручки по бюджету. К податному давлению в целях повышения доходов и усиления вывоза, И. А. Вышнеградский присоединил очень решительную покровительственную таможенную политику в целях сокращения импорта и получения активного торгового баланса. Превышение вывоза над ввозом, составлявшее в пятилетие 1882—1887 (при Бунге) в среднем по 66 млн. в год, достигло в следующее пятилетие 1887—1891 (при Вышнеградском) в среднем за год 307 млн. руб. Золото скупали, как Казначейство, так и Государственный Банк. Государственный Банк сжимал свои учетно-ссудные операции с тем, чтобы на освобождающиеся средства усиливать свои валютные резервы. На 1 января 1887 г. золотой фонд России (как Казначейства, так и Банка в России и заграницей) составлял (считая 1 рубль за 17,424 доли чистого золота) 422 млн. рублей. На 1 января 1893 года он достиг 886,9 млн. руб. (П. К. Шванебах «Денежное преобразование и народное хозяйство», Петербург, 1901, стр. 88).

При С. Ю. Витте продолжались меры таможенного покровительства, но первостепенное значение в деле увеличения золотых резервов приобрели уже внешние займы. П. К. Шванебах дает в своей книге перечень заграничных кредитных операций, составивших за 1893—1898 годы свыше 1 миллиарда рублей. Эти операции и образовали основной источник, из которого министерство финансов черпало при Витте необходимые для проведения реформы средства. Движение золотого фонда с 1893 года до начала войны можно видеть из следующих цифр:

	Золото в Гос. банке и казначействе (в России)	Золото Госуд. банка за границей	Итого	Золотая монета в обращении	Всего
1 января 1893 г. . .	782,8	104,1	886,9	—	886,9
1 „ 1898 „ . .	1 160,7	154,3	1 315,0	155,0	1 470,0
1 „ 1903 „ . .	708,5	57,3	765,8	731,9	1 497,7
1 „ 1908 „ . .	948,5	219,8	1 168,3	622,4	1 790,7
1 „ 1913 „ . .	1 327,9	227,5	1555,4	628,7	2 184,1
1 „ 1914 „ . .	1 527,8	167,4	1 695,2	494,2	2 189,4

(За 1893 и 1898 гг. по данным, приведенным у П. К. Шванебаха, стр. 88; за последующие годы по сборнику «Наше

денежное обращение», Москва, 1926, стр. 65, 66. При проведении денежной реформы золото Казначейства было передано Государственному Банку).

Выше мы видели, что в 1887 г. золотой запас составлял 422 млн. Таким образом, накопление страны достигло за десятилетие (министерство Вышнеградского, 1887—1892, и первая половина министерства Витте, 1893—1898) миллиарда с лишним рублей. После этого накопление приостановилось и в дальнейшем оно имело место при преемниках С. Ю. Витте.

Совсем иначе выглядит движение золотого запаса, если рассматривать наличность его в Государственном Банке. Все это накопление, которое имело место при С. Ю. Витте, было брошено им в обращение в виде золотой монеты. Лишь после Витте Государственный банк стал снова стягивать золото в свои подвалы. Внедрение золота в обращение составляло существенную часть Виттевской реформы в том виде, в каком он сам понимал ее цели и методы разрешения поставленных задач. Новое сосредоточение золота в Государственном Банке составляло результат денежной политики после Витте. Однако, переход монет из обращения в Банк до 1913 г. был, главным образом, последствием того предпочтения, которое само население оказывало кредитным билетам. Только в 1913 году заметно действие определенной политики Государственного Банка по из'ятию монет из обращения. Это год энергичного накопления: Банк собирает в подвалах 200 млн. руб. (из них $^{2}/_{3}$ взято монетой из обращения). За первое полугодие 1914 года, последнее до войны, Банк успевает прибавить к ним еще 72 млн., часть которых (около $^{1}/_{2}$) опять-таки была взята из обращения.

Если иметь в виду накопление золота в стране, то, примерно миллиард, составляющий главную часть приращения со времени вступления И. А. Вышнеградского в министерство финансов, был привлечен в десятилетие 1888—1898 гг. Если иметь в виду то золото, которое Государственный Банк сосредоточивал в своих подвалах и на своих счетах за границей, то главная часть приращения, примерно, миллиард, относится к последнему десятилетию перед войной.

Золотой запас в 20 веке почти всегда был выше суммы выпущенных кредитных билетов, а право на эмиссию трехсот м. р. без покрытия оставалась неиспользованным. Только во время русско-японской войны Государственный Банк подошел очень близко к установленному уставом пределу. В пятилетие 1910—1914 г. (на 1 января) у Государственного Банка свободное эмиссионное право составляло от 540 до 330 млн. руб., т.-е. Банк не только покрывал рубль за рубль все выпущенные кредитные билеты, но имел излишек золота от 240 до 30 млн. руб.

Создание системы золотого обращения стоило народному хозяйству России крупных жертв, ибо накопление миллиарда золотом в период низких хлебных цен было огромным бременем для сельского населения. Во вторую половину 90-х годов и позднее эта система явилась зато одной из основ, обеспечивших возможность привлечения крупных иностранных капиталов и быстрого развития промышленного капитализма в России.

Золотое обращение выдержало финансовые затруднения, связанные с японской войной, но оно было поколеблено лишь только началась мировая война. В первые же дни был приостановлен размен кредитных билетов на золото и допущен дополнительный выпуск кредитных билетов для учета краткосрочных обязательств казначейства, при чем закон (27 июля 1914 г.) разрешил Государственному Банку производить этот учет «в размере, вызываемом потребностями военного времени». Эти потребности были огромны. Полного учета стоимости войны для казначейства не имеется, так как к концу 1917 года наше финансовое хозяйство пришло в такое состояние, что нельзя было подвести точный итог военным расходам. Довольно вероятно, что расход казны составлял по номиналу около 50 миллиардов рублей (вычисления С. Н. Прокоповича, «Война и народное хозяйство», изд. 2-ое, Москва, 1918 г., стр. 74 и след.). Если распределить эту сумму по годам и перевести ее в рубли довоенной покупательной силы по индексам товарных цен (Статистики Труда), то получается расход в сумме около 21 миллиарда рублей. Расчет этот относится к 3½ годам. По вычислениям С. Н. Прокоповича («Опыт исчисления народного дохода 50 губ. Евр. России в 1900—1913 гг.», 1918 г.) народный доход по всей России составлял около 16 миллиардов в год, что за 3½ года должно было бы дать при стабильности дохода 56 млн. рублей. Но уже в 1915 г. часть территории России была занята войсками держав Центральной Европы. Затем началось сокращение производства в сельском хозяйстве и в промышленности. Падение производительных сил в начале 1917 г. было уже значительно. Весьма правдоподобно поэтому, что за все время войны расход на ее ведение составил немногим менее половины народного дохода.

Повышением налогов и железнодорожных тарифов, проведенным вскоре вслед за возникновением войны, была покрыта только та брешь, которую вызвало прекращение казенной продажи питей. Дефициты возрастали из года в год. Правда, эмиссия бумажных денег не была единственным способом покрытия дефицита. Государственные кредитные

операции для военных целей, начавшиеся уже в 1914 г., составили за время войны на внутреннем рынке свыше 16,8 миллиардов рублей и на внешнем рынке около 7,8 миллиардов [1]). Но остальное дали выпуски кредитных билетов.

Годы	Эмиссия бумажных денег в (миллионах рублей)
1914	1 281,9
1915	2 721,5
1916	3 595,4
1917	18 386,7

Несколько раз издавались новые постановления, расширявшие эмиссионное право Государственного Банка. В первый раз, 27 июля 1914 г., оно было увеличено на 1½ миллиарда рублей, 17 марта 1915 г. оно доведено до 2½ миллиардов, затем 22 августа 1915 г. до 3½ миллиардов, 29 августа 1915 г. до 5½ миллиардов и 27 декабря 1916 г. до 6½ миллиардов. Такие выпуски бумажных денег не могли не внести глубокого расстройства в денежное обращение.

Начало войны, несмотря на крупные выпуски денег в 1914 г., не сопровождалось однако сколько-нибудь заметным падением покупательной силы рубля. Закрытие границ отрезало от нас те рынки, на которых в обычное время сбывались хлеб и экспортное сырье, и цены на эти продукты на первых порах даже упали. Кроме того, те изменения, которые война вызвала в народном хозяйстве, в течение первого времени не только не вызвали сжатия торгового оборота, но даже сопровождались расширением его. Производительность сельского хозяйства не могла еще сократиться в 1914 году: уборка урожая этого года прошла благополучно. Работа промышленных предприятий, приспособленных к изменившимся потребностям рынка, была доведена до большого напряжения, благодаря тому спросу на предметы снабжения и снаряжения армий, который обусловлен был войной. Далее, рынок расширился благодаря тому, что многие продукты, потреблявшиеся раньше внутри хозяйства и не поступавшие в оборот, сделались товарами. Это произошло вследствие мобилизации мужского населения деревень. То,

---

[1]) Сумма внутренних займов слагается из следующих цифр: 11 582 млн. руб. облигационные займы, включая Заем Свободы (поступления по реализации) и 5 179 млн. руб. обязательства государственного казначейства, выпущенные в обращение.—Кредиты иностранные были предоставлены Англией (5 312 млн.), Францией (1 547 млн.), Японией (354 млн.), Соединенными Штатами С. А. (542 млн.) и Италией (13 млн.), всего 7 769 млн. руб. по паритету. (И. Чубаков. „Внутренние и заграничные кредитные операции России в период империалистической войны", „Вестник Финансов", 1926, V—VI, стр. 131 и след.).

что крестьянин раньше потреблял в своем собственном хозяйстве, он в качестве солдата,—и при том часто в большем количестве,—стал получать в порядке государственного снабжения, а государство приобретало соответствующие продукты на рынке. Наконец, золото, после прекращения размена кредитных билетов, ушло из обращения в накопление и соответствующая сумма должна была быть заменена в обращении бумажными деньгами. Поэтому увеличение количества кредитных билетов в 1914 г. на 1.282 млн. руб. не сразу вызвало инфляцию и цены стали подниматься лишь к концу года. В среднем за 1914 год индекс цен, исчисленный впоследствии для этого периода по тому же методу, по которому вычисляется в настоящее время индекс статистики труда, составлял всего 1,01, т.-е. цены повысились в среднем за этот год всего на 1%. Впрочем к концу года повышение цен начало уже становиться заметным фактом в хозяйственной жизни.

Однако, чем дальше, тем больше народно-хозяйственные и финансовые последствия войны стали сказываться на уровне цен, т.-е. на покупательной силе рубля. Такой же средний индекс за 1915 год составляет 1,30, т.-е. показывает увеличение цен по сравнению с 1913 годом на 30%, а на январь 1916 г. индекс составлял уже 1,43. Для народного хозяйства, не привыкшего к огромным колебаниям, это было острым и крайне болезненным проявлением дороговизны. Дезорганизация хозяйства уже началась и, какими бы скромными ее первоначальные размеры ни казались по сравнению с тем падением производительных сил, которое достигнуто было впоследствии, об ее значении нельзя судить с точки зрения последних результатов мировой и гражданской войны. Цифры, которые кажутся ничтожными с точки зрения более поздних представлений о росте цен и обесценении денег, воспринимались в то время как показатели серьезной болезни.

Д. В. Кузовков правильно обратил внимание на то, что верный диагноз этой болезни далеко не сразу получил признание и что инфляция,—основная причина повышения цен, на первых порах почти не упоминалась в ряду обстоятельств, вызвавших дороговизну («Основные моменты распада и восстановления денежной системы», Москва, 1925, стр. 64 и след.). То же имело место во всех странах, переживших аналогичные явления. Германская литература военного времени долго не признавала «инфляции» в то время, когда последняя была уже не начинающейся, а довольно застарелой болезнью. Такое отношение не может не быть вызвано общими социально-психологическими и политическими причинами. Прежде всего, вероятно, тем, что общество за десятилетия привыкает видеть в денежной единице «меру всех

вещей» и после длительного периода устойчивости валюты трудно бывает осознать, что в области хозяйственно-ценностных измерений исчезла твердая точка опоры; кроме того, еще и тем, что денежная система государства рассматривается как один из тех его устоев, степень прочности которого свидетельствует об экономической мощи страны, и что поэтому признание факта расшатанности валюты имеет место,—особенно во время войны,—лишь тогда, когда никакими другими соображениями нельзя уже об'яснить рост цен и падение курса. Мы увидим в дальнейшем, что невидение вновь возникающей инфляции представляет собой явление свойственное начальному периоду расстройства денежной системы, даже тогда, когда это расстройство совершается вне военной обстановки. От конкретных условий зависит только, как велика группа невидящих и когда наступает неизбежное прозрение.

В течение 1916 и 1917 гг. цены возрастали уже неуклонно и индекс повышался почти из месяца в месяц. В январе 1917 г. он составлял 2,94, в феврале—3,10, в марте—3,15 (здесь, как и всюду в настоящей главе приводится всероссийский индекс статистики труда). Иначе говоря, покупательная сила рубля упала ко времени февральской революции более, чем в три раза, и накануне переворота рубль по покупательной своей способности составлял только 32 довоенных копейки.

Государственная власть реагировала на обесценение валюты регулированием торговли и цен.

Изучение истории этого регулирования не входит в задачи настоящей работы. Но здесь, как местами и в дальнейшем, мы не можем обойти политику регулирования полным молчанием в виду теснейшей ее связи с политикой денежного обращения. В частности регулирование цен в 1915—1916 гг. сыграло такую значительную роль в генезисе многих мероприятий эпохи революции, что на нем необходимо остановиться, хотя бы в самых кратких чертах. Основною сферой этого регулирования были цены на продовольствие и особенно на хлеб.

Вскоре вслед за об'явлением войны административные мероприятия по снижению цен начались почти одновременно в двух направлениях: в направлении фиксации розничных цен и в направлении воздействия на заготовительные цены.

В конце июля 1914 г. министр внутренних дел указал циркулярно губернаторам, что им следует «озаботиться изданием в установленном порядке обязательных постановлений, регулирующих цены на предметы первой необходимости». Органами, издававшими эти постановления были, главным образом, земства и городские самоуправления. Формой

регулирования являлись таксы. Н. А. Свавицкий подсчитал в своем исследовании, что уже в июле таксы были изданы 86 городами и что за первый год войны они были введены в 354 городах. В действительности, случаев регулирования и тогда уже было больше, ибо Н. А. Свавицкий сообщает, что он не располагал сплошными данными. Таксы фиксировали цены на очень большое число товаров, главным образом, на продовольственные продукты и на некоторые предметы широкого потребления. Бывали даже попытки охватить регулированием все цены. Генерал-губернатор Кубанской области и Черноморской губ. осенью 1915 г., «не имея возможности таксировать все товары», предложил «торговцам самим определить и наметить стоимость своих товаров», установив определенный расчет для всех «товаров мануфактурных, кожевенных, колониальных, аптекарских, железо-скобяных, лесных, машин, топлива и т. п.».

Последствия регулирования розничных цен были не блестящи.

Трудно было таксировать все сорта и нередко поэтому таксы плохо соблюдались. Случалось, что, вслед за изданием такс, низко расцененный товар исчезал с рынка. Случалось и обратное: таксы фиксировали высокую цену и в этом случае способствовали равнению всех местных цен по высшей цене. Кроме того таксы отличались чрезвычайной территориальной пестротой и вносили поэтому дезорганизацию в условия снабжения, так как потоки товаров начали направляться мимо городов с низкими таксами. «Практика местных такс,—резюмировал результаты своего исследования Н. А. Свавицкий,—скоро показала, что таксировкой в отдельных городах и районах невозможно бороться с под'емом цен, возникающим даже на почве чисто местных условий. Между тем ...рост цен на продукты потребления и др. товары, охватывающий целые области и всю страну... (зависел) в большинстве случаев не от местных, а от общих экономических причин, в борьбе с которыми таксы (были) бессильны». Поэтому в 1916 г. начали высказываться уже предложения о переходе к районным, областным и всероссийским таксам. В этом направлении (областном) были даже сделаны отдельные попытки. (Н. А. Свавицкий, «Таксы» в сборнике «Труды Комиссии по изучению современной дороговизны», вып. IV, Москва, 1916 г., стр. 175, 180, 185, 196—201.—Ср. также К. Зайцев, «Современное положение таксировки предметов продовольствия в России и меры к ее упорядочению», 1916 г.). Первый шаг по пути административного регулирования цен заставил поставить вопрос о дальнейших более решительных шагах. Этот процесс имел свою внутреннюю логику и государственные мероприятия подчинились ей.

Одновременно с изданием такс началось регулирование рынка еще и в другом порядке. Вслед за началом военных действий многие губернии, в особенности расположенные близко к фронту, об'явлены были на военном положении, а во всех остальных местностях введено было положение чрезвычайной охраны. На основании чрезычайных полномочий ужс в августе 1914 г. началось издание запрещений о вывозе хлеба и других товаров из отдельных районов. Запрещения, имевшие целью поддержать низкие цены в данном районе и облегчить заготовку в нем продуктов для армии, препятствовали не только переброске товаров из одной губернии в другую, но препятствовали даже передвижению продуктов из уезда в город. Для Киева в марте 1915 г. пришлось издать специальное разрешение о подвозе «беспрепятственно и без ограничения количества всякого рода продовольственных продуктов из мест Киевской губернии, расположенных от Киева по радиусу на 60 верст» (С. Н. Прокопович, «Запрещения вывоза», «Труды комиссии по изучению современной дороговизны», вып. III, М. 1915 г., стр. 130). Воспрещения вывоза привели к делению страны на множество рынков, сообщавшихся между собой только через контрабандистов. Москва просила о воспрещении вывоза овса в Петроград, Тула просила о воспрещении вывоза овса куда бы то ни было и в частности в Москву (там же, стр. 136). Запрещения облегчали уполномоченным Главного Управления Землеустройства и Земледелия производить заготовки в отдельных изолированных районах, но вполне естественно, что они совершенно деформировали весь рынок страны, взятый в целом. Они особенно затрудняли снабжение так называемой потребляющей полосы, крупных промышленных центров и больших городов. Тем не менее, совещание уполномоченных Главного Управления Землеустройства и Земледелия в начале февраля 1915 г. стало на защиту запрещений, и на основании постановлений этого совещания 17 февраля издан был закон, предоставлявший командующим войсками военных округов (по соглашению с местными губернаторами и уполномоченными Главного Управления Землеустройства и Земледелия) право запрещать вывоз нужных для армии припасов, устанавливать цены на покупку для нужд армии продовольствия и фуража и назначать в случае недостаточности предложения на рынке реквизицию по особо установленным ценам.

Однако, уже вскоре после этого, напряжение, созданное на потребительских рынках, стало столь значительно, что против только что принятой меры поднялся ряд возражений со стороны бирж, городов и группы членов Государственного Совета. В апреле, когда стало выясняться, что государственные заготовки дали достаточные результаты,

началась отмена запрещений. «Несмотря на краткость действия большинства запрещений вывоза, их отрицательные результаты,—по мнению С. Н. Прокоповича,—были довольно значительны. Они дезорганизовали торговлю хлебными продуктами и создали искусственные барьеры между рынками потребления и рынками производства. Если расстройство железнодорожного транспорта нанесло тяжелый вред экономической жизни страны, остановив перевозку продуктов с рынков производства на рынки потребления, то запрещения вывоза еще более обострили это экономическое расчленение России на ряд изолированных местных рынков, лишенных возможности товарного обмена». (С. Н. Прокопович, стр. 152—154).—Запрещения вывоза из отдельных районов издавались, однако, и в следующие заготовительные кампании. «Обзор деятельности Особого Совещания для обсуждения и об'единения мероприятий по продовольственному делу» за первый год его существования рассказывает на многих страницах о той борьбе, которую председатель Особого Совещания (министр земледелия) вел с военными начальниками по вопросу об издании таких запрещений в течение 1915—1916 гг.

Таксы и запрещения вывоза не дали положительных результатов, хотя, вероятно, снизили несколько расходы казны по заготовке продовольствия для армии. Вредные последствия дезорганизации рынка перевешивали, повидимому, этот выигрыш казны. Таксы и запрещения вывоза в условиях инфляции не могли разрешить стоявшую перед государственной властью задачу. Новые выпуски бумажных денег гнали цены всех товаров в гору. Ожидание дальнейшей инфляции, роста потребления продовольственных продуктов с увеличением численности армии, сокращения посевов и сборов зерна, поощряло спекулятивное воздержание владельцев запасов от их реализации. Если в условиях покрытия бюджетных дефицитов эмиссией кредитных билетов государство хотело заготовлять и снабжать население по умеренным ценам, оно должно было сделать гораздо более решительные шаги в сторону регулирования, чем те, которые сделаны были в первом году. Можно ли было расчитывать на успех общего регулирования розничных цен без общего регулирования оптовых цен? Можно ли было добиться действительного регулирования оптовых цен и достигнуть удовлетворительного снабжения городских рынков по указным ценам, не переходя все более и более к государственным заготовкам? Раз только метод установления равновесия между спросом и предложением при помощи соответствующего их соотношению движения цен был отброшен, регулирование должно было развиваться со стихийной силой в направлении

к заключительному своему звену, т.-е. к государственной монополии заготовок и к пайковому распределению продуктов.

Весной 1915 г. (16/III) учрежден был Главный Продовольственный Комитет под председательством министра торговли и промышленности. В официальном документе 1916 г. говорится, что «за кратковременностью существования, ни труды Главного Продовольственного Комитета, ни деятельность учрежденных им на местах губернских комитетов, не получили развития и не были доведены до конца» («Обзор деятельности Особого Совещания по Продовольственному Делу, 17 августа 1915 г.—17 февраля 1916 г.»). К концу лета (17/VIII) учреждено было Особое совещание для обсуждения мероприятий по продовольственному делу,—орган более влиятельный, на основе которого построено было при Временном правительстве министерство продовольствия, реорганизованное после Октябрьской революции в знаменитый в революционной истории Наркомпрод. Принципиально наиболее существенны в течение зимы 1915—1916 г. были меры, направленные к организации государственных заготовок для гражданского населения. Первые шаги в этом направлении были не очень решительны, однако, Особое совещание по продовольствию уже в ноябре 1915 г. составило соответствующий план. Кроме того,—и это было существенно, как принципиально, так и практически,—в 1915—16 г. принцип установления твердых заготовительных цен получил самое широкое применение. Особым совещанием были об'явлены твердые цены на все хлебные продукты, в том числе и на муку.

Зима следующего года принесла дальнейшее движение по той же линии. Уже осенью 1916 г. (в октябре) сделана была попытка создания на местах продовольственных органов. К концу 1916 г. относится самый крупный шаг в области государственного регулирования, сделанный до революции: проведение министром земледелия Риттихом р а з в е р с т к и. Риттих повысил твердые цены (определив, что прежде установленные цены уплачиваются франко-амбар, а не франко-станция), пойдя этим навстречу требованиям землевладельцев, но вместе с тем он установил разверстку, уже конечно против их желания. Обстановка 1916—1917 гг. была гораздо труднее, чем обстановка предыдущих лет. А. И. Шингарев, первый министр продовольствия, в следующих словах рисовал ее в начале мая 1917 г. с'езду уполномоченных общегосударственного продовольственного комитета. «В начале заготовка хлеба для армии была сравнительно невелика, эта заготовка в 1914—1915 гг. требовала всего 231 млн. пуд. зерновых продуктов; заготовлено было 205 млн. Свободная торговля еще существовала. Цены на хлеб уста-

навливались лишь для казенных поставок. Так продолжалось в 1915—1916 г., когда 343 млн. пуд. надо было заготовить, а было заготовлено 500 млн. пуд... К осени 1916 г. потребности 1916—17 г. стали уже исчисляться не в 200 и 500 млн. пуд., а в конце концов были вычислены сначала в 890 млн. пуд., а затем при новых добавлениях в 1.000 с лишним млн. пуд. В нашем государстве общий товарный запас хлеба в мирное время составлял около 500—600 млн. пуд. для вывоза и около того же количества (немного меньше) циркулировало торгового хлеба внутри страны. Сельское хозяйство отчуждало на рынки... 1.200 млн. пуд., может быть, 1.400 млн. пуд. И вот оказалось, что в сельскохозяйственный сезон почти вся свободная наличность торгового хлеба, обычно обращавшаяся в стране, должна быть заготовлена руками казны. Уже один этот факт полагал решительный конец какой-либо свободной торговле». («Известия по продовольственному делу», 1917 г., 1(32), стр. 62).

Риттих,—перед лицом такой заготовительной программы,—сделал очень крупный шаг в направлении к хлебной монополии. Он установил разверстку для 21 губернии на 506,5 млн. пуд. зерна. Но провести разверстку удалось лишь в незначительной степени, хотя хлебные запасы в то время были еще велики. Уже в самом процессе разверстки эти полмиллиарда пудов быстро таяли и затем они продолжали еще падать в процессе ее выполнения. Вместо предложенного министерством количества в 506,5 млн. пуд. губернские совещания нашли возможным разверстать по уездам лишь 450,1 млн. пуд., т.-е. 89%, а уездные совещания сократили эту величину до 321 млн. пуд., т.-е. до 63%. Потом пошло дальнейшее сокращение, при разверстке волостных контингентов между селами и сельских контингентов между домохозяевами. Журнал министерства продовольствия исчислял, что разверстка дала от крестьянских хозяйств 100—130 млн. пуд., а от помещичьих хозяйств около 40 млн. пуд. («Известия по продовольственному делу», 1917 г. 1(32), Е. Яшнов «Итоги риттиховской разверстки»).

Твердые цены и разверстка были методами борьбы с хлебным рынком со стороны заготовительной. Хлебные карточки были методом борьбы с рынком в области распределения. Они появились в 1916 г. и введение их в сложившейся обстановке стало неизбежно. Нельзя было продавать хлеб по ценам более низким, чем те, которые соответствовали соотношению между спросом и предложением, ибо по этим ценам рынок готов был поглотить несравненно больше хлеба, чем ему могло быть предоставлено. По низким ценам можно было только распределять, а карточки задолго до этого появившиеся в странах центральной Европы, были наилучшим техническим приемом такого распределения.

Впервые карточки введены были у нас на сахар, потом на хлеб, на мясо и т. д.

Регулирование рынка и цен не ограничивалось мероприятиями в области хлебной торговли. Оно коснулось уже до февральской революции рынков мяса, масла, сахара, соли, всех рынков промышленного сырья, топлива, металла и т. д. Наряду с «Особым Совещанием по продовольствию» и одновременно с ним учреждены были «Особые Совещания» «по обороне», «по топливу» и «по перевозкам». Председатели этих совещаний снабжены были самыми широкими полномочиями в отношении расширения или закрытия предприятий, изменения направления производства, распределения продукции, топлива и сырья, реквизиций и назначения цен. Специальные учреждения созданы были кроме того для регулирования отдельных отраслей промышленности.

В середине 1915 г. (7/VII—Собрание узаконений, ст. 1594) при министерстве торговли и промышленности учреждены были комитеты по делам хлопчатобумажной и суконной промышленности. Сперва им предоставлено было право требовать всех сведений от частных лиц и учреждений, выяснять размеры предельных продажных цен хлопка и шерсти, обсуждать вопросы об их реквизиции и распределять запасы хлопка и шерсти между фабриками. Постановлением от 17 декабря 1915 г. (Собрание узаконений, 1916 г., ст. 4) компетенция Комитета по делам хлопчатобумажной промышленности была расширена и ему было предоставлено устанавливать очередь и цены по (военно-морским) заказам и распределять пряжу. Новые полномочия Комитету были предоставлены 17 октября 1916 г. (Собрание Узаконений, ст. 2342): право распределять запасы хлопчатобумажных и суконных тканей, свободные от требований военного ведомства, между торговцами тканями, устанавливать обязательную продажу запасов тканей на частный рынок по определенным ценам, устанавливать самый порядок продажи тканей, производить реквизиции. Примерно те же полномочия были предоставлены Комитету по делам суконной промышленности. На ряду с этими комитетами действовал учрежденный в конце 1915 г. (27/XI) Комитет по делам льняной и джутовой промышленности (Собрание Узаконений, ст. 2702), учрежденный 19 октября 1915 г. (Собрание Узаконений, ст. 2311) Комитет по делам кожевенной промышленности, учрежденный 2 мая 1916 г. (Собрание Узаконений, ст. 962 и 1189). Комитет по делам бумажной промышленности, все с полномочиями в отношении регулирования производства и рынка. Регулирование в отношении топлива началось,—как это и вполне естественно,—особенно рано и зашло особенно далеко.

Установить влияние регулирования цен на покупательную силу рубля представляется делом не только в высшей степени трудным, но, может быть, и невозможным. Прежде всего потому, что самое содержание понятия покупательной силы крайне условно. Правда, именно поэтому можно условиться измерять ее каким-либо определенным индексом цен. Но этот прием действителен лишь до тех пор, пока один и тот же индекс можно составить, т.-е. пока из списка регистрируемых товаров не приходится исключить тот или другой предмет по тому, что его распределение начинает совершаться бесплатно или, по крайней мере, по цене, не устанавливающей равновесия между спросом и предложением. Административное снижение цен «освобождает» часть денежных доходов и они обращаются либо на покупку тех остатков регулируемого товара, которыми государство не сумело овладеть, либо на покупку других товаров. В обоих случаях исчезает базис для составления прежнего индекса. При первом варианте нет возможности взять вместо двух действительных цен, одной указной и другой вольной, какую-нибудь третью, долженствующую охарактеризовать общее положение на рынке. Всякая средняя между ними была бы установлена совершенно произвольно. При втором варианте, т.-е. при исчезновении с рынка нормированного товара и полном распределении его по пайкам,— изменяется состав товарного оборота и поэтому, строго говоря, нельзя уже оставаться и при старом способе измерения покупательной силы денежной единицы.

К этому обстоятельству присоединяется еще и другое. Самое движение цен происходило в столь сложной и столь быстро изменявшейся обстановке, что отнесение колебаний общего уровня цен за счет отдельных причин представляло бы непреодолимые затруднения, особенно в тех случаях, когда явление, изучаемое в качестве причины, вызывало не только прямые, но и многие косвенные последствия, что как раз и имело место при регулировании.

Даже при наличии очень полных и достоверных статистических материалов, вопрос о том, как регулирование цен воздействовало на движение покупательной силы рубля едва ли мог бы быть поэтому разрешен. Тем труднее было бы разрешить его на основании статистических данных 1915—1917 гг. Нам кажется наиболее вероятным, что прямые последствия регулирования лежали не в этой области, а в том, что достигнуто было (главным образом, со времени введения карточной системы) более равномерное распределение некоторых продуктов среди населения, что казна с'экономила на заготовках для армии известные средства и что государство сумело использовать для снабжения армии продукты, которые иначе ускользнули бы от него. Но имелись

и другие последствия, которые также были очень значительны: дореволюционное регулирование рынка и цен в той обстановке, в какой оно имело место, явилось впоследствии исходным пунктом для мероприятий по полной реорганизации всей хозяйственной системы.

Регулирование распространяется в этот период не только на товарные цены, но и на курс рубля. Министерство финансов «начинает брать с экспортеров обязательства в том, что часть вырученной ими от продажи экспортированных товаров валюты будет передана в распоряжение казны по определенным (устанавливавшимся Кредитной Канцелярией) курсам. В то же время правительство снабжает валютой, также по установленным курсам, импортеров, выполняющих военные заказы». («Наше денежное обращение» 1926 г., стр. 10). Основным орудием поддержания курса служили, конечно, иностранные кредиты. Несмотря на то, что этот рессурс был очень значителен, курс рубля уже на рубеже 1916 года составлял немногим более 50% в отношении к паритету, и лишь на этом уровне его удалось более или менее стабилизовать при помощи кредитов. Лондонские котировки,—при переводе курса кредитного рубля «через курс доллара» в копейки золотом,—отмечали:

	Золотом за 1 рубль кредитными билетами
1 августа 1914 года	94 коп.
1 сентября 1914 „	86 „
1 октября 1914 „	79 „
1 ноября 1914 „	87 „
1 декабря 1914 „	81 „
1 января 1915 „	80 „
1 июля 1915 „	69 „
1 января 1916 „	57 „
1 июля 1916 „	59 „
1 января 1917 „	57 „
1 февраля 1917 „	57 „
1 марта 1917 „	55 „

(Там же, стр. 236, по материалам Кредитной Канцелярии Министерства Финансов).

Курс рубля упал, таким образом, к началу февральской революции до ½ паритета, покупательная сила его составляла около ⅓ довоенной. К этому времени было уже ясно, что возврата к дореформенной системе денежного обращения на основе полного восстановления ценности бумажного рубля не может быть. Ни при каких условиях нельзя было ожидать, что страна окажется способной погашать свою старую и новую задолженность полноценным рублем и скупить кроме того те восемь с лишним миллиар-

дов рублей кредитными билетами, которые были выпущены Государственным Банком. Невозможность восстановления бумажного рубля уже в то время была очевидна, хотя никто не в состоянии был, конечно, вообразить до какой степени может дойти его обесценение. Падение рубля не в 3 раза, а в 50.000.000.000 раз не могла бы представить себе не только тогда, но и значительно позднее, в самый разгар революции, даже самая необузданная фантазия.

Заслуживает, однако, внимания одно обстоятельство. Количество бумажных денег в обращении составляло на 1 марта 1917 г., т.-е. ко времени февральской революции, 10.044 млн. руб. против 1.665 млн. руб. на 1 января 1914 г., что означало увеличение количества бумажных денег в шесть раз. Если принять во внимание, что на 1 января 1914 г. в обращении были золотые монеты и металлические разменные деньги, то все же надо считать, что денежная масса возрасла в 4½—5 раз.

Между тем, цены за то же время повысились только в 3,5 раз. Другими словами, ценность денежного обращения на 1 марта 1917 года по покупательной силе,—то, что впоследствии принято было называть реальной ценностью денежной массы,—составляла около 3.188 миллионов рублей, между тем, как накануне войны в обращении было всего денег на 2.000 с лишним млн. рублей. Таким образом, ценность денежной массы возросла почти в полтора раза несмотря на то, что часть территории была оккупирована неприятельскими армиями.

Это огромное расширение емкости рынка по отношению к денежным знакам дало возможность извлечь из оборота при помощи эмиссии колоссальные ценности, общая сумма которых в «реальных» рублях составила до февральской революции около 5.000 м р.; за первые 2½ года войны при помощи эмиссии было взято больше, чем за все последующее время, при чем в этом последующем времени около ½ приходится на 1917 г. Чем же были созданы эти огромные эмиссионные возможности?

Во-первых, тем обстоятельством, которое было уже только что отмечено: исчезновением металлических денег из обращения. Раньше всего из обращения в накопление ушла полноценная золотая монета. Через несколько месяцев стало исчезать высокопробное серебро: рубли, полтинники. К лету 1915 г. стала исчезать мелкая серебряная монета: двугривенные, пятиалтынные, гривенники. К началу 1916 года в обращении уже почти не было металла. Для замещения металлических монет и в целях ликвидации разменного кризиса выпущены были разменные марки достоинством в 1, 2, 3, 5, 10, 15 и 20 коп. и разменные казначейские знаки достоинством в 1, 2, 3, 5 и 50 коп.

Правительство, однако, опоздало с выпуском разменных марок, ибо на первых порах оно расчитывало справиться с недостатком мелких денег путем усиленной чеканки низкопробного серебра и размещения соответствующих заказов заграницей (в Японии). Недостаток в разменных деньгах сказался раньше, чем население стало тезаврировать серебряные монеты в качестве металла, и в этот первоначальный период разменного кризиса самое явление казалось загадочным не только обывателям, но и многим экономистам. Оно было совершенно правильно об'яснено в 1915 году З. С. Каценеленбаумом, отметившим (в своих статьях в «Русских Ведомостях»), что эмиссии кредитных билетов нарушили нормальное покупюрное строение денежной массы и вызвали затруднения по размену билетов на мелкую монету. Лишь после этого, как всегда бывает в таких случаях, распространилось стремление запастись теми видами денег, в которых ощущался недостаток, что уже и превратило недостаток в разменный кризис, предтечу будущих разменных кризисов, сыгравших крупную роль в истории нашего денежного обращения накануне реформы 1924 года и во время ее проведения. Тезаврирование мелких серебряных монет из тех соображений, что даже билонное серебро лучше бумаги, началось позднее первых затруднений по размену кредитных билетов.

Мы видели, что количество металлических денег составляло накануне войны по преувеличенным данным 738 млн. рублей. В действительности их было, вероятно, в обращении от 500 до 600 млн. руб. Эту сумму пришлось заменить бумажными деньгами, чем уже даны были довольно значительные возможности для эмиссии.

Во-вторых, хозяйственная дезорганизация, вызванная длительной войной, уменьшила значение кредита в народном хозяйстве и вместе с тем сократила значение кредитных документов как платежных средств. У нас значение их всегда было несравненно меньше, чем в странах с высоко-развитым денежным хозяйством, но, тем не менее, до войны они играли в обращении заметную роль. Образовавшаяся пустота была заполнена вновь выпущенными деньгами.

В-третьих, — и это обстоятельство имело, повидимому, исключительно большое значение, бумажные деньги в большом количестве шли в накопление, при чем очень много накопляло в этой форме крестьянство. Уже рост вкладов в кредитных учреждениях и сберегательных кассах показывает, что в то время не боялись еще накоплять в деньгах, несмотря на их обесценение. Сумма вкладов в акционерных банках, составлявшая на 1 июля 1914 г. 2.803 млн. р., увеличилась к 1 января 1917 года до 6.748 м. р., т.-е. на 141%; сумма вкладов в сберегательных кассах возросла за тот же

срок от 1.704 до 3.741 м. р., т.-е. на 120%. Помещение денег во вклады, конечно, не означало из'ятия их из обращения, и мы приводим эти цифры лишь в качестве доказательства того, чтобы накопление могло происходить в денежной форме. Крестьянство, пользуясь исключительно благоприятной конъюнктурой рынка сельскохозяйственных продуктов, усиленно накопляло деньги в порядке непосредственного хранения кредитных билетов, и это происходило не только до 1917 года, но и в 1917 г. и даже в 1918 г. и отчасти еще и в 1919 г.

Здесь уместно будет высказать несколько соображений по вопросу о том, из какого народно-хозяйственного источника государство черпало те средства, которые составляли его «эмиссионный доход». Это—тема старая. Экономическая литература возвращалась к ней всякий раз, как государство при расшатанных финансах начинало покрывать свои расходы при помощи выпуска бумажных денег. В годы войны и революции и наша литература посвятила этому вопросу достаточно внимания. На нем останавливались З. С. Каценеленбаум, С. Н. Прокопович, Е. А. Преображенский, С. А. Фалькнер и др., не говоря уже о том, что в эпоху военного коммунизма даже политические речи и резолюции подчеркивали значение казначейской эмиссии, не только как способа пополнения ресурсов государственного казначейства, но вместе с тем и как способа из'ятия средств у определенных групп населения. В рассматриваемый же дореволюционный период цель была только одна: усиление ресурсов казны. Социально-экономические влияния эмиссии были отраженными ее последствиями и не входили в ее прямые задачи. Мы остановимся лишь очень коротко на этом вопросе, потому что теоретическую схему едва ли возможно было бы заполнить таким статистическим содержанием, которое представляло бы новый интерес. Но самую схему следует воспроизвести потому, что в дальнейшем можно будет отметить, как изменялся тот источник, из которого государство черпало свои эмиссионные доходы. История денежного обращения Советского Союза представляет в этом отношении интересные особенности, о которых нам придется говорить в одной из последующих глав.

Не следует, разумеется, предполагать, что эмиссия бумажных денег становилась источником доходов казначейства лишь потому, что деньги обесценивались или в меру того, как совершалось это обесценение. Наоборот, чем большему обесценению подвергались бумажные деньги, тем труднее было, конечно, извлечь необходимые казне реальные доходы. Вопрос о том, откуда государство черпало свои «эмиссионные доходы» не лежит целиком в круге проблемы о последствиях инфляции. Эти две проблемы лишь отчасти переплетаются,

и это происходит потому, что обесценение денег наступает неизбежно во всех тех случаях, когда правительство сколько-нибудь длительно опирается на эмиссию для покрытия своих расходов. Реальным доходом государства, полученным от эмиссии, являются всякий товар и всякая услуга, приобретенные на вновь выпущенные деньги. Соответствующий расход несет всякий, кто продержал деньги в течение срока, достаточного для того, чтобы они утратили часть своей покупательной силы. Но если,—как это было недолгое время в самом начале войны и потом повторилось еще в 1924 году,—выпуск бумажных денег для покрытия бюджетных расходов не сопровождается их обесценением, государство получает доход, который (до наступления обесценения) никому не причиняет убытка. В народном хозяйстве вследствие каких либо обстоятельств возникает нужда в большем количестве денежных знаков, чем то, которым оно располагало раньше; государство удовлетворяет эту потребность не полноценными металлическими деньгами, а монетами неполноценными и даже бумажными знаками; ему обходится в копейку то, что народное хозяйство, нуждающееся в дополнительных платежных средствах и орудиях сбережениях, принимает со значением и покупательной силой рубля. Это—доход, аналогичный монетному доходу. Нельзя сказать, чтобы он был бременем для какой либо группы населения. Он будет невыгоден для всего народного хозяйства лишь тогда, когда государство непроизводительно израсходует полученные этим способом средства.

Однако обычное течение событий почти неизменно приводит к тому, что использование эмиссии для покрытия государственных расходов сопровождается обесценением денег. А всякое изменение покупательной силы денег влечет за собой перераспределение доходов и капиталов; тогда государство уже не только получает прямой доход от эмиссии, но, как владелец и распорядитель крупнейшего хозяйства в стране, становится еще участником этого перераспределения.

Очевидно, что от падения покупательной силы денег теряют все те, кто получает более или менее неподвижный *денежный* доход или владеет капиталом в какой-либо денежной форме. Выигрывают же прежде всего те, чья *реальная* задолженность уменьшается вследствие возможности вносить проценты по долгу и погашать самый долг обесцененными деньгами; выигрывают еще и те хозяйства, для которых движение цен,—всегда неравномерное для разных товаров,—создает особо благоприятную рыночную коньюнктуру.

Не касаясь множества частностей, можно сказать, что обесценение денег всегда бывает невыгодно для рабочего

класса, заработная плата которого не поспевает за ростом цен, для служащих, оклады которых обычно отличаются чрезвычайной устойчивостью, для всех тех, кто получает какого либо вида социальное обеспечение (пенсии и т. п.) и для рантье, располагающего фиксированным доходом от денежного капитала (облигаций, ипотек и т. п.). Она приносит выгоды землевладельцам и домовладельцам, задолженность которых падает по мере развития инфляции, и, кроме того, тем группам предпринимателей, которые в обстановке растущих товарных цен умеют находить наиболее выгодные способы приложения капитала; в периоды инфляции эта задача разрешается легко и так как снижение реальной заработной платы создает добавочную прибыль, то обесценение денег бывает выгодно для промышленного и торгового капитала в целом, хотя и нужно оговориться, что к концу инфляционного периода обнаруживается обычно фиктивность многих барышей, не инвестированных в реальные ценности.

Эти общие соображения характеризуют и то, что имело место в России до февральской революции. Выиграли прежде всего от инфляции крупные и средние землевладельцы: для них выгодна была кон'юнктура рынка сельско-хозяйственных продуктов; кроме того, по мере обесценения рубля, они постепенно освобождались от огромной ипотечной задолженности, которая без учета ссуд, выданных Земским Кредитным Обществом Царства Польского и дворянскими земельными банками в Тифлисе и Кутаисе, составляла на 1 января 1914 года 1,894 млн. руб. (по Дворянскому Земельному Банку, акционерным земельным банкам и Земельному Банку Херсонской губернии).

Несомненно выигрывала и городская буржуазия, промышленная, торговая, домовладельческая. Последняя сбросила с себя значительную часть ипотечной задолженности городским кредитным обществам и акционерным земельным банкам (1.690 млн. руб. на 1 января 1914 г.); первая и вторая (также освободившиеся от части долгов) в обстановке военного спроса, интересовавшегося размерами и своевременностью поставок гораздо больше, чем качеством товаров и их ценой, имели возможность получать огромнейшие барыши. Многие крестьянские хозяйства тоже были в выигрыше от инфляции (а мы рассматриваем в этом месте последствия одной инфляции, а не всей войны): во-первых, облегчились их платежи Крестьянскому Банку; во-вторых, очень благоприятна была конъюнктура цен на сельско-хозяйственные продукты. Но выгоды извлекали не все слои крестьянского населения и обстоятельства складывались неравномерно в различных районах. Положение значительной части крестьянства нечерноземной полосы приближалось скорее к положению рабочих.

В убытке от процесса инфляции были рабочие и служащие, ибо до февральской революции заработная плата росла значительно медленнее, чем цены. Потеряли от нее и те, кто получал нетрудовой, но фиксированный денежный доход. Но могли ли эти убытки и потери быть достаточными для того, чтобы не только дать барыши другим классам населения, но послужить еще источником эмиссионного дохода государства?—Мы не имеем возможности привести здесь все необходимые данные для подтверждения отрицательного ответа на этот вопрос, ибо это было бы делом целого исследования. Но и без статистических подтверждений совершенно очевидно, что этих убытков и потерь, т.-е. падения реальной заработной платы рабочих и служащих, снижения заработков части крестьян и сокращения реальных доходов рантье было недостаточно для того, чтобы дать те материальные рессурсы, которые пошли в перераспределение, и сверх того составить еще те средства, которые государство приобрело через эмиссию бумажных денег и обратило на финансирование войны.

Если бы инфляция совершалась на основе чрезмерного расширения кредитов не государственной казне для ведения войны, а хозяйственным предприятиям для производства, то последствием инфляции было бы перераспределение в народном хозяйстве капиталов и доходов. Но бумажные деньги выпускались для казны, а казна с хозяйственной точки зрения расходовала деньги непроизводительно. Одновременно совершались таким образом два процесса: во-первых, процесс перераспределения материальных рессурсов между общественными классами и внутри общественных классов (с участием казны в этом перераспределении) и, во-вторых, процесс перехода огромной части материальных рессурсов в распоряжение государства и уничтожение этих рессурсов на фронте и в тылу.

За из'ятые из народного хозяйства материальные ценности государство возвращало народному хозяйству бумажные ценности в виде кредитных билетов и государственных займов. Те барыши, которые часть населения получала благодаря инфляции, помещались затем в огромных суммах в эти бумажные ценности и такие суммы, инвестированные в облигации, или оставшиеся на текущих счетах и в наличных деньгах, в порядочной мере растаяли уже к февралю 1917 года. Но даже и в той мере, в какой они с частно-хозяйственной точки зрения еще не растаяли, они в народно-хозяйственном смысле представляли собою лишь ассигновки на будущие хозяйственные блага. ибо реальное богатство, в обмен на которое они были выданы казной, было уже с'едено, изношено и расстреляно на фронтах и в тылу.

Именно это реальное богатство, которое хозяйственные предприятия превращали в бумажные ценности, и было основным источником эмиссионного дохода.

Отчуждалась в этом порядке не только часть текущих доходов, но и часть капиталов, которые реально не восстанавливались, хотя прибыли были настолько велики, что бумажными ценностями в несколько лет амортизировалось целиком все оборудование предприятий. Машины изнашивались. Запасы сырья и вспомогательных материалов сокращались. Дома ветшали. На железных дорогах не было нормального ремонта. С народно-хозяйственной точки зрения происходила растрата капитала страны.

Источники эмиссионного дохода государства можно свести после сказанного к следующим пунктам:

1. В качестве одного из должников в стране (по старым и вновь заключавшимся государственным займам) казна, подобно всем остальным должникам, сокращала свои реальные платежи по мере того, как обесценивалась та валюта, в которой она должна была платить.

2. В качестве распорядителя крупнейшего хозяйства с многими сотнями тысяч служащих и рабочих (все административные ведомства, почта, телеграф, казенные железные дороги, казенные заводы и проч.) государство, подобно распорядителям других хозяйств, сокращало свои реальные платежи по мере того, как понижалась реальная заработная плата.

3. За бумажные ценности государство получало и расходовало на ведение войны часть текущих народно-хозяйственных доходов, которая при иных условиях обращена была бы в реальное накопление.

4. За те же бумажные ценности государство получало и расходовало часть народно-хозяйственного капитала, который быстро амортизовался на бумаге и слабо амортизовался реально.

Эмиссионные доходы в первые годы войны были велики, потому что все эти источники были еще мало использованы и потому что при существовании еще не расшатанной системы товарно-денежного хозяйства, эмиссия бумажных денег была технически очень легким способом их использования. Основные источники дохода суть те, которые указаны под п.п. 3 и 4. Использование именно этих основных источников должно было становиться тем более затруднительным, чем более обесценивался бумажный рубль.

За время войны золотой фонд Государственного Банка стал сильно уменьшаться в своей реальной части. С 1915 года приходится п' оводить такое разграничение; ибо,

если до войны «золото Государственного Банка заграницей» было вполне ликвидно, то положение изменилось с тех пор, как осенью 1915 года заключено было соглашение с Англией о предоставлении России беспроцентного кредита на сумму в 200 милл. фунтов без права русского правительства распоряжаться этой суммой и единственно с целью увеличения в балансе Государственного Банка суммы по графе «золото заграницей».

Движение золотого фонда за годы войны в основных чертах сводится к следующему [1]).

На 16 июля 1914 г. золото Государственного Банка в в России составляло 1.604 м. р. и заграницей 140 м. р. Всего 1.744 милл. Этим не исчерпывались валютные рессурсы государства и тем более народного хозяйства. Независимо от Государственного Банка, Государственное Казначейство, Иностранное Отделение Кредитной Канцелярии и коммерческие банки имели иностранную валюту на своих счетах в иностранных банках и в заграничных отделениях русских банков. Суммы казначейства и кредитной канцелярии составляли вместе в начале войны около 200 м. р.; они понижались затем во время войны, но к концу 1917 г. (если считать и суммы в германских и австровенгерских банках) снова стояли около той же цифры. Суммы частных коммерческих банков заграницей могли бы быть подсчитаны по архивным материалам, но в настоящее время полной сводки нет. Вероятно и они составляли не менее сотни миллионов рублей. В дальнейшем мы проследим только за судьбой золотого запаса Государственного Банка. Другие суммы, оставшиеся после октябрьской революции заграницей, были отчасти выплачены разным лицам, отчасти задержаны иностранными банками; многие из этих сумм значатся в числе активов СССР по контрпретензиям Советского Правительства, заявленным во время Генуэзской конференции.

За первое полугодие войны (по 1 января 1915 г.) золотой запас уменьшился в целом на 11 м. р. По балансу на 1 января 1915 г. он составляет 1.733 м., из коих «в России»—1.560 м. (уменьшение на 44 м. р.) и заграницей—173 м. (увеличение на 33 м. р.). Основной причиной уменьшения золотого запаса внутри страны была отсылка в октябре 1914 г. в Англию через Архангельск 8 милл. фунтов (75,3 м. р.) вследствие (первого) соглашения с Англией об открытии России кредита в 20 м. фунтов для закупки военного снаряжения с условием передачи Россией золота на

---

[1]) По „отчетам государственного банка“, по запискам проф. Ю. В. Готье в архиве Валютного Управления НКФ СССР и по работе В. Новицкого „Le Stock d'or de la Russie“ в сборнике „La dette de la Russie“ Paris, 1922).

8 м. фунтов стерлингов. Скупка золота внутри страны не могла полностью компенсировать этот расход.

В 1915 г. балансы показывают увеличение золотого запаса. На 1 января 1916 г. золото «в России» составляет 1.614 м. р., т.-е. на 54 м. р. больше, чем на 1 января 1915 г., а золото заграницей 646 м. р., т.-е. на 473 м. р. больше, чем год назад. Весь золотой запас достигает в конце года 2.260 м. р. против 1.733 м. р. в начале его; все приращение равно таким образом 527 милл. Несмотря на такие показания балансов, действительного увеличения фонда однако не было, хотя правительство и принимало меры к усилению скупки золота внутри страны (выдача 30% премии продавцам золота; льготный обмен иностранной валюты на золотые монеты). В конце 1915 г. действовало уже соглашение с Англией от 17/30 сентября 1915 г.,—соглашение, сыгравшее большую роль в судьбе золотого запаса и в его цифровом выражении на балансах Государственного Банка.

Интересующая нас часть этого договора гласила следующее: «Имея в виду соглашение между французским и английским правительствами, в силу которого каждое из них должно держать наготове для вывоза в С.-А. Соединенные Штаты золото на сумму в 40 м. ф. ст., русское правительство соглашается поставить в распоряжение английского правительства золото с тем, чтобы оно вывозилось постепенно и в таких же количествах, в каких золото будет вывозиться для этой же цели французским правительством... Русскому правительству не будет поставлено требование вывезти свыше 20 м. ф. ст. до 31 марта 1916 г. и во всяком случае не свыше 40 м. ф. ст.; вывоз будет производиться по мере надобности, определяемой Английским Банком. Вывозимое таким образом русское золото будет использовано для приобретения беспроцентных казначейских обязательств английского правительства, погашаемых золотом, выпускаемых на сроки в 3, 3½, 4, 4½ года и 5 лет в равном количестве. Русское правительство будет держать означенные обязательства до наступления срока погашения» (§ 2). Эти обязательства и фигурировали на балансе Государственного Банка в составе золотого покрытия, находящегося заграницей. Вместе с тем на основании (§ 6) того же соглашения Великобританское правительство открывало русскому правительству своеобразный кредит для обеспечения билетов Государственного Банка. Параграф 6 гласил: «для обеспечения выпуска кредитных билетов в России и в качестве временной меры до консолидации русского внутреннего долга английское правительство соглашается обменяться с русским правительством равноценными обязательствами в таких размерах, в каких это потребуется для русского правительства на общую сумму в английской валюте не свыше 200 милл.

фунт. ст. Со стороны русского правительства обязательства будут состоять из беспроцентных обязательств государственного казначейства; со стороны английского правительства обязательства будут состоять из открытых кредитов не подлежащих расходованию. Вышеизложенное соглашение имеет силу не более года после заключения мира; к этому сроку равноценные обязательства обоих стран должны быть погашены». Такого рода «золото заграницей» могло быть, конечно, изготовлено в любом количестве, ибо во взаимных обязательствах на суммы не подлежащие расходованию, было не больше металлического обеспечения, чем в той бумаге, на которой печатались обеспечиваемые кредитные билеты.

Возвратимся к балансу Государственного Банка на 1 января 1916 года. В сумму золота в России включено было 94,7 милл. руб. посланных уже в Англию, но еще не прибывших в нее или еще не принятых в ней. Золота, фактически оставшегося в России, было, следовательно, на эту сумму меньше, а золота заграницей было на эту сумму больше. Последнего значилось по балансу на 646 м. р. Из них 567,5 м. р. (60 м. ф.) принадлежат уже к тому фиктивному обеспечению, которое создавалось на основании приведенного выше § 6 соглашения от 17/30 сентября 1915 г. В действительности состояние золотого фонда на 1 января 1916 г. было, следовательно, отнюдь не лучше, а даже несколько хуже, чем на 1 января 1915 г. Золото в России следовало считать не в сумме 1.614 м. р., а на 95 м. р. (с округлением) меньше, т.-е. 1.519 м. р., а золото заграницей—в сумме 646 м. р. плюс указанные 95 м. р. минус фиктивные 567 м. р., что составляет 174 м. р. Таким образом золота в России стало за год на 41 м. р. меньше, а золото заграницей осталось на прежнем уровне (увеличение на 1 миллион). Такой сравнительно весьма благоприятный итог для второго года войны об'ясняется тем, что скупка золота внутри страны давала еще удовлетворительные результаты. Правительство же ставило на баланс фиктивные суммы для того, чтобы рост эмиссии кредитных билетов сопровождался возрастанием золотого обеспечения на балансе Государственного Банка.

На 1 января 1917 г. баланс Государственного Банка обнаруживает уже уменьшение золота в России, а именно 1.476 м. р. против 1.614 м. р. на 1 января 1916 г., но он вместе с тем показывает значительное увеличение по статье «золото заграницей»: 2.141 м. р. против 646 м. р. год назад. Уменьшение золота произошло несмотря на то, что скупка внутри страны продолжалась и премия была повышена от 30% до 45%. В течение года были списаны с суммы «золота в России» (и зачислены в качестве «золота заграницей»)

те 94,7 м. р., которые в предыдущем году были отправлены в Англию и еще такая же сумма, посланная в Англию в 1916 г. (май—июнь) и уже прибывшая по назначению. Но Банк не списал 189,4 м. р., посланных сверх этого в 1916 г. (ноябрь) и не достигших британских портов. Вместе с тем он приписал к золоту заграницей новые суммы фиктивных кредитов. Необходимо поэтому внести соответствующие поправки для получения точной картины состояния золотого запаса на 1 января 1917 г. Золота в России было 1.476 м. р. минус 189 м. р. (с округлением), что составляет 1.287 м. р., а золота заграницей было 2.141 м. р. плюс указанные 189 м. р., посланные уже заграницу, минус 1.892 м. р. (200 м. фунт. фиктивных кредитов), что составляет 438 м. р.

Разница между балансовыми данными и действительным состоянием золотого фонда возрастала по мере того, как удлинялся тот путь, который должно было проходить золото, отправлявшееся из Государственного Банка в Английский Банк. «Путь,—пишет в своей записке проф. Ю. В. Готье,— был очень длинен. Опыт отсылки 75 м. р. золотом в конце 1914 г. непосредственно в Англию на английских военных судах через Архангельск—Ливерпуль показал, что это слишком опасное предприятие; на пути судов, везших золото, были обнаружены германские мины. Чтобы избежать опасности потопления все дальнейшие отсылки совершались в Канаду (где после начала войны Английский Банк держал часть своего золотого запаса. *Л. Ю.*); через Владивосток—Ванкувер золото отправлялось в Оттаву; переезд через Тихий Океан производился на японских военных судах. Такой порядок был применен при отсылке 189,4 м. р. в мае—июне 1916 г. и вторично в ноябре 1916 г. при второй отсылке такой же суммы, которая в балансе на 1 января 1917 г. значилась в пути. По приемке золота в Оттаве и по получении официальных сведений об этом в Лондоне, Английский Банк формально подтверждал получение золота и только по получении такого подтверждения российский Государственный Банк списывал соответствующую сумму из графы «золото внутри страны» и переносил ее в графу «суммы золотом заграницей». Для всей процедуры пересылки золота, формального процесса его приемки и получения подтверждения требовался очень значительный срок. Этим об'ясняется, почему золото, фактически отосланное в ноябре 1916 г., фактически списано с графы «золото в России» только между 8 и 23 июля».

Ко времени февральской революции на балансе Государственного Банка произошли ничтожные перемены. Но фактические перемены снова имели место в феврале 1917 г., когда заграницу для Англии опять посланы были 189 м. р. Последние полные балансовые данные имеются на

8 октября и этот баланс берется в записке проф. Ю. В. Готье, в качестве конечного перед октябрьской революцией.

По балансу на 8 октября золото в России составляло 1.295 м. р. и золото заграницей—2.309 м. р. К этому балансу необходимо сделать поправки, аналогичные тем, которые сделаны были к предыдущим балансам. С суммы золота в России должно быть списано еще 189 м. р., отправленных для Англии в Канаду (в феврале 1917 г., все предыдущие отправки были уже списаны к этому времени) и сверх того 5 м. р., отправленных в Швецию в обеспечение полученных кредитов. Эти суммы должны быть прибавлены к золоту заграницей. Но из последнего в свою очередь следует вычесть все фиктивные английские кредиты. Тогда сумма золотого запаса в России составит 1.101 м. р., а сумма золота заграницей 612 м. р.

Для большей ясности воспроизведем все эти данные в виде двух табличек.

Золотой запас Государственного банка
в млн. рублей

По балансам	16/VII—1914 г.	1/I—1915 г.	1/I—1916 г.	1/I—1917 г.	16/III—1917 г.	8/X—1917 г.
Золото в России . . .	1 604	1 560	1 614	1 476	1 479	1 295
„ за границей .	140	173	646	2 141	2 141	2 309
Всего . .	1 744	1 733	2 260	3 617	3 620	3 604

То же с внесением поправок на отсылки золота заграницу и на английские кредиты по соглашению 17/30 сентября 1915 г.

	16/VII—1914 г.	1/I—1915 г.	1/I—1916 г.	1/I—1917 г.	16/II—1917 г.	8/X—1917 г.
	1 604	1 560	1 519	1 287	1 101	1 101
	140	173	174	438	647	612
Всего . .	1 744	1 733	1 693	1 725	1 748	1 713

Последняя таблица ясно показывает, что совершилось в действительности с золотым фондом в течение войны. Общая сумма золотого фонда осталась почти без изменений. Но полмиллиарда рублей золотом перекочевало из России заграницу. Сумма в 612 милл., показанная как реальная часть золота заграницей на 8 октября 1917 г., состояла из следующих частей: 378 м. р., отосланные в конце 1915 г., в мае—июне 1916 г. и в ноябре 1916 г.; сверх того 189 м. р., посланные в Канаду в феврале 1917 г. и до октябрьской революции не списанные с баланса Государственного Банка; 5 м. р. депонированные в Швеции и 40 м. р., состоявшие у заграничных банкиров по разным расчетам. Итого 612 м. р.

Из этих сумм, таким образом, в Англию было послано 567 м. р. Однако эти 567 милл. если и были реальны, то лишь весьма условно, ибо они во всяком случае были совершенно неликвидны: они состояли из обязательств английского казначейства, которые могли быть превращены в валюту только по истечении довольно продолжительных сроков. В сумму 567 м. р. не вошла первая отправка в Англию 1914 г. 8 м. фунтов (75,6 м. р.), которая обращена была не на покупку обязательств английского казначейства, а была передана, при получении кредитов, на основаниях, юридический характер которых не представляется достаточно ясным. Всего в Англию послано было 643 м. р. Убыль «золота в России» была меньше этой суммы, составив всего полмиллиарда, ибо, как указано выше, в течение войны продолжалась скупка золота и золотых монет.

Мы привели здесь данные вплоть до октябрьской революции потому, что за месяцы пребывания у власти Временного Правительства в фактическом состоянии золотого запаса произошли лишь несущественные изменения. Но состояние всего финансового хозяйства изменилось к худшему в течение этого периода с головокружительной быстротой и денежная система приходила все в больший упадок.

Хозяйственная разруха превращается в эти месяцы в полный развал. Разрыв старых социальных связей,—основной процесс этого периода,—совершается настолько быстро, как может быть никогда еще в истории человечества. Он распространяется на армию, на транспорт, на фабрики, на административные аппараты, на органы самоуправления и т. д. Н. И. Бухарин формулировал в 1920 году признаки прохождения через эту стадию политической и социальной революции в своей «Экономике переходного периода» (стр. 46 и след.). Он формулировал свои положения, как «общую теорию трансформационного процесса». Вопрос о том, насколько эти положения общезначимы, имеет совершенно самостоятельное значение и у нас нет повода останавливаться здесь на нем. Применительно к исторической действительности 1917 года и отчасти еще ближайших последующих лет эти положения были во всяком случае верны. Борьба этого периода, лозунги этой борьбы, мероприятия, принимавшиеся различными группировками против государственной власти, и мероприятия самой государственной власти могут быть поняты в своем действительном значении лишь в том случае, если учитывать, что период не был еще реконструктивным, а был прежде всего деструктивным. Но разрушительная работа проводилась одними сознательно для того, чтобы направить революционный процесс к дальнейшему

его фазису и через него до того предела, которого он, как оказалось, мог достигнуть в существовавшей исторической обстановке, другими она проводилась полусознательно, а третьими—безсознательно, в предположении, что ими совершается уже не деструктивное, а конструктивное дело.

Впрочем, одни и те же явления нередко и задерживали и развивали процесс разложения старых общественных связей. Комитеты в армии, при утрате командным составом авторитета и власти, были организацией, благодаря которой в течение некоторого периода времени старая армия могла еще кое как существовать; и вместе с тем они же окончательно разрушали прежние иерархические отношения и самую армию. То же было в промышленных предприятиях с фабрично-заводскими комитетами, особенно в тех случаях, когда последние брали на себя функции контроля и отчасти даже управления: создавались отношения, при которых работа предприятия могла еще временно продолжаться с участием старой администрации; и вместе с тем новые организации вели к полному разложению прежних социальных отношений в предприятии. Эти явления наблюдались всюду, где рушились старые организационные формы.

Стихийный процесс разложения совершался в огромном организме с силою, которая стала непреодолимой, особенно в виду того, что вооруженные массы требовали окончания внешней войны, а правительства, сменявшие друг друга от февраля до октября, упорно настаивали на ее продолжении. Процесс был настолько напряженным, что все действия, в чем бы ни заключалось их суб'ективное устремление, оказывались об'ективно направленными в сторону разрушения старого порядка. Все органы власти и управления утрачивали свое влияние, дисциплина, на которой построено было течение хозяйственной жизни в ее старых формах, разлагалась, старое право рушилось, а новое еще не выростало, производительность труда падала, как вследствие ухудшения материальных условий производства (особенно в виду недостатка топлива и сырья), так и вследствие того, что вся общественная обстановка отрывала от напряженного хозяйственного труда. Здесь не место для описания общего процесса хозяйственного разложения и его результатов. В отношении промышленности Н. Воробьев сделал известную попытку исчисления общих итогов производства за 1917 г. по сравнению с предыдущими годами и с 1917 г. (В «Вестнике Статистики» за 1923 г. кн. XIV). По его расчетам продукция одного рабочего в промышленности по ценам 1913 г. упала от 3.017 р. в 1916 г. до 2.022 р. в 1917 г. Даже в таком виде цифра показательна, но она сама по себе не дает достаточного представления о том, что действительно имело место в течение этого года, начало которого по состоянию

народного хозяйства было безконечно далеко от его конца. Для следующего, 1918 года Н. Воробьев дает цифру 521 руб. Начало 1917 г. было ближе к цифре 1916 г., конец 1917 г. стал уже склоняться к цифре 1918 г. Процесс разложения протекал очевидно с необычайной быстротой. То же совершалось на транспорте. Падение производительных сил обострилось в сельском хозяйстве, где шло овладение помещичьей землей. Недостаток в топливе становился все более угрожающим. Продовольственное дело пришло в катастрофическое состояние. С. Н. Прокопович докладывал 16 октября 1917 г. Временному Совету Республики содержание телеграммы главнокомандующего северного фронта генерала Черемисова, которая гласила, «что лошади падают от недостатка фуража», что «хлебопечение прекращается по недостатку муки», и требовала присылки муки и фуража «не маршрутными, а пассажирскими поездами». В средине октября в Петрограде оставалось муки на 7—8 дней с учетом ожидавшегося подвоза и при норме потребления в $^3/_4$ фунта в день. Хлеб, шедший в Петроград, подвергался в пути разграблению. С. Н. Прокопович рассказывал в той же речи, что из 400 тыс. пудов, направленных в сентябре в столицу по Мариинской системе, «задержано или разграблено около 200 тыс. пудов», о чем донесено было телеграммой, кончавшейся следующими словами: «комиссар и продовольственная управа, во избежание расхищения, взяли разгрузку на себя; разгрузка идет организованно, эксцессов нет». (С. Н. Прокопович «Народное хозяйство в дни революции. Три речи», Москва, 1918 г., стр. 47, 49, 50, 51). В октябре государственной власти уже почти не существовало.

Само собой разумеется, что процесс распада сопровождался разложением финансового хозяйства и неизбежным при этом условии развалом денежной системы.

Временное Правительство продолжало получать военные кредиты заграницей и ему удалось разместить (почти исключительно на внутреннем рынке) «заем свободы», который дал казначейству 4.053 млн. рублей. Но расходы росли по мере того, как расштатывался весь государственный механизм, а поступление налогов, повидимому, сильно ухудшалось, хотя вполне достоверных отчетных данных об этом у нас нет (ср. доклады директора департамента государственного казначейства Г. Д. Дементьева в Экономическом Совете при Временном Правительстве, «Стенографические Отчеты», № 4 26/VII, № 5, 3/VIII 1917 г. и «Вестник Финансов» № 39, 1/X—1917 г.), а свидетельства печати и финансистов довольно противоречивы. «Торгово-Промышленная Газета» утверждала летом (3/VI—1917 г.), что «замедление поступлений касается только прямых налогов, тогда как косвенные поступают вполне исправно», что было довольно

вероятно. Проф. С. Загорский утверждал двумя месяцами позднее («День», 5 августа 1917 г. № 127), что «нельзя сказать, чтобы сильно уменьшилось... поступление доходов в казну». Но проф. М. Н. Соболев спустя несколько дней рисовал на «московском совещании общественных деятелей» (8—10 августа 1917 г.) очень мрачную картину: «По данным, которые я в качестве комиссара финансовых учреждений затребовал от Харьковского казначейства,—говорил он,—оказывается, что за четыре месяца революции вся податная машина почти остановилась. Поступления налогов заметно сократились. Не только государственное казначейство видит перед собою почти пустоту, но и местные финансы находятся в величайшем затруднении... Причины лежат в двух плоскостях: с одной стороны, я бы сказал, причины психологические, причины лежащие в... распаде социально-политической связи... Второй момент связан с экономической жизнью страны». Около того же времени министр финансов Временного Правительства Н. В. Некрасов приводил на Государственном Совещании в Москве (13 августа 1917 г.) следующие данные о налогах: поземельный налог упал на 32% по сравнению с 1916 годом, налог с городских недвижимых имуществ на 41%, квартирный на 43%, промысловый на 19%, военный на 29%, наследственный на 16%, страховые пошлины на 25% и т. д. («Новый Экономист» № 33—34, 1917 г.). Однако, эти данные, судя по тому, что докладывал Экономическому Совету Г. Д. Дементьев, могли быть лишь предварительными и едва ли отличались большой точностью. Как бы то ни было дело шло, очевидно, к разложению налоговой системы и в сентябре проф. И. Кулишер тоже констатирует, что «в последние три месяца... замечались сокращения в налоговых поступлениях, рост недоимок, отказ сельских обществ от раскладки податей» («Торгово-Промышленная Газета» 3 сентября 1917 г. № 191).

Отличалось ли разложение налоговой системы большей или меньшей остротой, заключался ли корень зла преимущественно в том, что увеличились расходы, или в том, что сокращались доходы, но положение казначейства во всяком случае сводилось к тому, что Временное Правительство должно было резко усилить использование печатного станка.

Дефицит, который покрывался казначейской эмиссией бумажных денег, был настолько велик, что Временное Правительство не могло уже ограничиться выпуском кредитных билетов прежних образцов. Техника их печатания была слишком сложна. Были пущены в обращение новые кредитные билеты достоинством в 250 и 1.000 р. и казначейские знаки в 20 р. и 40 р. (так назыв. «керенки»),—знаки мелкого формата, печатавшиеся сразу на больших листах бумаги и целыми листами выдававшиеся из государственного казначейства.

На 1 марта 1917 г. в обращении было 10.044 м. р. В среднем за январь и февраль было выпущено по 390 м. р. при средне-месячной эмиссии всего предыдущего (1916) года в 300 м. р. Эмиссия при Временном Правительстве составляла:

За	март	1917 г.	1 123,6	млн. р.
„	апрель	„	476,0	„ „
„	май	„	738,5	„ „
„	июнь	„	874,8	„ „
„	июль	„	1 080,0	„ „
„	август	„	1 286,6	„ „
„	сентябрь	„	1 954,4	„ „
„	октябрь	„	1 999,5	„ „

На 1 ноября 1917 г. общее количество денег в обращении составляло 19.577,4 м. р. За эти восемь месяцев денежная масса таким образом почти удвоилась. Для извлечения эмиссионного дохода обстановка становилась все менее благоприятной. Очень крупные эмиссионные доходы удавалось получать только при помощи необычайного увеличения ежемесячных выпусков.

В условиях этой хозяйственной разрухи, несмотря на продолжавшееся накопление бумажных денег крестьянством и все большее вытеснение сделок в кредит сделками за наличный расчет, потребность оборота в деньгах стала быстро падать. Реальная ценность всей денежной массы, составлявшая на 1 марта 3.188 млн. руб., понизилась на 1 ноября до 1.919 млн.. И в то время, как количество бумажных денег в обращении возросло на 90%, цены товаров увеличились в среднем на 224%. Новые нажимы на эмиссию давали относительно все худшие результаты.

Однако, эти нажимы были настолько сильны, что та общая сумма ценностей, которая была извлечена при Временном Правительстве из оборота при помощи эмиссии оказалась огромной. Она составила в довоенных рублях (по индексу Статистики Труда) около 1.735,6 м. р., т.-е. в среднем почти по 217 м. р. в месяц. В этом смысле на период от февральской до октябрьской революции приходится максимальное использование эмиссии. После этого, как мы увидим в следующей главе, началось быстрейшее падение этой выручки.

Такое использование эмиссии не могло, конечно, пройти для бумажного рубля даром. Индекс товарных цен составлял на 1 марта 315. На 1 ноября он достиг 1.020. Другими словами цены, утроившиеся за время от возникновения войны до февральской революции, более чем утроились в промежуток времени от февральской революции до октябрьской. К моменту октябрьского переворота покупательная сила рубля не достигала уже 10 довоенных копеек. Если и до революции условия войны, трудности снабжения армий и работавших на нее отраслей промышленности и все последствия инфляции вызвали в целом ряде случаев регулирование

производства, торговли и цен, то при Временном Правительстве процесс регулирования не мог не продвинуться еще значительно вперед и не обнаружить тенденции к вытеснению самых форм товарно-денежного хозяйства.

Уже 3 апреля 1917 г. совещание делегатов советов рабочих и солдатских депутатов в Петрограде заявляло, что Временное Правительство должно «планомерно регулировать всю хозяйственную жизнь страны, организовав все производство, обмен, передвижение и потребление под непосредственным контролем государства» («Известия по Продовольственному Делу» № 1 (32) стр. 3), а в мае 1917 г. Петроградский Совет требовал постановки «задачи планомерной организации народного хозяйства и труда» и заявлял в своем постановлении, что «от анархического производства, от частных синдикатов настало время перейти к работе народнохозяйственного организма по заданию государства, под его контролем и даже прямым руководством (цит. по Вл. Сарабьянову, «Экономика и экономическая политика СССР», Москва, 1924 г., стр. 74,75). Эта задача в действительности была поставлена во всем об'еме лишь год спустя, но мероприятия, приближавшие к ее разрешению, принимались уже и в 1917 г. Мы должны остановиться вкратце на этих мероприятиях, ибо они предопределяли дальнейшую судьбу денежной системы. Они относились по преимуществу к регулированию того типа, которое направлено к ограничению сферы товарно-денежного хозяйства и заключает в себе такие начала, развитие коих ведет, если не к ликвидации денежной системы, то к неизбежному ее загниванию.

Самый крупный и решительный шаг в этом направлении сделан был в области продовольственного дела. Мы имеем в виду закон о введении хлебной монополии, изданный вскоре вслед за февральской революцией под названием постановления «о передаче хлеба в распоряжение государства». Мы уже видели выше, чем обусловлено было введение хлебной монополии и как оно было подготовлено продовольственной политикой 1915 и 1916 года. «Все количество хлеба, продовольственного и кормового, урожая прошлых лет, 1916 года и будущего урожая 1917 года, за вычетом запаса... необходимого для продовольствия и хозяйственных нужд владельца, поступает... в распоряжение государства и может быть отчуждаемо лишь при посредстве государственных продовольственных органов», гласила ст. I закона 25 марта 1917 г. Проведение этого закона в жизнь представляло огромные трудности и понадобились годы, а не месяцы для того, чтобы он,—уже в иной социальной обстановке,—был осуществлен более или менее полно.

Монополия может проводиться в разных хозяйственных условиях и в различных формах. Очень важной особен-

ностью хлебной монополии, установленной законом 25 марта, было то, что она передавала хлебные излишки в распоряжение государства по твердым ценам, которые были ниже рыночных. Правда, к концу лета 1917 г. под давлением земледельческих классов твердые цены были резко повышены, но это лишь временно и не повсеместно изменило характер монополии. А раз государство присваивало хлеб по твердой цене, оно не могло уже уклониться от обязательства предоставлять крестьянству предмсты промышленного производства по таким ценам, которые тоже были бы ниже рыночных цен. Уже через несколько дней после издания закона «о передаче хлеба в распоряжение государства» Временное Правительство подписывает постановление «об организации посевной площади» (от 28 марта 1917 г.), предусматривающее особый порядок «обеспечения сельскохозяйственного производства металлом, орудиями и прочими средствами производства». Еще месяц спустя (23 апреля 1917 г.) издается постановление о реквизиции сельскохозяйственных машин и орудий и запасных частей на железнодорожных станциях. Тогда же (постановление Временного Правительства от 24 апреля 1917 г.) учреждается комиссия «для выяснения условий снабжения населения предметами широкого потребления,—по преимуществу продуктами промышленности, как-то: металлами и металлическими изделиями, кожей и кожевенными изделиями, сахаром, чаем, керосином, мылом, тканями и бумагой». В мае учреждается министерство продовольствия. В июне Временное Правительство издает распоряжение министру продовольствия «о приступе к организации снабжения населения тканями, обувью, керосином, мылом и другими продуктами и изделиями первой необходимости». В министерстве продовольствия организуется специальный отдел по распределению промышленных изделий по твердым ценам. В августе (25/VIII) министру продовольствия предоставляется право требовать от всех производящих или продающих ткани заведений сообщения всех сведений, касающихся их деятельности, требовать принятия и исполнения заказов министерства продовольствия преимущественно перед всеми прочими заказами, ограничивать производство тканей определенными сортами, брать на учет все имеющиеся ткани, назначать реквизиции тканей, издавать правила продажи и распределения тканей среди населения.

Регулирование усиливалось и в отношении других отраслей промышленности: мукомолье, маслобойная промышленность, кожевенная промышленность, сахарная промышленность, бумажная промышленность, металлическая промышленность и др. постепенно подпадали под действие новых законов и административных распоряжений. Чем напряженнее было положение на рынке какого-либо товара, тем

радикальнее были регулирующие мероприятия. Поэтому-то в отношении твердого минерального топлива они зашли так же далеко, как и в отношении хлеба. 16 июля 1917 г. было издано постановление «о передаче донецкого топлива в распоряжение государства и о государственной монополии торговли донецким топливом». Это была почти полная монополия в отношении угля, ибо Домбровский бассейн в это время находился в распоряжении Германии, а другие бассейны, как известно, не имели большого значения. «Все топливо, находящееся на рудничных складах, и все топливо, которое будет добыто и произведено в Донецком бассейне на угольных и антрацитных копях... фабриках и коксовых печах,—гласило постановление,—после введения в действие настоящего положения поступает в распоряжение государства». Оно распределяется между потребителями «на основании составленного подлежащими органами Особого Совещания по топливу плана распределения».

Регулирование заключалось главным образом в установлении твердых цен, более низких, чем рыночные цены, и в «плановом распределении», т.-е. в распределении, ликвидирующем действие регуляторов товарно-денежного хозяйства. Речь на деле не шла, да и не могла итти в этот период разложения производительных сил о рационализации хозяйственных процессов, как процессов прежде всего производственных, а лишь о распределении того, что уже имелось, или еще производилось в народном хозяйстве. Хотя и создавались постепенно элементы планового хозяйства, но исключительно планового хозяйства «распределительного» типа, т.-е. того, которое не может не установиться в осажденной крепости, где наступают голод и холод. Усилия этого периода направлены были уже не к регулированию, а к преодолению рынка. Потому-то мы и отмечаем их здесь. Все то, что сделано было в этом направлении в течение описанного времени, подготовляло наступление следующей эпохи, когда поставлена была проблема уничтожения денег.

Впрочем, в период Временного Правительства регулирование и «плановое распределение» сделало больше успехов в декларациях и законах, чем в практической жизни. В народном же хозяйстве устанавливался все больший хаос. В средине сентября последний министр продовольствия Временного Правительства С. Н. Прокопович говорил на Кооперативном с'езде в Москве (11/IX—1917 г.): «Мы на границе отчаяния... И уже теперь я, как экономист, могу предвидеть тот месяц, когда мы окончательно экономически развалимся»... К экономическому развалу присоединялось быстрое разложение армии. Новая революция становилась неизбежной. Наступил конец октября.

Глава I.

ДЕНЕЖНАЯ ПОЛИТИКА ЭПОХИ ВОЕННОГО КОММУНИЗМА.

К концу 1917 года система денежного обращения была настолько расшатана, что ни в какой обстановке нельзя было помышлять о сколько-нибудь быстром ее восстановлении. Действительные же условия существования Советской России в течение первых четырех лет,—условия политические и хозяйственные,—сложились так, что денежная система должна была подвергнуться еще большему разложению. Здесь необходимо дать краткий очерк этих условий и созданной ими экономической системы [1]).

Прежде всего надо подчеркнуть, что мы бы вступили на путь ошибочных суждений о той обстановке, в которой развивалась денежная политика в течение 1918—1920 годов, если бы стали рассматривать хозяйственную систему этой эпохи только, как метод организации войны. Эта система, конечно, теснейшим образом связана была с войной,—как с предшествовавшей ей мировой войной, так и особенно, разумеется, с войной гражданской. Но было бы заблуждением видеть в этой системе только пролетарский аспект военно-государственной организации хозяйства, той организации, которая в виде государственного капитализма характеризовала экономическую систему Германии в годы мировой войны, а в виде военного коммунизма характеризовала де советское хозяйственное устройство в 1918—1920 годы. Так называемый «военный коммунизм» имел и иные, очень глубокие истоки. Существеннейшие нити идеологических влияний тянутся, как известно, на Запад. Другие нити тянутся вглубь нашей собственной истории и им несомненно принад-

[1]) Система военного коммунизма установилась не сразу. Небольшой период от Октябрьской революции до лета 1918 г. носил переходный характер и финансовая политика помышляла даже об укреплении денежной системы, не имея, правда, средств что-либо предпринять в этом направлении.

лежало очень крупное значение. Однако, о них мы не будем здесь говорить. События слишком близки для того, чтобы можно было рассмотреть их в надлежащей перспективе и поставить их в правильную связь со всем историческим прошлым народа, совершившего на протяжении нескольких лет социальный переворот небывалых размеров. Анализ этих влияний и их относительного значения—дело будущего. Мы ограничимся упоминанием об условиях более близких, достаточно выясненных и, кажется, несомненных.

Российский пролетариат (или, по крайней мере, тот слой его, который уже ранее принимал участие в политической борьбе) и его вожди вошли в революцию с определенной социальной идеологией. Если и без определенной идеологии, то с определенными социальными требованиями, настроениями и чувствами в революцию вошли также крестьянство и многочисленные промежуточные слои населения, которым иногда нет названия, но которые играют в бурные эпохи истории очень крупную роль.

Основы идеологии и даже практической программы пролетариата даны были в «Манифесте Коммунистической партии», вторая глава которого кончается следующими, так много раз цитированными словами:

...«первым шагом рабочей революции должно быть возвышение пролетариата на степень господствующего класса, завоевание демократии. Пролетариат воспользуется своим политическим господством, чтобы постепенно отнять у буржуазии весь капитал, чтобы централизовать все орудия труда в руках государства... Конечно, сначала это может совершиться только путем деспотических вторжений в право собственности и в буржуазные условия производства, следовательно, путем мероприятий, которые с экономической точки зрения кажутся недостаточными и ненадежными, но которые в ходе движения перерастут самих себя и неизбежны, как средство для преобразования всего способа производства». Затем следует краткое перечисление общих мер, которые «могли бы почти повсюду быть приняты» «в наиболее цивилизованных странах» («Коммунистический манифест», перевод с предисловием Д. Рязанова, третье издание). Среди этих мер были указаны: экспроприация поземельной собственности; уничтожение права наследства; централизация кредита в руках государства посредством национального банка с государственным капиталом и исключительной монополией; централизация транспорта в руках государства; увеличение числа государственных фабрик и орудий производства, возделывание и улучшение полей по общему плану; одинаковая трудовая повинность для всех, учреждение промышленных армий, соединение земледельческого труда с промышленным и т. д.

Все это стало проводиться в жизнь после октябрьской революции, и очень многое в течение первого же года после октября. Правда, в Коммунистическом Манифесте нет очень многого из того, что стало особенностью системы военного коммунизма, но сами авторы программы, К. Маркс и Ф. Энгельс, указывали, что «мероприятия будут, конечно, различны в различных странах». Хозяйственное переустройство стало совершаться в обстановке, которую и самое проницательное прозрение не могло в точности предвидеть за 70 лет до Октябрьской революции. Основные признаки ее перечислены в дальнейшем.

Крестьянство требовало раздела земли. В этом требовании не было еще ничего социалистического, но оно шло рука об руку с требованиями промышленного пролетариата постольку, поскольку тем самым, и в городе, и в деревне выдвигался общий лозунг экспроприации имущих классов. К этому лозунгу примкнули и промежуточные слои, о которых упомянуто выше. Если даже французская революция, в которой победительницей была буржуазия, пробудила пафос уничтожения высших классов, все более разгоравшийся по мере того, как развивалась борьба за удержание власти, то такой же пафос появился в российской революции, в которой победа досталась рабочим и крестьянам и в которой гражданская война была во всяком случае не менее напряженной, чем во Франции в конце XVIII столетия. Пафос уничтожения имущих классов сыграл в эпоху военного коммунизма огромную роль и тот, кто стал бы игнорировать его, никогда не сумел бы найти полное об'яснение не только многим эпизодам, но и некоторым организационным построениям описываемого времени. Стремление этой фазы революции национализировать все предприятия, уничтожить всякую частную собственность на орудия производства и даже на предметы потребления, некоторые ее тенденции в области политики распределения и т. д. не могут быть поняты без учета того обстоятельства, что усилившаяся во время мировой войны напряженность классовых противоречий дошла во время гражданской войны до величайшего ожесточения.

При наличии таких предпосылок нельзя было ожидать, что новая революционно-социалистическая власть захочет и сможет поставить только вопрос о мерах к постепенной социализации. Все толкало на путь радикальных решений и вело к коренному социальному переустройству.

Мы отметили в первой главе, что к осени 1917 года в народном хозяйстве России имелось уже множество элементов, разрушавших систему товарно-денежного хозяйства и тем самым побуждавших строить и усложнять систему государственного регулирования того особого типа, который был осуществлен в последующие годы и о признаках

которого речь будет еще впереди. На соответствующие мероприятия дореволюционного и особенно Временного правительства, проведенные или предположенные, прокламированные властью, или потребованные от власти, мы ссылаемся здесь не для того, чтобы показать, что уже до Октябрьской революции был накоплен некоторый опыт регулирования и что Советская власть могла итти по наметившемуся пути. Дело не в этом, ибо ни опыты военного времени, ни опыты Временного правительства не могли окрылить кого-либо радужными надеждами. А дело в той внутренней логике, которая присуща всякому хозяйственному процессу и которая проявляется с непреодолимой силой, лишь только экономическое развитие вступило на определенный путь. Нет более яркого примера, чем регулирование цен, о котором мы писали в первой главе. То, что происходило в годы войны и в месяцы Временного правительства в области регулирования народного хозяйства, было не «примером» для последующей эпохи, а составляло первые звенья закономерного ряда. И этот ряд не был пересечен в эпоху военного коммунизма никакой другой линией, ибо хозяйственная и политическая обстановка укрепляла значение мероприятий по переустройству всей экономической системы.

Для направления экономической политики в эту сторону имело очень крупное значение то обстоятельство, что товарный рынок, денежный рынок и денежная система были глубоко деформированы к концу 1917 г., что события 1917—1918 гг. продолжали разрушать их и что в таких условиях трудно было проводить план строительства социализма на основе товарного производства и денежного обмена, как это сделано было после перехода к новой экономической политике. В направлении к ликвидации товарно-денежного хозяйства толкала также растущая убыточность промышленных предприятий. В период дореволюционный война принесла промышленникам огромные барыши. В период Временного правительства картина стала пестрой: кон'юнктура рынка оставалась очень выгодной, но во внутренней жизни предприятий наступал развал и условия их снабжения становились все более тяжелыми. Положение ухудшилось в 1917—1918 г., ибо революционное овладение рабочим классом промышленными предприятиями не могло, конечно, совершаться безболезненно. Весь первый этап реорганизации управления промышленностью, начавшийся стихийно еще при Временном правительстве и проводившийся Советской властью в 1917—18 г.,—этап рабочего контроля,—был в действительности (по крайней мере в подавляющем большинстве случаев) мерой овладения промышленными предприятиями, т. е. подготовительной мерой к полному переходу их в распоряжение государства,

а не мероприятием по усилению работоспособности промышленности. Хотя надо признать, что, при настроениях рабочих масс после революции, без рабочего контроля, вероятно, во многих случаях вообще не могло иметь места никакое производство.

При деформации рынка, при разложении предприятий, при быстром обесценении денег, при постепенной утрате даже способов определения рентабельности, при условии, когда без всякого ее исчисления можно было смело сказать, что все предприятия стали или становятся убыточными,— при наличии всех этих обстоятельств линия на систему военного коммунизма представлялась даже линией наименьшего сопротивления.

И, наконец, гражданская война,- самая разрушительная из всех войн,—при полной изолированности от внешнего мира, при искромсанности государственной территории и оторванности районов сырья, топлива и переработки друг от друга, при крайней истощенности всех материальных ресурсов страны, при предоставлении последних запасов преимущественно армии и при замиравшем транспорте, делала движение в сторону военного коммунизма все более неизбежным, а движение в иную сторону,—до окончания войны,—все менее возможным.

Однако, лишь все вместе взятое создало ту хозяйственную систему, которая существовала в течение 1918—1920 гг. Эта система не была продуктом одних военных условий и иных стихийно действовавших сил. Она была также продуктом определенной идеологии, реализацией социально-политического замысла, построившего хозяйственную жизнь страны на совершенно новых началах.

Краткий период военного коммунизма характеризуется необычайной напряженностью работы в области реорганизации всех учреждений, видоизменения всех экономических отношений, разрыва прежних связей и установления новых, пересмотра старых принципов, разрушения традиций и т. д. Эта работа не приостанавливалась ни на один миг, и едва ли она даже сколько-нибудь существенно замедлялась в отдельные периоды рассматриваемой эпохи. Реорганизации следовали одна за другой, и нельзя поэтому искать систему военного коммунизма в том, что было твердо запечатлено в какой-либо определенный момент. Ее можно только «сконструировать» из отдельных элементов, находившихся в постоянном движении, и мы должны учитывать не только то, что успело уже воплотиться в действительной жизни, но и то, что оставалось еще одним лишь волеиз'явлением государственной власти. В нашем исследовании никак нельзя отвлечься от этих волеиз'явлений, ибо для направления денежной политики они имели самое существенное значение.

Несколько последующих страниц имеют целью сообщить сжатое описание основных принципов системы военного коммунизма; без такого описания мы не могли бы дать историю денежной политики этого периода.

Первый принцип заключался в том, что все средства производства принадлежат государству. Этот принцип не был осуществлен до самого конца. Однако, исключения были не очень велики (как мы увидим ниже) и, если принцип был сужен некоторыми исключениями, то он с другой стороны был и расширен, ибо национализации и экспроприации коснулись не только тех материальных ресурсов, которые можно считать средствами производства. Соответствующие акты относятся главным образом, но не исключительно, к 1918 году: декрет о социализации земли от 26 октября 1917 г., декрет о национализации банков от 14 декабря 1917 г., декрет о национализации водного транспорта от 26 января 1918 г., декрет об аннулировании займов от 28 января 1918 г., декрет о национализации внешней торговли от 23 апреля 1918 г., декрет о национализации крупной промышленности от 28 июня 1918 г., декрет о внутренней торговле от 21 ноября 1918 г., декрет о национализации Московского Народного (кооперативного) банка от 7 декабря 1918 г., постановление о национализации мелкой промышленности от 29 ноября 1920 г. Последнее постановление (Президиума Высшего Совета Народного Хозяйства) об'являло национализированными промышленные предприятия с числом рабочих свыше 5, при наличии механического двигателя, и свыше 10, при отсутствии механического двигателя. Однако, фактически было национализировано множество и более мелких предприятий и перепись 1920 года показала в числе государственных предприятий более одной седьмой заведений с одним рабочим (см. Л. Крицман «Героический период великой русской революции», стр. 62—64). За исключениями совершенно ничтожными все средства производства в промышленности, в транспорте, в торговле и земля—основное средство производства в сельском хозяйстве—перешли в распоряжение государства. Часть бывших помещичьих хозяйств была превращена в «совхозы», т.-е. тоже находилась со всеми своими средствами производства в распоряжении государства. Что касается средств производства крестьянских хозяйств, то они подверглись лишь перераспределению через «комитеты бедноты» (декрет 11 июня 1918 г.). Перехода этих средств производства в распоряжение государства не произошло и государство подошло к концу эпохи военного коммунизма к крестьянскому хозяйству с другой стороны. Зато в распоряжение государства поступили не только средства производства, но и другие материальные ресурсы, как весь город-

ской жилищный фонд, кое что из жилищного фонда в деревне, обстановка квартир в тех случаях, когда государство в лице местных органов конфисковывало ее, драгоценности, библиотеки и т. п.

В распоряжение государства перешла также рабочая сила всего населения страны. Овладение рабочей силой было вторым принципом системы военного коммунизма. Законодательство выразило этот принцип в Конституции РСФСР (1918 г., I, 2, е), в законе о Биржах труда (от 31/I 1919 г.), в Кодексе законов о труде (от 10/XII 1919 г.), в законе о всеобщей трудовой повинности (от 5/II 1920 г.), не говоря о множестве отдельных постановлений по этому предмету (Ср. А. Аникст, «Организация рабочей силы в 1920 г.». М. 1920; его же «Статьи и доклады за 1918—1920 гг.», М. 1921;—Я. Цыпин, «Законодательство по регулированию рынка труда и трудовому посредничеству в СССР», М, 1925).—Бюллетень Народного Комиссариата Труда (октябрь—ноябрь 1918 г.) писал в конце 1918 г.: «производительные силы работников придется (и уже приходится) перемещать из одних отраслей народного хозяйства в другие... Трудоспособное население привлекается к выполнению трудовой повинности, без чего осуществление социалистического строя немыслимо. Перед пролетарским государством встает задача колоссального значения—учесть все силы страны и приступить к их разумному и целесообразному распределению» (см. Я. Цыпин, стр. 15). Первая статья Кодекса законов о труде провозгласила, что «для всех граждан РСФСР... устанавливается трудовая повинность». К концу 1918 г. начались уже трудовые мобилизации. Они стали играть затем все большую роль и декрет 5 февраля 1920 г. о всеобщей трудовой повинности, систематизируя и углубляя прежние постановления, превратил эту повинность в один из краеугольных камней всей хозяйственной системы.—Главный Комитет по всеобщей трудовой повинности («Главкомтруд»), губернские, городские и уездные комитеты, комиссии по проведению трудовой повинности и по контролю при различных учреждениях и коллективах, специальные организации по различным видам трудовой повинности («Ценчрезтопгуж», «Комснегпуть», «Цекомпривлечтруд» и т. д.) составляли «аппараты», через которые осуществлялось привлечение в принудительном порядке и распределиние рабочей силы.

Трудовая повинность была не только декларированным принципом; она энергично и последовательно проводилась в жизнь. В течение одного 1920 г. были мобилизованы машинисты, кочегары, ж.-д. монтеры и мастера, горнорабочие забойщики, специалисты воднотранспортного дела, строительные рабочие, металлисты, судостроительные рабочие, рабочие электротехнической промышленности и проч. и были

прикреплены к своим местам рабочие и служащие лесного, угольного, торфяного, нефтяного, сланцевого комитетов, ряда бумажных фабрик, водных путей и т. д. Проведены были трудовые мобилизации целых возрастных групп. В том же году об'явлена была трудовая повинность женщин от 16 до 45 лет по пошивке белья для армии. Постановлением Главного Комитета по трудовой повинности и Народного Комиссариата Просвещения в 38 губерниях был об'явлен сбор шишечного топлива, к которому привлекались несовершеннолетние от 13 до 18 лет и старики. Армии в перерыве между военными действиями в период, когда демобилизация их считалась преждевременной, также привлечены были к трудовой повинности. Девятый С'езд РКП(б) постановил, что «использование воинских частей для трудовых задач имеет в равной мере практически-хозяйственное и социалистически-воспитательное значение», при наличии известных условий, которые были указаны в той же резолюции. В начале 1921 г. организовано было при Народном Комиссариате Труда Главное Управление Трудовыми Частями. К этому времени в восьми трудовых частях числилось 280 тысяч человек («Бюллетень трудового фронта», 1921 г. № 17). Сибтрудармия занималась добычей угля, лесозаготовками, погрузкой, постройкой кольчугинской и кокчетаевской ж.-д.; Кавтрудармия—постройкой ж.-д. веток и работами на грозненских нефтяных промыслах; Укртрудармия с Донецкой—работами по добыче угля и т. п. Они были расформированы лишь в начале 1922 года.

Третий принцип хозяйственной системы военного коммунизма заключался в том, что государство все производило в своих предприятиях. Выше уже было отмечено, насколько эти предприятия бывали незначительны: 13,9% государственных предприятий имели 1 рабочего, 53,7% имели от 2 до 15 рабочих и 10,9% имели от 16 до 30 рабочих. («На новых путях», изд. СТО, М. 1923, вып. III, стр. 176, статья П. И. Попова). А в отдельных производствах мелкие предприятия играли еще большую роль: на долю заведений с 1 рабочим в производстве пищевых продуктов приходилось 25,4%, а в строительном деле 25,8%, (там же, стр. 177). Правда, даже вводя в свою систему мельчайшие предприятия, государство не могло сосредоточить в своем ведении все промышленные заведения. По переписи 1920 г., только 53,3% всех занятых в промышленности лиц, охваченных переписью, работали в государственных предприятиях, а остальные распределялись так: 21,5% работали в частных и кооперативных предприятиях, применявших наемный труд, и 25,2% работали в кустарно-ремесленных заведениях без применения наемного труда. Однако, надо принять во внимание, что кооперативные пред-

приятия в этот период мало отличались от государственных, а кустарно-ремесленные в порядке мобилизаций обслуживали государство, работая по его заданиям и состоя у него на учете. Промышленное производство было почти целиком государственным или стоящим под государственным руководством.

Гораздо труднее было провести тот же принцип в отношении сельскохозяйственного производства, которое после революции стало еще в большей степени крестьянским, чем то было до нее. Свою продукцию крестьянские хозяйства должны были, правда, сдавать государству за вычетом лишь того, что оставалось в хозяйстве для потребления семьи и для прокорма скота. Но долгое время государство не пыталось взять на себя управление сельско-хозяйственным производством. Общий принцип был распространен на земледелие лишь в конце 1920 года, накануне перехода к новой экономической политике. Декрет VIII С'езда Советов о мерах укрепления и развития крестьянского сельского хозяйства, утвержденный в декабре 1920 г., не успел получить практического применения, но его принципиальное значение для характеристики системы военного коммунизма чрезвычайно велико. «Признавая сельское хозяйство важнейшей отраслью хозяйства республики, возлагая на все органы Советской власти обязанность усиленной всесторонней помощи крестьянскому земледелию,—гласил декрет,—рабоче-крестьянская власть об'являет в то же время правильное ведение земледельческого хозяйства великой государственной обязанностью крестьянского населения. Требуя напряжения всех сил государства для помощи крестьянскому хозяйству живым и мертвым инвентарем, устройством ремонтных мастерских... и проч., рабоче-крестьянская власть одновременно требует от всех земледельцев полного посева полей по заданию государства и правильной их обработки, по примеру лучших, наиболее старательных хозяйств, середняков и бедняков». Декретировалась организация особых губернских, уездных и волостных комитетов по расширению посевов и улучшению обработки земли (посевкомов). Народный Комиссариат Земледелия обязывался разработать общегосударственный план посева и представить его на утверждение Совнаркома. «Посевкомы» должны были установить губернские, уездные и волостные планы. Проведение в жизнь планов обязательного посева декрет возлагал на волостные посевкомы и сельские советы. Он об'являл «запасы семян, находящиеся у земледельцев в потребном для хозяйства количестве, неприкосновенным семенным фондом» и предлагал принять меры «к охране семенного фонда и к внутригубернскому распределению семян». Далее декрет предоставлял губисполкомам «издавать обязательные

правила, касающиеся основных приемов механической обработки полей и улучшения лугов, производства посевов и способов сохранения естественного плодородия почвы». И, наконец, «в целях обработки и обсеменения земель маломощных и красноармейских хозяйств» декрет вменял «в обязанность волпосевкомам и сельсоветам... устанавливать в селениях правильное использование живого и мертвого инвентаря путем трудовой взаимопомощи».

Отдельные крестьянские хозяйства не ликвидировались этим декретом, но они должны были сохранить по идее законодателя только значение технических организаций, осуществляющих хозяйственное задание государства, как распорядителя всего обобществленного хозяйства страны, и притом осуществляющих его теми техническими методами, которые установлены государственными учреждениями. Продукция этих организаций (крестьянских хозяйств) на основании законодательства, действовавшего с 1917 г., также принадлежала государству. Это был один из самых радикальных законодательных актов всей эпохи военного коммунизма, в которой радикальных актов было не мало. В отношении производства,—по крайней мере, в законодательной и принципиальной постановке вопроса,—достигалось полное единство. Государство распоряжалось всеми производительными силами страны. Оно становилось единым и стремилось стать единственным хозяйством.

Четвертый принцип заключался в том, чтобы это хозяйство управлялось централизованно и по единому плану. Народный Комиссариат Земледелия, как мы только что видели, должен был управлять сельским хозяйством через «посевкомы» и свои местные органы на основании плана, утвержденного Советом Народных Комиссаров. Народный Комиссариат Путей Сообщения управлял транспортом и новизна заключалась здесь лишь в том, что весь транспорт стал государственным и что управление было построено несравненно более централизованно, чем до эпохи военного коммунизма и чем после нее. Промышленностью управлял Высший Совет Народного Хозяйства, учрежденный не для этой цели, но силою вещей взявший на себя именно эту функцию. Организационным лозунгом служила мысль, формулированная в постановлении III С'езда Советов народного хозяйства. Она гласила: «централизация управления народным хозяйством есть основное средство в руках победившего пролетариата для скорейшего развития производительных сил страны и обеспечения руководящего значения промышленности в экономической жизни; она в то же время является предпосылкой и условием социалистического строительства народного хозяйства и подчинения мелких предприятий общественному хозяйству. В условиях же экономи-

ческой разрухи, при необычайно тяжелом состоянии запасов сырья, топлива и предметов оборудования, усиленная централизация в этой области становится еще более необходимой и является единственной мерой предупреждения распыления народного хозяйства и сохранения его основного ядра в лице крупнейших фабрично-заводских об'единений—этого экономического базиса социализма». И, однако, на этом III С'езде Советов народного хозяйства, происходившем в 1920 г., централистическая тенденция проявилась уже менее резко, чем в действительной практике предыдущего года.—Главные Управления («Главки»), Центральные Управления («Центры»), Отделы ВСНХ управляли почти всей национализированной промышленностью. Каждая отрасль промышленности имела свой «Главк» или «Центр». Он непосредственно управлял всеми крупными предприятиями (так называемой первой группы) и принимал еще очень значительное участие в управлении средними предприятиями (так называемой второй группы). Лишь мелкие предприятия находились в фактическом заведывании местных советов народного хозяйства (предприятия так называемой третьей группы), но для них то всего чаще не хватало топлива и сырья. «В результате в непосредственном ведении некоторых Главков оказались многие сотни и даже тысячи предприятий» (Я. С. Розенфельд, «Промышленная политика СССР», М. 1926, стр. 123 и след.). Конечно, на деле при слабой связи и очень плохой осведомленности многое решалось на местах, но принцип безусловно централизованного управления система стремилась провести в жизнь с возможно большей полнотой, сводя «самостоятельность заводоуправлений к нулю» (Я. С. Розенфельд, там же стр. 122).

Слабее всего удавалось провести в жизнь единое п л а н о в о е начало в деле управления государственным хозяйством, хотя идея «единого хозяйственного плана», в котором были бы учтены все производственные силы и предусмотрены все результаты производственной деятельности, не только существовала, но и настойчиво развивалась в руководящих речах, постановлениях и статьях. Дело не пошло,—да в условиях гражданской войны едва ли и могло пойти,—дальше формулирования общих принципов. Но в законодательстве имеется ряд постановлений, из коих видно, что государственная власть стремилась создать и самые учреждения, которые могли бы разработать и провести в жизнь единый хозяйственный план производства и распределения. По первоначальному замыслу таким органом должен был быть ВСНХ. Пункт 2 Положения о ВСНХ утвержденного ЦИК 1/XII 1917 г., гласил: «Задачей ВСНХ является организация народного хозяйства и государственных финансов. С этой целью ВСНХ разрабатывает общие

нормы и план регулирования экономической жизни страны, согласует и об'единяет деятельность центральных и местных учреждений»... Пункт 4 прибавлял: «Все существующие учреждения по регулированию хозяйства подчиняются ВСНХ, которому предоставляется право их реформирования». ВСНХ не стал, однако, таким об'единяющим учреждением. Он превратился вместо этого в специальный Комиссариат по управлению промышленностью. В 1920 г. задача общего руководства делом регулирования народного хозяйства была возложена поэтому на Совет Труда и Обороны, который возник из Совета Рабоче-Крестьянской Обороны, учрежденного в ноябре 1918 г. В Положении о СТО сказано было, что он «устанавливает единый хозяйственный план РСФСР» и «направляет работу экономических народных комиссариатов сообразно этому плану». В качестве вспомогательного органа при СТО учреждена была Государственная Общеплановая Комиссия (Госплан). Но работа была слишком трудна и сложна. Первые общие планы были составлены уже в новую эпоху экономической политики, в глубоко изменившихся условиях и поэтому на совершенно иных началах, чем те, которые должны были быть созданы в условиях военно-коммунистической хозяйственной системы.

Пятый принцип заключался в том, что государство, распоряжением которого все производилось, все само же и распределяло. Прежде всего оно снабжало (поскольку могло снабжать) все свои промышленные предприятия средствами производства: оборудованием, топливом, сырьем, вспомогательными материалами. Затем оно распределяло среди населения предметы потребления.

В деле снабжения господствовала большая неразбериха, но намечалась и начинала брать верх тенденция установить снабжение по единому плану, утверждаемому одним высшим органом. На деле функция распределения то бывала отделена от функции управления теми отраслями промышленности, которые производили распределяемый продукт, то смешивалась с нею; продукты родственные по своему назначению распределялись то одними, то разными учреждениями, из коих каждое не знало, что делает другое. Ю. Ларин и Л. Крицман к началу 1920 г. утверждали, что «снабжением промышленности и распределением ее продуктов ведают несколько учреждений, до сих пор мало связанных друг с другом». («Очерк хозяйственной жизни и организации народного хозяйства Советской России», М. 1920, стр. 133). Это были так наз. «Главтоп», «Продрасмет», «Химснабжение» и проч. Однако основная линия развития была уже ясно намечена и нетрудно установить, чем должна была стать система при полном ее завершении. Эта линия развития воплощена в той роли, которую должна была играть и постепенно завоевывала «Ко-

миссия использования», учрежденная декретом СНК от 21-го ноября 1918 г. при Высшем Совете Народного Хозяйства для составления плана распределения всего того, что производилось и поступало в распоряжение государства.

Комиссия использования начала играть заметную роль лишь в 1919 году и деятельность ее особенно широко развернулась в 1920 г. Ее задачей было составление общего плана, но в течение первого года ей приходилось заниматься преимущественно утверждением отдельных назначений. В 1918 г. она утвердила 19 планов использования, в 1919 г. —44, за 9 месяцев 1920 г.—55. Общее число продуктов, распределявшихся по этим планам, доходило до 352. Продукция Главтекстиля, Главмеха, Главстекла, Главрезины, Главсахара, Главтабака, Главспички, Главкондитера, Центрожира, Центрочая и проч. распределялась по этим планам использования (Л. Крицман, «Единый хозяйственный план и комиссия использования», М. 1920, стр. 18). К концу своей деятельности комиссия перешла к распределению продуктов между центральными органами, которые уже вели дальнейшее распределение между своими отделами и подчиненными им предприятиями. Одной из статей в план использования входила та часть продукта, которая предназначалась к распределению среди населения. Она передавалась Народному Комиссариату Продовольствия —одному из важнейших учреждений эпохи военного коммунизма.

Дело распределения предметов потребления среди населения было делом государственным. Правда, в нем (так же как и в заготовке предметов потребления и сельско-хозяйственного сырья) принимала участие и кооперация. Но кооперация все более и более превращалась в подчиненный Наркомпроду орган государственного управления. Уже декрет 12 апреля 1918 г., возложив на кооперацию обязанность обслуживать не-членов кооперативов и ограничив число кооперативов в каждой отдельной местности, предусмотрел, что потребительские общества будут привлечены к выполнению поручений государственных органов снабжения. Менее двух месяцев спустя В. П. Милютин говорил на первом всероссийском с'езде советов народного хозяйства, что «конечной задачей является влить все население в кооперативную организацию и сделать этим самым кооперацию общенародной и общегосударственной, превратив ее в государственный орган снабжения. Ясно, что потребительскую кооперацию мы думаем превратить в потребительскую коммуну и затем, путем вовлечения в сферу государственности, сделать ее, в конце концов, государственным органом».

В этом направлении законодательство быстро преобразовывало кооперацию, при чем на местах происходили даже случаи национализации кооперативов и реализации их

товаров (телеграмма председателя СНК в январе 1919 г.: «восстановить закрытые и национализированные кооперативы, возвратить товары, обязательно включить кооперативы в распределительную сеть наравне с советскими лавками...»).

Декрет 20 марта 1919 г. «о потребительских коммунах» превратил потребительскую кооперацию в учреждение вполне государственное. В каждом городе или сельском поселении образовывалась одна «потребительская коммуна», обнимавшая все население, ведавшая всем делом распределения, выполнявшая государственные планы, работавшая по заданиям и под контролем продовольственных органов. Заготовка продуктов в порядке покупки или товарообмена становилась все менее возможной по мере того, как возрастало число монополизированных продуктов. Зато потребительская кооперация стала выполнять поручения по тем заготовкам, которые велись в принудительном порядке. Циркуляр Наркомпрода 5 июня 1920 г. гласил, что «продорганы обязаны всячески использовать для заготовки в порядке подчинения себе технические аппараты кооперации» и подтверждал, что кооперация, в этих случаях, «не имеет права отказываться от выполнения поручений продорганов по проведению разверсток». Наконец, декретом от 13 декабря 1920 г. установлено было что расходы кооперации покрываются, начиная с 1921 г., в общегосударственном сметном порядке. Еще раньше были приняты меры к слиянию с потребительской кооперацией других видов кооперативных об'единений. То обстоятельство, что в деле распределения участвовали кооперативные «аппараты», ни в какой степени не противоречит поэтому утверждению, что все распределение находилось в ведении государства. (Ср. М. Л. Хейсин, «История кооперации в России», Л. 1926 г. стр. 271 и др.; «Союз Потребителей»; «Систематический сборник декретов и распоряжений правительства по продовольственному делу» изд. Наркомпрода, I—VI).

Народный Комиссариат Продовольствия был тем государственным учреждением, которое ведало этим делом. Он вырос из министерства продовольствия, учрежденного при Временном Правительстве, и стал самым могущественным из всех гражданских ведомств. Постановлением ВЦИК от 13 мая 1918 г. Наркомпроду предоставлено было «издавать обязательные постановления по продовольственному делу, выходящие за обычные пределы компетенции Наркомпрода... отменять постановления местных продовольсвенных органов и других организаций и учреждений, противоречащие планам и действиям НКП... требовать от учреждений и организаций всех ведомств безоговорочного и немедленного исполнения распоряжений НКП в связи с продовольсвенным делом». Это и было провозглашением так называемой продоволь-

ственной диктатуры. Все центральные органы, ведавшие только распределением предметов потребления, переходили в ведение Наркомпрода, а те, которые ведали вопросами и производства, и распределения, подчинялись Наркомпроду в части своих распределительных функций.

Наркомпрод заготовлял и распределял. От промышленности он получал ту часть продукции, которая подлежала распределению среди населения; от сельского хозяйства он получал продукты на основе монополий, принудительных разверсток и отчасти на основании заготовок, проводившихся в добровольном порядке. К концу периода военного коммунизма последние почти совершенно исчезли. Второе всероссийское продовольственное совещание (в июле 1920 г.). требовало, чтобы вся заготовительная работа «была построена на обязательности сдачи излишков всех сельско-хозяйственных продуктов в распоряжение государства в порядке государственной повинности. Заготовки важнейших продуктов на основе купли-продажи, или так называемого самотека,—согласно его резолюции,—должны быть совершенно исключены... Разверстка на основные продовольственные продукты должна быть построена из расчета, не превышающего излишков продуктов в сельском хозяйстве, но с тем, чтобы разверстка не оставляла свободных излишков». Целым рядом следовавших друг за другом декретов Наркомпрод получил исключительное право заготовки всех сельско-хозяйственных продуктов вплоть до меда и грибов. К Наркомпроду же в 1920 г. перешла и работа по заготовке (в том же принудительном порядке) промышленного сырья. В 1920 году основными частями Наркомпрода были—Управление Заготовок и Управление Распределения. Первое ведало заготовками всех продуктов сельского хозяйства. Второе ведало распределением всех предметов потребления, как промышленного, так и сельскохозяйственного производства. «Главки» и «центры» по указаниям Наркомпрода посылали свои изделия его органам на места. Местные органы распределяли эти изделия и продовольствие через кооперативные организации по карточкам на основании критериев, о которых речь будет ниже. (Ср. Н. Орлов, «Продовольственная работа советской власти» М. 1918 г.; сборник «Четыре года продовольственной работы», М. 1922 г.; В. Милютин, «Народное хозяйство Советской России», М. 1920 г.; «Систематические сборники декретов и распоряжений правительства по продовольственному делу», 1917—1920 гг., кн. I—VI, изд. Наркомпрода).

Государство взяло в свое распоряжение почти все материальные рессурсы страны. Государство управляло этими рессурсами в централизованном порядке и стремилось управлять по плану. Государство распределяло среди населения

предметы потребления. Чем определялся порядок этого распределения?

Прежде всего надо сказать, что он определялся не тем, чем регулируется распределение и потребление в условиях товарно-денежного хозяйства: не спросом, в том смысле, в каком политическая экономия понимает этот термин; государство давало каждому гражданину не столько, сколько он хотел и мог купить, а столько, сколько государство в лице своих распределительных органов считало целесообразным ему предоставить. Формой распределения был «паек». Документом на получение пайка была «карточка». Количество продуктов, которые отпускались по карточке, определялось в целом тем фондом, который находился в распоряжении государства, а применительно к отдельным категориям потребителей государственной необходимостью и классовыми соображениями. Это был шестой принцип, лежавший в основе системы военного коммунизма.

Идея «классового пайка» появилась в 1918 г. и была, повидимому, впервые осуществлена в Ленинграде. Вслед за Ленинградом классовый паек был введен и во всех других городах и местностях. Приказом Наркомпрода в конце 1918 г. (19 октября) он был сделан повсеместно обязательным, при чем, однако, на местах самый принцип применялся в очень разнообразных формах. Московский Совет ввел классовый паек в сентебре 1918 г., разделив население на 4 категории. К первой отнесены были рабочие, работающие в особо вредных условиях; ко второй—рабочие, занятые тяжелым физическим трудом, но в нормальных условиях; к третьей—рабочие, занятые легким физическим трудом в благоприятных для здоровья условиях, и работники конторского, умственного и т. д. труда, домашние хозяйки; к четвертой—лица свободных профессий, лица живущие доходами с капиталов и предприятий, безработные, незарегистрированные на биржах труда. Для малолетних установлены были особые правила. Количественные соотношения между размерами пайков были 200:150:100:50. В истории раепределительной политики наблюдались различные течения и была полоса, когда существовало стремление уравнять условия снабжения, по крайней мере для рабочих. Однако, верх одержала противоположная тенденция. Получила широкое распространение система «бронирования» пайков за рабочими «ударных» или особо важных предприятий; во второй половине 1919 г. введены были дополнительные пайки для нетрудоспособных членов семейств красноармейцев, учреждена была при Наркомпроде комиссия по рабочему снабжению, которая устанавливала различные категории усиленного снабжения и ввела вскоре 30 разнообразных норм. В 1920 г. (постановление СНК от 30 апреля 1920 г.) сделана

была вновь попытка унифицировать и упростить различные нормы, действовавшие в области распределения. Однако разнообразные пайки просуществовали вплоть до ликвидации всей системы, при чем различия заключались не только в том, какой паек получало то или другое лицо, но и в том, сколько оно получало пайков ибо принцип получения одного только пайка соблюдался не очень последовательно. (Ср. А. Вышинский, «Вопросы распределения и революция». М. 1922 г.; Н. Вишневский, «Принципы и методы организованного распределения продуктов питания и предметов первой необходимости», М. 1920 г.).

С точки зрения денежной политики для нас наиболее существенно в этой системе то обстоятельство, что государство, — по крайней мере в принципе, — брало на себя дело снабжения всего населения всеми продуктами и что распределение регулировалось не спросом, предложением и ценой, а планом, точкой зрения государства на то, какие задачи должны быть разрешены в порядке распределения, и вытекающими из всего этого административными распоряжениями. Денежный спрос был тут не при чем. Предложения не существовало. Связь между Наркомпродом и потребителями устанавливалась не на рынке, а в «распределителях», т.-е. в государственно-кооперативных учреждениях, выдававших продукты по карточкам. Твердая цена, которая сперва еще назначалась и взыскивалась, постепенно утратила всякое, даже учетное значение. Не имея в сфере государственного хозяйства какой-либо точки опоры, категория цены постепенно исчезала из этого сектора хозяйства. Если она до известной степени продолжала еще существовать для него, то лишь потому, что за пределами государственного хозяйства сохранялся разорванный на мельчайшие части и дезорганизованный нелегальный рынок, с которым соприкасались и государственные предприятия.

Этот рынок играл еще крупную роль для населения. Данные имеющихся исследований отличаются очень большой пестротой. Во всяком случае подавляющее большинство населения было связано с вольным рынком. Может быть большая часть бюджета рабочего в 1920 г. покрывалась уже выдачами по карточкам. В отношении остального населения имело скорее место обратное. Мелкая нелегальная торговля продовольствием, — «мешочничество», — получила столь широкое распространение, что в торговле никогда не участвовала активно такая значительная часть населения, как в те годы. В периоды оссобенно напряженного продовольственного положения правительство само разрешало рабочим отправляться в хлебородные губернии за продовольствием. Снабжение государственных учреждений и предприятий также происхоило не без участия вольного рынка. Не будь всего

этого, государство не могло бы получать тех денежных эмиссионных доходов, о которых мы будем говорить ниже. Но факт существования вольного рынка не изменял смысла и направления мероприятий экономической политики, строивших новую экономическую систему на тех принципах, которые перечислены выше. И, кроме того, рынок суживался все более, оттесняясь на задворки хозяйственной жизни и уступал место плановому распределению. По данным, приведенным у Л. Крицмана (там же, стр. 139) в полном средне-русском бюджете рабочего, включая и квартиру и проч., государственное снабжение в натуре составляло в 1918 г.— 41%, в 1919 г.—63%, в 1920 г.—75%. Заготовки хлеба и зерно-фуража Наркомпродом составляли в 1918/19 г.—107,9 м. пудов, в 1919/20 г.—212,5 млн. пудов, в 1920/21 г.— 283,9 млн. пудов, хотя последний год был уже неурожайным. С прекращением гражданской войны должно было усилиться относительное значение планового снабжения и другими продуктами, кроме продовольственных, гражданского населения,

Набросок, данный на последних страницах, образует лишь схему, совершенно недостаточную для того, чтобы представить бесконечно сложное течение хозяйственной жизни в годы гражданской войны и политики военного коммунизма. Мы не могли бы дать больше в работе, посвященной только проблемам денежного обращения. Для рассмотрения этих проблем представленный набросок должен дать лишь опорные пункты. Система военного коммунизма «преодолевала» категорию цены. Вместе с тем она вела к вытеснению денег из государственного и из всего народного хозяйства.

Реализация на деньги продуктов производства государственных предприятий и их услуг и того сырья, которое собирал Народный Комиссариат Продовольствия, постепенно теряла всякий смысл. Она противоречила основным принципам нового хозяйственного строя и утрачивала свое практическое значение. Потребителями этих предметов были преимущественно те же государственные предприятия и учреждения и рабочие или служащие, получавшие в свою очередь заработную плату от государственных предприятий и учреждений. К тому же распределение, покуда и поскольку оно оставалось денежным, происходило по твердым ценам, все более отстававшим от вольных рыночных цен. Эти твердые цены не служили реальным эквивалентом предоставляемых продуктов и услуг и имели лишь весьма условное учетное значение. Вполне последовательно государственная власть стала поэтому переходить к принципу бесплатного распределения. К концу 1920 года законодательство решительно стало на эту точку зрения, и декрет СНК от 11-го октября 1920 г. поручал Народному Комиссариату Финансов разработать технически мероприятия по отмене платы за

почтовые и телеграфные услуги всеми государственными учреждениями и предприятиями, платы за пользование телефоном, водопроводом, канализацией, газом и электричеством, платы за предоставляемое Главным Топливным Комитетом топливо всякого вида, платы за продукты, отпускаемые Народным Комиссариатом Продовольствия, платы за жилые помещения государственных рабочих и служащих (включая лиц, проживающих при них в национализированных и муниципализированных помещениях, при чем под отменой платы декрет понимал не только отмену платы наличными, но и расчет какими-либо бухгалтерскими перечислениями. Впоследствии этот перечень был еще дополнен. Декретом 16 августа 1920 г. был установлен порядок бесплатных перевозок по железным дорогам и водным путям.

Поскольку все продукты поступали в натуре в распоряжение органов государственной власти, постольку всякое денежное обложение производства, обмена и даже потребления становилось и ненужным и по большей части даже невозможным. Отказываясь от системы денежного хозяйства, государственная власть должна была отказаться и от системы денежных налогов. Она действительно вступила и на этот путь. В 1918 1919 гг. шла еще работа по приспособлению старой налоговой системы к новым хозяйственным условиям. Налоги частично преобразовывались и частично отменялись. В 1920 г. поставлен был еще вопрос о реорганизации налоговой системы в смысле унификации всего прямого обложения, и пленумом второй сессии ВЦИК вынесена была 18 июня 1920 г. соответствующая резолюция. Однако, в конце 1920 г. поставлен был уже вопрос о принципиальной целесообразности самого существования налоговой системы, и взимание налогов было, наконец, приостановлено постановлением ВЦИК от 3 февраля 1921 г., накануне самого перехода к новой экономической политике.

По исчислениям С. А. Голованова («На новых путях», вып. II, стр. 10) налоговые поступления составляли в бюджете 1918 г. 153,2 млн. зол. руб.—(исчислено по индексу статистики труда), в 1919 г.—10,2 млн. руб., в 1920 г.—0,2 млн. руб. и в 1921 г. (когда налоговая система начала уже восстанавливаться)—3,7 млн. руб. Но это цифры ожидавшихся, а не действительных поступлений, при чем в сумму 1918 г. включен чрезвычайный революционный налог, который собран был лишь частично.

Из государственного бюджета, таким образом, последовательно исчезали все денежные рессурсы и эмиссия все более становилась единственным источником покрытия денежных расходов. Между тем потребность в деньгах хотя и суживалась все более и более, однако, не исчезла вовсе. Финансирование войны не могло происходить исключи-

тельно за счет тех продуктов, которые давали хлебная монополия, национализированная промышленность, а также реквизиции и конфискации; для ведения ее необходимы были еще и деньги. Деньги нужны были частично и для содержания всех отраслей государственного управления и, кроме того, еще для финансирования транспорта и промышленности, работавших в убыток, так как система натурального снабжения не была проведена до самого конца. Единственным источником покрытия этих денежных расходов в сложившихся условиях являлась эмиссия. Она оставалась необходимой, хотя во всем государственном хозяйстве, взятом в целом, она и играла к концу этого периода лишь подчиненную роль.

Исследователю нашей хозяйственной жизни первых революционных лет, вероятно, никогда не удастся сколько-нибудь точно учесть общие количественные результаты государственного хозяйствования этой эпохи. Чем больше умы проникались идеей о необходимости построения и проведения единого хозяйственного плана и создания системы полного учета всех запасов и всех вновь производившихся благ, тем больше практические затруднения, стоявшие на пути к осуществлению этой идеи, оказывались непреодолимыми. Те цифры, которые можно привести о бюджетах 1918, 1919 и 1920 годов, могут иллюстрировать лишь некоторые интересные тенденции. Но их нельзя принимать даже за отдаленное отображение действительного об'ема и состояния государственного хозяйства. За 1918—1921 годы в распоряжении Народного Комиссариата Финансов нет не только окончательных отчетов о действительном исполнении смет, но и сколько-нибудь достаточных предварительных данных о производстве государственных расходов и поступлении государственных доходов. Один из лучших знатоков нашего бюджетного дела С. А. Голованов совершенно правильно отмечает, что изучение этих бюджетов «давало бы представление не о том, что было в действительности, а лишь о пожеланиях и предположениях ведомств, далеко не всегда осуществлявшихся на деле» («На новых путях», «Итоги экономической политики 1921—1922 г.», вып. II, стр. 4). Однако, даже и эти предположения, сплошь и рядом взятые «с потолка» и не стоявшие в связи с действительными потребностями, которые никто не в состоянии был учесть,—даже эти предположения отражены в цифрах бюджетов 1918—1921 г.г., как в кривом зеркале, ибо на размеры тех сумм, которые испрашивались ведомствами и отпускались Наркомфином, влияли и вольные, и твердые цены в зависимости от того, на какой предмет открывался кредит.

Тем не менее мы приведем здесь одну из цифр, полученную С. А. Головановым в результате его исчислений,

ибо, будучи весьма условной, она все же дает некоторое представление о тех соотношениях, которые установились в государственном хозяйстве. С. А. Голованов определяет на основе различных догадок и вычислений весь доход по государственному бюджету 1920 г. в 1.726 милл. зол. рублей. Это был бюджет не в дореволюционном и не в современном смысле слова, так как в него должен был быть включен весь валовой доход от национализированных отраслей народного хозяйства. Как ни велико было в 1920 г. падение производительных сил, обусловившее уже в следующем году переход к новой экономической политике, эта цифра все же, быть может, несколько преуменьшена, тем более, что государственный бюджет поглощал в то время не только народно-хозяйственные доходы, а жизнь шла в немалой мере за счет потребления ранее накопленных в транспорте и в промышленности капиталов. Как бы то ни было, из этих 1.726 млн. зол. рублей на долю денежных расходов приходится по тем же вычислениям только 126 млн. или 7,3%. Эти 7% почти целиком давала эмиссия, и главным их назначением была выплата денежной части заработной платы.

Не следует поэтому преувеличивать значение эмиссии в государственном хозяйстве эпохи военного коммунизма. Она сыграла огромную роль в сбалансировании бюджетов в годы гражданской войны и проведения политики военного коммунизма. Но еще гораздо большее значение она приобрела позднее, когда началась денатурализация хозяйства и во всех отраслях нашей экономической жизни стал совершаться переход к принципу денежной оплаты товаров и услуг.

Мы получили бы совершенно фантастическое представление о действительном характере бюджетов и государственного хозяйства того времени, если бы, игнорируя эти замечания, стали судить об их реальном об'еме по данным эмиссионной статистики. Как ни сжато было удовлетворение всех потребностей в эти годы величайших трудностей и невзгод, удовлетворить все государственные нужды при помощи одной только эмиссии новых бумажных знаков было бы, разумеется, немыслимо. Последовательное проведение принципа «эмиссионного хозяйства», как С. А. Фалькнер назвал финансовую систему этого времени, оказалось возможным лишь потому, что в эти годы проводилась решительно и последовательно натурализация всего народного и финансового хозяйства и деньги служили в руках государства лишь вспомогательным средством сбалансирования государственного бюджета. Необходимо подчеркнуть это с особой настойчивостью потому, что в газетной и журнальной литературе весьма распространены были сопоставления относительного значения эмиссионного дохода в бюджетах раз-

личных лет, при чем не уделялось внимания тому, как в этих бюджетах комбинировались денежная и натуральная их части.

Организация финансового ведомства и бюджетной работы должна была быть приспособлена к совершенно изменившимся условиям экономической и финансовой политики. Эволюция в этой области была довольно сложной. Судьбы дореволюционного Государственного Банка теснейшим образом переплелись с развитием финансового ведомства в более тесном смысле слова, а вся финансовая работа свелась к производству и распределению бумажных денег. Основные этапы этой эволюции сводятся к следующему.

14 декабря 1917 г. декретирована была национализация частных банков. Все они переходили с их активами и пассивами в ведение Государственного Банка и об'единялись с ним в единый «Народный Банк Российской Социалистической Федеративной Советской Республики». Мотивы декрета лежали отчасти в соображениях о возможном значении банковой системы в деле овладения промышленностью и в деле управления ею. Но они имели и другую причину. Национализация должна была лишить вкладчиков возможности получать деньги с своих текущих счетов. Без национализации новое правительство, как явствует из официальных заявлений, не в состоянии было достигнуть этой цели (Г. Я. Сокольников. «Финансовая политика революции», I, М. 1925 г., стр. 37, 38). Дело национализации банков было завершено 2 декабря 1918 г. изданием постановления о национализации Московского Народного Банка— кредитного центра кооперативной системы.

В условиях экономического развития 1918 года национализация банков означала не только переход их в распоряжение государства и централизацию управления ими, но и быстрое отмирание всех их прежних функций. Это ясно из всего того, что указано было выше. Из всех операций кредитной системы сохранилась и развивалась лишь одна, выполнявшаяся раньше Государственным банком,—выпуск кредитных билетов. Но эмиссия приобрела совершенно иной характер, чем тот, который она имела до войны и даже до Октябрьской революции. Она стала по существу чисто казначейской, ею покрывались денежные государственные расходы и производилась она без представления банку какихлибо обеспечений. А так как эмиссией бумажных денег покрывались фактически все государственные денежные расходы, то функция выпуска бумажных денег стала основною и даже почти единственной для всего финансового ведомства. Этим делом ведал Народный Банк РСФСР и поэтому, естественно, что он стал поглощать все другие финансовые учреждения.

В конце 1918 г. в ведение Народного Банка из Народного Комиссариата Финансов перешла Кредитная Канцелярия с Экспедицией Заготовления Государственных Бумаг. В 1919 г. в Народном Банке учреждается Бюджетный Отдел для составления государственной росписи доходов и расходов. Затем в ведение Народного Банка переходит Центральная Приходо-Расходная Касса, и этим завершается слияние с центральным управлением Народного Банка департамента Государственного Казначейства. Народный Банк РСФСР таким образом почти целиком поглотил бывшее министерство финансов. Но зато он перестал быть банком, ибо совершенно ничтожные функции банкового кредитования сохранились в нем лишь в отношении кооперации. Поэтому завершение всех этих преобразований заключалось в том, что 19 января 1920 г. Народный Банк был формально ликвидирован, а по существу влит в Народный Комиссариат Финансов под названием «Бюджетно-Расчетного Управления».

Однако, несмотря на это название, бюджетной работы в точном смысле, как указано было уже и выше, в этот период не существовало. Ее заменял, в качестве ее суррогата, особый порядок распределения бумажных денег, получивших название «расчетных знаков». Этих знаков всегда не хватало. Центр рассылал их на места вагонами и здесь, по прибытии «груза», Исполнительный Комитет распределял его между своими отделами, а каждый отдел распределял свою долю между подведомственными ему учреждениями. Дележ совершался обычно один или два раза в месяц и в губернских городах это были большие дни напряженной борьбы между ведомствами и учреждениями. Удовлетворялись наиболее насущные потребности, причем центр и места нередко расходились в том, что именно считать насущной потребностью. Центр старался настаивать на своей точке зрения путем «бронирования» определенных сумм за теми или другими учреждениями и тем или иным назначением. Все это почти не связано было с остатками бюджетной работы. Деньги выдавались независимо от того, были ли открыты учреждению «кредиты», а открытые «кредиты» ни в какой мере не обеспечивали получения денег.

Для внесения в это дело некоторого порядка в феврале 1920 г. постановлением Совета Народных Комиссаров учреждена была «Особая Междуведомственная Комиссия по распределению денежных знаков» из представителей Народных Комиссариатов по Военным Делам, Продовольствия, Путей Сообщения, Финансов и Высшего Совета Народного Хозяйства. Представиители других ведомств получили только право совещательного голоса. Э. С. Милейковский в своем исследовании об «организации и работе эмиссионных аппа-

ратов» (в сборнике «Наше денежное обращение», М. 1926 г.) описывает первые шаги этой комиссии в следующих словах: «Так как сумма заявок четырех ударных ведомств более чем вдвое превышала заготовленные Гознаком денежные знаки (13.575 м. р. и 6.460 м. р.), совещание, в котором представители других ведомств не участвовали, постановило распределить всю сумму между представленными в нем ведомствами. Однако, на втором заседании, состоявшемся неделю спустя, выяснилось, что Наркомфином были удовлетворены заявки лишь на половину, а другая часть денежных знаков была распределена между другими ведомствами и отдельными районами. Вместе с тем Наркомфином было предложено установить распределение Комиссией лишь 40% всей выработки; остальные 60%—по мысли Наркомфина—должны были рассылаться им самостоятельно, так как в противном случае оставались бы без удовлетворения многие важные государственные нужды и отдельные районы. Комиссией это предложение было отклонено и за Наркомфином для самостоятельного распределения было оставлено лишь 25%» (стр. 51). Летом 1920 г. компетенция Наркомфина в этом деле была расширена тем, что Комиссия превращена была в совещательный орган при нем (постановление второй сессии ВЦИК, в июне 1920 г.). Однако, на практике установился такой порядок: Комиссия заседала раз в месяц и рассматривала месячный план; центральные органы каждого ведомства защищали в Комиссии интересы всего ведомства; в случае протеста какого-либо ведомства,—а такие случаи составляли общее правило,—месячный план поступал на утверждение в Совет Народных Комиссаров; от $^1/_4$ до $^1/_3$ всех денежных знаков поступало в так называемый «окраинный фонд» и распределялось Наркомфином самостоятельно. Материалы для Междуведомственной Комиссии подготовлял Отдел Денежных и Расчетных Знаков (бывший Отдел Кредитных Билетов Государственного Банка). «В поисках хотя бы какого-либо формального основания для распределения денежных знаков,—пишет Э. С. Милейковский в указанном очерке,—в конце 1920 г. была произведена попытка установить предварительную проверку поступавших местных заявок, путем командирования в центральные органы ведомств сотрудников Отдела Денежных и Расчетных Знаков, которым поручалось на основании документов, материалов и проч. проверить заявленную ведомством сумму. Ставя себе совершенно неосуществимую задачу,—проверить в день-два, в условиях полного хаоса в отчетности и в материалах действительную потребность в денежных знаках целого Наркомата,—эта попытка заранее обречена была на неуспех, и, после двукратного ее применения, от нее пришлось отказаться» (там же, стр. 52).

«Эмиссионный аппарат» перешел в руки Советской власти через несколько дней после октябрьского переворота. Овладение им носило довольно бурный характер. Д. Рязанов рассказывал о нем на первом Всероссийском с'езде советов народного хозяйства в следующих словах: «Будущий историк вспомнит то знаменитое совещание представителей отдельных полков, где тов. Троцкий предлагал достать первые 10 миллионов в Государственном Банке путем посылки представителей от каждой роты. Если товарищам будет интересно, они в «Известиях» и тогдашних газетах найдут подробное изложение этого первого похода при музыке от всех гвардейских и негвардейских полков»... (Труды I Всероссийского с'езда советов народного хозяйства 26/V—4/VI 1918. М. 1918, стр. 150). Результатом первого распоряжения об отпуске денег нового революционного правительства был конфликт с управляющими и служащими, а результатом конфликта было назначение комиссара Государственного Банка на правах управляющего. После этого эмиссия бумажных денег производилась без оформления ее общими правительственными распоряжениями о разрешении дополнительных выпусков бумажных денег. Так продолжалось год. Декрет 26 октября 1918 г. расширил затем эмиссионное право до 33,5 млн. рублей, санкционировав задним числом произведенные уже выпуски, а вскоре после этого декрет Совета Народных Комиссаров от 15 мая 1919 г. отменил всякие формальные ограничения и предоставил финансовому ведомству право выпускать бумажные деньги «сверх установленной декретом от 26 октября 1918 года нормы в пределах действительной потребности народного хозяйства в денежных знаках».

Мы видели выше, что количество бумажных денег в обращении составляло на 1 июля 1914 года, т.-е. накануне мировой войны, 1.630,4 млн. руб., что на 1 марта 1917 г. оно достигло 10.044,0 млн. руб. и на 1 ноября 1917 г.—19.577,9 млн. руб. До февральской революции на финансирование войны было выпущено около 8½ миллиардов рублей. Временное правительство за восьмимесячное свое существование прибавило к этой сумме еще около 9½ миллиардов. После этого выпуск денег перешел в руки советской власти и за первые четыре года ее существования он дал следующие результаты:

На 1 ноября 1917 г.	19 577	млн. р.
„ 1 января 1918 „	27 650	„ „
„ 1 „ 1919 „	61 326	„ „
„ 1 „ 1920 „	225 015	„ „
„ 1 „ 1921 „	1 168 596	„ „
„ 1 июля 1921 „	2 347 161	„ „

Мы кончаем эту таблицу летними месяцами 1921 года потому, что с этого времени наметились новые явления в области денежного обращения в связи с переходом к новой экономической политике. За время от октябрьского переворота до этого периода размеры денежного обращения возрасли более, чем в сто раз.

Возрастание шло в прогрессирующем темпе. Количество денежных знаков в обращении увеличилось в среднем за месяц («месячный темп эмиссии») в 1918 году на 6,9%, в 1919 году на 11,5%, в 1920 году на 14,7%. Люди жили тогда еще во власти иных представлений о денежном обращении, чем те, которые установились впоследствии, и этот темп эмиссии казался огромным. В дальнейшем развитии денежной системы он был превзойден во много раз.

Однако, и этот темп эмиссии, сократившийся даже в первой половине 1921 г. по сравнению с 1920 г., благодаря усиливавшейся натурализации хозяйства, приводил к такому под'ему цен, который превосходил рост количества денежных знаков в обращении. Если денежная масса увеличилась за рассматриваемые 42 месяца примерно в 100 раз, то цены возросли за тот же период времени в 8.000 раз (по всероссийскому индексу статистики труда), причем по полугодиям сопоставление роста денежной массы и роста цен дает следующую картину:

	Увеличение денежной массы в процентах	Рост цен в процентах
1918 г. первое полугодие .	60	327
второе „ .	40	85
1919 г. первое „ .	64	300
второе „ .	123	269
1920 г. первое „ .	127	237
второе „ .	128	106
1921 г. первое „ .	100	380

Превышение роста цен над ростом денежной массы имело место не каждый месяц, но в целом оно характеризует весь этот период. Причины его вполне понятны. Торговый оборот сжимался и новые денежные знаки, попадая как бы в суживающийся круг, должны были все более тесниться в этом сокращающемся пространстве. Если процесс этот не развивался непрерывно, то это находилось в зависимости, с одной стороны, от сезонных сжатий и расширений оборота, в силу которых летние месяцы и осенние, с июля по октябрь, были обычно наиболее благоприятны для эмиссии, а с другой стороны, от изменений территории, на которой имел хождение советский денежный знак в связи с ходом гражданской войны. Поэтому 1919 год характеризуется огромным ростом цен сравнительно с темпом

эмиссии, ибо в этом году территория, находящаяся в распоряжении советской власти, подвергается наибольшему сокращению. В местностях, оторванных от центра, возникает множество самостоятельных систем денежного обращения. В 1920 году в результате побед Красной армии хождение «совзнаков» расширяется и во втором полугодии 1920 года новые выпуски денежных знаков размещаются сравнительно безболезненно. Крупный поворот к худшему обнаруживают цифры, относящиеся к первой половине 1921 года; тут сказывается влияние основного процесса, происходившего втечение всего рассматриваемого периода,—процесса сознательного сокращения при помощи мероприятий экономической политики сферы денежного хозяйства.

Показателем об'ема этой сферы может служить реальная ценность всей денежной массы. Количество денег, в которых нуждается торговый оборот, зависит, правда, не от одного только количества товаров, обращающихся на рынке и оплачиваемых деньгами. Оно зависит также от того, в какой мере этот денежный оборот обслуживается суррогатами денег—кредитными документами разного рода—и от быстроты циркулирования денег. Если первое обстоятельство с ликвидацией кредитных учреждений утратило у нас всякое значение, то второй фактор играл очень большую роль. Тем не менее реальная ценность денежной массы является лучшим показателем, которым мы можем пользоваться в этом отношении. Эта реальная ценность всех денежных знаков, находившихся в обращении, составляла при вычислении ее по всероссийскому индексу статистики труда:

На 1 ноября 1917 г.	1 919,4 млн. р.
" 1 января 1918 "	1 331,9 " "
" 1 июля 1918 "	493,6 " "
" 1 января 1919 "	379,3 " "
" 1 июля 1919 "	154,0 " "
" 1 января 1920 "	93,0 " "
" 1 июля 1920 "	62,9 " "
" 1 января 1921 "	69,6 " "
" 1 июля 1921 "	29,1 " "

Падение ее к средине 1921 года стало столь значительно, что задача ликвидации денежного хозяйства была почти разрешена. Вполне понятно, что в этой обстановке систематически падала и та сумма реальных ценностей, которые государственное казначейство ежемесячно извлекало из эмиссии денежных знаков. Она составляла в индексных рублях (по индексу статистики труда) в среднем за

Ноябрь—декабрь 1917 г.	287,7 млн. р.
Первое полугодие 1918 "	62,3 " "
Второе " 1918 "	27,1 " "

Первое полугодие 1919 г.	19,3 млн. р.
Второе „ 1919 „	18,1 „ „
Первое „ 1920 „	10,1 „ „
Второе „ 1920 „	10,2 „ „
Первое „ 1921 „	5,6 „ „

Низшая цифра приходится на июнь 1921 года, когда эмиссия дала государственному казначейству всего 3.149,5 т. рублей. Если бы вычесть из этой ничтожной суммы расходы по изготовлению денежных знаков, по содержанию всего казначейского аппарата, и принять во внимание ценность денег не в тот момент, когда они выпускались отделом денежных и расчетных знаков, а в те моменты, когда деньги поступали на рынок, то оказалось бы, что для государства игра, действительно, не стоила свечей. Таково и было убеждение значительного числа руководителей экономической политики накануне перехода ее на новые рельсы.

Острый недостаток в деньгах и технические затруднения в изготовлении новых знаков заставили прежде всего ввести в обращение облигации «займа свободы», выпущенного еще временным правительством. К хождению были допущены «наравне с кредитными билетами» облигации достоинством не свыше 100 рублей (декрет СНК от 16 февраля 1918 г.). Затем допущены были к хождению по той же причине купоны всех государственных процентных бумаг сроком по 1 декабря 1917 г. (об'явление Народного Банка от 3 марта 1918 г.). Были приравнены к кредитным билетам и серии государственного казначейства (циркуляр Народного Банка от 9 мая 1918 г.). Денег новых образцов в 1918 г. выпущено не было.

В 1919 году были выпущены в обращение новые кредитные билеты «образца 1918 года» достоинством в 1, 3, 5, 10, 25, 50, 100, 250, 500 и 1.000 рублей (декрет СНК от 15 мая 1919 г.), так называемые «пятаковки». Выпуск их начался в мае и они вышли из Пензенской экспедиции. К концу года выпущены были дополнительно кредитные билеты достоинством в 5.000 и 10.000 рублей (декрет СНК от 21 октября 1919 года). В том же году выпущены были и «расчетные знаки Российской Социалистической Федеративной Советской Республики» сперва—достоинством в 1, 2 и 3 рубля (декрет СНК от 4 февраля 1919 г.) и позднее—достоинством в 15, 30 и 60 руб. (декрет СНК от 21 октября 1919 года). «Расчетный знак» и был новым наименованием, введенным в эту эпоху.

В 1920 году выпущены были снова расчетные знаки достоинством в 1, 3, 5, 10, 25, 50, 100, 250, 500, 1.000, 5.000 и 10.000 рублей (декреты СНК от 4 марта и 27 ноября 1920 г.).

В 1921 году выпущены новые знаки «образца 1921 года» достоинством в 100, 250, 500, 1.000, 5.000 и 10.000 рублей

(декрет СНК от 16 июня 1921 г.), в 25.000, 50.000 и 100.000 рублей (декрет СНК от 30 июля 1921 г.) и в 5.000 и 10.000 рублей еще иного образца, чем те, которые были выпущены по декрету от 16 июня того же года, а именно такого же образца, как купюры 25, 50 и 100-тысячного достоинства. Наконец, декретом СНК от 15 сентября 1921 года «в виду ощущаемой торгово-промышленным оборотом нужды в денежных знаках более крупных достоинств»,—фраза, которая стала впоследствии часто повторяться в подобных декретах,—постановлено было выпустить «обязательства РСФСР» достоинством в 1.000.000, 5.000.000 и 10.000.000 рублей. В конце 1921 было уже принято постановление о выпуске денежных знаков образца 1922 г., но этот выпуск, связанный с «деноминацией», был некоторой, хотя и формальной только, попыткой упорядочения денежного обращения и рассмотрение его относится к следующему периоду истории нашего денежного обращения.

Так как при выпуске новых денежных знаков прежние бумажные знаки оставались в обращении, то (после деноминации 1922 года) наше денежное обращение представляло картину необыкновенной пестроты, несмотря на «отмирание» мелких купюр, утративших всякую покупательную силу.

Не считая облигаций, купонов и серий государственного казначейства, в обращении формально находилось 78 различных образцов денежных знаков (обязательства имели хождение повсеместно на тех же основаниях, как и кредитные билеты, расчетные знаки и денежные знаки). В действительности число образцов в обращении было, разумеется, значительно меньше. Не только дореволюционные казначейские знаки, но и знаки достоинством в тысячи рублей утратили всякую покупательную силу. В середине 1922 года рубль был обесценен приблизительно в 5—6 миллионов раз и, следовательно, купюра в 50.000 руб. (или 5 руб. образца 1922 г.) имела покупательную силу довоенной копейки. Путем обмена ветхих знаков, невыпуска из казначейства, утраты и пр. значительная часть образцов денежных знаков исчезла из обращения. Однако, пестрота оставалась все же крайне неудобной. Только в 1922 году (декрет СНК от 28 июня 1922 года) все денежные знаки дореволюционного времени, периода временного правительства и эпохи военного коммунизма были из'яты из обращения.

Количество денег, которые необходимо было печатать, было столь велико, что работу по изготовлению их пришлось вести в нескольких пунктах: в Москве, Ленинграде, Пензе, Перми и Ростове-на-Дону. Число рабочих управления фабриками заготовления государственных знаков достигало на 1 января 1921 года 13.616 человек.

Реальная ценность месячной эмиссии, составлявшая еще в 1918 г. несколько десятков миллионов золотых рублей в месяц (по индексу статистики труда), превышавшая еще в среднем за месяц 1919 г. 18 миллионов золотых рублей, уже едва достигавшая 10 миллионов в 1920 г. упала в первое полугодие 1921 г. до нескольких миллионов рублей. Это были цифры совершенно ничтожные и указывавшие на отмирание денежного хозяйства. До начала 1921 г. такое его отмирание и составляло прямую задачу экономической политики. Советская власть строила хозяйственную систему, в которой деньги в старом смысле слова не были нужны, и после некоторых колебаний она стала прямо ориентироваться на отмену денег.

Уже второй всероссийский с'езд советов народного хозяйства, заседавший в Москве в последних числах декабря 1918 года, подошел вплотную к формулированию новой идеологии в следующих словах: «Развитие социалистического переустройства в области экономической жизни требует отрешения от прежних капиталистических отношений в производстве и устранения, в конечном итоге, всякого влияния денег на соглашения хозяйственных элементов. Искоренение частных финансовых учреждений, концентрация основных отраслей производства в руках государства и сосредоточение распределения в ведении государственных органов являются достаточным основанием для последовательного устранения в хозяйственной жизни денежного обращения в тех размерах, в каких оно было до сих пор».

Принципиально еще определенней высказывается программа Российской Коммунистической партии, принятая восьмым с'ездом в марте 1919 года. «В первое время перехода от капитализма к коммунизму,—гласит § 15 ее,—пока еще не организовано полностью коммунистическое производство и распределение продуктов, уничтожение денег представляется невозможным. При таком положении буржуазные элементы населения продолжают использовать остающиеся в частной собственности денежные знаки в целях спекуляции, наживы и ограбления трудящихся. Опираясь на национализацию банков, Российская Коммунистическая Партия стремится к проведению ряда мер, расширяющих область безденежного расчета и подготовляющих почву к уничтожению денег»...

В 1920 году один из видных вдохновителей экономической политики этой эпохи Ю. Ларин оценивал состояние денежного хозяйства страны и перспективы его развития в следующих словах: «Постоянное умирание денег нарастает по мере роста организованности советского хозяйства... Деньги, как единое мерило ценности, не существуют вовсе. Деньги, как средство обращения, могут быть упразд-

нены уже в значительной степени... Деньги, как средство платежа, окончат свое существование, когда советское государство... избавит (рабочих) от необходимости бегать по сухаревкам. И то, и другое находится в пределах нашего предвидения и практически разрешится в ближайшие же годы. А тогда деньги потеряют свое значение, как сокровище, и останутся только тем, что они есть в действительности: цветной бумагой» («Деньги», «Экономическая Жизнь», 7 ноября 1920 г. № 250).

В последние годы финансовое законодательство и административная практика последовательно работают в указанном направлении.

Проблема заключалась, как тогда считали, прежде всего в том, чтобы заменить платежи наличными деньгами так называемыми безденежными расчетами, т.-е. бухгалтерскими записями в книгах на основании тех или других документов: чеков, оборотных ассигновок и т. п. В этой области приходилось справляться лишь с техническими затруднениями, вызванными тем, что задачу нужно было разрешать в очень широком масштабе и в условиях крайне расшатанного счетоводства всех предприятий и постоянной их реорганизации. Но самая практика безденежных расчетов была хорошо знакома и капиталистическому хозяйству; речь шла лишь об использовании и приспособлении к новой обстановке известных уже методов и образцов.

Декрет Совета Народных Комиссаров от 2 мая 1918 г. потребовал, чтобы все денежные средства, находившиеся в заведывании и на хранении советских учреждений или должностных лиц, вносились в кассы Народного Банка или государственного казначейства и чтобы все платежи производились только по ассигновкам и чекам. Разрешалось держать в кассе лишь авансы, отпускаемые на мелкие операционные или командировочные расходы. Постановление Высшего Совета Народного Хозяйства от 30 августа 1918 г. требовало, чтобы все национализированные предприятия сдавали продукты своего производства на учет соответствующим «центрам», главным комитетам или отделам и получали от последних все необходимые материалы и сырье с тем, чтобы «расчет за сданные и полученные таким образом продукты производился бухгалтерскими записями, без участия денежных знаков». Бухгалтерскими же записями должны были производиться и расплаты со всеми потребителями—советскими организациями и учреждениями. Декрет СНК от 23 января 1919 г. устанавливал определенный порядок расчетных операций между национализированными, муниципализированными и находящимися под их контролем (на учете) учреждениями Высшего Совета Народного Хозяйства, Народного Комиссариата Продовольствия и провин-

циальных советов народного хозяйства, а также между промышленными и торговыми предприятиями: все взаимные расчеты должны были производиться «бухгалтерским способом без участия денежных знаков». Декретом 6 января 1920 г. эти постановления были распространены на кооперацию. Декрет СНК от 25 июля 1920 года о реквизициях и конфискациях устанавливал, что всякие суммы наличных денежных средств, хранящиеся у частных лиц и превышающие, в общей сложности, двадцатикратную минимальную тарифную ставку данной местности на одно лицо (независимо от образцов денег), подлежат принудительному внесению на текущие счета владельцев в государственные кассы.

Далее были приняты меры к разрыву связей между государственным и внегосударственным хозяйством,—тех связей, которые обслуживались наличными деньгами. Обращение к частным поставщикам для покупки каких бы то ни было товаров разрешалось советскими учреждениями и государственными предприятиями только в случае невозможности получить их у соответствующих советских учреждений, производящих или распределяющих эти товары, и обставлено было рядом формальных ограничений. Декретом Совета Народных Комиссаров от 15 июля 1920 года приобретение товаров советскими учреждениями и предприятиями у частных поставщиков было еще более стеснено. Задача декрета была по возможности покончить с «вольным рынком». Декрет гласил, что все советские и общественные учреждения, предприятия и организации, нуждающиеся в каких бы то ни было предметах, обязаны для получения их обращаться в соответствующие распределительные советские учреждения. Всякая покупка изделий, материалов, продуктов и т. п. непосредственно на вольном рынке этим учреждениям и предприятиям запрещалась. Она разрешилась лишь советским учреждениям и кооперативным организациям, входившим в состав общегосударственного заготовительного аппарата, притом только тех предметов, заготовка коих была возложена на данное учреждение и по ценам, установленным особой оценочной комиссией при Рабоче-Крестьянской Инспекции.

Государственная власть не только не считала себя заинтересованной в расширении емкости денежного рынка, но, напротив, систематически принимала меры к сужению его с тем, чтобы перейти потом к полной ликвидации денег и денежного учета.

Резолюция второй сессии ВЦИК (18 июня 1920 г.) по докладу Народного Комиссариата Финансов всецело проникнута идеей уничтожения денежной системы и ставит соответствующие требования комиссариатам. «Признавая деятельность Народного Комиссариата Финансов, выразив-

шуюся: 1) в проведении такого упрощения аппарата Наркомфина в центре и на местах, которое делает возможным превращение его в центральную бухгалтерию пролетарского государства; 2) в содействии проведению сметного принципа для превращения прежнего государственного бюджета в бюджет единого хозяйства РСФСР в целом, и 3) в стремлении к установлению безденежных расчетов для уничтожения денежной системы,—в общем соответствующей основным задачам хозяйственного и административного развития РСФСР», ВЦИК поручал принять действительные меры к дальнейшему проведению в жизнь намеченной системы хозяйственного управления.

С уничтожением денег нужно было найти новые методы для разрешения трех хозяйственных проблем. Во-первых, метод распределения. Он был найден в том, что государственная власть назначала содержание пайка, основываясь на тех соображениях, о коих речь шла выше. Во-вторых, метод учета всего того, что имелось, производилось и распределялось в государственном хозяйстве. Предполагалось, что эта задача может быть разрешена всеобщим натуральным учетом. Государственный бюджет в едином государственном хояйстве должен был охватить все проиводство и все распределение и «в результате материализации» сделаться «ничем иным, как планом распределения всех вещественных и личных элементов государственного хозяйства по отдельным отраслям» (К. Ф. Шмелев, «Основные проблемы учета в государственном хозяйстве пролетариата», Сборник «Денежное обращение и кредит в России и заграницей», т. I, М. 1922, стр. 373). Разрешить практически эту задачу было очень мудрено и попытки в этом направлении в период гражданской войны и страшнейшего хозяйственного развала были слишком слабы для того, чтобы на них стоило останавливаться. Что касается третьей проблемы, то она заключалась в замене ценностного измерения каким-либо иным принципом, который позволил бы судить о степени успешности хозяйственной работы. Эта проблема представляет значительный теоретический интерес и мы рассмотрим ее в отдельной главе.

В заключение этой главы следует сказать несколько слов о лажах, о валютной политике и о судьбах золотого фонда. Источники становятся скудными и отрывочными, когда мы переходим к этим вопросам.

Прежде всего надо отметить, что существовал лаж на «царские» кредитные билеты и на «керенки», т.-е. имела место различная оценка разных образцов. Мы увидим

дальше, что местами (в Средней Азии) существовала даже различная расценка разных образцов советских денежных знаков. Впрочем, последнее обстоятельство вызвано было специфическими особенностями денежного обращения революционного периода в Туркестане и в Бухаре, а лаж на «царские» и «керенские» деньги существовал втечение нескольких лет повсеместно. На первых порах он обусловлен был мотивами политического порядка, т.-е. неуверенностью в прочности советской власти. Но главным обстоятельством, влиявшим на самое существование и на высоту курса, было хождение кредитных билетов старых образцов в зарубежных государствах, выделившихся на западе из бывшей империи и имевших общее с нею денежное обращение: в Эстонии, Латвии, Литве и Польше. До тех пор, пока все эти государства не создали своих собственных денежных систем, русские рубли до октябрьских образцов имели в них хождение. Старые рубли, в качестве денег окраинных государств котировались даже на некоторых иностранных биржах. В Советской России на них существовал спрос со стороны реэмигрантов и жителей приграничной полосы. Вследствие их повышенного курса на них возникал еще дополнительный спрос, как на орудие сбережения, казавшееся сравнительно надежным; впрочем, лица, сберегавшие бумажные деньги старых образцов, обманулись в своих надеждах, ибо к 1921—1922 гг. эти внутренние лажи уже исчезли. (Ср. З. С. Каценеленбаум, «Денежное обращение России 1914—1924», М. 1924, стр. 76 и след.).

В области законодательства о драгоценных металлах и иностранной валюте установлены были следующие положения. Декрет 25 июля 1918 г. о спекуляции воспретил под страхом лишения свободы на срок не ниже 10 лет, соединенного с принудительными работами и конфискацией всего имущества, скупку и хранение платины, серебра и золота в сыром виде, в слитках или в монете. Постановление Народного Комиссариата Финансов от 3 октября 1918 г. обязывало впредь сдавать иностранную валюту Кредитной Канцелярии по установленным ею курсам. Вывоз валюты заграницу обусловливался получением специального разрешения от НКФ.

Подпольные сделки совершались, конечно, втечение этого периода, но операции с золотом и иностранной валютой получили или сохранили широкое распространение лишь на окраинах, т.-е. по большей части на тех территориях, которые лишь к концу эпохи военного коммунизма (а иногда и по окончании этой эпохи) признали власть советов. На большей части территории нынешнего Союза сделки с золотом и иностранной валютой играли незначительную роль. В системе натурального хозяйства золото было бесполезно.

В стране, оторванной от других государств, иностранные банкноты не были нужны. Вольный рынок был незначителен и торговля стала настолько мелкой, что золотая десятирублевка была бы для этого рынка очень крупной и неудобной монетой. Рынок не пользовался ею и еще менее он склонен был пользоваться в качестве орудия обмена иностранными деньгами. Вместе с тем мало кто мог делать сбережения втечение всей этой эпохи. Всего вероятней, что золото и иностранная валюта, поскольку они не лежали неподвижно у тех, кто ими владел, совершали движение по направлению к периферии и оттуда уходили заграницу либо в уплату за контрабандные товары, либо в качестве той наличности, которую увозили с собой эмигранты. Никто не в состоянии был бы определить, насколько велики были эти суммы.

К сожалению, нет также сведений о том, каковы были курсы золотых монет и иностранных банкнот. Можно только утверждать с полной уверенностью, что в центральных районах, т.-е. там, где советская власть существовала всего дольше и была наиболее прочна, эти курсы были очень низки по сравнению с ценами отдельных товаров и с средним уровнем товарных цен. Сколько-нибудь надежный материал о цене золотой монеты дореволюционной чеканки имеется лишь с 1921 года, когда Народный Комиссариат Финансов стал скупать ее через свои местные органы. Есть также данные о цене десятирублевой монеты в 1920 г., помещенные в «Бюллетене» Кон'юнктурного Института, но собранные не Кон'юнктурным Институтом. Происхождение этих данных неизвестно и к ним надо относиться с большой осторожностью. Все эти сведения перепечатаны в сборнике «Наше денежное обращение», стр. 227 и мы сопоставляем их ниже с индексами товарных цен за те же месяцы (см. стр. 82).

Судя по этим данным, золото было обесценено по сравнению с товарами, примерно, от 2 до 4½ раз, если допустить, что курс его был повсеместно одним и тем же. Если сопоставить цену золота не с всероссийским, а с московским индексом цен, то соотношения изменяются не «в пользу» золота еще почти в два раза. Но такое сопоставление едва ли более правильно, так как московские цены были очень высоки по совершенно особым причинам, не имевшим отношения к ценности золота. Соотношения 1920 года, вероятно, были недалеки от тех, которые существовали в 1919 и в 1918 году. Нет, по крайней мере, оснований предполагать, чтобы дело обстояло иначе и это подтверждается теми цифрами, которые приведены у Л. К. Солдатова («Революция ценности золота на мировом рынке и в России», М. 1924, стр. 79) и которые мы не воспроизводим, потому что нам не известно их происхождение.

	Среднемесячные московские вольные курсы золотой 1 р. монеты	Индекс товарных цен статистики труда (среднее между инд. на 1 число данного и след. месяца)	Цена десятирублевой монеты в индексных рублях
Январь 1920 г.	12 000	2 755	4,36
Апрель 1920 „	17 000	5 275	3,22
Июль 1920 „	20 000	8 605	2,32
Октябрь 1920 „	35 000	10 060	3,48
Январь 1921 г.	95 000	19 200	4,95
Апрель 1921 „	115 000	39 200	2,93
Июль 1921 „	177 000	80 500	2,20
Октябрь 1921 г.	407 000	88 700	4,59

Что показывает приведенный выше ряд цифр?

В движении ценности золота (в сравнении с движением цен товаров) наблюдаются сезонные колебания. Золото дешевеет от января к июлю и затем дорожает от июля к январю. Одно и то же движение повторяется в 1920 и в 1921 году.

В эту эпоху золото—не деньги, а товар и не трудно об'яснить, почему наблюдаются указанные колебания в относительной цене этого товара. Золото дорожает от июля к январю, во-первых, потому, что после уборки урожая положение на товарном рынке становится более легким и, во-вторых, потому, что в этот период со стороны крестьян и мешечников, вероятно, усиливается спрос на металлическую монету, как на орудие сбережения. Обратный процесс совершается с января, когда запасы хлеба становятся все более скудными, до момента уборки урожая. Золото очень упало в цене в июле 1921 г., вероятно, потому, что накануне жестокого неурожая положение хлебного рынка было крайне напряженным и весьма возможно, что крестьяне, бросавшие родные места и пускавшиеся странствовать в поисках пропитания, продавали в это время немало «десяток», прикопленных на черный день. Цена золота очень поднялась к осени и зиме 1921 года, несмотря на то, что год был голодным, потому, что к этому времени появился уже значительный

городской «нэпманский» спрос. Нам думается, что описанные условия,—сезонные колебания в связи с состоянием сельскохозяйственного рынка для эпохи военного коммунизма; появление нового накопления с переходом к новой экономической политике,—были основными моментами, определявшими оценку золота. Однако, не исключено, что догадка Л. К. Солдатова о некотором влиянии германского золотого рынка на российский имеет основания. Л. К. Солдатов отмечает резкое повышение относительной цены золота в Германии к зиме 1920 г. и затем снова к зиме 1921 г. под влиянием местных политических условий. Возможно, что через контрабандную торговлю эти явления центральной Европы влияли на расценку золота сперва на советских окраинах, а затем во всей стране; это тем более возможно, что рынок такого портативного товара, как золото, мог быть чувствителен ко всем внешним воздействиям, даже в условиях изолированности советских республик.

Общая картина движения золотых запасов в эпоху военного коммунизма достаточно ясна, хотя в материалах имеются некоторые расхождения цифр. Отдельные элементы этой картины известны русскому читателю из работ З. С. Каценеленбаума («Учение о деньгах и кредите», ч. 1, 1922 г., стр. 230), Н. Н. Любимова («СССР и Франция», 1926, стр. 41) и А. И. Погребецкого («Денежное обращение и денежные знаки Дальнего Востока за период войны и революции 1914—1924», 1924 г.). В последующем изложении мы опираемся преимущественно на данные той статьи В. Новицкого, которую мы уже цитировали во «введении», и на материалы Наркомфина.

Мы видели во «введении», что золотой запас внутри страны составлял к моменту октябрьской революции 1.101 млн. руб. По военным соображениям, дореволюционное правительство эвакуировало часть его в Саратов и Самару. Затем, уже при советской власти, в связи с начавшимся движением чехо-словацких войск, золото было переброшено из Саратова и Самары в Казань. Судьба этого «казанского золота» и оказалась в дальнейшем наиболее сложной. Оно было захвачено белыми, возвращено в Самару, затем перевезено в Уфу и отсюда направлено в Омск. Это золото послужило одним из основных источников покрытия расходов правительства Колчака. Часть этого же золота попала в руки атамана Семенова. Кое-что было разграблено во время передвижения при крушении поезда, содержавшего золотой транспорт, в 1919 г. Тогда же уцелевшая часть транспорта перешла в Нижнеудинске под охрану чехо-сло-

вацких войск и находилась некоторое время в их фактическом обладании. Некоторые суммы, не израсходованные правительством Колчака и не вывезенные им за границу, были обращены на покрытие расходов дальневосточных правительств уже после падения колчаковского правительства. С округлением, неизбежным вследствие расхождения имеющихся данных, сумма золота, вывезенного из Казани на восток, может быть принята в 650 млн. руб. В центре оставалось по этому расчету 1.101 млн. минус 650 млн., т.-е. 451 млн. руб.

О движении вывезенного запаса от Казани до Омска мы находим у В. Новицкого следующее описание: «Из Казани золото было перевезено в конце августа 1918 г. на пароходах в Самару, где оно хранилось до от'езда членов Учредительного Собрания в Уфу, затем золото было перевезено в Уфу. Впродолжение своего пребывания в этом городе члены Учредительного Собрания вели переговоры с Сибирским правительством, которое образовалось уже к этому времени в качестве правительства коалиционного. Каждая из двух сторон опиралась на реальную силу, которую она пыталась использовать в этих переговорах: в распоряжении членов Учредительного Собрания был золотой запас, Сибирское же правительство располагало новой добровольческой армией. Первая из этих двух групп находилась в очень затруднительном положении, вследствие отсутствия у нее хороших войск, так как к этому времени остатки народной армии были уже окончательно деморализованы. С другой стороны, финансовое положение Сибирского правительства было критическим и у него было только одно средство приобрести реальную финансовую силу: получить золотой запас. Под влиянием наступления большевиков Народное правительство (Учредительного Собрания) решило переехать из Уфы в Челябинск, увезти с собой золотой запас и продолжать переговоры с Сибирским правительством. Но затем произошли события, которых члены Учредительного Собрания не предвидели. Когда поезд с народными представителями прибыл в Челябинск, члены Учредительного Собрания отправились на поиски места хранения для золота, и они остановились, как на подходящем помещении, на элеваторах Государственного Банка. Но, возвратившись на станцию, они уже не нашли на ней поездов, погруженных золотом, так как последние, по приказу, происхождение которого выяснить не удалось, отправлены были в Омск, куда они беспрепятственно и прибыли. Эта хитрость Сибирского правительства лишила Народное правительство самого крупного козыря в его переговорах с Сибирским правительством. Действительно, захват золота быстро привел к осязаемым результатам, а именно, к образованию «Дирек-

тории» на основе коалиции обоих правительств. Как известно, Директория просуществовала недолго и была заменена верховном правительством адмирала Колчака» (W. Novitsky, «Le Stock d'or de la Russie» в сборнике «La dette publique de la Russie», Paris, 1924, pages 215, 216).

Из Омска было отправлено во Владивосток золота по данным Новицкого на 279 млн. руб., а по данным Приморской Рабоче-Крестьянской Инспекции и Иркутского Губфинотдела 233 млн. плюс еще около 2.000 пудов серебристого золота и золотистого серебра, самородков и других разновидностей. Если принять во внимание вероятную ценность этих 2.000 пудов, то между данными Новицкого и советскими сведениями разница не очень велика. Из этих сумм правительство Колчака продало во Францию, в Англию и в Японию через различные восточные банки металла на 68,3 млн. руб. и депонировало сверх этого заграницей 126,8 млн. руб., что составляет всего 195 млн. руб.: таковы данные Новицкого. По данным же Иркутских и приморских советских учреждений, продано было от 2.733 пудов (данные Приморской РКИ), до 3.232 пуд. (данные Иркутского Губфинотдела) и депонировано от 6.359 пуд. (приморские данные), до 5.637 пуд. (иркутские данные), т.-е. всего от 9.092 пуд. до 8.869 пуд. золота. Первый итог даст сумму в 191 млн. руб., не очень далекую от цифры Новицкого. Другая часть золота, направленного во Владивосток, была захвачена атаманом Семеновым, и она определяется в 42 млн. руб. Третья часть, остающаяся за вычетом из 279 млн. (по цифре Новицкого) или 233 млн. руб. плюс 2.000 пудов (по советским данным) расхода Колчака (191—195 млн.) и захвата Семенова (42) была перевезена позднее в Благовещенск, как место наиболее безопасное для ее хранения. Она могла составить по этим данным 42—46 млн. рублей (по данным, приведенным у А. И. Погребецкого (стр. 109 и след.), она была даже больше и составляла 50 млн.). Она и образовала тот «неприкосновенный запас», на котором базировали свои валютные мероприятия и денежные реформы Владивостокские власти уже после падения колчаковского правительства (см. ниже гл. IV). Она была израсходована частью во Владивостоке, частью в Благовещенске, частью в других местах Дальнего Востока и помогла преодолевать финансовые затруднения до советизации Дальнего Востока в те моменты, когда местные власти не могли уже опираться на эмиссию бумажных денег.

«Казанский запас», за исключением золота, отправленного во Владивосток, оставался в Омске до ноября 1919 года. Этот остаток был погружен, по описанию В. Новицкого «в течение десяти дней от 28 октября до 8 ноября в специальный поезд в составе сорока вагонов. Поезда адмирала

Колчака под литерами А, Б, В, Г, Д, и блиндированный поезд отправились из Омска днем 12 и ночью 12 и 13 ноября. Омск был занят вечером 15 ноября. Адмирал Колчак покинул Омск в поезде Б, а в поездах А, В, Г, Д, находились генеральный штаб, канцелярия и гвардия. На станции Татарская поезд Б столкнулся с поездом, в котором находилось золото, и возник пожар, который разрушил 8 вагонов. 80 человек из гвардии были убиты и 30 ранены. Несколько ящиков золота были потеряны и после погрузки остальных в другие вагоны поезда прибыли в Ново-Николаевск, где они остались до 4 декабря, когда, после ряда инцидентов удалось отправить поезда дальше на восток. Чехи, которые до этого времени завладели всеми паровозами для эвакуации своих войск, отказались предоставить адмиралу Колчаку те 7 паровозов, которые были ему необходимы. Они уступили только вследствие вмешательства представителей иностранных держав и под давлением генерала Сировуа. В это время линия была занята и в течение 24 часов можно было пропускать только два поезда. Поэтому 4 поезда адмирала Колчака сумели дойти только до Красноярска и лишь 2,—тот, в котором находился адмирал Колчак и тот, в котором перевозилось золото,—достигли Нижне-Удинска. На этой станции произошли события, которые всем известны: адмирал Колчак покинул свой поезд и транспорт с золотом... С того момента, когда поезд с золотом остался в Нижне-Удинске, дальнейшая судьба золотого запаса не может быть уже установлена с той же степенью точности и вся ответственность за его сохранность ложится на чехо-словаков. На основании перемирия, заключенного между большевиками и чехами в конце января 1920 г., золото было передано представителям большевиков. Эта передача была условием свободного прохода чешских войск на восток» (В. Новицкий, стр. 218, 219, 220).

Из всего «Казанского запаса» советскому правительству удалось получить обратно 409 млн. руб. (по данным Иркутского Финансового Отдела, очень близким к данным В. Новицкого). Сверх казанского золота имелось еще около 451 млн. (остаток на конец 1917 г.; 1.101 млн, минус казанское золото—около 650 млн.) и сумма составляет, таким образом, 860 млн. Однако, из этого фонда пришлось произвести один крупный расход. По дополнительному к Брестскому договору русско-германскому финансовому соглашению от 27 августа 1918 г. Германия должна была получить пятью взносами около 320 млн. руб. Германская революция привела к аннулированию Брестского договора, но 121 млн. руб. были уже выданы к этому времени и перешли затем к Франции и Англии на основании Версальского мира (см. Н. Н. Любимова, стр. 41). За вычетом этой суммы золотой

запас составлял 739 млн. Это и была сумма, сохранившаяся ко времени окончании гражданской войны.

Как известно, внешняя торговля Советской России, возобновившаяся в 1920 г., носила на первых порах исключительно пассивный характер. Потребности страны, опустошенной гражданской войной и постигшим ее в 1921 г. неурожаем, были огромны и товарами для вывоза она, естественно, не располагала. В последний год эпохи военного коммунизма и в первое время после перехода к новой экономической политике пришлось, поэтому, производить за границей очень большие расходы, на которые была обращена часть золотого фонда; может быть, кроме об'ективной необходимости крупных затрат на первых порах известную роль сыграло еще и то обстоятельство, что в 1920—21 г., при господстве идеологии безденежного хозяйства, преуменьшилось значение золотого запаса. Другая часть золотого фонда оставалась в следующие годы в качестве особого государственного резерва в администрировании Народного Комиссариата Финансов. Довольно крупные суммы из нее в разные сроки переданы были Государственному Банку, учрежденному в 1921 году. Со временем основное значение в качестве обеспечения новой эмиссии и в качестве фонда для производства иностранных платежей приобрел валютный и золотой запас Государственного Банка и в последующих главах мы будем уже останавливаться только на нем.

Глава II

ПРОБЛЕМА БЕЗДЕНЕЖНОГО ХОЗЯЙСТВА

В то время, как гражданская война уже близилась к концу и наступил момент перехода к новым формам хозяйственного строительства и управления, в академических и ведомственных кругах шла разработка вопроса о тех методах учета, которые должны будут применяться в советской хозяйственной системе вслед за полной ликвидацией денежного обращения и денежного хозяйства.

Проблема считалась актуальной. В кругах Высшего Совета Народного Хозяйства мысль начала, повидимому, усиленно работать в этом направлении во второй половине 1919 года. В январе 1920 г. третий с'езд Советов Народного Хозяйства подошел вплотную к вопросу о безденежном учете и один из тезисов доклада о финансировании национализированной промышленности «в виду чрезвычайной неустойчивости денежной единицы (рубля) для учета хозяйственных операций» предлагал «поставить задачу» установления «твердой учетной единицы в хозяйстве и бюджете страны, взяв за основание измерения единицу труда». И хотя резолюции по этому вопросу принято не было, финансово-счетный отдел Высшего Совета Народного Хозяйства после с'езда организовал изучение вопроса в специальной комиссии. Год спустя (26 января 1921 г.) по представлению Народного Комиссариата Финансов Совет Народных Комиссаров вынес обширную резолюцию по вопросу о разработке основ материального учета и о расчетах между ведомствами и в одном из пунктов ее (4, 3, б) предложил «безотлагательно приступить к разработке счетной единицы, как общего мерила оценки, наиболее соответствующего трудовому строю». Разработка вопроса велась междуведомственной комиссией при НКФ по подготовке реформы по «материализации бюджета» и по выработке нового ценностного измерителя. Здесь (в валютной подкомиссии) составлены были проекты Декрета и Положения «о трудовой единице учета в государственном хозяйстве РСФСР».

В начале 1921 года Высшим Семинарием с. х. экономии и политики при Петровской Сельско-Хозяйственной Академии выпущено было исследование под заглавием «Методы безденежного учета хозяйственных предприятий» (вып. II трудов семинария), причем руководитель семинария проф. А. В. Чаянов в предисловии к этому выпуску писал: «Вопросы безденежного учета хозяйства переходного периода уже два года входят в круг работ Высшего Семинария сельско-хозяйственной экономии и политики. Поэтому предложение комиссии Народного Комиссариата Земледелия, стоящей перед проблемой учета советских хозяйств, придать этим работам более практический уклон и опубликовать их,—позволило нам в самый кратчайший срок составить и опубликовать прилагаемый сборник». Это предисловие датировано 1 октября 1920 года.

Кроме учреждений в обсуждении вопроса принимали участие и отдельные теоретики и практики. Можно назвать А. Л. Вайнштейна, Ю. Е. Варга, Х. Керве, С. Клепикова, В. Сарабьянова, М. Смит, С. Г. Струмилина, А. В. Чаянова, К. Ф. Шмелева. То, что было написано у нас по этому вопросу в 1920—21 г. очень неравноценно по оригинальности мысли и по степени продуманности предложений. Но мы считали бы неправильным обойти молчанием самую проблему и ту литературу, которая пыталась ее разрешить. Этот эпизод из истории экономической мысли был так тесно связан со всей экономической политикой и в частности с денежной политикой того периода, который описан был в предыдущей главе, что мы получили бы неполное представление об эпохе, если бы отказались дать отчет о том, как обсуждалась указанная проблема. Сделать это представляется тем более целесообразным, что вопрос имеет не только историческое значение, но представляет также теоретический интерес.

С внешней стороны настоящая глава построена целиком на анализе той небольшой русской литературы, которая выдвинула в 1919—1921 гг. различные предложения по вопросу о формах учета в социалистическом хозяйстве. Но вопрос был не новым, как в русской литературе, так и в мировой. Различные предложения и критические отзывы о разных проектах имеются в социалистической и в несоциалистической литературе в очень большом количестве. Вопроса о судьбе денег в обществе будущего не могли не коснуться в большей или меньшей степени утопические построения, размышления и системы Кампанеллы, Томаса Мора, и Кабэ, Сен-Симона, Оуэна, Фурье и Прудона. У Родбертуса, Маркса, Энгельса и Каутского имеются замечания и предложения очень существенные для освещения этого вопроса. В работах Шефле («Bau und Leben des Sozialen Körpers» и «Quintessenz

des Sozialismus»` есть мысли и схемы, которые, на наш взгляд, заслуживают внимания. В новой литературе в числе других интересны работы Туган-Барановского («Социализм, как положительное учение»), Нейрата («Vollsozialisierung», 1910, «Kriegswirtschaft», 1919, «Wirtschaftsplan und Naturalrechnung», 1925), Лейхтера («Die Wirtschaftsrechnung in der Sozialistischen Gesellschaft», 1923), Кона («Kann das Geld abgeschafft werden», 1920), Мизеса («Die Gemeinwirtschaft», 1922), критические статьи А. А. Соколова («Социалистическое хозяйство, цена и деньги», 1922), З. С. Каценеленбаума («Проблема денег в социализме», 1922) и др. Но мы не останавливаемся здесь на этой литературе и не цитируем ее, потому что иначе эта глава не могла бы занять место в специальной работе, посвященной только истории денежной политики советской революции,и должна была бы разростись в отдельное исследование. Но это не значит, что те точки зрения, которые высказаны и обоснованы в перечисленных работах, не приняты во внимание в последующем изложении, особенно в критической его части. Вслед за этой оговоркой мы можем перейти к некоторым общим размышлениям, которые следует предпослать рассмотрению литературы 1919—1921 гг.

Для всякого хозяйствующего суб'екта цель хозяйствования заключается в удовлетворении его потребностей, или, другими словами, в обеспечении, или в повышении его благосостояния. Но ни в отношении потребностей, ни в отношении благосостояния мы не знаем *действительного* способа их измерения. Такого способа не существует даже для отдельного лица и его тем более нельзя найти для совокупности многих лиц, ибо потребности людей *в точном смысле слова* несоизмеримы. Но раз задачей хозяйствования остается повышение благосостояния и ни один хозяйствующий суб'ект не может отказаться от постановки вопроса о том, насколько удовлетворительно он эту задачу разрешил, то из этого противоречивого положения необходимо найти какой-нибудь *практический* выход. Не будучи в состоянии найти *точный ответ*, люди довольствовались на всех стадиях хозяйственного развития неточными, или, лучше сказать, условными ответами и для практических целей такой неточный или условный ответ обычно оказывался достаточным.

При натуральном хозяйстве крестьянин или помещик решает вопрос о том, какое место отвести в хозяйстве скотоводству, земледелию, или обработке продуктов, на основании своих соображений о своих собственных интересах и об интересах своей семьи. Как бы значительна ни была в данном случае роль традиции, кое что остается и на долю хозяйственного *расчета*. Хозяин соразмеряет правомерность и значительность потребностей своих чад и домочадцев. Применительно к своей оценке этих потребностей он строит

свой план производства и потребления. Он ведет материальный учет тому, что создастся и потребляется в его хозяйстве. Он считает, сопоставляет, совершает выбор между разными возможностями и решает. Без этого не было бы и хозяйства, как процесса, если не рационального, то хотя бы сколько-нибудь рационализированного. Но техника хозяйственного счета в условиях натурального хозяйства очень груба, методов сведения всех элементов хозяйства воедино не существует, и на вопрос о движении благосостояния можно получить ответ лишь в том случае, если имевшие место перемены достаточно велики для того, чтобы даже при грубом подсчете результативная картина была уже ясна.

В процессе исторического развития создаются многочисленные и сравнительно тонкие формы учета производства и распределения хозяйственных благ. Мы говорим не о «форме», а о «формах», ибо их имеется много. Наиболее общую и для товарно-денежного хозяйства принципиально наиболее существенную образует ценностно-денежный счет, основанный на том, что хозяйственное благо является товаром, что для товара существует цена и что цена выражена в денежной единице, пользующейся в пределах данного народного хозяйства всеобщим признанием.

Но ценностно-денежный счет и для товарно-денежного хозяйства не является и не может быть единственным. Не говоря уже о том, что и сам он не может не опираться на учет натуральных единиц,—пудов, аршин, ведер продукта,—предприятия не могут,—даже при самой развитой товарно-денежной системе,—ограничиться одним только ценностным измерением в его наиболее общей форме. Примеры общеизвестны. Качество племенного скота принято оценивать при помощи бальных отметок статей отдельных животных, принимая условные числа за высшие нормы, устанавливая затем отметки для каждой особи в соответствии с качеством отдельных ее статей и вычисляя сумму всех отметок. Искомое число выражает один из видов хозяйственной о ц е н к и. Для решения вопросов, связанных с использованием топлива, принимают за единицу число калорий, которые дает определенное количество угля, нефти или дров и в этой единице производят о ц е н к у всего запаса. Железнодорожные предприятия ведут счет пудоверстам, пассажироверстам, осеверстам и т. п. для разрешения своих специальных задач. Все это—методы измерения не только технического, но и хозяйственного значения. Но ни одна форма учета, кроме ценностно-денежной, не является всеобщей, не может служить формой учета в с е г о, что происходит внутри данного предприятия и вне его. Ни одна другая форма не делает в с е хозяйственное сравнимым и не позволяет сопо-

ставить итог всех затрат с итогом всех полученных результатов. Именно хозяйственно-ценностная форма приобретает поэтому в товарно-денежном хозяйстве решающее значение.

Хозяйственно-ценностный счет в современной его форме ведется в единицах, данных денежной системой. На рынке устанавливается цена каждого товара, а задача денежной политики добиться того, чтобы единица, в которой выражены цены, т.-е. денежная единица была по возможности неизменной. Если эта задача разрешена удовлетворительно, предприятие калькулирует в спокойной уверенности, что в своей работе оно может положиться на те выводы, к которым его приводит ценностно-денежный учет.

Что же сделало цену таким высшим критерием в хозяйственных делах? Цена о которой идет речь, есть денежная сумма, выручаемая на рынке за единицу товара. Оставляя в стороне все спорные вопросы теории ценности, и касаясь только отношений, лежащих близко к поверхности явлений, мы можем утверждать, что цена есть та денежная сумма, при назначении которой спрос на товар и предложение товара приходят в состояние равновесия. Вся жизнь рынка может быть рассматриваема с точки зрения поисков равновесия и рынок является тем более организованным и в этом смысле совершенным, чем полнее обеспечено скорейшее нахождение его. Стремление к равновесию присуще всякой хозяйственной системе. Если даже понятие равновесия есть лишь познавательный принцип, то в самих явлениях должно заключаться нечто адэкватное этому принципу, ибо только в этом случае возможно плодотворное его применение. Товарно-денежное хозяйство находит свое равновесие через посредство цены. Через нее оно достигает (точнее, стремиться достигнуть) сперва равновесия между спросом и предложением, а затем—равновесия между издержками производства и результатами производственной деятельности. Это, конечно, верно только в качестве схемы, но только схема нам здесь и нужна.

В условиях товарно-денежного хозяйства всякое предприятие работает на рынок и здесь оно получает за все свои заботы и труды один вид удовлетворения—цену реализуемого товара в деньгах. Отсюда необходимость для всякого хозяина вести учет своим затратам и своей выручке в денежных единицах, отсюда же (до известных пределов) и достаточность для него такого учета. Раз все имеет цену и продается и покупается за деньги, то денежный счет (до тех пор, пока единица этого счета практически достаточно устойчива) может служить и служит регулятором всей хозяйственной деятельности.

Каковы бы ни были условия происхождения и функционирования метода денежно-ценностного учета, несомненно, что

по своей ясности, точности и полноте он представлял в истории хозяйственного развития огромный шаг вперед. Но мы должны оговорить, что и этот метод является условным и что и он не разрешает безупречно тех задач, которые были формулированы в начале настоящей главы.

Денежно-ценностный метод хорош тем, что он дает возможность сопоставить издержки с выручкой. Но это не всегда так, потому что издержки не во всех случаях могут быть точно определены. При учете себестоимости неизбежны условные предположения. Из них самое существенное заключается в том, как включается в калькуляцию амортизация основного капитала. Норма амортизации представляет коэффициент, хотя и взятый на основании прошлого опыта, но все же взятый довольно произвольно, ибо нужны были бы десятилетия стационарного хозяйства для того, чтобы исчислить его научно с безусловной точностью. В действительности значительная часть предприятий никогда не была вполне амортизована в порядке ежегодных отчислений, а другая, тоже значительная часть была переамортизована в том же порядке. Можно, конечно, утверждать, что это не есть дефект самой системы ценностно-денежного счета, а дефект человеческого знания и несовершенство ее применения. Теоритически такое утверждение верно. Но практически этот дефект всегда останется на лицо, особенно в развивающемся хозяйстве, где старые машины и приспособления через разные сроки в силу изменений в технике приходится заменять новыми.

Далее, в хозяйстве всякой капиталистической страны имеется множество цен, которые суть твердые цены монополистических или квазимонополистических предприятий, установленные на основании сложных,—и, чем более сложных, тем более условных,—соображений, иногда дающие сверхприбыли, иногда не покрывающие издержек производства, сплошь и рядом не обеспечивающие равновесия между спросом и предложением. Иногда нельзя даже точно установить, являются ли эти цены убыточными, или прибыльными для предприятия. Так обстоит дело с железнодорожными тарифами, если рассматривать отдельно каждую их категорию, ибо невозможно точно исчислить себестоимость каждой отдельной услуги, которую приходится тарифицировать. Так же дело обстоит с почтовыми тарифами и рядом других установленных цен. Очереди при отправке грузов свидетельствует о том, что спрос превышает предложение. Пустые места в вагонах показывают, что предложение больше, чем спрос. Нет ничего об'ективно обязательного в назначенном тарифе. Ни об одной из его ставок часто нельзя сказать, что она не могла бы быть иной. Между тем именно эти цены входят существенными элементами в

себестоимость многих товаров и то, что есть в них условного распространяется по всей совокупности обращающихся на рынке хозяйственных благ.

Затем существующая система хозяйственного учета и рынка ставит сама себе границу там, где хозяйственные блага предоставляются потребителю бесплатно. Так дело обстоит с мостовыми в городах, с освещением улиц, с дорогами, с публичными парками, музеями и проч. Цена каждого товара, перевезенного по асфальтовой мостовой, теоретически исчислена неправильно, раз в нее не введена соответствующая часть стоимости асфальтирования дороги. Тот, кто не платит за эти удобства, не имеет, конечно, основания включать их в свои калькуляции. Однако это означает, с одной стороны, что существующие калькуляции условны и не об'емлют всех затрат, и, с другой стороны, что исчисленный в денежных единицах доход не покрывает всех тех хозяйственных благ, которые фактически вошли в состав потребления.

Наконец, цены выражены в денежных единицах. Между тем содержание настоящей книги будет лишний раз иллюстрировать, насколько трудно добиться устойчивости денежной единицы в стране. Даже при наличии самых благоприятных хозяйственных условий задача никогда еще не была точно разрешена. Экономисты последних десятилетий уделяли этому вопросу много внимания и проблема замены денежной единицы, опирающейся на золото, другой единицей, более устойчивой, обсуждалась уже не только теоретиками, но и в кругах практических деятелей. Это обсуждение дало пока мало практических результатов и если оно со временем даст их больше, то все же единица абсолютной устойчивости никогда не будет найдена, ибо по самому существу ценностного измерения такой единицы нет и не может быть. Все измерения цен суть ныне измерения в колеблющейся единице и на практике (даже вне военных и революционных условий) бывают такие случаи, когда предприятие, считавшее, что оно накопляет капитал, в действительности проедало его.

Очень многое, таким образом, условно в порядке образования цен. Но кроме того, как давным давно известно, условно и самое значение цены. Существующий ценностный счет не всегда позволяет судить о том, насколько полно удовлетворяются потребности общества и отдельных его членов. В год хорошего урожая цена всего сбора хлебов может понизиться, как показывала еще старая формула Грегори Кинга. Однако высокий урожай очевидно полнее удовлетворяет потребности, чем низкий, и богатство (в противоположность ценности), по терминологии Д. Рикардо, или общая полезность, по терминологии А. Маршала, при

большом запасе благ всегда значительнее, чем при меньшем. Ценностный эффект ограничения производства и даже уничтожения хозяйственных благ (классические примеры которого,—уничтожение запасов кофе индерландской ост-индской кампанией в XVII веке, или запасов коринки греческим правительством,—вошли в экономические учебники) может быть положительным. Хозяйственные результаты тех же действий в каком-то другом, однако, тоже очень существенном смысле будут несомненно отрицательны, причем под отрицательным результатом мы в этом случае понимаем тот, который ведет к меньшему удовлетворению потребностей. Ценностный счет не совпадает с счетом благосостояния, т.-е. не всегда степень благосостояния может быть измерена по ценам. Очевидно, что еще и в этом смысле существующая система хозяйственного счета условна.

Однако мы привели все эти соображения не для того, чтобы сказать, что она плоха. Условный, не значит неудовлетворительный. Но условный,—значит не общеобязательный, т.-е. значит: не исключающий иных возможностей. Мы не имеем поэтому основания отвергать a priori возможность иного способа хозяйственного учета. Речь не идет,—и не должна пока итти,—о том, будет ли другой способ лучше, или хуже. Ибо, во-первых, нужен был бы долгий опыт, чтобы вынести окончательное решение по этому вопросу; во-вторых, нигде не доказано, что существовать может лишь лучшая в смысле производительности система: это—предрассудок нового времени, который не находил себе полного и безусловного подтверждения даже в эпоху наиболее полного господства капиталистического хозяйства. Речь идет только о том, возможно ли существование хозяйства, об'емлющего обширную территорию, значительное население, располагающее современным транспортом и крупными фабрично-заводскими заведениями и организующее производство, распределение и потребление не при помощи ценностно-денежного учета, хотя бы в модифицированном его виде. Нам думается, что только так может быть поставлен вопрос при обсуждении тех схем учета, которые были предложены для социалистической хозяйственной системы.

Таких схем в русской литературе 1919—21 г.г. предложено было несколько. В перечисленных выше статьях о проблеме учета в социалистическом хозяйстве имеется достаточно различных оттенков теоретической мысли для того, чтобы на основании этого материала можно было оценить важнейшие идейные течения в интересующей нас области.

Однако, прежде, чем перейти к описанию различных схем, мы должны отвести одну постановку вопроса. Теория и

практика так наз. «безденежных» расчетов,—хотя бы и доведенная до своего логического предела, т.-е. до производства всех расчетов путем записей в книгах без помощи наличных денег,—не дает нового принципа хозяйственного учета и не создает в частности какой-либо формы безнадежного хозяйства. Практика расчетов через банки без непосредственной передачи денег, а в порядке одних только записей в банковых книгах, есть прием товарно-денежного хозяйства, получивший в капиталистическую эпоху большое распространение. Такие расчеты ведутся в какой-либо денежной единице и разница между «червонцем», воплощенным в напечатанном и снабженном надлежащими подписями банковом билете, и «червонцем», записанным в кредит чьего-либо счета в банковом учреждении, будучи очень существенна с точки зрения банковой техники, лишена значения с точки зрения интересующих нас принципов учета. В эпоху военного коммунизма очень распространено было мнение, что система расчетов через банк является переходной ступенью к безденежному учету в точном смысле слова. На такой же точке зрения стоит и австрийский экономист Отто Нейрат, работы которого по вопросам организации безденежного хозяйства представляют наибольший интерес среди того, что было написано в течение последнего десятилетия на эти темы. Однако, такая связь и необходимость такой последовательности ничем не доказаны. Безденежные расчеты суть плод высоко-развитой кредитно-денежной техники. Наличность крупных (в частности и в особенности государственных) хозяйств должна способствовать их распространению. Но они остаются расчетами денежными, ибо совершаются в денежных единицах, и в проектах их укрепления нет ничего такого, что заключало бы в себе зерно их собственного уничтожения.

Анализу различных методов учета в социалистическом хозяйстве мы не предпошлем никакой классификации этих методов и дадим лучше классификацию в результате нашего обзора. Тогда основания для группировки существующих построений будут более ясны. Теперь же перейдем к изложению формулированных в 1919—1921 гг. предложений по вопросу о методах учета. Одно из самых радикальных мнений было высказано М. Смит и С. Клепиковым («Народное Хозяйство», изд. ВСНХ, 1921 г., № 3). Оно было формулировано в столь общих чертах, что трудно воспроизвести его содержание с достаточной отчетливостью и осталось неясным, как эти авторы представляли себе разрешение наиболее основных проблем, касающихся хозяйственного учета. Но ясно, что сущность их предложений сводилась к тому, чтобы отыскать чисто технические признаки, дабы судить по ним о степени успешности хозяйственной деятельности.

Необходимо отметить, что в своих статьях, как М. Смит, так и С. Клепиков сами указывали, что ими дается лишь первоначальный набросок, за которым должны последовать более подробные и более законченные предложения, насколько нам известно, оставшиеся невысказанными. Повидимому, основная мысль о методах учета в этой концепции заключалась в следующем. Затраты в производстве сводятся М. Смит к пяти основным категориям: (1) человеческому труду, (2) механической энергии, (3) тепловой энергии, (4) сырью и вспомогательным материалам, (5) орудиям производства. Одни категории могут быть еще сведены к другим. Так как, «сырье, вспомогательные материалы и затрачиваемые орудия производства могут рассматриваться в таком-то предприятии, как готовый продукт», то, «следовательно, их можно выразить через энергетические затраты в том предприятии, где они являются конечной целью производства» (М. Смит, стр. 30). Механические и тепловые затраты в свою очередь могут быть сведены к общей энергетической единице (стр. 32). Что касается сведения всего к одной единице трудовых и прочих затрат, то решение этой задачи представляет затруднения в виду того, что в различных отраслях хозяйства процесс производства не механизирован в одинаковой степени. Однако, «весьма вероятно, что единый измеритель будет возможен при полном революционном преобразовании техники человечества, что человеко-час явится в будущем не тем неопределенным понятием каким он является сейчас, а действительным эталоном затраты общественного труда в целом и что с переходом к новым техническим приемам или орудиям производства эталон этот будет меняться для всего общественного хозяйства в целом. Для переходного периода приходится все же прибегать к двойному измерителю человекоминут и единиц затрачиваемой энергии. Только в будущем можно мыслить себе настолько высоко стандартизованную технику и настолько равномерное распределение производительных сил между работниками всех стран и всех отраслей производства, что отношение затраты человеческого труда к энергетическим затратам можно будет принять за постоянную величину... Но для наступления такого технического строя необходимо пережить два периода революционных бурь: в области техники и в области учета. Только с переходом к мирсовнархозу,—когда об'ектом техники и экономических расчетов сделается мировое хозяйство в его целом, можно себе мыслить постоянное отношение между трудом человека и машины» (М. Смит, стр. 34, 35). До тех пор М. Смит предлагала пользоваться «комбинированной трудо-энергетической единицей», причем из ее изложения оставалось все же неясным, как ею можно было бы пользоваться.

К этому же сводится и ход мыслей, высказанных С. Клепиковым. В основу метода учета предлагалось положить «понятие энергетической затраты, представляющей собой совокупность затрат сложного человеческого труда и двигательно-тепловой энергии, выраженных в одной энергетической единице, потраченной на производство данного продукта» (С. Клепиков, «Опыт построения системы хозяйственных измерителей в промышленности», «Народное хозяйство» 1921, III, стр. 37), причем автор, повидимому, считал возможным сделать это после некоторых предварительных работ, не дожидаясь организации мирсовнархоза. «Мы можем,— писал он,—взять за основу измерения ценности продукта единицу человеко-машинной энергии, выраженной в общей энергетической единице (обозначим ее условно «энед»). Тогда ценность единицы продукта выразится в количестве «энедов», потребных на добычу или изготовление единицы данного продукта или иначе—в основу измерения ценности продукта мы кладем его энергоемкость» (стр. 42).

Едва ли стоит останавливаться на том, что оба автора не упоминали о способах определения рациональности затрат с точки зрения не одной только экономии энергии, но и возможно более полного удовлетворения различных потребностей общества. Своеобразие предлагавшегося ими метода было столь велико, что нельзя было, может быть, и требовать того, чтобы они уделили внимание всем сторонам вопроса. Что же касается того принципа, который выдвигался ими, то он страдал прежде всего тем существенным недостатком, что не имел никакого отношения к действительным условиям хозяйствования. Этот принцип имел бы какой-либо смысл в том случае, если бы все виды энергии можно было с одинаковым успехом использовать для производства любых продуктов, т.-е. если бы энергия, содержащаяся в затрате человеческого труда, в работе парового двигателя, в химическом процессе, совершающемся в фабричных условиях, или в вегетативном процессе, происходящем в поле и лесу, всегда давали производственный эффект, экономическое значение которого равно было бы энергетической затрате. Но так как этого нет и нельзя даже предвидеть, как это в каких либо условиях могло бы быть, то вся схема носила характер, совершенно оторванный от хозяйственной действительности и лишенный хозяйственного смысла. Ценность результатов затраты энергии одной и той же паровой машины должна быть действительно одинакова всюду, где эта энергия расходуется, ибо иначе следовало бы отказаться от экономически менее производительной затраты. Но ценность результатов такой же затраты энергии разных двигателей даже разных паровых машин (не говоря уже о разных источниках энергии) не может и не должна быть

всюду одинакова, потому что не всюду одни и те же источники и приспособления применимы и значение каждого из них заключается не только в том, что он дает известное количество энергии, а еще и в том, в каком виде он его дает. Мало того, огромное количество энергии (солнца, ветра, водяной силы), достается человечеству экономически даром и не может входить в ценность продукта: одно дело зимнее отопление помещения углем и дровами, совсем другое дело согревание его летом солнечными лучами; одно дело приведение парохода в движение при помощи сжигания нефти, совсем другое дело приведение парусного судна в движение силою ветра и т. п. Наконец, оценка человеческого труда (не только высоко-квалифицированного, но и всякого, за исключением того, который в точности может быть заменен работой двигателя) в порядке приравнивания его работе двигателя представляло бы полную несообразность. Для того чтобы эта схема могла приобрести какой-либо экономический смысл, едва ли было бы достаточно тех двух периодов революционных бурь, о которых писала М. Смит. Для этого нужна была бы такая буря, которая изменила бы характер всей неорганической и органической природы. Вне такой перспективы все описанное построение едва ли могло иметь какое-либо значение.

На технических признаках, но не на одном, а на многих, построена и та схема, которую предложил А. В. Чаянов. («Методы безденежного учета хозяйственных предприятий», изд. Главного Комитета Профессионально-Технического Образования Наркомзема, 1921). Однако, его работа заслуживает совершенно иного отношения. С ней можно не соглашаться, но она во всяком случае теоретически содержательна и интересна. В общем его мысль совпадает с теми принципами, которые в немецкой литературе были изложены Отто Нейратом, хотя, насколько нам известно, эти экономисты пришли к одинаковым выводам независимо друг от друга. Построение А. В. Чаянова мы изложим проимущественно его же собственными словами.

«Постараемся прежде всего,—пишет он,—установить природу социалистического хозяйства в самой его основе.—Мы имеем перед собой организованный единой государственной волей народ, нуждающийся в материальных и иных благах для удовлетворения своих потребностей, располагающий своими многочисленными мыслящими головами и рабочими руками, вооруженными средствами производства и противопоставленными солнцу, водам, земле, рудам и другим силам природы, и организующий из перечисленных элементов единое трудовое хозяйство, направленное на создание благ, необходимых для удовлетворения моральных и материальных потребностей, ему свойственных.—Говоря короче,

перед нами единое колоссальное натуральное потребительное трудовое хозяйство.... В некотором отношении социалистическое хозяйство напоминает хозяйство патриархальной крестьянской семьи натурального сложения»(стр.13).

Принцип экономии сил сохраняет свое значение и для этого хозяйства, но понятие хозяйственной выгодности имеет существенно иное содержание, чем в капиталистическом обществе. Результаты соразмеряются с усилиями не на основании категорий капиталистического хозяйства (цена, заработная плата, прибыль), отсутствующих в социалистическом обществе, а на основании «естественного соотношения усилий и результатов». «При одном и том же естественном соотношении усилия и полученного выхода продукта, предприятие с точки зрения капиталистической выгодности может быть выгодным и невыгодным в зависимости от цен сегодняшнего дня. В капиталистическом хозяйстве, возможны случаи, когда слишком большой технический успех предприятия, ронявший цены на его продукты, был чрезвычайно невыгоден предпринимателю».... (стр. 15). «При отсутствии категорий капиталистического хозяйства (цена и пр.) мы не можем пользоваться даже подобием капиталистических критериев выгодности и должны, вернувшись к натуральному основному соотношению усилий и результатов, придать ему такую новую форму конкретного выражения, которое могло бы быть практически полезно и вне ценностного своего выражения» (стр. 14—16).

Как же устанавливать искомое соотношение усилий и результатов? А. В. Чаянов подходит к решению этого вопроса следующим образом. Государство определяет на основании опыта предыдущего времени, какое количество различных продуктов необходимо для удовлетворения потребностей населения. Оно, повидимому, выносит свое решение так же, как это делает глава патриархального натурального хозяйства, по своему усмотрению удовлетворяя одни потребности и отказывая в удовлетворении других. Оно дает задание произвести известное количество единиц того или другого продукта и тогда встает вопрос о том, как это сделать наиболее выгодным способом. То же государство располагает известным фондом производительных сил, который необходимо использовать так, чтобы он дал максимальный эффект. «В социалистическом обществе почитается выгодной такая затрата труда и средств производства, по сравнению с которой всякая другая затрата того же труда и тех же средств производства дает меньший выход продуктов» (стр. 18). Сравнения затрат и выхода продуктов в одной и той же единице не может быть. Понятия чистого дохода поэтому нет, а есть только валовой доход. Однако вопрос о затратах для социалистического общества

не безразличен. Основная затрата есть затрата труда. Увеличение ее при целесообразной работе дает всегда увеличение количества продукта. На каком-то уровне получение добавочного продукта перестает, наконец, оправдывать эти дополнительные затраты и на этом уровне дальнейшее производство становится нецелесообразным. А. В. Чаянов разрешает возникающую здесь проблему отыскания предельного уровня в том смысле, «что уровень напряжения труда социалистического общества, а сообразно и уровень валового дохода будет установлен некоторым равновесием между мерой тягостности труда и мерой удовлетворения потребностей.—Мы не знаем, —прибавляет он,—в каких формах технический аппарат социалистического хозяйства будет устанавливать момент этого равновесия; при анализе нашей проблемы для нас это не имеет большого значения» (стр. 19).—Заметим однако, что никакого точного критерия у этого аппарата, при предлагаемом А. В. Чаяновым построении, не может быть. Вопрос об этом моменте равновесия должен был бы быть разрешен на основании усмотрения центрального хозяйственного органа так же, как и вопрос о том, какие потребности общества подлежат вообще удовлетворению и в какой мере они должны быть удовлетворены. Условность такого усмотрения не делает его однако невозможным.

Порядок распределения производительных сил А. В. Чаянов иллюстрирует следующим примером. Государство определяет, что ему необходимы 1.000.000 пудов овощей. Их можно получить в различных по условиям своей работы хозяйствах. Государственная власть отбирает те из них, в которых потребуется наименьшая затрата средств производства. Проблема распределения средств производства разрешается тем, что производственное задание дано,—а производственный процесс должен вестись так, чтобы затраты на его выполнение были минимальны. Но необходимо преодолеть затруднение, вытекающее из несоизмеримости затрат. Это затруднение не столько преодолевается, сколько отстраняется в схеме А. В. Чаянова тем, что вводится учет отдельных затрат в отношении к продукту, определяется путем сопоставления с установленной нормой коэффициент производительности каждой затраты в данной хозяйстве и затем выводится средняя. Так, если для получения 1.000 единиц зерновых продуктов необходимо по установленным нормам затратить «а» единиц труда, «б» единиц продовольствия, «в» единиц инвентаря и т. д., а фактически затрачено «а'», «б'», «в'» и т. д. единиц, то коэффициенты для данного хозяйства составляют а'/а, б'/б, в'/в и т. д. Их можно просто суммировать и разделить на число элементов затрат, или можно придать каждому элементу особый «вес» в соответ-

ствии с предполагаемой его важностью. Так получается сводный коэффициент, характеризующий данное хозяйство. Государство отбирает хозяйства с наиболее благоприятными коэффициентами.

Проблема разрешается на основании того метода, который применяется при оценке племенного скота. Для каждой «статьи» устанавливается свой предельный балл. Затем для данной особи устанавливаются по осмотре ее баллы в некотором отношении к предельным. Их суммируют и та особь, для которой сумма получается наибольшей, должна быть поставлена по качеству своему на первое место. То, что дают для такой оценки племенного скота предельные «баллы», установленные для отдельных статей, то же для отдельных видов затрат в натуральном хозяйстве социалистического общества должны дать «наряды». На основании имеющегося опыта соответствующие органы определяют нормальные затраты различных видов топлива, сырья, оборудования и труда на единицу продукта. Сопоставление с ними фактических затрат и выведение средней для данного хозяйства величины показывает, насколько это хозяйство работает успешно. Государство прекращает работу наименее успешных хозяйств расширяет работу более успешных, допуская еще работу тех (худших) хозяйств, деятельность которых в данных условиях нужна для того, чтобы произвести заданную для всего социалистического общества массу продукта. Так как продукты так же мало соизмеримы, как и затраты, то естественно, что вопрос об успешности для каждого вида продуктов должен быть поставлен отдельно. Таково было в основных чертах предложение А. В. Чаянова.

Это была схема безденежного хозяйства в точном смысле слова. И то, что предлагал А. В. Чаянов, вытекало из намерения построить схему без денег и без единого измерителя. При таком задании необходимо было предоставить государству определить размеры потребностей своих граждан и распределить между ними предметы потребления не по их выбору, а по государственному плану. И отсюда же вытекало, что государство должно было бы взять на себя и решение ряда других задач по своему усмотрению: оно устанавливало бы «наряды», определяющие нормальные затраты всякого отдельного вида средств производства на всякий отдельный продукт, оно устанавливало бы критерии для определения выгодности работы каждого отдельного хозяйства, т.-е. перечни признаков, по которым делался бы вывод о качестве работы хозяйства, и «веса», с которыми каждый из признаков входил бы в общую их сумму. Все было бы построено на условных признаках, вероятно не вполне произвольных, а основанных на опыте, но не навя-

занных с об'ективной необходимостью руководящему органу этой хозяйственной системы.

Как ни сложен весь этот порядок, как ни условны все эти признаки, на которых он построен, мы не можем утверждат, что он немыслим, хотя он и кажется нам маловероятным. С тем, что он маловероятен, согласятся должно быть очень многие и здесь нет надобности приводить какие-либо соображения для того, чтобы доказать это. Но мы хотим отметить, почему он кажется нам мыслимым. Самые благоразумные и прозорливые люди не сумели бы построить такую хозяйственную систему иначе, как опираясь на твердое основание традиций и выработанных в течение донатурального (т.-е. товарно-денежного) периода навыков и представлений. Но дальше, имея известную исторически сложившуюся и доставшуюся им базу, они могли бы расширять хозяйство в отдельных частях и в целом и совершенствовать его в отдельных предприятиях и отраслях. Не было бы никакой возможности судить о том, является ли их путь расширения и совершенствования наиболее выгодным с точки зрения современных хозяйственно-ценностных представлений. Но не доказано, что эти представления довлеют всей истории рода человека, прошедшей и будущей. Государственное натуральное хозяйство было бы столь отлично от современного хозяйства не только капиталистического, но и всякого иного существующего типа, что нет смысла анализировать его возможные доистоинства и недостатки с современных хозяйственных точек зрения. Довольно правдоподобно, что установленное при существующем ныне уровне производительных сил, оно таило бы в себе опасность очень низкого удовлетворения потребностей всего населения. Но, может быть, установленное на базе очень высокого уровня народного богатства, оно было бы осуществимо в качестве системы, обеспечивающей населению известный достаток.

Никто не мог бы сказать, насколько такая система была бы хороша или плоха. Но это была бы действительно система безденежного хозяйства, система, в которой устранены были бы все остатки прежнего ценностно-денежного счета.

Особую группу образуют предложения, кладущие в основу измерения затраты труда в производстве. Сюда относятся те точки зрения, которые развиты в статьях Х. Креве и В. Сарабьянова, в трудах валютной подкомиссии «Комиссии при НКФ по подготовке реформы по материализации бюджета и по выработке нового ценностного измерителя» и в работах С. Г. Струмилина.

Соображения Х. Креве («Учет трудовой ценности предметов и очередные задачи хозяйственного строительства», «Народное Хозяйство», 1921 г. № 1—2) сводились к следующему.

«Разрушенное в конец наследие буржуазного строя—бумажный рубль,—писал он,—доживает последние дни. Это ясно. Но что должно быть дальше? Отсутствие ли всякого ценностного учета или что-либо иное?» Необходимо ли «отказаться от всякого ценностного учета и ценностного сравнения одного продукта с другим или нет, это—вопрос, который еще не всеми одинаково решается» (стр. 55). Х. Креве отвечал на вопрос в том смысле, что для определения выгодности производства, для установления себестоимости продукта и для построения рациональной системы распределения ценностный учет необходим. «Ведь существующий способ распределения по аршинам и по фунтам и проч.—это просто безалаберная растрата»... (стр. 56). Самый учет он предлагал производить в «трудо-часах», поясняя предлагаемый метод следующими соображениями.

«Трудовая ценность предмета заключается в количестве человеческой трудовой энергии, затраченной целесообразно на производство данного продукта и в связи с этим производством, а также на производство того количества материалов и орудий, которое затрачено на производство данного продукта.—Количество затраченной трудовой энергии определяется количеством проработанного времени и интенсивностью труда.—Основной единицей трудовой ценности считается один час простого неквалифицированного общественно-необходимого труда при выполнении 100% нормы. При невозможности учета интенсивности нормы—при повременной работе—за единицу считается простой час работы» (стр. 56).—«Отношения между разного рода квалификациями суть отношения тарифных ставок. Тарифные отношения могут быть несколько ошибочными, ненаучными, но это—вопрос тарификации, а не учета трудовой ценности. Для упомянутого учета обязательны те отношения, которые в данный момент установлены тарифными положениями». Наличные запасы средств производства и предметов потребления Х. Креве предлагал оценить по ценам довоенного времени, деленным на стоимость одного часа труда до войны и помноженным на «коэффициент ухудшения условий производства» (стр. 57). Такую операцию пришлось бы произвести один раз при переходе к новому методу учета, который после этого мог бы уже вступить в полную силу. Примерная расценка состояла бы из числа трудо-часов, соответствующих затрате труда в текущем производстве, плюс числа трудо-часов, соответствующих затрате материала, плюс еще число трудо-часов соответствующих накладным расходам, слагающимся из оплаты служащих, «разных расходов» и амортизации имущества; к этому надлежало бы прибавить некоторое число трудо-часов на «содержание местного совнархоза», на покрытие общегосударственных расходов, на образование го-

сударственных фондов и на расходы по распределению (транспорт, распределительные учреждения) (стр. 58).

Самое распределение должно совершаться в порядке выдачи рабочим удостоверений на известное число трудо-часов, причем держатель удостоверений имел бы право получить в распределительном органе любые предметы соответствующей ценности. Предприятие получало бы от совета народного хозяйства количество средств производства, соответствующее ценности,—в трудочасах,—сделанных им готовых изделий. «Фонды», о которых говорилось выше, должны были предусматривать накопление для расширенного воспроизводства, и этим разрешался вопрос о накоплении и капитальных затратах. «Итак,—заканчивал Х. Креве изложение принципиальных основ своего проекта,—необходимо ввести учет трудовой ценности предметов, установив устойчивую единицу ценности, и организовать Комиссариат Распределения и Снабжения, как орган, хранящий и распределяющий материальные ценности социалистического государства и призванный ввести необходимую хозяйственность в новую систему производства и распределения. Этим будет вбит последний кол в разлагающийся труп капиталистического хозяйства России». (стр. 66).

Как же оценить этот проект? Мы совершенно оставляем в стороне вопрос о возможных технических затруднениях при его осуществлении и вопрос о том, что первые мероприятия автор проекта намечал довольно грубо, в чем он и сам давал себе отчет. Ибо, каковы бы ни были технические трудности, например, по исчислению тех дополнительных трудо-часов, которые должны были входить в калькуляцию для покрытия общегосударственных расходов и для создания фонда расширенного воспроизводства,—нет основания предполагать, что в течение ряда лет их нельзя было бы преодолеть. Но осуществление схемы связано было бы и с более глубокими затруднениями.

«Трудовая ценность предмета,—гласит основной тезис проекта,—заключается в количестве человеческой трудовой энергии, затраченной ц е л е с о о б р а з н о на производство»... (курсив наш). «Основной единицей трудовой ценности считается 1 час простого неквалифицированного о б щ е с т в е н н о - н е о б х о д и м о г о труда»... (курсив наш). Вопрос о том, какая затрата является «целесообразной» и какой труд «общественно-необходимым» в условиях товарно-денежного хозяйства разрешается, как известно, н а р ы н к е. Рынок не оплачивает того труда, который он «не считает» целесообразным, т.-е. общественно-необходимым, или оплачивает его лишь в той мере, в какой признает его целесообразным. Реакция рынка и приспособление к ней производства, т.-е. сооответствующее перераспределение средств производства

и рабочих сил, происходит не гладко, но все ж таки оно имеет место. Цена, в который рынок выражает свою реакцию, является в условиях товарно-денежного хозяйства основным регулятором и показателем целесообразности затрат. В той системе, для которой Х. Креве предлагал свою схему, не было присущего товарно-денежному хозяйству способа установления «целесообразности» затрат и следовательно определения «общественно-необходимого труда». Но как-нибудь мера целесообразности должна быть устанавливаема в рационально построенном хозяйстве. В изложенном проекте нет соображений по этому вопросу. Каким может быть его решение и какова ценность возможного в пределах описанной схемы решения, на этом мы остановимся в дальнейшем, так как на ряду с предложением Х. Креве были формулированы другие проекты, в которых имелись попытки разрешить этот вопрос.

Далее следует отметить, что по схеме Х. Креве предполагается отчисление на расширение производства некоторой части всего народного дохода в порядке введения в калькуляцию дополнительного числа трудочасов. Это означает следующее. Если действительная затрата составляет 10 трудочасов, а на цели расширения производства считалось бы необходимым обращать 10% всего народного дохода, то предмет должен оцениваться не в 10, а в 11, или точнее в 11,1 трудочасов. Принцип трудового учета этим однако по существу не нарушается, так как относительная ценность двух продуктов все же точно соответствовала бы относительным затратам труда, при условии, конечно, что эти дополнительные начисления к действительным затратам были бы всюду одинаковы. Вместе с тем ясно, что эти начисления были бы порпорциональны сумме трудовых затрат в текущем производстве плюс амортизируемой части продуктов предшествующего производства, т.-е. оборудования, сырья и проч., а не порпорциональны ценности всех имеющихся в предприятии средств производства, ибо в противном случае эти начисления как бы соответствовали «проценту на капитал» и принцип определения ценности по количеству затраченного труда был бы нарушен. Относительные ценности продуктов при таком методе ценностного счета должны были бы быть существенно иными, чем были бы меновые отношения в условиях капиталистического хозяйства. Продукты, производимые в отраслях производства с «высоким органическим строением капитала» (если пользоваться понятием, которое Маркс применял к отношениям капиталистического хозяйства) были бы «дешевле», а прочие продукты были бы «дороже». Это повело бы вероятно к новому распределению производительных сил. К вопросу о целесообразности такого перераспределения мы также возвра-

тимся в связи с рассмотрением других аналогичных предложений.

Труды «рабочей группы Валютной Подкомиссии НКФ», если судить по той их части, которая опубликована в т. I работ Института Экономических Исследований НКФ («Денежное обращение и кредит в России и заграницей», т. I, 1914—1921 г. Петроград—Москва, 1922) не прибавляют много существенного к тем точкам зрения, которые изложены выше и в некоторых отношениях дают даже меньше, чем последние. В указанном томе опубликован доклад К. Ф. Шмелева «Основные вопросы учета в государственном хозяйстве пролетариата» (стр. 371) с двумя приложениями: проектом декрета СНК «о трудовой единице учета в государственном хозяйстве РСФСР», составленным С. Г. Струмилиным и одобренным «рабочей группой», и «Положением о трудовой единице учета в государственном хозяйстве РСФСР», составленным К. Ф. Шмелевым и одобренным лишь в первой своей части, так как дальше «рабочая группа» Валютной Подкомиссии НКФ не успела его рассмотреть.

Проект декрета должен был об'явить, что в РСФСР «устанавливается для всех отраслей государственного хозяйства и управления трудовая единица учета» и что это делается в целях «сведения всего многообразия материального учета в различных единицах измерения к единству ценностного (по общественно-необходимым трудовым затратам) учета». «За единицу трудового учета,—гласил далее проект,—принимается средняя продукция одного нормального дня простого труда при нормальной его напряженности для данного рода работы. Означенной трудовой единице учета присваивается наименование «тред». На Совет Труда и Обороны возлагается... выработка и установление... (1) правил приведения сложного труда к простому, (2) выраженного в тредах нормального прейскуранта трудовых расценок всех хозяйственных благ и услуг, подлежащих учету, и (3) порядка периодического, по мере надобности, пересмотра этих правил и прейскурантов». Проект «положения» несколько иначе определял трудовую единицу учета и устанавливал по сравнению с проектом декрета некоторые подробности, но не выяснял, как должна будет разрешаться в новых условиях та проблема установления меры общественно-необходимого труда, которая в условиях товарно-денежного хозяйства разрешается рынком, каков будет порядок накопления и распределения и как он будет связан с порядком учета. Схема изложенная Х. Креве на страницах «Народного Хозяйства» давала в этом отношении, хотя и недостаточно, но все же несколько больше.

Глубже к этим же проблемам подошел С. Г. Струмилин в своей работе о «проблемах трудового учета», написанной

в октябре 1920 г. и перепечатанный в сборнике его статей «Проблемы экономики труда» (М. 1925).

С. Г. Струмилин исходил из того, что «рубль уже не может служить мерилом ценности. Но отсюда вытекает лишь то, что мы должны найти другое мерило ценности, а вовсе не то, что мы вообще можем упразднить это понятие и обойти без всякой оценки. Отпала лишь одна из исторических форм выражения ценности, но образующий ценность фактор—трудовые затраты—не только сохраняет все свое значение, но даже неизмеримо увеличивает его в трудовом обществе. Учет трудовых затрат в прошлом для равномерного распределения их в будущем, т.-е. учет трудовой ценности всех производимых благ для составления единого хозяйственного плана, становится здесь более настоятельным, чем когда-либо» (стр. 202, 203). Но С. Г. Струмилин не ограничивается этим утверждением. Ссылаясь на слова Маркса, что при построении хозяйственного плана в социалистическом обществе «время, отводимое на производство различных предметов, будет определяться их общественной полезностью», он переходит к анализу этой стороны явления.

«В самом общем виде,—продолжает С. Г. Струмилин,—проблема хозяйственного плана, это—проблема о наивыгоднейшем использовании производительных сил общества. Конкретно дело сводится к разрешению математической задачи о том, какое распределение производительных ресурсов страны может обеспечить максимум удовлетворения потребностей при минимуме трудовых затрат» (стр. 209). «Для измерения полезности у нас нет инструментов»... Но в отношении общественной полезности в отличие от индивидуальной С. Г. Струмилин считает задачу разрешимой, во-первых, потому, что она представляет «довольно устойчивую величину», и во-вторых, потому, что с точки зрения общественной полезности «на первом плане остается лишь общая для всех благ способность удовлетворить известную долю общественных потребностей. С этой точки зрения все хозяйственные блага принципиально сравнимы и соизмеримы» (стр. 211). Что касается измерения изменений этой величины, то эта задача разрешается тем, что «полезность единицы какого-либо блага является определенной функцией его количества». Так как закон этой функции не достаточно изучен, то С. Г. Струмилин предлагает принять «в качестве рабочей гипотезы, или первого приближения к этому закону..., что, при возрастании средств удовлетворения в геометрической прогрессии, степень насыщения или, говоря вообще, удовлетворенности ими возрастает лишь в арифметической прогрессии» (стр. 211). Отсюда следует, «что каждая новая единица труда, затрачиваемая в производстве, дает все меньшую добавочную полезность. Зна-

чит, должен наступить момент, **когда новая прибавка труда даст результат, уже не окупающий своей полезностью затраченных усилий** (курсив мой. *Л. Ю.*). Это и будет естественный хозяйственный предел расширения производства при данном уровне продуктивности труда. С другой стороны, поскольку нам нужны различные блага, мы на основании той же зависимости сможем определить наивыгоднейшую пропорцию распределения своих усилий в различных производствах».

Прежде чем продолжать изложение, отметим здесь,— ибо мы не имеем в виду возвращаться к этому историко-догматическому вопросу,—что ход мыслей, переданных в последнем абзаце, теснейшим образом примыкает к тому, что было написано по вопросу о полезности рядом писателей, среди которых особенно следует, как известно, отметить Госсена, Менгера, Вальра, Джевонса, Маршалла. Формула Джевонса, которую он выражает в словах «труд будет затрачиваеться до тех пор, пока приращение полезности от какого-либо приложения его в точности сбалансирует приращение усилия» («labour will be carried on until the increment of utility from any of the employments just balances the increment of pain», W. S. Stanley Jevons. «The theory of political economy», 4 ed, London, 1911) почти буквально воспроизведена у С. Г. Струмилина. Правда, Джевонс имеет в виду индивидуальные полезности, а С. Г. Струмилин—общественные. Но последние едва ли слагаются из чего-либо иного, кроме индивидуальных полезностей, причем насыщение общественной потребности, при увеличении количества потребляемых благ едва ли происходит вследствие иной причины, кроме насыщения индивидуальных потребностей. Давнишние идеи, так называемой, школы предельной полезности (и притом даже в более наивном, психологическом ее варианте) лежат целиком в воспроизведенных выше соображениях.

Дальнейшие соображения С. Г. Струмилина могут быть изложены кратко. «Карточная система» распределения,— писал он,—это плод милитаризма и нищеты и рано или поздно она должна будет уступить свое место свободе выбора средств потребления». «Допустим, что у каждого из нас имеется заборная книжка, в которой ежемесячно нам открывается кредит на известную сумму единиц трудовой ценности, а в общественных магазинах все продукты снабжены ярлыками с трудовой их расценкой и вы в праве забирать их свободно, пока не исчерпаете своего кредита». «Конечно, в социалистическом обществе не потребуется денег в современном смысле этого слова. Не будет там и меновой ценности. И все же в качестве регулятора распределения благ там не обойтись... без похожих как две

капли воды на старые цены трудовых расценок. С той лишь разницей, что расценки эти будут происходить не на рынке—за спиной производителя, а на его глазах, за станком, в мастерской». Об единице измерения С. Г. Струмилин высказывался здесь так же, как в том проекте декрета, который упомянут был выше.

Критерием степени рациональности затрат в этом построении в конечном счете сделана полезность хозяйственных благ. Ибо распределение труда по различным линиям производства имеется в виду регулировать с таким расчетом, чтобы полезный эффект его затраты по всем линиям был одинаков. Иначе дело, конечно, и не может быть поставлено и здесь повторяется мысль, которая получила уже широкое распространение в экономической литературе последнего столетия. Однако от принципа необходимо перейти к практическому его проведению. В условиях товарно-денежного хозяйства процесс приспособления затрат к потребностям совершается на рынке. С. Г. Струмилин полагает, что в социалистическом хозяйстве та же задача может быть разрешена исследованием строения бюджетов, выведением на основании соответствующих материалов коэффициентов сравнительного значения различных потребностей и изучением вопроса о том, как изменяется полезность в зависимости от изменения количества благ, служащих к удовлетворению соответствующей потребности. Попытки построения кривых или «уравнений спроса» на основании эмпирического материала уже давно делаются в экономической литературе и не исключено, что при более обильном и специально собираемом с этой целью материале, особенно в условиях такой социальной системы, в которой потребности и способы их удовлетворения были бы чрезвычайно нивеллированы,—не исключено, что при наличии этих условий можно было бы получить ряд уравнений, которые позволили бы до известной степени предусмотреть, насколько расширится потребление продукта при том или ином его удешевлении и обратно. Состояние самых товарных складов социалистического государства все же должно было бы решать вопрос в последней инстанции, ибо именно оно показывало бы во всякое время, насколько формулы предусмотрели верно действительный спрос потребителей (при постулированной Г. С. Струмилиным свободе потребления, конечно): «бестоварье» заставило бы расширить производство, а «затовариванье»—сократить его, что, конечно, отразилось бы на себестоимости. Восстановление равновесия было бы результатом комбинированного изменения размеров производства и оценок.

Эта часть механизма напоминала бы, повидимому, некоторые части механизма товарно-денежного хозяйства. Сле-

дуя очень строго тем принципам, которые изложены нами по схеме С. Г. Струмилина, соответствующий орган социалистического государства, правда, не мог бы или не должен был бы менять «трудовые расценки», «похожие как две капли воды на старые цены», в зависимости от усиления или ослабления требований потребителей на тот или другой продукт, ибо трудовая оценка зависит от условий производства и могла бы измениться лишь с изменением этих условий. Соответствующий орган при строго принципиальном отношении должен был бы восстанавливать равновесие на указанном участке только путем приспособления размеров производства к спросу. Он мог бы менять оценку лишь после того, как изменение размеров производства отразилось бы на высоте себестоимости предмета. Но если бы наш орган нарушил чистоту принципиальной позиции, то он мог бы достигнуть более быстрого восстановления равновесия путем повышения или понижения расценки. Правда, последняя перестала бы быть тогда строго трудовой, но она могла бы колебаться в ту или другую сторону около последней. Метод изменения расценок под влиянием усиленного спроса вытекал бы из желания достигнуть быстрейшего приспособления «предложения» к «спросу» (при свободном потреблении имелось бы полное основание говорить о спросе и предложении в отношении предметов потребления). Но мы должны признать, что в этом не было бы ничего безусловно обязательного. Разрывы между спросом и предложением могли бы существовать втечение некоторого времени в отношении того или другого продукта. Однако в том случае, если бы они были длительны и касались бы немалого количества продуктов, они сорвали бы самую систему свободного потребления и заставили бы заменить ее пайковой системой: порядок, при коем оценки не приспособляются достаточно быстро к изменяющимся условиям спроса и предложения, всегда таит в себе такую опасность.

Как бы то ни было, понятие общественно необходимого или целесообразно затрачиваемого труда при этом варианте трудового учета не висит уже в воздухе, ибо схема С. Г. Струмилина имеет в виду «урегулировать производство... в согласии со спросом и таким образом обеспечить всем и каждому возможный максимум удовлетворения потребностей» (стр. 216). Общественно-необходимым окажется при такой постановке вопроса лишь тот труд, который затрачен в соответствии с разрешением этой задачи. Установление того, является ли в данной отрасли промышленности и в данном предприятии труд данной предельной группы рабочих или данного рабочего определенной работоспособности и квалификации общественно-необходимым, сможет быть решен по признаку, хотя и не совпадающему с нынеш-

ним признаком рентабельности, но аналогичному этому последнему. Вопрос будет разрешен на основании того, как велика будет, при использовании труда этой предельной группы, себестоимость продукта и будут ли потребители приобретать этот продукт при такой его себестоимости в том количестве, в каком он производится. Может быть «формулы», которые имеет в виду С. Г. Струмилин, позволят предусмотреть это и решить вопрос достаточно безошибочно, не доводя дело до перепроизводства или недопроизводства. Может быть вопрос будет разрешаться эмпирически, путем нащупывания результатов и тогда будут иметь место колебания, напоминающие те, которые имеют место в товарно-денежном хозяйстве. При принципиальной постановке вопроса это несущественно. Не существенно в данной постановке вопроса и то, насколько гибка будет описываемая система в отношении приспособления предложения к спросу. Эта гибкость зависела бы от столь сложного комплекса обстоятельств, что она могла бы оказаться и выше и ниже той, которая наблюдается в условиях капиталистического хозяйства и едва ли есть возможность произнести об этом какое-либо достаточно обоснованное суждение.

Если под систему учета подводится то основание, которое выдвинул в своем построении С. Г. Струмилин, если, говоря общепринятой терминологией, она опирается на кривые спроса, то в этой части концы сводятся с концами и предлагается построение, в котором нет ничего невозможного. «Общественные магазины», о которых идет речь, выполняют в описанной схеме обычные функции розничного рынка. Остается то глубоко важное отличие, что оценки на этом рынке устанавливаются исключительно на основании трудовых затрат. К этому вопросу мы сейчас и перейдем. Здесь отметим только, что при существовании спроса со стороны потребителей и при необходимости приспособления к нему производства, не может не существовать и спрос со стороны отдельных производственных организаций и между ними необходимы расчеты для того, чтобы определить степень «хозяйственности» в работе каждой из них. Эти расчеты могут происходить в форме книжных записей, или как-либо иначе. Но их, конечно, пришлось бы производить в той же единице, в которой оценены были бы и предметы потребления.

Теперь об этой единице. С. Г. Струмилин писал: «в качестве единицы трудовой ценности я предлагаю принять ценность продукта труда одного нормального работника первого тарифного разряда при выполнении им нормы выработки на 100%». Х. Креве заявлял: «основной единицей трудовой ценности считается один час простого неквалифицированного общественно-необходимого труда при выполне-

нии 100% нормы». У К. Ф. Шмелева формулировка гласила: «За единицу измерения труда принимается один нормальный день рабочего первого тарифного разряда при выполнении им нормы выработки или задания в 100%... Стоимость изделий или услуг учреждения или предприятия слагается из выраженных в тредах затрат живого труда в нем на эти изделия или услуги и трудовой стоимости потребленных средств производства». Эти определения не совсем тождественны, но различия между ними касаются таких пунктов, которые с точки зрения интересующих нас проблем имеют мало значения. Во всех этих определениях, как и во всех изложенных выше схемах, для нас важно то, в чем все они сходятся. А сходятся они в том, что при оценке отдельных предметов должны иметь значение лишь непосредственная затрата труда, затрата материалов и амортизация орудий производства, но не должно иметь значение то, что Маркс называет «органическим строением капитала». Положим для простоты рассуждения, что амортизация некоторой части орудий производства столь ничтожна, что ею можно пренебречь. Тогда с указанной точки зрения на оценку продукта не влияет то обстоятельство, много ли используется в даной отрасли хозяйства этих средств производства или мало. Другими словами, в калькуляцию не вводится то, что в иных хозяйственных условиях носит название процента на капитал.

Рассмотрим последовательно, возможно и целесообразно ли это.

На вопрос о возможности следует ответить утвердительно. Само собой разумеется, что такой способ ценностного счета требует перераспределения средств производства по сравнению с тем их распределением, которое имеет место при условии калькуляции современного типа. Чтобы представить себе это, достаточно вспомнить содержание девятой главы второго отдела т. III (1, 3) «Капитала» К. Маркса, озаглавленной «Образование общей или средней нормы прибыли и превращение ценностей товаров в цены производства» и десятой главы, озаглавленной «Уравнение средней нормы прибыли посредством конкуренции», где показано, как с точки зрения трудовой теории ценности прибавочная ценность перераспределяется пропорционально капиталам, вложенным в отдельные отрасли производства, и как вследствие выравнивания нормы прибыли товары обмениваются не пропорционально затраченным на производство их количествам труда, а пропорционально «издержкам производства» предприятий, покрывающим заработную плату и прибыль:.. «капитал извлекается из отрасли с более низкой нормой прибыли и устремляется в другие, которые приносят более высокую прибыль. Посредством такой постоянной эмиграции

и иммиграции, посредством своего распределения между различными сферами производства, смотря по тому, где норма прибыли падает, и где повышается, капитал осуществляет такое отношение между спросом и предложением, что в различных сферах производства создается одна и та же средняя прибыль, и благодаря этому ценности превращаются в цены производства» («Капитал», т. III, ч. 1, под редакцией Базарова и Степанова. М. 1907, стр. 172, 173: я пишу «ценность», а не «стоимость», как говорится в переводе; курсив мой. *Л. Ю.*).

Само собой разумеется, что в случае установления учета по чисто трудовому принципу необходимо было бы «осуществить» новое отношение между спросом и предложением. Цены, или то, что будет соответствовать им, согласно заданию будут пропорциональны для каждого продукта трудовым затратам, т.-е. они в одних случаях будут выше, а в других случаях ниже, чем в условиях капиталистического хозяйства. Следовательно, для приспособления предложения к спросу необходимо будет в одних случаях уменьшить производство, а в других случаях расширить его. Такое перераспределение средств производства в переходное время не должно было бы вовсе означать перераспределение тех орудий и материалов, которые уже имеются на лицо. Достаточно было бы, чтобы новые капитальные вложения совершались в соответствии с новым принципом. В каком бы порядке ни совершалось накопление,—по схеме ли Х. Креве, или по какой либо иной,—раз средства для расширенного воспроизводства находились бы в распоряжении государства, оно могло бы распределить их между различными отраслями хозяйства так, чтобы осуществилось искомое (при новых «ценах») соотношение между спросом и предложением и в новых условиях установилось необходимое всякой экономической системе хозяйственное равновесие. Нетрудно усмотреть, что эта «реэмиграция» и «реиммиграция»,—хотя бы в указанном условном смысле,—должна будет совершаться в направлении усиления средств производства в отраслях промышленности с «высоким органическим строением капитала», то есть в тех, в которых в отношении к капиталу занято сравнительно мало рабочих сил, ибо в условиях капиталистического хозяйства именно здесь с точки зрения трудовых оценок цены относительно высоки и следовательно здесь при переходе к трудовым оценкам они должны будут быть снижены; при сниженных же оценках для полного покрытия спроса понадобится большее количество продуктов. Такое приспособление производства к новому методу оценок и к соответствующему изменению спроса может оказаться довольно сложным и потребовать длительного периода времени, но, повторяем, нам не кажется, чтобы оно было

невозможно, раз вся та доля национального дохода, которая обращается на расширение производства, **находится в полном распоряжении государства**, и государство затрачивает ее так, как оно хочет это сделать. Нужно только, чтобы последнее условие действительно было осуществлено. Едва ли все сказанное могло бы быть поэтому проведено в жизнь при существовании вне сектора государственного хозяйства еще и сколько нибудь значительного сектора частного хозяйства.

Но вопрос о возможности не совпадает с вопросом о целесообразности. И нам кажется сомнительным, чтобы государственное хозяйство что либо выиграло от перехода к тому методу учета, который описан выше на основании предложений, сделанных в 1919—21 г. Х. Креве, Валютной подкомиссией при НКФ, С. Г. Струмилиным и др. Мы думаем, напротив, что эти предложения и в обстановке социалистического хозяйства имели бы неблагоприятные последствия. То обстоятельство, что самый крупный из социалистических мыслителей, К. Маркс, анализировал социальные отношения в капиталистическом обществе с точки зрения затраты труда на производство товаров, само по себе не может служить основанием к тому, чтобы положить этот принцип описания капиталистического хозяйства в основу хозяйственной практики совершенно иной социально-экономической системы. Борьба рабочего класса против капиталистической системы происходит ведь не потому, что товары обмениваются пропорционально «издержкам производства», а не «трудовым ценностям», т.-е. не потому, что вся масса прибыли «перераспределяется» пропорционально затраченным в отдельных отраслях производства капиталам, а потому, что эта прибыль поступает в распоряжение владельцев капитала. Цель этой борьбы заключается не в том, чтобы не было «перераспределения» всей массы прибыли между капиталистами и чтобы продукты расценивались пропорционально затратам труда, а в том, чтобы вообще не было присвоения «прибавочного продукта» владельцами средств производства. Даже из описания и критики капиталистической системы К. Маркса поэтому не вытекает необходимость того решения вопроса о порядке оценки хозяйственных благ в социалистическом хозяйстве, которое приводит к учету продукции в «тредах» и к соответствующему ее распределению.

С. Г. Струмилин мотивировал свое построение следующим соображением: ...«человек не имеет основания экономизировать что-либо, кроме своего труда. Материя и энергия природы, потребляемые нами в процессе производства, сами по себе не уничтожаемы и неистощимы. Их экономить, поскольку они достаются нам даром, не стоит. Если же для использования их мы вынуждены затратить свой труд, то

мерой этих затрат, и только их, мы и оценим соответствующие материальные блага или источники механической энергии» («Проблемы экономики труда», стр. 220). Едва ли указание на «неистощимость» правильно даже с естественнонаучной точки зрения. И весь ход мыслей во всяком случае неправилен с точки зрения экономической. Возьмем один из многочисленных примеров. Мы не можем не «экономизировать» площади в центре города, потому что таких площадей имеется ограниченное количество. Поэтому мы должны хозяйственно оценивать ее, хотя создание ее и не стоило труда. Правда, можно утверждать, что мы оцениваем ее именно потому, что расположение ее позволяет нам сберечь труд, необходимый на переходы и переезды. Но это не меняет сущности дела. Если предмет нам нужен, но его в нашем распоряжении нет, то для получения его мы затратим труд. Но если он есть, то мы тем не менее будем ценить его, хотя бы мы труда на него не затратили. Мы «экономизируем» таким образом нефтеносные земли, залежи руды, участки земли, отличающиеся какими-либо преимуществами по сравнению с теми, которые имеются в неограниченном количестве, и т. п. Государственное хозяйство не может не «экономизировать» этих предметов и в отношении к ним аргументация С. Г. Струмилина, изложенная выше, очевидно не верна. Можно было бы только утверждать, что государство должно оценивать эти предметы в меру той экономии труда, которая получается благодаря их существованию. Однако это вопрос особый и правильность такого утверждения нисколько не колебала бы того положения, что эти предметы приходится оценивать и что распоряжаться ими нужно экономно.

Но как оценивать? Как производить оценку тех благ и в частности тех средств производства, которые сами являются продуктом труда? Последние-то «экономизировать» во всяком случае необходимо. Будет ли соблюдена достаточная экономия в отношении их в том случае, когда при оценке продукта, произведенного при помощи этих средств производства, на последний будет перенесена только амортизация средств производства без начисления некоторого процента на полную их ценность. Мы полагаем, что не будет. Накопление дает и вероятно всегда будет давать меньшие рессурсы для расширения хозяйства, чем те, которые *могли бы быть* еще целесообразно использованы. Распределение этих рессурсов между отдельными отраслями производства (при условии сосредоточения накопления в руках государства и государственного распоряжения накоплением) возможно произвести так, чтобы равновесие между спросом и предложением достигалось при оценке продуктов по одним трудовым затратам. Однако не только ничем не до-

казано, что это будет наиболее рациональное распределение, а имеются все основания полагать, что оно было бы мало рационально. Такой метод оценки игнорировал бы, что средства производства, имеясь в ограниченном количестве, должны быть администрируемы на основании особого режима экономии. Для установления такого режима недостаточна оценка, обеспечивающая их воспроизводство, а требуется нечто большее. Начисление процентов представляло бы и в условиях социалистического хозяйства такую гарантию, являющуюся одновременно и методом накопления, так как начисления создавали бы фонд для расширенного воспроизводства Начисление процентов легче и правильнее, чем какой-либо другой порядок, позволило бы направлять вновь накопляемые средства производства в те отрасли хозяйства и предприятия, в которых мог бы быть получен наибольший хозяйственный эффект.

При ограниченном количестве средств производства и при ограниченном накоплении вопрос о направлении новых производительных сил в ту или другую отрасль хозяйства имеет первостепенное значение. Как разрешить эту хозяйственную проблему, если не только стремиться к тому, чтобы осуществить в хозяйстве какое-либо равновесие, а добиваться того, чтобы это было равновесие, обеспечивающее наибольший эффект в отношении удовлетворения потребностей общества? Как найти показатель меры этого удовлетворения, который мог бы служить компасом для органа устанавливающего производственный план? Та схема, о которой мы говорили до сих пор, такого показателя не дает. Она, как сказано было выше, сводит концы с концами, но в ней нет ничего доказывающего, что ее метод является лучшим с точки зрения возможно более полного удовлетворения потребностей.

Уверенность в том, что эта задача разрешена, существовала бы только в том случае, если бы государство направляло принадлежащие ему средства производства в те отрасли хозяйства, за продукты которых оно могло бы получить от потребителей наибольшую плату в тех ценностных единицах, в которых потребители рассчитывались бы с государством. Ибо готовность больше «заплатить» и есть показатель того что данный продукт потребителю больше всего нужен. Лишь в том случае, если бы государство, взявши за исходную позицию какую-либо систему оценок, стало строить производственный план и план новых капитальных затрат с таким расчетом, чтобы получить от новых затрат максимальный ценностный эффект, лишь в этом случае оно вступило бы на путь отыскания того распределения производительных сил, которое дало бы с точки зрения потребностей всего общества наибольшие результаты.

Но тогда оно стало бы затрачивать средства производства по возможности там, где результат производства мог бы покрыть не только первоначальную оценку этих средств производства, но и дать сверх этого еще излишек. Возможность получения такого излишка покоилась бы на том, что средства производства имелись бы в ограниченном количестве. Этот-то излишек и составлял бы тогда «процент» на произведенные государством капитальные (по нынешней терминологии) затраты. Введение его в калькуляцию и готовность потребителей принять эту калькуляцию означали бы, что государство направляет производительные силы, находящиеся в его распоряжении, по руслу максимальной эффективности затрат, конечным критерием которой было бы производство благ наибольшей общественной полезности.

Эта постановка вопроса конечно ни в какой мере не исключает стремления к снижению стоимости продуктов. Наоборот, только при таком использовании производительных сил возможно было бы построение рационального плана производства, т.-е. достижение максимальных результатов с наименьшей из всех возможных затрат.

С точки зрения «права на полный продукт труда» отдельного рабочего можно было бы привести аргументы в пользу учета продуктов по одним трудовым затратам. Однако во всяком обществе отдельный участник производственного процесса может получить лишь часть продукта, ибо другая часть должна пойти на обще-государственные расходы и на производство средств производства. Часть продукта труда всегда будет обращена на накопление. А если это верно, то не видно, почему в процессе оценки эта доля, присваиваемая обществом в целом, должна быть исчисляема так, как это намечается, например, у Х. Креве, а не пропорционально затратам средств производства, т.-е. аналогично тому, как в капиталистическом хозяйстве начисляется процент на капитал. Только реминисценции о том, что процент на капитал в капиталистическом хозяйстве образует классовый доход, могли бы служить психологическим основанием для отказа от такого способа калькуляции. Рациональных оснований для такого отказа не имеется.

Резюмируем то, что сказано выше, и дополним попутно приведенные выводы еще несколькими указаниями.

1. «Энергетическая» схема, предложенная М. Смит и С. Клепиковым, действительного отношения к вопросу об учете хозяйственного значения продуктов и средств производства не имеет. Она так и осталась сырым наброском. Не были разработаны ни все предпосылки этой схемы,

ни все вытекающие из нее выводы. Они и не могли быть разработаны потому, что серьезная попытка продумать эти предложения до конца показала бы, что в них нет элементов, ни для учета полезности хозяйственных благ с точки зрения потребностей тех людей, для которых эти блага производятся, ни для учета совокупности всех затрат, имеющих значение для того общества, которое занимается производством и стремится рационально руководить им. Эта схема стоит совершенно особняком в литературе вопроса. О ней приходится упомянуть лишь потому, что она была высказана, но ее нельзя включить в разряд предложений, формулировавших **мыслимые** решения вопроса, поставленного жизнью в эпоху первой попытки построения социалистического хозяйства на обширной общественной основе.

2. Действительный интерес представляют прочие предложения, изложенные выше и примыкающие в различных своих частях к тем точкам зрения, которые были высказаны по вопросу о формах учета в социалистическом хозяйстве и в мировой литературе. Классифицировать эти предложения можно с разных точек зрения и по различным признакам: это вопрос целесообразности. Нам представляется наиболее удобным разделить их на две группы: схемы, отказывающиеся от установления единого ценностного принципа, и схемы, остающиеся при едином ценностном принципе. С этой классификацией не совпадает другая, имеющая в виду с одной стороны схемы, основанные на свободном потреблении, и с другой стороны, схемы, исходящие из связанного потребления, т.-е. из распределения продуктов между потребителями не по свободному выбору последних, а по системе выдачи каждому определенного пайка. Схема учета без единого ценностного измерителя, повидимому, возможна только при одновременном существовании «пайкового» распределения продуктов, но схема, сохраняющая единый ценностный измеритель, может существовать при различных системах распределения, хотя содержание и смысл ее при свободном и при связанном потреблении будут совершенно различны.

3. То, что представил в своей работе А. В. Чаянов, есть попытка построения обширного общественного хозяйства, как хозяйства чисто натурального. Натуральному хозяйству соответствует натуральный учет. Недостатки натурального или материального учета достаточно известны. Возражения против него, исходящие из того, что при нем отсутствует возможность соизмерения разноообразных затрат между собой и всех затрат, вместе взятых, с их результатами, остаются в силе и после того, что было высказано в пользу своего проекта А. В. Чаяновым или в пользу аналогичного проекта Отто Нейратом. Но указания А. В. Чаянова на возможность применения частных измерителей в отдельных про-

изводствах правильны и хотя остается неясным, как могло бы быть поставлено рационально, т.-е. наиболее производительно, все народное хозяйство в целом, но можно признать, что частные измерители позволили бы рационализировать отдельные части общественного хозяйства. Почему связанное потребление должно сопутствовать организации общественного хозяйства этого типа, кажется, ясно само собой. Потребитель может «свободно» выбирать, либо в том случае, если количество всех благ неограничено и ему вообще предоставлено потреблять все, что он хочет (но схема А. В. Чаянова не построена на этом предположении), либо в том случае, если он располагает покупательной силой, выраженной в каких-то единицах, и в соответствующих единицах оценены те продукты, между которыми потребитель должен осуществить свой выбор (но, при схеме чисто натурального учета, такой оценки не существует).

Мы отметили выше в нескольких словах то отношение к этой схеме, которое, на наш взгляд, может быть высказано о ней при условии соблюдения научной осторожности. Она мыслима в том отношении, что в ней нет внутреннего, логического противоречия. Она не обеспечивает рационального ведения хозяйства в том смысле, в каком принято понимать хозяйственный рационализм, вкладывая даже очень широкое содержание в это понятие. Но она не исключает роста накопления и производительности труда, если даже и не гарантирует того, что прогресс этот будет вполне измерим. Она мыслима, хотя и представляется крайне мало вероятным, чтобы она когда нибудь получила осуществление.

4. Схемы, ищущие единого принципа учета, или оценки хозяйственных благ, могут сочетаться, как сказано выше, с обоими формами потребления — связанной (пайковой) и свободной. При связанном потреблении размеры производства определялись бы не характером и об'емом всегда несколько подвижного потребительского спроса, а целиком и твердо государственным планом, который, будучи планом производства, вместе с тем был бы и планом потребления. Но какой либо учет по единому для народного хозяйства принципу был бы возможен и был бы полезен, ибо он освободил бы от необходимости разрешения тех сложнейших проблем, которые встают в обширном натуральном хозяйстве, отказывающемся от единства учета. Поскольку стихийный спрос не оказывал бы влияния на размеры и характер, как потребления, так и производства, самый учет элементов производства носил бы условный характер и его можно было бы произвольно построить на основании того или иного принципа. Мы полагаем, что возможен был бы чисто трудовой учет с сравнительной оценкой различных видов труда по шкале (тарифу), установленной государствен-

ной властью. Но возможен был бы и учет на основании расценок, преемственно примыкающих к тем ценам, которые существовали бы в период перехода к новой системе общественного хозяйства от предшествующей ей формы товарно-денежного хозяйства. Цены превратились бы в производственные расценки, в которые государственная власть могла бы вносить поправки и изменения по мере того, как изменялись бы технические условия производства в отдельных отраслях хозяйства. При изобретении, положим, новых прядильных машин, государство могло бы и даже должно было бы изменить оценку пряжи и вслед за тем оценку всех тех продуктов, при изготовлении которых затрачивается пряжа. Государство могло бы принимать во внимание при расценке продукта процент на затраченные средства производства и это было бы целесообразно, как мы пытались показать в тех рассуждениях, которые изложены выше. Но оно могло бы и не делать этого. Оно было бы свободно в выборе того или другого принципа оценки потому, что хозяйственное равновесие в системе дано было бы единством декритируемого плана производства и потребления.

5. Схемы, построенные на начале связанного потребления, являются схемами безденежного хозяйства в точном и в полном смысле слова. При связанном потреблении не только нет обмена и процесса оценки в том смысле, в каком они существуют в условиях товарно-денежного хозяйства, но нет ничего даже отдаленно напоминающего их. Нет следовательно нужды в деньгах какого бы то ни было, хотя бы и глубоко модифицированного вида, и нет места для денег. Если хозяйство будет построено на этом принципе, то категория денег будет полностью изжита. Хозяйство эпохи военного коммунизма развивалось в этом направлении. Наркомпрод распределял по пайкам и в принципе по единому плану. Если часть предложений, изложенных выше, все же исходила из предпосылки, что социалистическое общество следует построить на принципе свободного потребления, то это происходило потому, что система пайкового распределения или «казарменного» социализма казалась нежелательной и неприемлемой. Но отказ от этой системы означал на наш взгляд и отказ от безденежного хозяйства, по крайней мере в строгом смысле слова.

6. При свободном потреблении существует спрос и должна существовать та форма, в которой он может найти свое выражение Для того, чтобы потребление было действительно свободным в государственно-организованном хозяйстве, т.-е. для того, чтобы потребитель мог выбирать те или другие продукты из всего, что производится в данном обществе, в его распоряжении должны иметься платежные средства, а последние должны быть выражены в каких-либо цен-

ностных единицах и в тех же единицах должны быть оценены продукты, среди которых потребитель производит свой выбор. Форма платежных средств совершенно безразлична. Они могли бы быть даже отчеканены из золота, но только было бы бесполезно изготовлять их из такого дорогого материала. Это могут быть какие-либо талоны, какие-либо расчетные знаки, записи в книгах специально организованного для расчетов учреждения, заборные книжки, с чеками, без чеков и т. п. Важно только, чтобы платежные средства были налицо и чтобы потребители располагали ими. Предвидеть возможный порядок получения этих платежных средств не мудрено. Потребитель вследствие своего участия в производстве или вследствие каких-либо других оснований должен будет получить известные суммы платежных средств, которыми согласно сделанного допущения, он и будет свободно распоряжаться.

Должны ли существовать расчеты аналогичные тем, которые будут в этом случае происходить между потребителем и государством, также и между отдельными государственными организациями, занимающимися производством, транспортом и т. п.? Едва ли можно было бы представить какие либо соображения в пользу отрицательного решения этого вопроса. Правда, при строжайшей централизации управления всем производством, дело расчетов могло бы быть подвергнуто очень большому упрощению. Но, во-первых, вопрос о пределах централизации разрешается в зависимости от рациональности различных организационных форм и никто не в состоянии предусмотреть, какова была бы разумная степень централизации на различных стадиях развития социалистического хозяйства. И, во-вторых, хотя бы в целях учета, расчеты между отдельными частями производственного аппарата всегда оказались бы необходимыми. Рациональность построения всего общественного хозяйства в целом, требовала бы, чтобы все расчеты совершались на основании одной и той же единицы, которая и была бы ценностной единицей для данного общества. Техника расчетов могла бы быть различной в разных частях хозяйства. Такие различия существуют и в пределах капиталистической хозяйственной системы.

7. Мы старались выше показать, что ценностной единицей мог бы быть «трудо-час», или «трудо-день», или «тред», как говорили в 1920 году. Единицу эту,—как и всякую ценностную единицу,—пришлось бы определить условно, например, так, как это сделано было в цитированных выше проектах. Условно можно было бы установить и соотношение между различными видами труда. В капиталистическом хозяйстве расценка рабочих различной квалификации совершается на рынке и отражает втечение коротких проме-

жутков времени соотношение между спросом и предложением, а втечение длительных промежутков времени отражает также условия подготовки этих рабочих сил. В социалистическом хозяйстве дело обстояло бы в этой области иначе. Государство было бы гораздо свободней в установлении шкалы сравнительных оценок. Довольно свободное регламентирование в этой области составляло бы, как показывает даже и исторический опыт, вполне осуществимый хозяйственный прием.—Применение трудовой единицы мы назвали возможным в том смысле, что и при этом условии вполне осуществимо взаимное приспособление производства (предложения) и спроса и установление хозяйственного равновесия. Доказательства были приведены выше.

Но мы не думаем, чтобы этот метод был единственно возможен в социалистическом обществе, т.-е. необходим, и мы полагаем, что он был бы нецелесообразен. При ограниченности средств производства и необходимости сокращать потребление для накопления, наиболее целесообразное распределение производительных сил, т.-е. такое их распределение, которое гарантировало бы наиболее полное удовлетворение потребностей всего общества, было бы обеспечено лишь в том случае, если бы в калькуляцию вводилось то, что соответствовало бы проценту на капитал. Ценностная единица все равно оставалась бы условной. Могла бы быть взята та единица, которую новое общество унаследовало бы от старого. Она могла бы быть и изменена, однако лишь с условием сохранения преемственной связи с последней. Государство выплачивало бы определенное количество таких единиц всем лицам, участвующим в производственном процессе и всем тем, которых оно обязано было бы содержать, и оно знало бы, как велико получаемое ими реальное вознаграждение, так как оно знало бы цены своих продуктов. В состав этих цен включался бы процент на ценность средств производства, и таким образом, создавался бы фонд (весь или не весь, ибо наряду с этим могло бы сохраниться какое-либо обложение) для расширенного воспроизводства. При таком методе было бы достигнуто экономически целесообразное распределение средств производства между различными хозяйственными назначениями и не было бы нужды совершать то огромное перераспределение и те значительные переоценки, которых потребовал бы переход к чисто трудовому учету.

Этот метод, будучи на наш взгляд, более целесообразен при всех условиях, совершенно неизбежен при условии сохранения в народном хозяйстве некоторого числа частных хозяйств или при построении социалистической системы в одной стране и сохранении ее торговых сношений с другими странами. Ибо трудно были бы провести в одном хозяй-

ственном секторе специальную (трудовую) систему учета в то время, как в окружающей среде доминировал бы принцип издержек производства, от которого частное хозяйство отказаться не может.

8. Платежные средства социалистического общества существенно отличились бы от денег капиталистической эпохи. Они лишь в самой ничтожной степени оставались бы орудием накопления. Но они были бы мерилом ценности,—или могли бы быть мерилом ценности, если за таковой не принять по изложенным соображениям «тред». Они были бы, хотя бы и в ограниченной сфере, орудием обмена, что вытекает из того, что они были бы платежным средством. Степень сужения этой сферы могла бы быть весьма различной, но мы не рассматриваем того случая, когда в п р е д е л е она стала бы приближаться к нулю, ибо это означало бы уже переход от данной хозяйственной формы к какой либо иной. Эти платежные средства выполняли бы таким образом, хотя и в ограниченном об'еме, нокоторые существенные функции денег. Нет никакого основания настаивать на том, чтобы за ними сохранялось название денег и можно привести серьезные соображения в пользу изменения термина. Но следует вместе с тем подчеркнуть, что описываемая система хозяйства была бы «безденежной» лишь в условном смысле слова. В ней были бы цены, или по крайней мере явления, «как капля воды на другую» похожие на цены, были бы платежные средства, во многих отношениях напоминающие деньги, был бы свободный выбор продуктов потребителями, т.-е. спрос и была бы необходимость поддерживать равновесие между спросом и предложением, либо в порядке изменения цен, либо в порядке изменения размеров производства, либо, что всего правильнее, путем как приспособления цен, так и приспособления производства. Но только, при сосредоточенном в руках государства управлении производством, и при распоряжении государства всеми материальными ресурсами страны, стихийный элемент в хозяйстве играл бы с р а в н и т е л ь н о скромную роль, а плановые элементы управления приобрели бы доминирующее значение. Количественные изменения в этой области были бы столь велики, что «количество перешло бы в качество» и, несмотря на сохранение элементов денежного хозяйства, вся система стала бы вполне своеобразной, тем более, что социальные отношения в обществе стали бы совершенно иными, чем в условиях капиталистического строя.

9. Социалистическое хозяйство мыслимо в качестве системы безденежного хозяйства с единым принципом учета или без единого принципа учета, но во всяком случае, лишь при условии связанного потребления. Мыслимо не значит целесообразно и не значит даже возможно, ибо для того,

чтобы мыслимое стало возможным в обществе, необходимо, чтобы достаточные социальные силы пожелали его осуществить. Едва ли однако, какие либо социальные силы заинтересованы в построении хозяйственной системы, основанной на пайковом распределении, если только на этот путь не толкает военная обстановка, подобная той, которая вызвала к жизни систему военного коммунизма. Вне этой обстановки социалистическое хозяйство может быть денежным хозяйством и именно в такой форме его скорее всего и следует представлять себе в качестве рационально построенной хозяйственной системы. Чем больше будет сосредоточение в распоряжении государства средств производства и чем полнее в связи с этим будет проводиться плановое управление хозяйством, тем меньше в нем останется общественно-стихийных процессов и тем ограниченнее будут одновременно становиться функции денег. Если изменится их роль в хозяйстве, то в какой-нибудь момент потребуется и новое их определение. Но кое что в целом существенное должно сохраниться, особенно в том случае, если не произойдет перехода к учету ценности по одним затратам труда, а будет вестись тот ценностный счет, который принимает во внимание ограниченность средств производства и необходимость такого их использования, при коем достигается максимальное удовлетворение потребностей общества.

Эпоха военного коммунизма не осуществила ни одной из изложенных выше систем. Следующая же эпоха, к описанию которой мы перейдем в дальнейших главах, вышла за пределы этих схем, не только отказавшись от принципа пайкового распределения, но создав условия, в которых оказалось необходимым восстановление денежной системы по образцу тех, которые существуют в капиталистических странах, хотя и с некоторыми немаловажными отклонениями от этих образцов. Новая эпоха ограничила сферу распоряжения государства материальными ресурсами республики, допустив существование частного хозяйства (прежде всего крестьянского, но также и торгового и промышленного) наряду с государственным, приступила к восстановлению связи с мировым хозяйством и пошла на значительное уменьшение степени централизации управления даже и государственными предприятиями. Все это связано было с возвращением к товарно-денежным формам хозяйства и с необходимостью радикального пересмотра государственной денежной политики.

Глава III.

НОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И ВОССТАНОВЛЕНИЕ ФИНАНСОВОГО ХОЗЯЙСТВА

В литературе, посвященной экономике первых революционных лет, можно найти, хотя и мало проверенные, но довольно обильные статистические данные, характеризующие падение производительных сил страны к концу эпохи военного коммунизма. Наше исследование посвящено специальному кругу явлений и мы не можем посвятить здесь много места этим данным. Известно, что уменьшение площади посевов за время гражданской войны превзошло в два раза то сокращение, которое имело место от 1914 до 1917 года, а падение урожайности превысило за период военного коммунизма в три раза то снижение, которое произошло за предшествующий период, так что сбор 1920 г. составил только 70% среднего сбора за довоенное десятилетие; известно, что почти в такой же степени уменьшилось количество скота; что сокращение посевов и сборов технических культур было еще несравненно более резким; что действительных излишков сельскохозяйственных продуктов у сельского населения к концу эпохи военного коммунизма не оставалось; что падение продукции обрабатывающей промышленности носило катастрофический характер и что по крупной промышленности производство 1920 г. не составляло и $1/5$ довоенного; что в некоторых отраслях промышленности имело место не сокращение, а почти полное прекращение производства; что с транспортом произошло то же, что и с промышленностью. «Если бы мы пожелали самым грубым образом примерно оценить размер народного дохода 1920 г., пишет Л. Крицман в книге, которую мы уже цитировали в одной из предшествовавших глав,—то... мы пришли бы к выводу, что народный доход в 1920 г. составлял во всяком случае не свыше 40% народного дохода 1913 г., т. е. сократился по крайней мере в два с половиной, а вероятнее, и в полных три раза» («Героический период великой русской революции», стр. 165). Судя по тем под-

счетам, которые производились уже к концу так называемого восстановительного процесса в народном хозяйстве Союза, последняя цифра даже гораздо вероятнее первой. А для оценки ее значения необходимо принять во внимание, что оставшаяся часть дохода была в значительной мере доходом крестьянского населения, которое для продолжения своего существования должно было само потреблять его. «Это — изнеможение, — так характеризовал В. И. Ленин создавшееся положение вещей, — это — состояние, близкое к полной невозможности работать». («О новой экономической политике» статьи и речи, 2 изд. М. 1924 г., стр. 13). Такие хозяйственные катастрофы случаются в истории раз за много столетий.

Хотя обусловленность хозяйственной катастрофы гражданской войной не могла подлежать никакому сомнению, но было ясно вместе с тем, что самая структура военно-коммунистической системы хозяйства задерживает восстановление производительных сил, и вопрос об изменении всей хозяйственной организации не мог не быть поставлен вслед за окончанием гражданской войны. Неурожай 1920 г. обострил хозяйственное положение и, вероятно, ускорил наступление в экономической политике перелома, ближайшей задачей которого было восстановить стимулы к расширению сельскохозяйственного производства. Но речь шла не только об этом. В своей речи о продовольственном налоге на X с'езде РКП 15 марта 1921 г., — на том с'езде, на котором провозглашено было введение новой экономической политики, — В. И. Ленин говорил: ...«было много просто ошибочного и было бы величайшим преступлением здесь не видеть и не понимать того, что мы меры не соблюли, не знали, как соблюсти ее. Но тут также была вынужденная необходимость — мы жили до сих пор в условиях такой бешеной неслыханно тяжелой войны, когда ничего, кроме действия по-военному, нам не оставалось и в области экономической... Но, в то же время, факт несомненный... что мы зашли дальше, чем это теоретически и практически было необходимо. Мы можем в порядочной степени свободный местный оборот допустить... Как это сделать, это — дело практики. Мое дело доказать вам, что это теоретически мыслимо». (Там же, стр. 10). С'езд признал представленные доказательства и новая экономическая политика была об'явлена.

Поворот от военного коммунизма к той сложной и своеобразной системе хозяйства, которая установилась в советских республиках после 1921 года, начался, как известно, с отказа от хлебной монополии, т. е. с замены продовольственной разверстки продовольственным налогом. По существу эта замена означала признание права частной собственности крестьян на продукты их труда, а вместе с тем

их права выносить эти продукты на рынок. Сперва это право было признано в очень ограниченных размерах и лишь потом оно постепенно расширялось.

В постановлении десятого с'езда Российской Коммунистической Партии говорилось, правда, что «все запасы продовольствия, сырья и фуража, остающиеся у земледельцев после выполнения ими налога, находятся в полном их распоряжении и могут быть используемы ими для улучшения и укрепления своего хозяйства, для повышения личного потребления и для обмена на продукты фабрично-заводской и кустарной промышленности и сельско-хозяйственного производства», но оговаривалось, что «обмен допускается только в пределах местного хозяйственного оборота». На десятом с'езде было даже предложено установить еще дальнейшее ограничение: разрешить земледельческому населению использование своих излишков только для личного потребления, или для уступки государству в обмен на промышленные изделия. Это предложение, означавшее недопущение частной торговли, не собрало большинства. Но и принятое постановление ставило свободному движению товаров очень узкие пределы. В. И. Ленин несколько раз подчеркивал в своей речи на X с'езде 15 марта 1921 г., что дело идет о допущении свободного местного оборота. Административная практика («заградительных отрядов» и проч.) на первых порах действительно стремились проводить в жизнь этот принцип.

Но он продержался недолго. В актах, изданных к началу лета 1921 г., (напр., в постановлении СНК от 24 мая об обмене) не упоминается уже об ограничении оборота. А в конце лета 1921 г. СНК в своем «Наказе о проведении в жизнь начал Новой Экономической Политики» (9 августа п. 10) прямо говорит о необходимости развития товарообмена, не ограниченного рамками местного оборота. К концу года внутренние продовольственные барьеры вообще перестали существовать.

Изменение продовольственной политики сопровождалось,—и не могло не сопровождаться,—изменением всей народно-хозяйственной политики. Втечение сравнительно короткого промежутка времени в области государственного хозяйственного строительства совершился глубочайший перелом. Здесь не место останавливаться на его описании. С точки зрения тех явлений, которые составляют предмет нашего наблюдения, необходимо отметить только некоторые его стороны.

Признание рынка изменило всю структуру государственного хозяйства. Продукты стали вновь товарами, независимо от того, кто их производил. Производство и распределение товаров стало вновь подчиняться законам обмена. Категория

цены, которую в предшествующий период стремились заменить какой-либо иной категорией, опять вступила в свои права. Товарный оборот по мере его развития должен был снова сопровождаться денежным оборотом, или другими словами, денежный оборот должен был снова сделаться коррелатом товарного оборота. Товарное хозяйство становилось денежным хозяйством. Проблема денежного обращения вновь выдвигалась на первый план.

Все это произошло очень быстро, но все же не сразу. Теоретически и практически очень любопытны были попытки отстоять промежуточную форму обмена без помощи денег и без денежного определения цен. С этими попытками дело обстояло так.

В основе резолюции X с'езда Российской Коммунистической Партии о замене разверстки натуральным налогом лежала между прочим мысль, что натуральный налог, нужный для того, «чтобы покрыть минимальные необходимые потребности армии, городских рабочих и неземледельческого населения» является мерой временной и что сумма его «должна быть постоянно уменьшаема по мере того, как восстановление транспорта и промышленности позволит Советской Власти получать продукты сельского хозяйства нормальным путем, т.-е. в обмен на фабрично-заводские и кустарные продукты». О формах товаро-денежного хозяйства в резолюции нет еще ни слова; эти формы еще и не намечались в принятых тогда постановлениях. Под обменом имелся в виду натуральный обмен. Это подчеркивала и резолюция конференции РКП в мае 1921 г.: «Основным рычагом новой экономической политики признается товарообмен. Правильные взаимоотношения между пролетариатом и крестьянством, создание вполне устойчивой формы экономического союза обоих этих классов на период перехода от капитализма к социализму невозможны без установления систематического товарообмена или продуктообмена между промышленностью и земледелием». Наказ Совета Труда и Обороны (21 мая 1921 г.) местным советским органам, предлагающий сверх продналога собрать еще такое же количество продуктов путем «свободного обмена», так же, как все остальные докуметты этого периода, имеет в виду обмен товара на товар без какого-либо участия денег в этой операции.

Натуральный обмен не между двумя мелкими хозяйствами, предлагающими друг другу свои случайные излишки, а между промышленностью и земледельческим населением целой страны был делом необычайной трудности и сложности и следует усумниться в том, что он «облегчил переход к новому порядку», т. е. к денежному обмену, как писал впоследствии орган той организации, которая сыграла в проведении его важнейшую роль (№ 58 «Бюллетеня Центросоюза»,

1921 г., статья А. Поддубовского). Скорее следует предположить, что «товарообмен» был необходим не для того, чтобы подготовить экономически и технически переход к денежному хозяйству, а для того, чтобы подготовить его психологически и политически. Натуральный обмен в этом смысле действительно был необходимым мостом от натурального хозяйства к денежному. Для экономиста было в высшей степени любопытно наблюдать, как среди государственных служащих, занимавшихся делом товарообмена на местах, постепенно созревала мысль о том, что деньги являются удобнейшим орудием обмена.

Организация натурального обмена намечена и затем проведена была в жизнь в следующем виде. Основными органами ее явились Народный Комиссариат Продовольствия и система потребительской кооперации. Между Наркомпродом и кооперацией заключен был договор, согласно которому вся заготовка для государства сельско-хозяйственных продуктов и сырья путем товарообмена передавалась Центральному Союзу Потребительских Обществ (Центросоюзу). Наркомпрод должен был немедленно передать в распоряжение Центросоюза все имевшиеся у него (и свободные от другого назначения) товарные фонды и в дальнейшем передавать кооперации все поступавшие к нему от промышленности товары, «предназначенные для целей товарообмена». Но это должно было составить только часть кооперативной работы, а именно ту, которая заключалась в выполнении прямых государственных поручений по приобретению сельско-хозяйственных продуктов в обмен на промышленные изделия. Сверх этого потребительская кооперация становилась посредником и по реализации других фондов, причем крупное значение должен был приобресть тот фонд, который образовывался в порядке, так. наз., «натурпремирования» рабочих и служащих, т. е. премирования их путем выдачи им части ими же производимых предметов. (Постановления СНК от 7 апреля и 13 мая 1921 года). По закону отчисленные изделия передавались заводоуправлениями местным кооперативным об'единениям рабочих. Каждый рабочий мог получить свою долю либо изделиями своего производства, либо же продуктами, полученными в обмен на эти изделия.

Для начала работы и для того, чтобы она могла быть поставлена и в дальнейшем с достаточной широтой, в распоряжение Рабкопа (Рабочего Кооперативного Комитета) при Центросоюзе государством был отпущен «авансовый обменный фонд». Реализация его происходила следующим образом. Весь фонд расписывался между учреждениями потребляющих губерний соо разно численности в них рабочих и служащих. Одновременно этот же фонд расписывался по

производящим губерниям, причем производящие и потребляющие районы по операции обмена взаимно прикреплялись друг к другу. Предполагалось, что крестьянское население в свою очередь будет образовывать обменные фонды путем внесения натурой вступительных и паевых взносов в свои потребительские общества.

Оставался вопрос о тех ценностных соотношениях, в которых будет совершаться товарообмен,— не вопрос о денежных ценах (ибо не имелась в виду ни продажа фабричных изделий, ни купля продуктов сельского хозяйства), а вопрос о ценностных соотношениях между всеми видами промышленных и сельскохозяйственных товаров. Целая система учреждений должна была разрешить эту проблему.

Создавались Эквивалентные Комиссии в центре и на местах: в центре из представителей Наркомпрода, Центросоюза и Центрального Статистического Управления, на местах — из представителей Губернского Продовольственного Комитета, Губернского Союза Потребительских Обществ, Губернского Статистического Бюро. Центральная Эквивалентная Комиссия, пользуясь материалами губернских эквивалентных комиссий, вырабатывала таблицу эквивалентных отношений между основными видами предметов товарного фонда и основными видами сельско-хозяйственных продуктов. На основании ее заключения Наркомпрод устанавливал средние погубернские эквиваленты. Кооперативные организации могли затем вносить изменения на местах, однако, с таким расчетом, чтобы в итоге всех операций были соблюдены установленные соотношения («Бюллетень Центросоюза», 1921 г., № 6—7). При установлении эквивалентов были приняты во внимание, и довоенные, и современные рыночные цены, и всякие другие соображения. Но опыт тотчас же обнаружил, как непреодолимо велики те затруднения, которые вызывает натуральный обмен.

Затруднения заключались, как и следовало ожидать, во-первых, в том, что бесконечно трудно было установить великое множество ценностных соотношений, несмотря на то, что в то время вопрос о качестве товаров считался второстепенным, и, во-вторых, в том, что для сделки нужна была встреча покупателя и продавца, способных удовлетворить друг друга. К этому присоединялось еще трудность установления первых расценок после периода полного отсутствия сколько-нибудь устойчивых и об'ективно фиксированных ценностных сопоставлений хозяйственных благ.

Обычная эквивалентная таблица при приведении «для упрощения расчетов» всех расценок в зерне, имела, примерно, следующий вид, (Ростов на-Дону):

Мануфактура

1 аршин ситца	20	фунтов зерна	
1 „ бельевого товара . .	33	„	„
1 „ демисезонных летних тканей	37½	„	„
1 аршин одежных товаров . .	1 п. 05	„	„

Бакалея

Мыло весовое (1 пуд) . . .	13 п.	20	фунтов зерна	
Табак курит. (1 ф.)	1 „	23	„	„
Папиросы (100 шт.)	—	27	„	„
Спички (1 пачка)	—	13½	„	„

Железо-скобяные товары

Вила навозная	1 п.	03	фунта зерна	
Ведро крашеное	1 „	20	„	„
Горшки чугунные (1 п.) . . .	12 „	—	„	„
Гвозди конн. (1 п.)	27 „	7½	„	„
Коса	3 „	—	„	„
Серп английский	— „	31½	„	„

и т. д., и т. д. За зерно принималась пшеница, а затем устанавливалось соотношение между пшеницей и ячменем, кукурузой, овсом и т. д.: вместо 100 весовых единиц пшеницы требовалось 135 ед. овса, 200 ед. кукурузы, 135 ед. картофеля, 135 ед. проса, 50 ед. говядины, 40 ед. свинины и т. д. («Продовольственная Газета» 1921 г. № 81—82, «На местах»).

Принятие за ценностную единицу пуда пшеницы упрощало счет для Ростовской кооперации. Но этот счет не был и не мог быть универсален. Смотря по обстоятельствам, выплывала то та, то другая счетная единица. По договору Олонецкого Губернского Союза Потребительских Обществ с Царицинским Союзом по обмену кож, железа и ситца на кору устанавливаются эквиваленты в пудах коры: 1 пуд пресносухих кож = 14 пудов коры; 1 пуд листового железа = 9 пуд. коры; 2 арш. ситца или бязи = 1 пуд коры... А по договору того же Олонецкого Губсоюза с Курским об обмене досок на зерно берется уже в качестве единицы измерения 1 куб. фут досок, которому приравниваются 15 фунтов ржи или пшеницы («Бюллетень Центросоюза», 1921 г., № 24). Таких примеров можно было бы привести очень много. Все они очень напоминают договор царя Соломона с царем Хирамом об обмене кедрового и кипарисового леса на пшеницу и оливковое масло, изложенный в третьей книге Царств (V, 8—11).

К затруднениям счетного характера присоединялись те, которые вытекали из невозможности найти покупателя, нуждающегося в том товаре, который имеет продавец, и пред-

лагающем последнему именно тот продукт, который ему нужен: дело происходило совершенно так, как рассказывается в учебниках политической экономии. Содержание тех об'явлений, которые помещали кооперативные организации, показывает, насколько нелегко было торговать. Самарский Губсоюз, напр., об'являл, что ему требуется 300—400 тыс. пудов картофеля, в обмен на который он может предложить 20 тыс. пудов извести, 7.500 пуд. цемента и алебастра, 5.500 станов колес, а также строевой лес, древесный уголь, кожевенное сырье, живой скот, причем, тут же сообщались эквиваленты («Бюллетень Центросоюза», 1921 г., № 32). Новгородский Губсоюз предлагал 5—7 тыс. пудов извести в обмен на хлеб («Бюллетень Центросоюза», 1921, № 16), Витебскому Союзу нужно было обменять лошадей и коров на рожь и т. п. «Бюллетень Центросоюза» писал, что товарообмен «отпугивает крестьян своею сложностью перевода цен. Главное его неудобство сказывается при крупных сделках. Корова в обмен на соль будет стоить десятки пудов, а в переводе на мануфактуру сотни аршин,—в каком количестве соль и мануфактура крестьянину не нужны»... и потому «крестьянин охотнее продает за деньги» («Бюллетень Ц. С.», 1921 г., № 34).

Одних этих причин было бы вполне достаточно для того, чтобы натуральный обмен сорвался. Но его сопровождали и другие затруднения, связанные с необходимостью обмена органами, не имевшими коммерческих навыков, или утратившими их, притом в обстановке, когда нелегко было определить ценностные соотношения, отвечавшие условиям рынка.

Основные эквиваленты устанавливал Наркомпрод. Он решил исходить из того, что по сравнению с довоенными условиями ценность фабричных изделий в отношении к ценности сельско-хозяйственных продуктов поднялась в три раза. Этот принцип оказался ошибочным для 1921, голодного года. Лишь только выявились виды на урожай, соотношения резко изменились и обнаружилось, что по действительным рыночным ценам, не фабричные изделия относительно вздорожали, а хлеб стоит относительно больше, чем до войны. Центросоюз стал менять установленное Наркомпродом соотношение для отдельных областей, Губсоюзы варьировали установленное для всей губернии соотношение по отдельным районам, но достаточная гибкость при существовавшей системе, конечно, не достигалась. К тому же неизвестно было, как оценивать различные товары. Кто брал за основу довоенные цены, кто брал действительные в данном месте базарные цены, кто действовал по соображениям, содержание которых в настоящее время уже трудно установить. Так, в Орле сперва установлен был эквивалент в

2 аршина ситца за 1 пуд картофеля, согласно местных базарных цен, но затем местная власть решила, что правильней приблизиться к довоенным ценам и установила вместо 2 арш. за пуд картофеля 11 вершков за пуд. («Экономическая Жизнь» 1921 г., № 129). В Ярославле взяли рыночные цены, сделали их путем внесения разных поправок условно «золотыми» ценами и через них установили эквиваленты. («Экономическая Жизнь» 1921 г., № 133). С самого начала в «товарообмен» стали проникать денежные исчисления. Всюду, где это было возможно, точки опоры искали в довоенных ценах, или в ценах местного рынка, если на нем встречался соответствующий товар.

Эквиваленты были, однако, недостаточно близки к действительным рыночным ценам и были при том слишком неподвижны для того, чтобы представлять те величины, при которых спрос мог прийти в равновесие с предложением Товар расхватывался, если он был недооценен, и оставался нереализованным, если оказывалось, что его переоценили. Частные торговцы покупали и продавали по действительным базарным ценам и кооперативный «товарообмен» оказался тем менее способным конкурировать с частным рынком, что и распределение товаров по губерниям не соответствовало состоянию спроса. Во Владимирскую губ., где остро ощущалась нужда в с.-х. орудиях, гвоздях, стекле, керосине и обуви, послали галантерею и спички; в Северо-Двинскую губ., где был спрос преимущественно на с.-х. орудия, гвозди, мануфактуру, галантерею и соль, послали обувные заготовки; в Тульскую губ., вместо с.-х. орудий керосина, мануфактуры, посланы были заготовки, галантерея и гудрон и т. д. («Бюллетень Центросоюза», 1921 г., № 26, «Пути товарообмена»).

Оборот стал стихийно обращаться к деньгам. С весны повсеместно стали наблюдать укрепление спроса со стороны крестьян на деньги. Особенно это было заметно в голодающих районах, где крестьяне, распродавая скот, орудия и домашний скарб и отправляясь в поиски за хлебом, брали в уплату исключительно деньги, так как ничего другого они не могли захватить с собой. Но голодающие губернии не составляли исключения. Как только появился рынок, на котором сравнительно свободно можно было покупать, население тотчас же стало предпочитать производить расчеты в денежной форме. Тогда кооперативные организации начали хлопотать о том, чтобы им разрешено было продавать на деньги те предметы, которые «не идут в товарообмен, потому, что невозможно нащупать ту именно деревню, где эти товары могли бы быть обменены на с.-х. продукты» (Марксштатд, Смоленск, Минск, Гомель, многие губернии черноземной полосы). («Бюллетень Центросоюза», 1921 г.

№ 18—19). В июле 1921 г., 2-е собрание уполномоченных Центросоюза («Бюллетень Центросоюза», 1921 г. № 11) выносит резолюцию, в которой осторожно и скромно говорится о том, «что необходимость сообщения экономическим отношениям определенности и устойчивости требует, хотя бы в виде опыта, перехода от непосредственного товарообмена к товарообмену посредственному: через куплю-продажу». Через несколько месяцев (постановление СНК от 26 октября 1921 г.) обязательный непосредственный товарообмен и обязательные эквиваленты были отменены. Весь этап в полгода исчерпал себя.

На московской губернской конференции РКП, В. И. Ленин в конце октября 1921 г. в следующих словах подвел его итоги: «Весной мы говорили,—заявил он,—что мы не будем бояться возвращения к государственному капитализму и говорили о наших задачах именно, как об оформлении товарообмена. Целый ряд декретов и постановлений, громадное количество статей, вся пропаганда, все законодательство с весны 1921 г. было приспособлено к поднятию товарообмена. Что заключалось в этом понятии? Каков, если можно так выразиться, предполагаемый этим понятием план строительства? Предполагалось более или менее социалистически обменять в целом государстве продукты промышленности на продукты земледелия и этим товарообменом восстановить крупную промышленность, как единственную основу социалистической организации. Что же оказалось? Оказалось,—сейчас вы это прекрасно знаете из практики, но это видно и из всей нашей прессы,—что товарообмен сорвался: сорвался в том смысле, что он вылился в куплю-продажу... Мы должны сознать, что отступление оказалось недостаточным, что необходимо произвести дополнительное отступление, еще отступление назад, когда мы от государственного капитализма переходим к государственному регулированию купли-продажи и денежного обращения. С товарообменом ничего не вышло, частный рынок оказался сильнее нас и вместо товарообмена получилась обыкновенная купля-продажа, торговля.—Потрудитесь приспособиться к ней, иначе стихия купли-продажи, денежного обращения захлестнет вас.» (В. И. Ленин, «О новой экономической политике», статьи и речи, 2-е изд., Госиздат, 1924, стр. 123).

Вопрос о переходе не только к товарному, но к товарно-денежному хозяйству был, таким образом, решен. Денежный расчет победил по всей линии хозяйственных отношений. Но «приспособиться» значило для государственной власти не только ввести свои предприятия в новую систему хозяйственных отношений и найти в ней свое место, а означало взять на себя руководство новым процессом. Денатурализация хозяйства стала тогда лозунгом экономической и в част-

ности финансовой политики. В области финансового хозяйства процесс денатурализации растянулся на 2—2½ года. Здесь последним его шагом было постановление СНК от 11 декабря 1923 г. о прекращении взимания единого сельско-хозяйственного налога натурой с 1 января 1924 г.

Прежде всего необходимо было создать правовые предпосылки для восстановления денежного хозяйства. Выше было упомянуто, что самое хранение денег рассматривалось законодательством эпохи военного коммунизма в последнее время его существования, как недопустимый акт. Первой новеллой в этой области явилось постановление ВЦИК от 10 июня 1921 г., касавшееся кооперации и предоставившее ей право свободно распоряжаться имевшимися у нее денежными средствами и держать в своих кассах наличными деньгами до 10 млн. рублей, что составляло, однако, в то время всего около 200 руб. золотом. Принципиально вопрос был затем разрешен в полном об'еме декретом СНК от 30 июня 1921 г. «Стремясь устранить стесняющие хозяйственный оборот ограничения и оздоровить денежное оббращение».., СНК отменил «всякие ограничения сумм, имеющих хождение в РСФСР денежных знаков, могущих находиться на руках у частных лиц и организаций» и постановил затем, что «все суммы, вносимые как частными лицами, так и организациями на вклады и текущие счета, а равно для перевода и перечисления в учреждения Народного Комиссариата Финансов и в кассы кооперативных организаций, не подлежат конфискации, иначе, как по постановлению органов, наделенных судебными правами» и «подлежат выдаче владельцам по первому их требованию без ограничения сумм наличными денежными знаками». Декретом 16 августа свобода распоряжения наличными деньгами была распространена и на государственные предприятия.

Затем следовали постановления, вновь разрешавшие государственным учреждениям и предприятиям приобретать товары на вольном рынке. Декрет СНК от 16 августа 1921 г. предоставлял предприятиям, состоящим на хозяйственном расчете (это понятие имело в то время еще очень ограниченное содержание), право заказов и покупки на рынке всех продуктов кустарного и мелкого производства. Декрет СНК от 4 октября 1921 г. отменил те ограничения, которые были установлены годом раньше (15 июля 1920 г.). Новый декрет устанавливал, что советские органы, на которые возложена заготовка сырья, сельско-хозяйственных продуктов и кустарных изделий, в праве приобретать указанные предметы «посредством товарообмена или покупки на вольном рынке»; в тех случаях, когда советские учреждения и предприятия не могут быть снабжены продовольственными органами из государственных заготовок, они на известных условиях могут

приобретать продовольствие и фураж по рыночным ценам; если органы советов народного хозяйства не могут в пределах утвержденных планов удовлетворить снабжаемые ими учреждения и предприятия полностью, то последние в праве приобретать недостающие предметы по рыночным ценам «при условии неполучения от снабжающего органа ответа на пред'явленное требование в недельный срок». Последнее условие создало большую чисто формальную переписку между учреждениями, но по существу не могло препятствовать вовлечению советских предприятий и учреждений в денежный оборот.

Если упомянутым декретом легализовано было выступление государственных предприятий на рынке в качестве покупателей товаров, то декретом СНК от 27 октября 1921 года государственные предприятия допущены были на рынки в качестве продавцов.

Выступление государственных предприятий на вольном рынке началось в виде стихийного процесса, прорвавшего те ограничения, которые были установлены законодательством эпохи военного коммунизма. Порядок планового снабжения привел промышленность к застою, из которого не было иного выхода, кроме ликвидации промышленных предприятий или предоставления им известной инициативы и самостоятельности в деле снабжения материалами и сырьем и реализации продуктов их производства. И когда обозначился официальный поворот всей экономической политики, жизнь сама пошла по второму пути. Законодательству и административной практике пришлось только искать новые формы для урегулирования прорвавшегося потока и направления его по тому руслу, которое соответствовало бы новой экономической программе.

Постановление СТО от 12 августа 1921 г. утвердило основные положения о мерах к восстановлению крупной промышленности, поднятию и развитию производства. «Наиболее крупные, технически оборудованные, целесообразно организованные и соответственно расположенные предприятия» какой-либо отрасли промышленности могли образовать «об'единение, организуемое на началах хозяйственного расчета».

Декрет СНК от 27 октября 1921 г., о мерах развития самодеятельности хозяйственных органов при переходе на хозяйственный расчет постановил, что «предприятия, снятые со всех видов государственного снабжения, имеют право для оплаты труда рабочих и служащих, для заготовки сырья, топлива и прочих расходов, реализовать свою продукцию по рыночным ценам. Распорядительные государственные органы не имеют права требовать от этих предприятий безденежного отпуска готовых изделий, сырья,

топлива и т. п.». Постепенно подавляющее большинство государственных предприятий было переведено на хозяйственный расчет.

Переход государственных предприятий на хозяйственный расчет должен был разгрузить государственный бюджет: переход, ведь, и заключался в том, что предприятия «снимались с государственного снабжения». Но последствия эти наступали не сразу. На первых порах государственные предприятия приходилось обеспечивать материальными и денежными фондами, поступавшими в их капитал, и поддерживать их долгосрочными ссудами. Кроме того, новая экономическая политика влекла за собой ряд явлений, которые вызывали значительное увеличение денежной части расходного бюджета.

Прежде всего, новая экономическая политика должна была отразиться на высоте заработной платы. Она означала ведь не только признание принципов денежного хозяйства. Вместе с тем она означала отказ от ряда других начал, проводившихся в эпоху военного коммунизма. Она связана была с ликвидацией принудительной организации труда и с необходимостью создавать жизнеспособные предприятия на основе привлечения квалифицированных служащих и рабочих в порядке договоров вольного найма. Новая экономическая политика провозглашена была, наконец, в целях поднятия производительности хозяйства, а условием этого было доведение заработной платы на первых порах по крайней мере до уровня минимума средств существования, ибо заработная плата опустилась много ниже этого уровня в годы гражданской войны. И, кроме того, самое сокращение натурального снабжения, которое вытекало из факта реализации продукции государственных предприятий на вольном рынке, требовало увеличения денежной заработной платы.

Но в сметах советских учреждений, кроме расходов на заработную плату, видное место занимают и хозяйственные расходы, которые теперь тоже становились денежными расходами и притом такими, которые приходилось исчислять не по твердым ценам продуктов, а по вольным ценам рыночных товаров, и оплачивать не бухгалтерскими только перечислениями, а наличными деньгами.

Увеличение денежных расходов в государственном бюджете требовало, таким образом, изыскания новых источников государственных доходов. И того же требовало урегулирование денежного обращения. Период идеологии безденежного хозяйства был закончен, и с этого момента во всех резолюциях и актах, как партийных, так и высших советских органов проводится все более определенно и настойчиво мысль о необходимости упорядочить систему денежного обращения. Девятый Всероссийский С'езд Советов

в конце 1921 г. возлагает на Народный Комиссариат Финансов задачу «осуществить с наибольшим напряжением сил и наибольшей быстротой сокращение и впоследствии прекращение эмиссии и восстановление правильного денежного обращения на основе золотой валюты».

Отсюда вытекла необходимость распространить принцип платности продуктов и услуг на все государственное хозяйство и восстановить налоговую систему.

Уже наказ СНК от 9 августа 1921 г. гласил в п. 11; «в целях поднятия устойчивости нашего рубля необходимо проведение ряда мер к обратному приливу денег в кассы государства, исходя из принципа, что в области народного хозяйства государство при данном состоянии своих государственных ресурсов и впредь до поднятия хотя бы основных отраслей его никаких хозяйственных услуг никому даром оказывать не может». В течение долгого времени один за другим следуют декреты и постановления, восстанавливающие принцип платности, ликвидация которой только что была лишь закончена.

9 июля 1921 г. издается декрет о новом железнодорожном тарифе, провозглашающий в первой статье своей принцип платности перевозок, но оставляющий еще в силе упрощенный порядок расчетов с государственными и кооперативными учреждениями и предприятиями,—порядок, при котором действительное поступление доходов было довольно мало обеспечено. Впоследствии (декрет 16 января 1922 г.) этот порядок изменяется. 1 августа 1921 г. издается декрет о таксах за услуги, оказываемые Народным Комиссариатом Почт и Телеграфов. Декрет 5 августа 1921 г. об'являет, что «за всякие предметы, отпускаемые государственными органами частным лицам и организациям, в том числе и кооперативным, обязательно взимается плата». Декрет от 25 августа гласит, что «с 15 сентября 1921 г. устанавливается плата за пользование водопроводом, канализацией, электрической энергией, газом, городскими железными дорогами и другими средствами передвижения, банями, прачечными, починочными мастерскими и предприятиями по очистке дымовых труб». Затем следуют декреты о пересмотре постановлений о бесплатном отпуске населению продовольственных продуктов и предметов массового потребления (6 сентября 1921 г.) о взимании платы за помещения и участки земли, сдаваемые под торгово-промышленные предприятия (20 октября 1921 г.) и т. д. и т. д., пока в конце концов принцип платности не получает всеоб'емлющего значения.

Еще в 1921 г. началось и восстановление денежной налоговой системы. Началом явился промысловый налог на торговые и промышленные предприятия (постановление ВЦИК от 26 июня 1921 г.), введенный сперва в очень грубой

форме, с крайне незначительной диференциацией типов торговых предриятий, с уделением преимущественного внимания рыночной торговле. Уже в начале 1922 г. «Положение о промысловом налоге» пришлось поэтому значительно изменить. Постановление ВЦИК и СНК от 10 декабря 1921 г. пыталось регулировать местное налоговое творчество, которое стало развиваться с чрезвычайной быстротой и пестротой.—25 мая 1922 г. ВЦИК утверждает положение о подворноденежном налоге. В области косвенного обложения новое законодательство начинает с введения акциза на виноградные и иные вина (декрет от 9 августа). В 1922 г. акцизом обложены уже табак, гильзы, спички, пиво, квас, фруктовые воды, чай, кофе и их суррогаты, сахар, соль и нефтяные продукты.

Работа по развитию налоговой системы велась с огромным напряжением. Уже в 1922—23 году система налогов подверглась очень большим изменениям. Финансовое законодательство пользовалось ростом денежного хозяйства, развитием торговли и промышленности и начавшейся имущественной диференциацией населения для того, чтобы настигать новые об'екты обложения и более умело подходить к тем об'ектам, которые уже раньше успели попасть в сферу его внимания. Промысловый налог снова переработан был в 1923 году (декрет 18 января 1923 года). Трудовой и гужевой налог, введенный с начала 1922 года,—налог, о котором «Обзор работы НКФ СССР за 1922—23 год» (М. 1924 год, стр. 63) говорил, что он «приучил госорганы к неэкономному и непроизводительному пользованию предоставляемой рабочей силой» и что он «извлекал у населения гораздо больше сил и средств, нежели доставлял их государству»,—налог этот в начале 1923 года превращен был в денежный сбор (постановление ЦИК и СНК от 15 февраля 1923 года), при котором выполнение натуральных повинностей оставлено было лишь в качестве исключения. Декретом от 10 мая 1923 года введен был единый сельско-хозяйственный налог в качестве налога, лишь часть которого (до 1 января 1924 года) и то не повсеместно, подлежала взиманию в натуре. Внесены были изменения в подоходно-поимущественный налог и т. д. Втрое увеличен был за 1923 год налоговой аппарат: к началу 1923—24 бюджетного года он достиг 30.000 работников.

Исчисления, касающиеся реальных размеров поступлений втечение этого периода почти несравнимы, так как они основаны на пересчетах по разным показателям. На основании того обзора НКФ СССР, который мы только что цитировали, можно сделать следующие примерные сопоставления (стр. 82—83).

Среднее месячное поступление в 1 000 рублей

	Бюджет 1922 г. (в золот. руб. по официальн. котировкам)	Бюджет 1922—1923 г. (в золот. рублях по индексу Госплана)
Государственные прямые налоги . . .	1 242	10 363
„ косвенные налоги . .	2 158	11 038
Итого государств. налогов .	3 400	21 401

Так как официальный курс золотого рубля устанавливался в 1922 г. низко, в среднем, по крайней мере, в 2 раза ниже, чем составлял бы госплановский индекс товарных цен, если бы он исчислялся уже в это время, то действительная разница между налоговыми поступлениями бюджета 1922 г. и бюджета 1922—23 г. еще гораздо значительней, чем ее показывают эти ряды цифр. Если принять теперь во внимание, что среднее месячное поступление налогов составляет по бюджету 1926—27 г. 194,4 м. руб. (включая акциз на хлебное вино, которого в 1923 г. еще не было), что в переводе в индексные рубли по оптовому индексу Госплана составляет 112,1 млн. руб. [1]), то станет ясно, насколько значителен был тот шаг, который совершен был втечение начального периода восстановления финансового хозяйства.

Одновременно с налоговой работой возобновилась и бюджетная работа, в которой приходилось также итти на ощупь, как и во всех остальных областях, строя заново всю роспись государственных доходов и расходов. Первый элементарной попыткой подойти к реальному бюджету было составление бюджета на 9 меяцев 1922 г. Постановление ВЦИК (10 октября 1921 г.) потребовало, чтобы все ведомства ограничили свои сметные предположения о расходах «пределами исключительной и крайней необходимости, сократив в этих видах все свои штаты и все плановые и программные предначертания». Местные расходы покрываются из местных средств, т.-е. вновь устанавливается упраздненное ранее деление бюджета на государственный и местный. Наркомфин должен был представить сведения об ожидаемых доходных поступлениях, включая выпуск новых бумажных денег, с указанием «действительной

[1]) По индексу среднему за октябрь—июнь.

стоимости их». Исчисленная, таким образом, твердая цифра развертывалась между комиссариатами, и полученные цифры служили основой для составления смет отдельных ведомств. Сделана была попытка установить бюджет в твердой единице и за такую единицу принят был «довоенный рубль», который по покупательной силе должен был быть равен рублю 1913 г. Условно он приравнен был 60.000 советских рублей по их покупательной силе в октябре 1921 г.

Это бюджет, в котором расходы были чрезвычайно сжаты, получил название «жесткого» бюджета. Он был утвержден IX С'ездом Советов, но первые же попытки провести его в жизнь обнаружили его совершенно фантастический характер и крупные ошибки, допущенные при сведении воедино отдельных его частей. В полуофициальной, очень осторожной и сдержанной форме С. А. Голованов перечислял в 1922 г. недостатки этого первого бюджета в следующих словах: «Главным и наиболее существенным недостатком бюджета на 1922 г. является неправильное исчисление в нем в денежной форме натуральной части государственного хозяйства, т.-е. движения материальных ценностей, предоставляемых государством его рабочим и служащим, а также государственным учреждениям и предприятиям. Здесь в составе, так называемых, оборотных кредитов оказалась неправильно учтенной продукция предприятий по смете ВСНХ, неправильно намечено ее распределение по ведомствам. причем на долю самих предприятий ВСНХ ничего не оставлено (!), неправильно внесены в число оборотных кредитов расплаты с коммунальными хозяйствами и предприятиями, снятыми с государственного снабжения, преувеличенно исчислены доходы и расходы Наркомпрода, опущены валютные доходы и расходы по внешней торговле и т. п. Кроме того, в виду намеченных предположений по снятию с государственного снабжения большинства или даже всех предприятий национализированной промышленности и перехода на хозяйственный расчет и на полную платность за все отпускаемые материалы и производимые услуги, самое деление доходов и расходов на оборотные и прямые теряет свое значение». («Очередные вопросы финансовой политики». Сборник статей, М. 1922, стр. 40, 41). В самом начале 1922 г. этот бюджет, все построение которого было ложно, пришлось уже переделывать. Бюджетно-сметное законодательство и соответствующая практика постепенно стали подходить к разрешению своих задач в процессе большой и интенсивной работы. Второе приближение оказалось уже более реальным, чем первое, но и бюджет 1922—23 года носил еще очень грубо—«ориентировочный» характер и служил лишь некоторым основанием для составления квартальных и месячных бюджетных планов. И сле-

дующие бюджеты в течение ряда лет давали только более или менее удачные приближения, даже после того, как годовая роспись доходов и расходов из ориентировочного плана (так и называвшегося законодательством только ориентировочным) превращена была постановлением закона в план, подлежащий точному исполнению. Еще на второй, на третий, даже на четвертый год после денежной реформы в государственные бюджеты приходилось вносить существенные поправки в самом процессе их выполнения. До денежной реформы работа по составлению текущих бюджетных планов продолжалась в сущности круглый год.

Трудность бюджетной работы заключалась не только и даже не столько в том, чтобы восстановить в бюджетной работе порядок, т.-е. суметь собрать все необходимые заявки и проверить их, выполнить эту работу во время, зафиксировать расходы в каких-либо твердых единицах, предусмотреть достаточно реально предстоящие доходные поступления и т. п. Другая, еще большая трудность заключалась в том, что невозможно было найти ресурсы для покрытия самых неотложных потребностей, что финансовое ведомство не могло не стремиться к созданию равновесия между расходами и возможными доходами, а все остальные ведомства не могли не требовать от казначейства несравненно больших средств, чем те, которыми оно располагало.—Это был период напряженнейшей борьбы за бюджетное равновесие и за установление финансовой дисциплины. Красноречивым свидетельством этой борьбы являются статьи покойного Заместителя Народного Комиссара Финансов М. К. Владимирова, собранные в посмертном издании его статей, речей и писем за 1920—25 гг. (Ленинград—Москва, 1926 г., стр. 157—345). Первая из статей, воспроизведенная в этом сборнике и носящая заголовок «Реальный бюджет или бюджетные комбинации» («Экономическая Жизнь» 16/IX—1922 г.) начинается со следующих слов: «Есть немало, притом ожесточенных критиков бюджетной политики и практики Наркомфина, обвиняющих его в том, что, стремясь, с одной стороны, к проведению жесткой бюджетной дисциплины, он в то же время сам повинен в разрушении бюджета многочисленными комбинациями, к которым он из месяца в месяц прибегает, чтобы сократить государственные расходы» (стр. 159). ... «Эта ненормальная и вредная практика находит, к сожалению, свое поощрение в системе сверхсметных требований и их массовых удовлетворений. Конечно, результат этой практики обыкновенно таков: не покрываемая часть дефицита увеличивается, бюджетные комбинации Наркомфина по сокращению государственных расходов и по проведению их в соответствие с имеющимися ресурсами усложняются, бюджет все больше теряет серьезные следы какой бы то ни

было реальности, а ведомства упрекают Наркомфин, что он срывает их план работы, несмотря на его предостережения и предупреждения, что план с самого начала был нереальным и неосуществимым» (стр. 162). И в октябре 1922 г. он снова пишет: ...«почти со всех сторон раздаются громкие жалобы и нарекания на то, что именно обще-государственный бюджет тормозит советскую работу, не дает ей возможности развернуться ни в одной из ее областей, главным образом, благодаря отсутствию твердой уверенности в том, что будет иметься и будет проведен твердый и точный план бюджетного финансирования... Многочисленные факты ежедневной действительности вполне подтверждают (эти жалобы). Как правило, кредиты, открываемые комиссариатами их губернским органам, недостаточны, зачастую даже эти недостаточные кредиты не покрываются полностью денежными знаками, вследствие чего образовывается хроническая задолженность, еще более затрудняющая какую бы то ни было планомерную работу» (стр. 166, «Экономическая Жизнь», 22/X—1922 г.). Бюджет был неустойчив, и,—особенно втечение первого и второго года новой экономической политики,—очень незначителен. За месяцы: октябрь—декабрь 1922 г. по бюджету выдано было в круглых цифрах (по индексу Госплана) не более 250 милл. рублей, а в предыдущие кварталы еще меньше («Обзор работы НКФ СССР за 1922—23 год», стр. 40, 48). В 1926—27 г. квартальный расход по индексу Госплана составляет около 700 милл. Мы называем эту цифру для того, чтобы оттенить реальное значение цифры 1922 г.

Мы не можем остановиться в настоящем очерке даже на всех главнейших этапах финансового строительства в области налоговой и бюджетной и ограничиваемся общей характеристикой процесса и важнейших его тенденций. Исследование работы первого периода восстановления финансового хозяйства показывает, до какой степени эта работа, особенно на первых порах, была элементарна и груба. Но необходимо признать, что иначе быть не могло, ибо строить приходилось в сущности на пустом месте. Так, в 1921 году не только не существовало налогового аппарата, но едва только намечались и самые народно-хозяйственные об'екты, которые могли подвергнуться обложению. Народное хозяйство, быть может, на четыре пятых еще в 1922 г. оставалось натуральным. Финансовое хозяйство было натуральным по крайней мере наполовину, потому что в основе его продолжал лежать натуральный продовольственный налог. В области бюджетной, особенно в расходной части бюджета, не существовало ни традиций, ни каких-либо иных надежных критериев, на которые можно было опереться. Прием фиксации общей суммы всего бюджета и распределения ее затем между отдельными ведомствами на основании общих

соображений об их расходах в довоенное время, об их изменившемся значении в процессе революции, о денежных ассигнованиях на их расходы в годы военного коммунизма,—прием этот должен казаться необыкновенно упрощенным и даже фантастическим. Но едва ли какой-либо иной прием в существовавшей обстановке мог быть более «точным» или «реальным». Необходимо было как-нибудь нащупать действительные финансовые потребности отдельных отраслей государственного управления и народного хозяйства после полной утраты самой возможности их денежного учета.

Годовые бюджеты, естественно, становились как бы теоретическими попытками набросать абрис картины более или менее соответствующей действительности. «Практическая» бюджетная работа шла параллельно в порядке составления месячных бюджетных планов. Самая система падающей валюты до 1 октября 1923 г. (когда началась оплата кредитов по курсу дня) значительно отклоняла исполнение смет не только от годового ориентировочного, но и от месячного плана. Эти месячные планы устанавливались на базисе условной твердой единицы, которая приблизительно должна была соответствовать рублю покупательной силы 1913 г. Затем, при утверждении месячного бюджетного плана, устанавливался тот коэффициент, по которому происходила оплата кредитов денежными знаками, причем за основу брались индексы товарных цен. Так как этот коэффициент оставался постоянным для кредитов, открытых втечение данного месяца, а кредиты оплачивались и в начале, и в средине, и в конце месяца, а нередко оплачивались и по истечении весьма долгого срока за отсутствием достаточного количества денег в государственном казначействе, то картина реально произведенных расходов в конце концов далеко отклонялась от месячных бюджетных планов. Приходилось делить кредиты на оплачиваемые в первую и не в первую очередь, производить время от времени те или другие платежи во внеочередном порядке, и все это отражалось на реальных размерах выплачиваемых сумм, так как платежи производились в падающей валюте.

Но как ни груба была работа,—особенно на первых порах,—нельзя не отметить чрезвычайной ее напряженности. Как ни трудно приходилось тем отраслям управления и хозяйства, которые испытывали нажим финансового ведомства, деятельность последнего втечение чрезвычайно короткого срока, несомненно, дала значительные результаты. И вместе с тем, чем дальше, тем больше в этой работе проблема укрепления денежного обращения выдвигалась на первый план. Она была осознана тотчас после поворота в сторону новой экономической политики и постепенно стала централь-

ной задачей среди всех других задач не только финансового, но и народно-хозяйственного восстановления страны.

Однако, приступить к коренным преобразованиям в этой области удалось только на рубеже 1923 года. До этих пор приходилось только подготовлять обстановку для мероприятий в области денежного обращения. Самая же система денежного обращения продолжала приходить в упадок.

Проследим за ее судьбами и рассмотрим ее состояние втечение первого периода новой экономической политики до появления в составе денежного обращения нового элемента—банкноты Государственного Банка. История эмиссии советских денежных знаков в 1923 году будет описана в одной из следующих глав.

Количество денежных знаков, которое выпускало из месяца в месяц государственное казначейство, продолжало возрастать, причем возрастание это шло прогрессивно в силу отмеченных выше причин: денежные расходы в государственном бюджете увеличивались по мере денатурализации финансового хозяйства, между тем как на первых порах возрастание новых денежных доходов не могло поспеть за ростом потребности казначейства.

Потребность в новых денежных знаках возрастала в такой степени, что прежние методы технического приспособления к ней,—печатание крупных купюр, упрощенных образцов и т. п.,—становились недостаточными. Самый счет становился чрезмерно трудным и это привело к двум мероприятиям чисто технического значения. А именно втечение двух следовавших друг за другом лет произведены были две «деноминации». Они не меняли основ системы денежного обращения и все содержание их заключалось исключительно в переименовании денежных знаков в целях упрощения счета. Первая деноминация заключалась в выпуске в обращение денежных знаков образца 1922 года (декрет СНК от 3 ноября 1921 г.). Один рубль новыми знаками приравнивался 10.000 рублей знаками всех предшествовавших выпусков. Это была в высшей степени неудачная реформа, неудачная не потому, что она имела какое-либо принципиально вредное значение, а потому что она устанавливала такое соотношение между старым и новым счетом, которое требовало крайне затруднительных перечислений. Оборот, привыкший считать в старой денежной единице, должен был делить все суммы на 10.000, что было очень неудобно. Едва ли кто-нибудь, кроме служащих Народного Комиссариата Финансов (да и то не всех) научился считать в новых денежных единицах, и обыватель так и называл сторублевую бумажку образца 1922 года «миллионом»

до последних дней ее хождения. В значительной мере этому способствовало еще и то, что старые бумажки образца 1921 года долгое время оставались в обращении и были окончательно из'яты лишь к концу 1922 года. Единственным принципиальным элементом реформы можно считать разве лишь то, что бумажные деньги образца 1922 г. получили название «государственных денежных знаков», а не «расчетных» знаков, и в этом переименовании отразилась новая идеология в области вопросов денежного обращения.

За этой первой деноминацией последовала вторая (декрет от 24 октября 1922 г.), установившая денежный знак образца 1923 г. На этот раз 1 рубль знаками 1923 г. приравнивался 100 рублям знаками 1922 г. или 1.000.000 рублей знаками всех предшествовавших выпусков. Так как старый счет был еще в полной силе у населения, то эта вторая деноминация исправляла неудобства, причиненные первой, и население действительно отчасти приспособилось к тому, чтобы называть 1 миллион рублей одним рублем, тем более, что такое словоупотребление устанавливалось и само собой.

Однако в своем изложении мы будем придерживаться первоначальных названий, дабы не усложнять картины, и все данные приводятся в дальнейшем в рублях по унаследованному от дореволюционного времени счету.

Выпуск денежных знаков по кварталам выражался в следующих цифрах (в миллионах рублей):

Кварталы	1920 г.	1921 г.	1922 г.
1. Январь—март	115 647,1	518 086,8	63 640 830,9
2. Апрель—июнь . . .	161 153,5	660 486,6	238 770 045,4
3. Июль—сентябрь . .	233 341,7	2 182 263,8	531 536 747,79
4. Октябрь—декабрь .	423 439,4	13 009 804,2	1 142 977 597,56

Уже беглый взгляд на эту таблицу обнаруживает огромный рост эмиссии во второй половине 1921 года по сравнению с теми же месяцами 1920 года. И то же относится к 1922 году. За весь 1920 год вся бумажно-денежная масса возрасла в 5 раз, за 1921 год она увеличилась в 15 раз и за 1922 год — в 116 раз. На 1 января 1923 г. вся денежная масса составляла 1.994.464.454 милл. руб. Картина становится еще более отчетливой, если взять цифры по полугодиям, ибо тогда ясно выступают те изменения, которые начинаются со второй половины 1921 года.

	Возрастание денежной массы за полугодие
Первое полугодие 1920 г.	в 2,3 раза
Второе „ 1920 „	„ 2,3 „

		Возрастание денежной массы за полугодие	
Первое „	1921 „	„ 2,0	„
Второе „	1921 „	„ 7,5	„
Первое „	1922 „	„ 18,3	„
Второе „	1922 „	„ 6,2	„

После длительного периода очень равномерного увеличения денежной массы втечение трех полугодий, предшествовавших введению новой экономической политики, с уклоном даже к понижению темпа ее возрастания, с момента об'явления нового курса начинается быстрый и притом все увеличивающийся рост, который — в смысле напряженности его — достигает максимума в первом полугодии 1922 года, — т. е. к концу первого года новой экономической политики. Затем эта напряженность снова значительно падает. В системе финансового хозяйства за этот срок наметились те новые положительные явления, с которыми мы познакомились выше.

Учет степени напряженности эмиссии лучше всего вести, как мы делали это и во второй главе, путем сопоставления ежемесячных выпусков бумажных денег с тем количеством их, которое имелось в обращении к началу каждого данного месяца. Это отношение — «темп эмиссии» — показывает, насколько приходилось увеличивать втечение месячного срока всю денежную массу для того, чтобы добиться необходимого финансового эффекта. Темп эмиссии втечение того же промежутка времени выражался в следующих цифрах:

	Среднемесячный темп эмиссии (в процентах)		
	1920 г.	1921 г.	1922 г.
1. Январь—март	14,8	13,0	66,7
2. Апрель—июнь	14,5	11,7	58,1
3. Июль—сентябрь	13,4	24,5	39,1
4. Октябрь—декабрь	16,9	57,7	32,8

Возрастание темпа эмиссии начинается с июля 1921 г. и продолжается до декабря, причем он по временам достигает таких цифр, какие были совершенно неизвестны предше-

ствующей эпохе. Весь период этого максимального напряжения продолжается почти год. Это есть тот период, когда работа по восстановлению доходных статей государственного бюджета, хотя и велась, но не дала сколько-нибудь существенных результатов, а кон'юнктура народного хозяйства (неурожай и голод) была крайне тяжела. Это было поэтому очень критическое время для системы денежного обращения, и некоторые явления в этой области производили в течение зимних месяцев 1921—1922 г. впечатление надвигающейся катастрофы.

Огромная эмиссия вызывала и сильнейшее повышение цен. Темп возрастания цен мы возьмем здесь, как и раньше, по всероссийскому индексу статистики труда, т.-е. по бюджетному, а не общетоварному индексу, так как иначе мы не имели бы возможности производить сравнения за достаточно продолжительный промежуток времени.

Кварталы	Средне-месячный темп возрастания цен по всероссийскому индексу статистики труда		
	1920 г.	1921 г.	1922 г.
1. Январь—март	30,5	34,7	264,6
2. Апрель—июнь	21,0	35,1	22,8
3. Июль—сентябрь	5,7	3,4	19,3
4. Октябрь—декабрь	30,3	112,1	53,6

Одной из лучших характеристик состояния денежного обращения является сопоставление темпа эмиссии с темпом возрастания цен, т.-е. выведение сложного показателя, отмечающего отношение последнего к первому. Мы и приведем в нижеследующей таблице эти показатели. Числа менее 100 показывают, что цены возрастают медленнее эмиссии. Числа больше 100 показывают, что происходит обратное явление. См. табл. на 150 стр.).

Начало новой экономической политики отмечено плохими, но все же относительно благоприятными показателями. Все второе полугодие 1921 г., не исключая даже тяжелого декабря, дает более низкие процентные отношения, чем второе полугодие 1920 года: сказывается денатурализация хозяйства и развитие товарно-денежного оборота. Первые четыре месяца 1922 г. проходят в очень тяжелых условиях: цены растут быстрее, чем увеличивается денежная масса в обращении; и все же даже в этот критический период поло-

Месяцы	Отношение роста цен к темпу эмиссии		
	1920 г.	1921 г.	1922 г.
Январь	172,0	252,3	127,5
Февраль	182,5	184,9	177,7
Март	154,3	218,0	176,8
Апрель	152,1	150,0	109,2
Май	80,2	420,6	33,8
Июнь	169,1	283,0	28,2
Июль	81,5	—	—
Август	16,4	—	15,0
Сентябрь	27,8	24,1	103,1
Октябрь	56,9	37,1	202,1
Ноябрь	90,9	84,8	120,0
Декабрь	229,9	138,2	83,3

жение в смысле соотношения между ростом цен и ростом денежной массы оказывается более благоприятным, чем в соответствующем полугодии предыдущего года, когда денежное обращение отмирало. В мае и июне положение становится несравненно более легким. В общем мы имеем такой результат:

	Первый год новой эконом. полит. 1921—1922 г.	Предшествующий год 1920—1921 г.
Увеличение денежной массы в обращении (от 1 июля по 30 июня)	136,4 раза	4,6 раза
Возрастание цен	71,8 „	9,9 „

Втечение последнего года эпохи военного коммунизма, при относительно слабом темпе эмиссии рост цен в два с лишним раза превышает рост количества денежных знаков в обращении. В первый год новой экономической политики, несмотря на неурожай и крайне повышенный темп эмиссии, рост цен почти в два раза отстает от роста денежной массы. В этом и заключалась одна из важнейших сторон влияния новой экономической политики на денежное обращение.

Только вторая половина 1922 года, собственно месяцы сентябрь, октябрь и ноябрь дают совсем неблагоприятные показатели. В октябре рост цен в два раза превосходит увеличение денежной массы. Причины лежат в том, что основные последствия новой экономической политики уже сказались раньше: поскольку речь шла о превращении распределяемого по ордеру продукта в реализуемый на деньги товар, процесс этот уже закончился. «Разбазаривание» товаров государственной промышленности также не могло быть беспредельным и оно приближалось к концу. Налоговые достижения были еще не велики. Вместе с тем, значительная часть бюджета оставалась натуральной: основной налог — продовольственный — взимался в натуре. И именно быстрый и успешный сбор продовольственного налога в осенние месяцы 1922 года вызвал сжатие рынка, которое немедленно отозвалось на состоянии денежного обращения. И это произошло несмотря на то, что в сельскохозяйственном отношении год был благополучным и на лицо были поэтому все основания ожидать, что в состоянии денежного обращения не наступит опять перелома к худшему. Урок был поучителен, и в следующем году из него сделаны были, — хотя и с чрезвычайной осторожностью, — соответствующие выводы. Содержание урока заключалось в том, что при слабости денежного хозяйства взимание налога с основной массы населения в натуре является фактором, потрясающим все денежное обращение страны. Новая экономическая политика требовала последовательности в этой области. Поставив себе задачей создать товаро-денежное хозяйство, государственная власть не могла сохранить полунатуральную финансовую систему. Если в конце 1921 года это обстоятельство не обнаружилось, то только потому, что все остальные процессы денатурализации были очень сильны. Когда они закончились, состояние денежного обращения ясно указало на необходимость дальнейшей и полной денатурализации финансовой системы.

При анализе денежного обращения втечение этого периода восстановления финансового хозяйства необходимо обратить внимание еще на одну сторону вопроса: что давала реально эмиссия новых денежных знаков, т. е. какой действительный доход она приносила государственному казначейству? Ибо только данные о ее реальном ценностном содержании или о покупательной силе вновь выпускаемых денежных знаков, а не о номинальном их достоинстве можно сопоставлять по времени.

В те месяцы, когда возрасла потребность в деньгах государственного казначейства и повысился, в небывалых у нас до того времени размерах, темп эмиссии, увеличились и реальные доходы государства от его эмиссионной деятель-

Кварталы	Среднемесячная реальная ценность эмиссии в миллион. золотых рублей (по всероссийскому индексу статистики труда)		
	1920 г.	1921 г.	1922 г.
Январь—март	11,1	6,9	24,0
Апрель—июнь	9,1	4,3	17,4
Июль—сентябрь	8,6	9,2	30,6
Октябрь—декабрь	11,8	29,3	27,8

ности. По полугодиям мы имеем в 1920—году—60,7 и 61,2 млн. руб., в 1921 г.—33,7 и 115,4 млн. и в 1922 г.—124,1 млн. и 175,2 миллионов. Если рассматривать последний период по полугодиям, то он дает в целом те результаты, которые необходимы были казначейству, ибо в этом случае мы имеем непрерывный рост реальных поступлений. Но если анализизировать его по месяцам, то вновь обнаруживается тот критический промежуток времени, который отмечен был уже выше, когда эмиссионные возможности все более снижались и казначейству приходилось с особенной силой напрягать работу печатного станка, чтобы добиться скольконибудь значительных и, несмотря на все это напряжение, тем не менее все понижавшихся результатов. В смысле достижения реальных результатов наиболее слабыми месяцами после об'явления новой экономической политики являются февраль— март—апрель 1922 г., причем на последний из этих месяцев падает минимум поступлений. Лишь с мая начинается новый рост реальных результатов эмиссий, несмотря на понижение темпа ее.

Для характеристики этого периода мы приведем еще одно вычисление. Цель эмиссии—получение реальных ценностей для покрытия государственных расходов. Степень достижения этой цели характеризуется той суммой реальных ценностей, которая извлекается из оборота при помощи выбрасывания новых денежных знаков государственным казначейством. То условие, которое делает при этом государственное казначейство, та степень использования эмиссионного аппарата, к которой оно прибегает, лучше всего выражается в темпе эмиссии. Сопоставление данных о темпе эмиссии с данными о реальных результатах ее должно поэтому дать количественное выражение того, в какой мере определенные

усилия вознаграждались теми результатами, которых добивалась казна. Отношение той реальной суммы, которую в течение месяца давала эмиссия, к темпу эмиссии обнаружит, к чему приводило увеличение денежной массы в обращении на один процент. В главе, посвященной состоянию денежного обращения в эпоху военного коммунизма, мы не сделали этого сопоставления и поэтому приведем здесь ряд цифр за весь промежуток времени от 1917 до 1922 года.

Продуктивность эмиссионного напряжения в 1917—1922 гг.

Месяцы	Отношение ценности месячных выпусков денежных знаков, исчисленной по всероссийскому индексу статистики труда, к темпу эмиссии за соответствующий месяц, миллионы рублей					
	1917 г.	1918 г.	1919 г.	1920 г.	1921 г.	1922 г.
Январь . .	30,57	11,80	3,76	0,82	0,61	0,45
Апрель . .	32,56	6,71	2,00	0,65	0,43	0,23
Июль . . .	19,75	4,39	1,43	0,59	0,29	0,55
Октябрь . .	23,23	5,01	1,30	0,74	0,51	0,92

Таблица показывает относительную производительность эмиссии. Она дает (с двумя десятичными знаками) сумму золотых рублей, которая получалась благодаря повышению денежной массы на 1%, т. е. благодаря выпуску суммы, составлявшей 1% той массы, которая уже находилась в обращении. Математически весь расчет не точен, потому что первый процент новых знаков, выпущенных в обращение, мог дать больший реальный эффект, чем второй и т. д. Но для общей характеристики положения такой расчет вполне достаточен. Цифры этой таблицы очень показательны.

В начале 1917 года и даже еще в начале 1918 г., производительность эмиссии была огромна по сравнению с тем, чем она стала впоследствии. Сравнительно слабый нажим на печатный станок приносил значительные результаты. Затем производительность эмиссии все более падает. Небольшие колебания в 1918—1919 годы об'ясняются отчасти изменениями хозяйственной кон'юнктуры, но, повидимому, в еще большей мере изменениями территории, на которой циркуровали выпускавшиеся денежные знаки. На рубеже нового экономического периода производительность эмиссионного

напряжения становится ничтожной и достигает всего 290.000 рублей. Она поднимается при новой экономической политике, затем падает до низшего своего уровня и составляет в апреле 1922 года всего 230.000 руб. Низшей цифры она ни разу не достигала и в предшествующее время. С мая начинается постепенный под'ем.

Судьбы денежного обращения, описанные на последних страницах, стояли, с одной стороны в связи с теми требованиями, которые пред'являлись к печатному станку государственным казначейством, и, с другой — с теми об'ективными возможностями, которые позволяли с большим или меньшим успехом выпускать новые бумажные деньги. Об'ективные возможности определялись в свою очередь емкостью рынка, т. е. потребностью оборота в деньгах и в связи с этим способностью его поглощать новые денежные знаки. Определить количественно емкость рынка представляется очень трудным, и мы можем оперировать только приближенными показателями. Таким приближенным показателем является реальная ценность всей денежной массы, находящейся в обращении. Поскольку мы берем эту ценность денежной массы в качестве показателя, мы игнорируем явления натурального обмена и сделки, в которых платежи совершаются при помощи кредитных документов, гласящих на деньги. Игнорирование сделок натурального обмена, однако, вполне допустимо, потому что нас интересует емкость именно «денежного рынка». Что же касается кредитных документов, как суррогатов денег, то в рассматриваемый период их еще не существовало. Гораздо важнее другое обстоятельство. Ценность денежной массы, находящейся в обращении, характеризует размеры оборота лишь постольку, поскольку мы предполагаем постоянную скорость обращения денег, т. е. одинаковую продолжительность их пребывания в кассах и карманах населения. Фактически эта скорость не только не постоянна, но в тех условиях денежного обращения, с которыми мы имеем дело, она подвергалась постоянным и резким колебаниям. Поэтому и тот показатель, который мы берем, сохраняет лишь весьма условное значение и пользоваться им следует с большой осторожностью при формулировке выводов.

Данные о ценности всей бумажно-денежной массы приведены в следующей таблице (см. стр. 155).

На цифрах, характеризующих понижение ценности бумажно-денежной массы в эпоху военного коммунизма до средины 1921 г. мы останавливались уже в предыдущей главе. Начиная с осени 1921 г., происходит увеличение этой ценности, т. е. расширение оборота; к концу 1921 г. ценность бумажно-денежной массы в два раза больше, чем в средине его. Но затем наступает новое сокращение, кото-

рое возвращает нас к исходному моменту, и лишь после этого возобновляется рост и достигаются цифры значительно высшие, чем те, с которыми приходится встречаться, начиная с 20 года. Цифра в 116 милл., достигнутая в октябре 1922 г., т. е. через год с лишним после перехода к новой экономической политике, означала уже огромный сдвиг в народном хозяйстве.

Месяцы	Ценность денежной массы в млн. рублей по всероссийскому индексу статистики труда в начале каждого месяца		
	1920 г.	1921 г.	1922 г.
Январь	93,0	69,6	60,9
Апрель	71,4	47,3	32,0
Июль	62,9	29,1	55,3
Октябрь	77,5	55,3	115,9

Резюмируем итоги этого анализа и дополним его еще некоторыми штрихами. С переходом к новой экономической политике возрастает потребность государственного казначейства в деньгах. Новых источников денежных поступлений еще нет, государство лишь приступает к их восстановлению, вводя принцип платности всех услуг и начиная вновь налаживать систему денежных налогов. Но эта работа вначале может принести лишь скромные результаты и источником денежных средств, к которому приходится прибегать все более усиленно, остается эмиссия. Абсолютные выпуски бумажных денег возрастают в огромных размерах и в небывалой степени повышается темп эмиссии. На первых порах результаты оказываются благоприятными. Вследствие перехода к денежному хозяйству торговый оборот расширяется и рынок сравнительно безболезненно принимает вновь эмитированные денежные знаки. Расширение товарного оборота, правда, не означало еще действительного увеличения количества продуктов в стране. Решающее значение имел процесс денатурализации хозяйства. Передвижение продуктов из предприятия в предприятие начало вновь происходить в форме купли-продажи с расплатой деньгами, а не в форме выдачи по наряду, по ордеру с соответствующей записью в книгах. Для продвижения того же количества продуктов, которое существовало и прежде, требовалось благодаря новой си-

стеме, несравненно большее количество денежных средств. Денатурализация хозяйства сопровождалась признанием вольного рынка, т. е. вольных цен, и совершенным оттеснением значения твердых цен, назначавшихся органами государственной власти. Вольные цены были в десятки раз выше твердых цен, и это обстоятельство в свою очередь увеличивало потребность торгового оборота в деньгах. Наконец, с момента перехода на хозяйственный расчет государственные и кооперативные предприятия для поддержания своего существования вынуждены были выбрасывать на рынок последние запасы сырья и изделий, остававшихся у них на складах. Этот процесс, приведший к быстрому проеданию оборотных капиталов промышленности, получил в то время название «разбазаривания», вполне отвечавшее тому, что и происходило в действительности. Все вместе взятое— переход к денежным расчетам, переход к вольным ценам, разбазаривание запасов—должно было привести и привело к увеличению платежного оборота, к повышению ценности всей бумажно-денежной массы, к относительно замедленному росту цен, несмотря на высокий темп эмиссии, и к большей выручке для государственного казначейства.

Все эти результаты были бы, несомненно, гораздо больше, если бы не существовало причины, действовавшей, и при том, чем дальше, тем с большей силой, в противоположном направлении, подрывавшей и в конце концов подорвавшей благоприятое влияние денатурализации хозяйства на денежное обращение. Этой силой был неурожай и голод 1921—1922 года. То обстоятельство, что неурожай не привел сразу к кризису денежного обращения, об'ясняется лишь тем огромным значением, которое имело для народного хозяйства восстановление рынка. Но как ни велико было это значение, разрушительное влияние неурожая в стране, в которой промышленность работала лишь на $^1/_5$, должно было одержать верх. Первоначальный толчек, данный превращением продуктов в товары и переходом к вольным ценам, действовал все слабее, а отсутствие на рынке сельскохозяйственных продуктов сказывалось все более сильно и приводило к замиранию торгового оборота. Сжатие рынка означало уменьшение его потребности в деньгах и сокращение эмиссионных возможностей. А так как казначейство, несмотря на это, продолжало эмитировать в очень больших размерах, производительность эмиссии стала все более падать и требовалось огромное напряжение печатного станка для того, чтобы выкачать из страны небольшое количество средств.

Сопоставление приведенных выше данных об эмиссии и ее последствиях позволяет довольно точно наметить отдельные периоды этой новой эпохи. Период под'ема продолжался с момента проявления первых последствий новой экономиче-

ской политики, примерно, до ноября и длился около 4 месяцев. Период кризиса продолжается от декабря 1921 года до мая 1922 года, т.-е. месяцев шесть, причем наиболее тяжелой приходится считать первую треть 1922 года. С весны наступает некоторое улучшение, которое выражается в замедленном росте товарных цен, в большей продуктивности эмиссии, в понижении ее темпа и пр. Новое улучшение связано, с одной стороны, с новым урожаем и, с другой стороны, с финансовой работой.

Уже в мае обнаружилось, что у крестьян и посредников сохранилось большее количество хлеба, чем необходимо было для того, чтобы дотянуть до следующего урожая, и хлебные цены стали понижаться. В связи с этим замедлился рост остальных товарных цен и общий индекс дал в мае гораздо меньшее повышение, чем в апреле. Летом наступило некоторое оживление торгового оборота и дальнейшее замедление в росте цен, которое дало в то время основание говорить о стабилизации курса рубля. Перелом тем сильнее отразился на состоянии денежного обращения, что с замедлением падения курса рубля стала замедляться и быстрота обращения денежных знаков. Задерживать деньги у себя в кассе или кошельке было уже не столь убыточно, как зимой, а для покупателя сельскохозяйственных продуктов, падавших в цене, было даже выгодно. Лихорадочный темп обращения денежных знаков заменяется более ровным, и емкость денежного рынка возрастает. Казначейство легче и безболезненней может размещать новую эмиссию и результаты ее становятся более благоприятными для него.

Вместе с тем начинают сказываться последствия и того финансового строительства, к которому приступили еще в конце 1921 года. Увеличиваются доходные поступления от налогов и государственных предприятий. Если в начале 1922 года их значение в государственном бюджете еще ничтожно, то к средине года они играют в нем уже заметную роль и влияют в двух отношениях на состояние денежного обращения: во-первых, сокращая относительно (при росте всего бюджета) потребность казначейства в денежном доходе эмиссионного происхождения; во-вторых, увеличивая потребность населения в деньгах для уплаты налогов и оплаты железнодорожных и иных услуг. По кварталам доля государственных доходов в бюджете показывает непрерывное повышение — симптом оздоровления финансового хозяйства. (См. табл. на 158 стр.).

Если бы в этих условиях хотя бы частичный переход от натурального продовольственного налога к денежному сельскохозяйственному налогу начался не в 1923, а в 1922 г., мы имели бы во второй половине 1922 г. несомненное улучшение в состоянии денежного обращения; было очевидно,

1922 год	Эмиссия	Общегосударственные и местные налоги	Доходы от имущ. и предпр. общегосуд. и местн. значения
	Процентные отношения		
Январь—март . . .	84,5	3,5	12,0
Апрель—июнь . . .	68,5	9,3	22,0
Июль—сентябрь . .	56,2	13,9	29,0
Октябрь—декабрь .	46,3	24,4	29,3

что задержка в денатурализации финансового хозяйства вредно отразилась на денежном обращении страны. Однако, даже в том случае, если бы этой задержки не произошло, обесценение советских денежных знаков оставалось бы слишком значительным, чтобы народное хозяйство могло примириться с такой шаткой валютой и строить на ней свое благополучие. Тем более это не могло иметь места при том положении вещей, которое в действительности наблюдалось в 1922 г. Народное хозяйство почти тотчас же после об'явления новой экономической политики стало искать выхода из невыносимого положения. Найти другую валюту оно в это время не могло, потому, что государство было еще не в состоянии помышлять о какой-либо денежной реформе. Тогда хозяйственная жизнь поставила себе более скромную задачу и ограничилась исканием нового способа ценностного измерения и счета. Разрешением этой задачи явилось так называемое золотое исчисление.

Глава IV.

РАСПАД ДЕНЕЖНОЙ СИСТЕМЫ И УНИФИКАЦИЯ ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ.

Кризис денежного обращения, пережитый Россией, заключался не только в том, что захирела ее основная денежная система, но также и в том, что на ряду с основной системой появилось множество других. Процесс распада начался уже тогда, когда на местах, вследствие ослабления связей с центром и вследствие острой нужды в деньгах (на первых порах, особенно, в мелких), стали появляться денежные знаки, эмитированные местными финансовыми органами на основании специальных соглашений с центральной властью, и денежные суррогаты, выпущенные различными организациями и предприятиями в качестве временных платежных средств. Местные эмиссии получили чрезвычайное распространение с весны 1919 года, когда усилилась гражданская война, захватившая затем всю государственную территорию с раздроблением ее политически и хозяйственно на множество мелких частей. Количество денежных знаков различного происхождения, различных наименований и видов стало необозримо.

«Каталог бон и дензнаков России, РСФС, СССР, окраин и образований» под редакцией Ф. Г. Чучина (2-ое изд., М. 1927), отмечая неосмненную неполноту содержащихся в нем сведений, устанавливает для центральной России 21 местных знака, для северной России (включая «перфорированные» и тем приобретшие специальный признак для хождения в ограниченной области)—74, для Северо-Западного и Западного края—104, для Украины—342, для Крыма и Юго-Востока—171, для Северного Кавказа—325, для Закавказья—217, для Средней Азии—235, для Урала и Приуралья—145, для Сибири и Дальнего Востока (включая Китайско-Восточную ж. д.)—547, всего 2181 знака самого разнообразного происхождения и очень различной длительности существования. Распад денежной системы был, повидимому, беспримерным в истории, и во всяком случае

небывалым в истории бумажно-денежного обращения. В более поздние годы Германия, испытавшая глубочайший кризис денежного обращения, тоже пережила волну местных эмиссий. Но особенность русского распада заключалась не только в количестве различных денежных знаков, выпущенных на местах, а также и в том, что создались обособленнные денежные системы, что многие из эмиссий, сохраняя прежнее название денежной единицы, создали свои собственные рубли, имевшие свой собственный курс и являвшиеся по отношению к рублям, выпускавшимся в Москве, как политически, так и экономически иностранными деньгами.

По мере восстановления государственного единства совершался и процесс унификации денежной системы, происходивший в различных формах в зависимости от политических и хозяйственных условий. Во многих случаях унификация декретировалась немедленно вслед за занятием красной армией новой территории и проводилась сразу. В других случаях процесс унификации затягивался на несколько лет и местами он был завершен лишь после проведения денежной рефрмы во всей стране. Мы не можем дать здесь ни полную картину процесса развала, ни обстоятельного описания процесса восстановления, во-первых, потому, что в нашем распоряжении не имеется достаточных данных, которые должны быть еще собраны путем тщательного просмотра всех местных архивов и систематизированы в ряде специальных исследований, и, во-вторых, потому, что даже исчерпывающее описание, основанное на тех материалах, которые могут быть уже подвергнуты обработке, страдая крайней неполнотой, тем не менее заняло бы слишком много места в труде, посвященном прежде всего изучению основной системы денежного обращения и денежной политике центральной власти. Но, так как унификация денежного обращения составляла один из немаловажных элементов денежной политики центра, то мы воспроизводим в настоящей главе в нескольких очерках картину того, как совершалось это об'единение. Как было уже сказано, процесс унификации затянулся и был завершен лишь после проведения в Союзе денежной реформы 1924 г. Хронологические рамки настоящей главы поэтому выходят далеко за пределы предыдущей и содержание ее отчасти опирается на данные, которые будут сообщены лишь в следующих главах. Но было бы крайне неудобно дробить изложение и отрывать рассказ о заключительных этапах процесса об'единения от описания первоначальных его стадий.

Исторический очерк финансовых итогов эпохи военного коммунизма, вышедший в качестве официального издания в 1921 г. («Социальная революция и финансы», сборник

к III конгрессу Коммунистического Интернационала, издание НКФ), резюмирует в следующих словах те общие мероприятия, которые принимались в целях об'единения денежного обращения по мере того, как их позволял проводить самый ход гражданской войны; «политика Советской власти в отношении эмиссий, производившихся местными советскими органами в областях, временно отрезанных от центра, обычно сводилась к их прекращению и обмену местных знаков на общереспубликанские. В отношении же местных знаков, выпущенных не советскими или противосоветскими правительствами, в зависимости от обстоятельств, применялся двоякий метод: или они признавались новой революционной властью, или же полностью аннулировались. Первый метод применялся в отношении самостоятельных окраинных республик, революционным путем устанавливающих у себя советскую власть,—в них общероссийские денежные знаки вводились в обращение на ряду с местной валютой. Напротив, все денежные знаки, выпускавшиеся белогвардейскими правительствами, активно боровшимися с советской властью, аннулировались без всякого обмена» (стр. 48). Политика сохранения местных денежных систем революционных окраин и привела к тому, что мероприятия по унификации затянулись на ряд лет.

Вопрос о том, как действовать в отношении местных эмиссий при занятии новой территории был предметом обсуждения в Наркомфине в начале 1919 года. Записка по этому вопросу составлена была, повидимому, в марте и представлена Народному Комиссару Н. Н. Крестинскому в апреле, когда поднятые ею вопросы и были разрешены (9/IV—1919 г.) его резолюцией. Как видно будет из дальнейшего, они разрешены были на основании чисто политических соображений.

Записка отмечает, что «по мере очищения от неприятеля окраин Республики, в Центральное Управление все чаще и чаще поступают с мест запросы о том, как относиться к суррогатам денежных знаков, выпущенным в освобожденных районах в период их оккупации, или в то время, когда эти местности были отрезаны от сообщения с центром». Деньги, о которых идет речь, записка делит на четыре крупные категории, высказывая по каждой из них свое суждение: (1) денежные знаки, выпущенные местной советской властью, (2) знаки, выпущенные советской властью, но затем подвергшиеся штемпелеванию и регистрации со стороны оккупационных властей, а равно квитанции и расписки в сдаче таких денег на регистрацию; (3) знаки, выпущенные местными общественными организациями и (4) знаки, выпущенные различного рода оккупационными властями и белогвардейскими правительствами отдельных областей.

По первому пункту записка разрешала вопрос положительно, т.-е. в смысле обмена знаков, выпущенных местными советскими органами, на знаки общегосударственные, оговаривая только, что в тех случаях, когда эти эмиссии произведены были без разрешения и без ведома центральной власти, обмен должен быть произведен не за счет Народного Банка РСФСР, а за счет Государственного Казначейства, «от которого уже зависит настоять на возмещении ему сумм, израсходованных на местные нужды»—предложение, которое, очевидно, не имело уже в 1919 г. никакого реального смысла.

«Что касается квитанций и расписок в приеме суррогатов (т.-е. местных советских денег) для штемпелевания и регистрации учреждениями оккупационной власти,—писали авторы записки,—то производить оплату такого рода документов ни Банк, ни Государственное Казначейство, казалось бы не обязаны. Принимая, однако, во внимание, что предоставление указанных суррогатов для регистрации производилось населением указанных местностей по принуждению неприятеля, и что в случае полного непризнания за такими квитанциями платежной силы владельцы их, в том числе рабочие и крестьяне, могут оказаться в критическом положении, представлялось бы необходимым, по соображениям, как хозяйственным, так и политическим, допустить оплату также и квитанций, хотя и с ограничением сумм». Резолюция по этому вопросу гласила: производить оплату такого рода документов «ни Банк, ни Государственное Казначейство не только не обязаны, но оплата их была бы политической ошибкой, так как означала бы оплату принудительного займа, произведенного у населения белыми».

«Выкуп эмиссий, произведенных местными самоуправлениями, или иными нейтральными общественными организациями,—продолжает записка,—также не может быть вменен в обязанность правительству. Однако, отказаться от оплаты этих денежных знаков вряд ли удобно. Суррогаты этой категории выпускались всего чаще вследствие отсутствия в данном районе общегосударственных денежных знаков мелкой купюры и имели своим назначением облегчить разменный кризис. Поэтому в указанных случаях, если не юридически, то нравственно Народный Банк все же ответственен за эти выпуски, ибо поддержание свободного размена денег составляет его прямую обязанность». Это положение также не получило утверждения Народного Комиссара Финансов, который написал: «Местные самоуправления сохранялись в местностях, еще не признавших советской власти, или ее временно свергнувших. Выпуск производился не потому, что Народный Банк не успевал снабжать, а за отсутствием денег, ибо Народный Банк не имел права снабжать белогвардейские самоуправления. Поэтому

деньги городских и земских самоуправлений оплате не подлежат».

«Наиболее острым и болезненным,—по мнению записки,—представлялся вопрос о ликвидации денежных знаков, выпущенных враждующими с Советской Республикой правительствами окраин России. Ни юридической, ни нравственной, ни какой-либо другой ответственности за эти выпуски на Советскую Власть никто возложить не вправе. Деньги, выпущенные врагами Республики, зачастую были употребляемы на финансирование враждебных действий. Спрашивается, можно ли эти деньги признать и оплатить. Казалось бы на этот вопрос ответ один—отрицательный. Однако, при ближайшем рассмотрении такое решение вряд ли практично и справедливо. Здесь приходится прежде всего иметь в виду, что аннулирование вражеских денег не может причинить особого вреда виновникам их выпуска. Вся тяжесть такой меры падет на самые широкие слои трудового населения и прежде всего на трудовые массы городских жителей. Деньги, прежде всего, орудие обмена; поэтому, весьма несправедливо возлагать на население ответственность за пользование суррогатами их в тех случаях, когда за перерывом связи с центром или вследствие вражеской оккупации оно вынуждено ими пользоваться. Отказ населения от пользования суррогатами в этом случае совершенно невозможен, так как был бы равносилен прекращению товарообмена и промышленной деятельности, т.-е. полному параличу хозяйственной жизни. Изложенная коллизия может быть разрешена лишь компромиссом. Таким решением было бы признание платежности суррогатов данной категории лишь в пределах известного срока и фиксированной суммы». Против этого места доклада положена была следующая резолюция: «Оплачивать эти деньги белых значит закреплять финансовое положение белых в еще занятых ими областях, ибо население, зная, что мы белые деньги оплатим, их охотнее принимает; ни в коем случае не оплачивать даже малоимущим, вознаграждая их на иных основаниях вне зависимости от наличия белых денег». (П/О Денежного Обращения, дело № 1—Г—1, о местных деньгах (основное) д. № 2 Код. Юр. 009).

Конкретные мероприятия проводились в духе этой резолюции и аннулирование местных денег во всех тех случаях, о которых выше шла речь, стало общим правилом. Однако до резолюции Н. Н. Крестинского,—а иногда и после нее,—имели место и из'ятия из правила, ибо в начале 1919 года формы товарно-денежного хозяйства еще преобладали и аннулирование денег приводило к величайшим затруднениям, которые непосредственно ощущались местными властями и мимо которых последние пройти не могли. С согласия

центра или с доведением до сведения центра частичная, по крайней мере, оплата денежных знаков не раз производилась на местах. Владимирский военком телеграфировал 24 апреля 1919 г., что «прибывшие с фронта раненые красноармейцы, находящиеся на излечении владимирских госпиталей, пред'являют в Народный Банк для обмена денежные знаки различных республик, образовавшихся из бывшей империи», и просил распоряжений отделению банка во Владимире о беспрепятственном производстве обмена. Владимирскому отделению разрешено было производить обмен и сообщен был список знаков, подлежащих оплате, при чем в этом списке были такие деньги, как «разменные знаки минераловодских городских самоуправлений», «боны Екатеринодарского отделения Государственного Банка (на вексельных бланках)», «контрольные марки (без обозначения учреждения их выпустившего)». Могилевское отделение Народного Банка 5-го апреля 1919 г. писало центральному управлению, что «суррогаты денежных знаков—городские боны, выпущенные в г. Могилеве Городом и Земством во время оккупации его польскими и немецкими войсками, оплачены отделением». В конце апреля 1919 г. Главный Комиссар Народного Банка уведомлял, «что в виду признания Советским Правительством Украины украинских денежных знаков, выпущенных при прежних правительствах, разрешается свободный обмен украинских денежных знаков на общегосударственные» (29 апреля 1919 № 123). На севере втечение некоторого времени производился частичный обмен на советские знаки так называемых «северных рублей»—кредитных билетов и бон, связанных с английской денежной единицей. В Онежском уезде согласно доклада архангельского финансового отдела (18 октября 1919 г.) «размен северных рублей был разрешен временно беднейшему трудящемуся населению в зависимости от степени нуждаемости», «а также товарищам красноармейцам, получившим эти знаки в сдачу при покупке у населения тех или иных продуктов». Тот же доклад сообщает, что «с присоединением к территории РСФСР последних девяти волостей Шенкурского у., при отступлении белогвардейских войск на Двинском фронте в свою очередь пришлось дать разрешение на обмен белогвардейских денежных знаков», правда, на небольшую сумму. Исключения делались еще и в 1920 г. Донской областной исполнительный комитет согласно распоряжения центра издал в июле постановление о том, что аннулированы «все без исключения местные денежные знаки, выпущенные врагами РСФСР, как-то: донские билеты главного командования южного фронта (добровольческие), 5% краткосрочные обязательства всевеликого войска донского и заемного обязательства Владикавказской ж. д.», при чем

предложено было выдать рабочим советскими деньгами двухнедельный заработок, а красноармейцы должны были получить компенсацию от военных властей. Кроме того, «представителями центральной власти был одобрен небывалый в практике аннулирования принятый Донисполкомом особый пункт о компенсации крестьянства. Такое нововведение в практике аннулирования обусловливалась особенностью денежного обращения Донобласти, не учесть которого было бы политической близорукостью». (Донской Исп. Ком., Отдел Финансовый, 26/VII—1920 г., № 8080). Постановление о компенсации гласило следующее: «сельские хозяева, сдавшие продукты своего хозяйства в срок от 15 марта по 15 июня с. г. заготовительным органам Донисполкома и имеющие на руках квитанцию о сдаче, но при расплате получившие за них аннулированными деньгами, имеют право на возмещение стоимости сданных продуктов, в размере, однако, не свыше 10 тысяч рублей, если подлежащим советским органом (станичный Исполком, хуторской Совет, продорганы на местах) будет установлено, что в данном селении расплата за продукты производилась аннулированными деньгами» («Советский Дон», 2/VII—1919, постановление Донисполкома от 29/VII—1919 г.). Число примеров можно было бы увеличить, однако все это были исключения. Правилом оставались те принципы, которые формулированы были Наркомфином по докладу, приведенному выше и, по-видимому, эти принципы, чем дальше, тем тверже проводились в жизнь: денежные знаки враждебных советской власти правительств аннулировались, рабочим же и красноармейцам выдавались в виде компенсации некоторые суммы советскими деньгами. Поскольку при этом признанные советской властью организации оставались без денежных средств, они должны были испрашивать их в общем порядке, т.-е. у казначейства: напомним, что к концу 1920 г. даже кооперативные предприятия получали средства для своих расходов через государственный бюджет. К концу эпохи военного коммунизма в центре существовало, по-видимому, стремление использовать акты аннулирования для из'ятия всех местных денежных знаков. Так, телеграмма НКФ от 19 марта 1919 г. предлагала уполнаркомфину в Харькове, Губревкому в Александровске и в Симферополе «по получении достаточного количества общероссийских дензнаков об'явить аннулированными без обмена все обращающиеся в Таврической губ. дензнаки, выпущенные белогвардейцами, в том числе образцов выпущенных в период существования в Крыму Советской власти 1919 г. Рабочим и служащим, оставшимся после ухода белых, также красноармейцам, прибывшим в Крым до момента аннулирования, выдать возмещение в размере полумесячного жалования,

ограничив выдачу возмещения сроком первого мая. Органам местного управления, общественным учреждениям, профсоюзам, кооперативам убытки возмещаются; потребные расходам суммы получаются ими в сметном порядке».

Этими актами и обменом знаков местных советских эмиссий на знаки РСФСР из'ято было огромное количество местных денег и установлено было к концу гражданской войны единство денежного обращения на большей части территории нынешнего Союза. Но на нескольких окраинах процесс унификации совершался в гораздо более сложных условиях, потребовал больше времени и об'единение оказалось возможным лишь в результате ряда мероприятий, к описанию которых мы и перейдем. Некоторые из этих мероприятий были проведены уже в эпоху военного коммунизма. Другие закончились лишь через два года после денежной реформы. Мы остановимся только на тех эпизодах, которые касаются Туркестана, Бухары и Хивы, федерации Закавказских республик и Дальнего Востока.

Туркестанская денежная реформа относится еще к 1920 г. Гражданская война отрезала Туркестан от государственного центра. Уже в 1918 и 1919 году декретами СНК РСФСР туркестанскому отделению Народного (бывшего Государственного) Банка несколько раз предоставлялось право выпуска временных кредитных билетов. Сперва на сумму в 200 млн. руб. (3 сентября 1918 г.), затем дополнительно на сумму в 300 млн. руб. (17 сентября 1918 г.), затем всего на сумму до 2 миллиардов руб. (16 апреля 1919 г.). Первоначально это был местный выпуск денег общегосударственного значения. Первый из упомянутых декретов требовал, чтобы в тексте билетов Туркестанского края было оговорено, что они выпущены по постановлению СНК РСФСР, и указывал, что «билеты сии выпускаются в обращение ташкентскими и прочими учреждениями Народного Банка в Туркестане в том же порядке, как и кредитные билеты общегосударственного образца, т.-е. по банковым операциям и по государственным расходам, в пределах разрешенных Совнаркомом РСФСР кредитов». Однако, несмотря на эту преемственную связь туркестанского временного кредитного билета с прежним русским рублем, денежное обращение Туркестана постепенно отрывалось от общероссийского: при двух эмиссиях и разрыве хозяйственных связей этот процесс был неотвратим. Поэтому последний из упомянутых декретов установил уже определенный район для обращения кредитных билетов Туркестана, а именно области: Закаспийскую, Самаркандскую, Семиреченскую и, кроме того, Хиву и Бухару. Народный Банк РСФСР должен был обменивать туркестанские кредитные билеты на

общероссийские и вне этого района, но на практике это встречало затруднения и лишь слабо проводилось в жизнь.

Деньги Туркестана оторвались от общероссийской денежной системы и судьба их оказалась худшей, чем судьба общероссийского денежного знака. Положение не изменилось с образованием Туркестанской Советской Социалистической Республики. Доклад о денежной реформе, представленный в начале 1921 г. Народным Комиссариатом Финансов ТССР, констатировал, что «катастрофическое положение Туркестанской республики в отношении финансовом выяснилось уже в середине 1920 г. Колоссальный рост туркестанского бюджета, неимоверно быстрое падение покупательной силы рубля, во много раз обгонявшее соответствующие цифры РСФСР, совершенно ясно указывали на то, что Туркестан в области своих финансов быстро приближается к катастрофе». (Доклад С. Измайлова «О произведенной в Туркестанской республике денежной реформе — деноминации»). Действительно, туркестанская эмиссия составляла на 1 января 1919 г. 942 миллиона, на 1 января 1920 г.—6.439 милл. и на 1 января 1921 г.—95.000 миллионов. Это было увеличение за два года в сто раз. За то же время общероссийская эмиссия возросла менее, чем в 20 раз. В связи с этим и обесценение туркестанских денег значительно превышало общероссийскую норму.

Иметь валюту, обесценивающуюся еще быстрее, чем общероссийская, было для Туркестанской республики крайне неудобно и туркестанское правительство само видело выход из положения в унификации денежного обращения. Правительство Федерации после некоторых колебаний пошло на унификацию, которую решено было произвести путем замены туркестанских кредитных рублей знаками РСФСР образца 1919 г. В связи с этим прежде всего встал вопрос о том, из какого расчета производить обмен туркестанских временных кредитных билетов на общероссийские.

Доклад туркестанского Наркомфина описывает разрешение этого вопроса следующим образом: «рынки сопредельных с ТССР стран имеют для последней в области экономической огромное, определяющее значение, в особенности рынки Бухарской и Хорезмской республик. На этих же рынках курс на туркестанские деньги, сравнительно с общефедеративными деньгами образца 1917 г. («керенки»), в течение продолжительного времени установился довольно прочно,— с незначительными уклонениями в ту или иную сторону,—в размере 10 : 1. Такая высокая, сравнительно, расценка «керенок» об'яснялась двумя причинами: 1) тем, что «керенки» были деньгами не «советскими», и 2) тем, что они были общефедеративными, ибо в тот момент, когда после ликвидации Дутовской «пробки», с Бухарой возобновились

сношения, «керенки» были единственными общефедеративными знаками, выпускавшимися на бухарский рынок. Не забывая первой из указанных причин, нельзя было не считаться и со второй, т. е. с тем фактом, что «керенки» расценивались выше именно потому, что они были знаками общефедеративными. А из этого надо было вывести, что знаки образца 1919 г., будучи такими же общефедеративными знаками, как и «керенки», дают возможность приравнять их друг к другу. По отношению же к временным кредитным билетам Туркестанского края это означало, что таковые должны расцениваться сравнительно с знаками образца 1919 г. как 10:1. Исходя из того, что рынки Бухары и Хорезмы в столь сильной степени влияют на Туркестан, Народный Комиссариат Финансов пришел к выводу, что прежде, чем осуществить деноминацию в ТССР, необходимо ввести знаки образца 1919 г. по указанному выше курсу на рынках Бухарской и Хорезмской республик. Победоносная революция в Бухаре, завершившаяся изгнанием эмира, облегчила решение этой задачи, и на основании достигнутого между Наркомфином ТССР и Бухарским революционным комитетом соглашения в ноябре 1920 г., знак образца 1919 года введен в качестве государственной валюты Бухарской республики и приравнен по своей стоимости к «керенкам»; таким образом, на него по отношению к временным кредитным билетам Туркестанского края был установлен курс 10:1. В этом же месяце то же мероприятие было декретировано в Хорезмской республике».

Бухарская и Хорезмская республики тем охотнее могли пойти на эти меры, что они получили крупные суммы общероссийских денежных знаков. Введение денежного знака образца 1919 года на рынках этих республик, т. е. возможность закупать в Бухаре и Хорезме товары на общефедеративные деньги, имело ближайшим последствием повышение их курса в Туркестане. В начале 1920 г. денежные знаки образца 1918 и 1919 гг. расценивались в 1, 6—2 раза дороже временных кредитных билетов Туркестанского края; в конце 1920 года их курс поднимался в Ташкенте Ташкенте до 5—6, а в Самарканде и Полторацке даже до 8—9.

Туркестанское правительство взяло курс, еще менее выгодный для временных кредитных билетов (курс Бухары и Хорезмы), и установило соотношение 1:10. На этом основании и был произведен обмен на советские денежные знаки образца 1919 года. В соответствии с общим направлением экономической политики этого времени постановлено было обменивать в одни руки не более 3 миллионов рублей временных кредитных билетов Туркестанского края, исходя из стоимости по ценам вольного рынка среднего крестьянского

инвентаря. А во избежание возможных способов обхода этого постановления было дополнительно установлено, что пред'являть деньги к обмену могут только граждане, начиная с 16-летнего возраста.

Необходимо отметить один любопытный элемент этой реформы. Задача заключалась в том, чтобы об'единить денежное обращение Туркестанской республики и РСФСР. Собственно говоря, для этого надлежало установить определенное соотношение между туркестанской и российской денежными единицами и приступить к обмену, не делая различия между разными образцами денежных знаков, имевших хождение в РСФСР. Но это оказалось практически невозможным. Положение о реформе гласило, что обмен производится только на знаки образца 1919 года и выходило, таким образом, будто знаки других образцов не имеют хождения на территории ТССР. Это вызывалось тем, что ранее выпущенные деньги РСФСР в количестве 3 миллиардов еще до деноминации были получены в Туркестане и были выданы здесь по курсу туркестанских кредитных билетов. Нельзя было поэтому декретировать обмен в общей форме. Нельзя было вместе с тем и постановить, что деньги других образцов не имеют хождения в Туркестане, ибо в таком случае основная задача об'единения денежных систем осталась бы недостигнутой. Выход найден был в том, что декретировался только обмен на знаки образца 1919 года, но молчаливо признавалось и хождение знаков других образцов по их нарицательной стоимости, т.-е. на таких же основаниях, как и в РСФСР. Таким образом, путем умолчания об этом скользком пункте достигнуто было фактически полное об'единение денежного обращения. Само собою разумеется, что такое упрощенное разрешение вопроса возможно было только в условиях совершенно расшатанного и неупорядоченного денежного обращения, при которых не приходилось считаться с «мелочами». С ними в то время не особенно и считались.

Реформа основана была на очень простом принципе и после разрешения некоторых затруднений, касавшихся выдачи заработной платы, текущих счетов и т. п., реформа была проведена.

Распространение союзной системы денежного обращения на сопредельные с Туркестаном страны—Бухару и Хорезму (Хиву)—произошло значительно позднее, а именно лишь в начале 1923 г. Положение здесь было следующее [1]):

---

[1]) Сведения о Бухаре взяты частично из «дел» Народного Комиссариата Финансов, частично же сообщены мне М. П. Демидовым, который изучал вопрос на месте и использовал материалы проф. Ю. Пославского и К. З. Сечкина.

Бухарское ханство имело в довоенное время параллельное обращение, основанное на двух металлах,—на золоте и серебре. Золотые высокопробные монеты—«тилли» и серебряные монеты—«теньги» не связаны были твердым курсом и отношение между ними колебалось. Оборот обслуживался главным образом серебряной теньгой. В начале 20 столетия российское правительство стало принимать меры к тому, чтобы стабилизовать курс теньги в отношении к русскому кредитному рублю и фактически курс фиксирован был на уровне 1 теньга = 0,15 рубля, т.-е. теньга приравнена была нашему пятиалтынному. Русская пятнадцатикопеечная монета вошла в бухарский денежный оборот и к моменту начала войны русская билонная монета составляла довольно значительную часть денежной массы, обращавшейся в Бухаре.

При Временном правительстве в денежное обращение Бухары наряду с кредитными билетами проникают новые выпущенные им денежные знаки. Вслед за октябрьской революцией эмир бухарский приступает к выпуску собственных бухарских денег, выраженных в теньгах, но по прежнему приравниваемых по своей платежной силе к рублям. Размеры этой эмиссии не могут быть установлены из-за отсутствия архивных материалов.

В 1920 г. в Бухаре произошла революция и провозглашена была «народная республика». Новое правительство в свою очередь стало эмитировать свои бумажные деньги. Вместе с тем оно допустило к обращению советские денежные знаки образца 1919 г. приравняв их к «керенкам», получившим раньше в стране большое распространение. Население приняло новые знаки и признало установленный для них курс. Однако, последний продержался недолго. В Бухару проникли иностранные товары и началась их скупка для перепродажи на рынок РСФСР. Специальные скупщики собирали знаки образца 1919 г. в России и отправляли их в Бухару для закупки чая, мануфактуры и других товаров, которые ввозились затем в Россию. Курс керенок отделился от курса советских знаков образца 1919 г. и последний упал.

Долгое время бухарские бумажные деньги стояли в курсе выше советских денежных знаков. Такое положение поддерживалось в 1922 г. тем, что Бухаре предоставлялись деньги правительством РСФСР на закупку на российских рынках товаров. Однако, к концу 1922 года положение изменилось для Бухары к худшему. Кредиты РСФСР были исчерпаны, новых не открывалось. Эмиссия на покрытие бюджетного дефицита практиковалась в широких размерах. Налоговая система не развивалась и ничто не предвещало оздоровление финансовых условий. Вместе с тем правитель-

ство Бухарской республики эмитировало деньги не только на покрытие бюджетного дефицита, но и на образование валютного, преимущественно, серебряного фонда. Такая финансовая политика диктовалась в значительной мере желанием использовать самостоятельную эмиссию до ее прекращения.

Результаты неумеренной эмиссии стали обнаруживаться в Бухаре очень остро с конца 1922 года и тогда же начались осложнения во всех операциях, связанных с денежными расчетами. В конце 1922 года лаж на общероссийские денежные знаки составлял около 8%, в начале февраля 1923 г. он поднялся уже до 120%, в начале марта он достиг 220%, а к концу существования бухарской эмиссии он доходил до 500%.

В 1922 году правительству РСФСР приходилось вести борьбу за хождение советского денежного знака в Бухаре по паритету с бухарским рублем. Но вскоре после того, как эта цель была достигнута, чрезмерное использование бухарской эмиссии создало для российских учреждений и предприятий, работавших в Бухаре, крайне невыгодную обстановку. Железная дорога и почтово-телеграфные учреждения, принимавшие бухарские деньги наравне с «совзнаками», стали отказываться от них, когда бухарские деньги начали обесцениваться на рынке быстрее, чем советские рубли. Бухарское правительство искало выхода в том, чтобы бухарским знакам дано было хождение в пределах Туркестана. Но на это невозможно было пойти, ибо это означало бы предоставление Бухаре огромных, ничем не оправдываемых эмиссионных возможностей. Кончилось тем, что железная дорога и почтово-телеграфные учреждения отказались от приема бухарских знаков и это ускорило их обесценение. Не оставалось иного выхода, кроме прекращения бухарской эмиссии и об'единения денежного обращения, и правительство Бухарской Народной Советской Республики на этот выход пошло.

Когда стал обсуждаться вопрос о реформе, то обнаружилось, что проведение ее осложняется чрезвычайной пестротой бухарского денежного обращения, в котором не только оставались металлические и бумажные деньги различного происхождения, но даже и расценка одной и той же бумажной валюты не всюду была одинакова. В районе Аму-Дарьи и в Восточной Бухаре имели хождение серебряная теньга, русская золотая монета (преимущественно пятирублевая) и афганская рупия. Они играли роль платежных средств во внешних сношениях Бухары и доминировали всюду, где сказывалось преобладающее влияние внешней торговли. В других районах, но тоже главным образом лишь в городах, обращались бухарские знаки. Наконец, в полосе

железной дороги имели значительное обращение советские знаки. Затруднения при ликвидации бухарской эмиссии и выкупе бухарских знаков на советские и должны были,—как указывали представители Бухары,—возникнуть или во всяком случае значительно усилиться вследствие того, что лаж на советские знаки в различных частях Бухары являлся крайне неравномерным. Представители Бухарского правительства сообщали на совещании в Народном Комиссариате Финансов в Москве, что высокий лаж существует, главным образом, в Старой Бухаре и в полосе близ железной дороги, что он понижается по мере удаления вглубь страны и что в наиболее далеких вилайетах декхане (крестьяне) принимают советский рубль по паритету с бухарским рублем.

Не лучше обстояло дело и в Хорезме.

В Хорезме [1]) до начала 20 столетия денежное обращение целиком состояло из металлических монет, золотых, серебряных и медных. Золотой монетой была «тилля», которая чеканилась свободно ханским монетным двором, но за довольно высокую и притом колеблющуюся плату. Она существовала в двух видах—ординарном и двойном, при чем монета двойная по содержанию золота называлась «пухта тилля». Серебряной монетой была «теньга», металлическое содержание которой значительно понизилось от первой половины 19 столетия к концу его. Твердого соотношения между золотой и серебряной монетой установлено не было. Как и в Бухаре, существовавший порядок можно характеризовать, как систему параллельного обращения. Серебряная монета чеканилась свободно, но с задержками и за сравнительно высокую плату, так же, как и золотая. Она преобладала в денежном обращении, но, повидимому, нельзя сказать, чтобы основной денежной единицей была именно серебряная теньга, ибо многие расчеты велись в тиллях. Медная монета ходила под разными наименованиями («пуль», «сом», «фулус»), причем к концу 19 века установился счет, согласно которому 32 пули приравнивались теньге. Наряду с деньгами Хорезмы в обороте были также российские кредитные рубли и русские серебряные монеты.

С проведением в России денежной реформы в конце 19 века и с внедрением в самой России в оборот значительных сумм золотой монеты, последняя появляется и в денежном обращении Хорезмы, причем кредитные рубли почти исчезают из него. Но нахлынувшая волна вскоре спадает. Зато усиливается значение в денежном обращении хан-

---

[1]) Данные о состоянии денежного обращения в Хорезме до об'единения ее денежной системы и советской в 1923 г. приведены на основании материалов, собранных в интересной, неопубликованной еще работе П. П. Гаврилина о денежном обращении Хорезмы.

ства российской разменной серебряной монеты. Здесь совершается в начале 20 столетия тот же процесс, который имел место в Бухаре: устанавливается твердое отношение между хивинской теньгой и российской валютой, т.-е. местная система смыкается с российской, сохраняя в обращении, наряду с российскими деньгами и свои собственные монеты. Это сращение произошло на основе приравнения теньги = $^{1}/_{5}$ рубля золотом или кредитными билетами, т.-е. двадцати копейкам. Таким образом, здесь, как и в Бухаре, в начале 20 столетия фактически установилась золотая валюта, представленная в обращении почти полноценным серебром местного чекана и билонным серебром российского происхождения.

В продолжение войны до февральской революции существенных изменений в составе денежного обращения Хорезмы, насколько нам известно, не произошло: серебро,—особенно теньга,—осталось доминирующим платежным средством; наряду с ним имели хождение русские кредитные рубли. В 1917 г. к ним присоединились так наз. «керенки». В 1919 г. ханство начало выпускать новые медные монеты, а также шелковые и бумажные деньги и эти выпуски продолжались в 1920 и 1921 гг., причем достоинство денежных знаков, отчеканенных из меди и напечатанных на шелку, становилось все более крупным. В 1919 г. медные деньги выпущены были достоинством от 10 к. до 3 р. (от ½ теньги до 15 тенег), в 1920 г.—в 20 и 25 р.; в 1921 г.—в 100 р. и 500 р. Шелковые деньги эмитированы были в 1919 г. достоинством от 40 р. до 250 р.; в 1920 г.—до 1000 р. и в 1921 г.—до 2000 р. Вместе с тем в обращение проникли в 1920 г. бухарские деньги, туркестанские боны и советские знаки образца 1919 г.

Революция, вспыхнувшая в 1920 г. поставила во главе государства новую, республиканскую власть, которая выпускала свои деньги, сперва медные, шелковые и бумажные, подобно ханскому правительству, затем, начиная с 1922 г., одни только бумажные. Содержание меди в монетах было уменьшено, бумажные знаки эмитировались в возраставшем количестве, ибо финансовое положение было крайне тяжелым и финансовое управление до последней степени примитивным. На рубеже 1923 г. почти никаких доходных источников кроме эмиссии бумажных денег у хорезмского правительства не существовало. Когда Бухара пошла на унификацию денежного обращения, у Хорезмы не было иного исхода, как последовать ее примеру.

Вопрос об унификации был разрешен в положительном смысле в отношении обеих республик на экономической конференции среднеазиатских республик в марте 1923 г. и на совещании в Народном Комиссариате Финансов в

Москве. Постановлено было, что местные эмиссии прекращаются с мая 1923 г. и что происходит обмен местных денежных знаков на общефедеративные из предоставляемого для этой цели центральным правительством фонда. Первоначально имелось в виду, в целях безболезненного проведения реформы, произвести обмен в Бухаре по двум различным курсам, установленным для более близкого к железной дороге и для более отдаленного района. Таким способом предполагалось приблизить обменный курс к действительному курсу в разных частях Бухары. Практическое осуществление реформы показало, что проведение границы между обоими районами встречает слишком большие затруднения. В таком виде реформа и была проведена. Курс для обмена установлен был 1 : 3 для Бухары и 1 : 1 для Хорезмы. Начиная с мая, бюджетные дефициты обеих республик стали покрываться из средств федерации, при чем на республики возложено было обязательство приступить к налаживанию налоговой системы и к упорядочению финансовой отчетности. К осени 1923 г. выкуп местных денег был закончен, причем в Бухаре на обмен было израсходовано в переводе на червонные рубли 1.122 тыс. руб. (по данным неопубликованного доклада проф. Ю. Пославского). Относительно расхода на обменную операцию в Хорезме у нас нет сведений, но он был, несомненно, еще значительно меньше. Нельзя сказать, чтобы обменная операция проходила удовлетворительно. М. П. Демидов говорит в использованной мною записке, что «население, несмотря на широкую информацию, чрезвычайно недоверчиво отнеслось к обмену, а так как кассы не во всех районах открылись одновременно, то в некоторых местностях распространились слухи о нуллификации бухарских денежных знаков. Несмотря на существование, например, обменных касс в Кагане, в сельских местностях за 6—7 верст население покупало совзнаки по курсу 4 : 1, а в Керминэ 6 : 1, в районе Шихрязаба 9 : 1». Но бухарская валюта была умирающей и население привыкло уже в 1923 г. не видеть в бумажных деньгах чего либо особенно ценного. Вероятно поэтому все эти неурядицы не сопровождались протестом и какими-либо осложнениями. Однако они вызвали усиленный спрос на золото, которое и без того всегда ценилось здесь на окраине выше, чем в центральной России.

Формально унификация была проведена в 1923 г. Но фактически серебряная теньга после описанной реформы еще долго сохраняла хождение в Бухаре. Ее обращение настолько укоренилось, что и финансовые учреждения не могли не считаться с этим фактом. В 1925 г. (после политических преобразований в Средней Азии и образования новых республик на месте старых), Узбекский Народный Комиссариат Финансов с разрешения центрального правитель-

ства принимал еще теньгу в уплату налогов. И теперь металлическая монета, старая российская и иностранная (персидская, афганская) не утратила вполне своего значения в некоторых районах Средней Азии.

История денежного обращения Закавказья представляет особую пестроту систем и видов денег, как местных, так и иностранных, имевших хождение в трех нынешних республиках,—в Грузии, в Азербайджане и в Армении. Основные этапы распада и восстановления сводятся здесь к следующему [1]).

Восьмого ноября 1917 г. армейский комитет Кавказской армии об'явил, что он не признает новой власти, созданной октябрьской революцией; с этого времени началось обособленное политическое существование Закавказья. В декабре в Тифлис прибыла последняя партия русских денег. Новых поступлений денежных знаков из центра не предстояло и закавказское правительство приступило к собственной эмиссии. Местные бумажно-денежные знаки стали выпускаться под названием «бонов Закавказского Комиссариата», или сокращенно «закбон». 29 января 1918 г. утверждено было положение о порядке их выпуска. Эмиссия возложена была на тифлисскую контору Государственного Банка, который уполномочен был выпускать эти знаки «до устранения причин, вызывающих хронический недостаток кредитных билетов». Эмиссия сразу же превратилась в чисто казначейскую, предназначенную главным образом для покрытия государственных расходов. Первоначальные выпуски были огромны; так, эмиссия за февраль 1918 г. составила около 10% общеросийской эмиссии за тот же месяц. Но в марте, апреле и мае она сократилась и дошла до 1,5% одновременной российской.

Втечение 1918 и первой половины 1919 года закавказские боны были общей валютой для всего края. Лишь в Азербейджане ходили также и другие местные деньги. Но так как Закавказье распадалось уже в это время на три республики, то снабжение края деньгами происходило в форме распределения денежной «продукции» между тремя правительствами. Печатало боны Грузинское правительство и оно же производило распределение. «Есть основание полагать,—пишут авторы «Закавказского финансово-статистического сборника 1918—1923 гг.» (стр. 10, 11),—что оно было не совсем аккуратно. Дело даже доходило до официальных дипломатических протестов против действий Грузинского правительства». Как бы то ни было этот порядок сохранился до сентября

---

[1]) Статистический материал по истории денежного обращения в Закавказьи опубликован в издании «Закавказский Финансово-Статистический Сборник 1918—1923 гг.», ч. I, Тифлис, 1924 г. Кроме того, Я. Р. Бляхов предоставил мне материалы своего неопубликованного исследования о денежном обращении Закавказья.

1919 г. За это время всего было выпущено 1.360.000.000 р., из которых Грузия получила 39,7%, Азербейджан—27,9% и Армения—32,4%. К началу эмиссии уровень цен стоял выше довоенного, примерно, в 18 раз, к концу ее—в 126 раз. Но вычислить «реальную» ценность выпущенных денег представляется невозможным. По Армении и Азербейджану нет достаточных данных о товарных ценах. А курсы золота подвергались таким сильным колебаниям в отношении к товарным ценам, что ведение счета по этим курсам представляется делом весьма сомнительным. Пользуясь сложным комбинированным методом, цитированный сборник приходит к выводу, что за время от февраля 1918 г. по сентябрь 1919 г. при помощи эмиссии «закбон» удалось извлечь у населения 30,3 млн. довоенных рублей, т.-е. в среднем по 1,5 млн. руб. в месяц. Если расчеты произведены достаточно правильно, то эту сумму следует признать довольно большой, ибо средне-месячный эмиссионный доход в Советской России составлял за те же месяцы около 30 млн. рублей. Но не следует особенно полагаться на эти цифры.

Кроме азербейджанских знаков, о которых упомянуто было выше, в Закавказье продолжали иметь хождение российские кредитные билеты и знаки Временного Правительства—керенки; и те и другие ходили с лажем. Лаж на кредитные билеты составлял в январе 1919 г. 63%, в июне 290%, в сентябре 150%, лаж на керенки достигал только 6,5% в январе, 50% в июне и 15% в сентябре. Местные власти стремились бороться с этими лажами, но безуспешно. Реальная ценность всей денежной массы здесь, как и всюду быстро уменьшалась. К сентябрю 1919 г. она составляла, повидимому, около 20.000.000 довоенных рублей и была, примерно, в четыре раза ниже довоенной (Закавказский сборник, стр. 18). Если эти цифры хотя бы приблизительно соответствуют действительности, то сжатие денежного обращения было несравненно меньше, чем одновременно в Советской России. Такое различие вполне возможно, ибо в 1919 г. гражданская война сузила территорию Советской России, а экономическая политика сократила в сильнейшей степени об'ем денежного хозяйства: к сентябрю 1919 г. реальная ценность денежной массы в Советской России составляла лишь $^{1}/_{15}$ довоенной.

Во второй половине 1919 г. совершается распад об'единенной Закавказской денежной системы. Грузия наследует эмиссию «закбон», которые превращаются в ее собственные, а не обще-кавказские деньги. Армения создает свою собственную эмиссию. Азербейджан строит свою денежную систему на основах, заложенных уже до распада. Этот период продолжается и после советизации республик в 1920—21 г. до закавказской денежной реформы января 1923 г.

Денежное обращение каждой из республик приходится теперь рассматривать обособленно, подразделяя весь промежуток времени от распада до об'единения на два периода: до и после советизации.

Эмиссия Грузинской Демократической Республики началась несколько раньше прекращения об'единенной эмиссии закавказских бон. Она продолжалась от июля 1919 г. до февраля 1921 г. и это было время наиболее острой инфляции. За 20 месяцев эмиссии бон закавказского комиссариата Грузия получила 540 м. р. За 20 месяцев собственной эмиссии она выпустила в обращение 17 миллиардов рублей, причем на последний месяц—февраль 1921 г. из них приходится формально 7,3 м. р., часть которых, впрочем вывезена была меньшевистским правительством из Грузии и фактически выпущена позднее. За полтора года выпуска бон Закавказского Комиссариата уровень цен в Грузии повысился в 7 раз. За полтора последующих года он возрос в 25 раз. Эмиссия Закавказского Комиссариата дала грузинскому правительству 12 милл. р., самостоятельная грузинская эмиссия дала, примерно, за такой же срок 16—17 м. р.: больший доход получен был ценой очень сильного нажима на печатный станок, значительного повышения темпа эмиссии и роста цен, доходившего до 44% в месяц. Реальная ценность денежной массы в довоенных рублях к средине 1920 г. благодаря огромным выпускам поднялась, но безудержная инфляция снова снизила ее и в начале 1921 г., накануне советизации она стояла ниже, чем накануне приступа к собственным выпускам денег. В финансовом и валютном отношении это был один из наиболее тяжелых периодов для Грузии.

С марта 1921 г. начинается эмиссия советского правительства Грузии. Она продолжалась до конца 1922 г., т.-е. тоже 20 месяцев. Темп ее, сперва очень высокий, затем замедлился. Началась она накануне об'явления новой экономической политики, лозунгом которой и в Советской России была денатурализация хозяйства, сопровождаемая восстановлением финансовой системы. Финансовая работа, хотя и недостаточная, но все же серьезная, проделана была и в Грузии. Если в первые месяцы эмиссионные поступления составляли единственный источник доходов советского правительства Грузии (98%), то в среднем за 1922 г. половина расходов была покрыта из других поступлений. Темп эмиссии от 34—43% в марте—мае 1921 г. снижен был до 10—20% в течение 1922 г. В отдельные месяцы рост цен продолжал оставаться огромным и в самом начале был даже несравненно выше, чем при меньшевистском правительстве: 204% в апреле, 163% в мае, 1921 г., 61% в январе 1922 г. и 51% в феврале. Но втечение значительной части всего

этого двадцатимесячного периода,—осенних месяцев 1921 г. и марта—ноября 1922 г.—цены росли медленно и даже по временам понижались: три месяца—сентябрь—ноябрь 1921 г. дали снижение цен на 2%, девять месяцев, март—ноябрь 1922 г. дали вместе повышение всего на 13%, т.-е. в среднем по 1½% в месяц. По сравнению с теми колебаниями ценности бумажных денег, которые стали уже привычными до 1921 г., это казалось, да отчасти и было, стабилизацией валюты и грузинский рубль приобрел славу исключительного феномена среди различных обращавшихся в советских республиках бумажных рублей.

Финансовая работа сыграла несомненную роль в этом явлении. Интервенционные мероприятия комиссариата финансов Грузии тоже не остались без влияния. Но эмиссия бумажных денег для покрытия бюджетных дефицитов все же совершалась ведь непрерывно. Одними указанными мерами и летним расширением товарооборота нельзя об'яснить эту устойчивость грузинского рубля. Фактором первостепенного значения втечение этого периода являлось положение Грузии, как страны, служившей почти единственным местом связи между Советской Россией и мировым рынком. Иностранные товары, поступавшие через батумский порт, во-первых, улучшали состояние товарного рынка в самой Грузии, во-вторых, становились предметами вывоза в Россию, укрепляя торговый баланс между Грузией и Россией и содействовали притоку товаров в Грузию с севера. Вместе с тем, огромная разница между ценностью золота в Тифлисе и в Москве пошла на первых порах на пользу грузинскому денежному обращению.

Золотая «десятка» стоила в июле 1921 г. в Тифлисе—420.000 р., а в Москве 177 тысяч. Так как вслед за советизацией в Грузии получили хождение и советские денежные знаки, то русские советские рубли (которые обменивались во второй половине 1921 г. на грузинские бумажные рубли по курсу недалекому от паритета) в отношении к золоту оказались в Грузии более дешевыми, чем в Москве. Грузия получила, поэтому, возможность покупать советские товары по очень дешевым ценам. Соотношение курсов золота на совзнаки в Москве и в Тифлисе давало возможность либо с выгодой приобретать в России товары на советские бумажные деньги, купленные в Тифлисе по низкому курсу на золото, либо дешево покупать за границей товары на золото, скупленное по низкой цене в Москве на совзнаки. Золото стало притекать из центральной России в Грузию и оттуда за границу и это движение его, в процессе которого стало совершаться выравнивание курса, послужило во второй половине 1921 г. к снабжению грузинского рынка товарами и укреплению грузинской валюты. Выравнивание курса золо-

того рубля закончилось на рубеже 1922 г. и действие этого фактора тогда прекратилось. Но и после этого сохранялось транзитное значение Грузии в области внешней торговли Советской власти. И кроме того, в 1922 г. совершился перелом в соотношении между грузинским и русским рублем, который также послужил к укреплению денежного обращения Грузии. Это обстоятельство имело в истории грузинской денежной системы очень крупное значение.

Советские денежные знаки появились в Грузии вслед за советизацией и на первых порах ходили даже с лажем против грузинских рублей, вполне понятным, если принять во внимание, что они нужны были Грузии для покупки товаров в России вообще и в частности для чрезвычайно выгодных арбитражных операций с золотой монетой. Но к концу 1921 г. эти арбитражные операции не представляли уже прежних выгод, а наплыв советских денежных знаков, которые ввозились из Москвы для покрытия некоторых расходов центральных ведомств, все более увеличивался. Население начало отказываться от приема совзнаков по паритету, хотя официально русские знаки должны были обмениваться на грузинские рубль за рубль. В самом начале 1922 г. грузинские финансовые учреждения под давлением вольного рынка стали уже ограничивать прием совзнаков, и это, разумеется, еще более дискредитировало их в Закавказье. Процесс падения их вольного курса стал совершаться столь стремительно, что в феврале грузинское правительство отказалось от официального курса и установило, что совзнаки подлежат приему только по вольному рыночному курсу. В ноябре 1921 г. на русский рубль существовал еще лаж в несколько процентов; а в марте 1922 г. 100 русских рублей стоили на грузинские деньги 18 р. 50 к., в мае—8 р., в июле—5 р., в сентябре—3 р. 50 к., в ноябре—1 р. 25 к. Деньги РСФСР стали для Грузии иностранной валютой и притом такой, курс которой быстро падал. С июня по сентябрь 1922 г. товарные цены в Советской России повысились гораздо слабее, чем упал курс русского рубля по отношению к грузинскому: это было и в России временем относительной стабилизации покупательной силы рубля. Создалось положение, выгодное для ввоза товаров из России в Грузию на дешевые для Грузии «совзнаки», и само собой разумеется, что на состояние товарного рынка в Грузии, а следовательно, и на состояние покупательной силы ее валюты это должно было оказать благоприятное влияние.

Из этого описания видно, насколько сложной была конъюнктура денежного обращения. Нужен был бы очень подробный анализ всех его факторов для того, чтобы пояснить каждое из колебаний в покупательной силе и в курсе грузинского рубля, имевшее место втечение этого периода.

Мы не можем взять на себя выполнение этой задачи в своем общем очерке. Отметим только, что в декабре 1922 г., в момент предстоявшей ликвидации грузинской эмиссии, правительство Грузии снова прибегло к усиленному действию печатного станка и стабилизация грузинского рубля была сорвана: темп эмиссии поднялся по сравнению с предыдущим месяцем вдвое и цены под влиянием панического настроения рынка, не знавшего чего ждать от преобразования денежной системы, снова поднялись на 35%.

Денежное обращение Азербейджана представляет меньший интерес и мы короче остановимся на нем. До образования Азербейджанской Советской Социалистической Республики (в апреле 1920 г., т.-е. на девять месяцев раньше, чем в Грузии), здесь выпускали свои бумажные деньги последовательно Бакинская Городская Управа, Бакинский Совет Городского Хозяйства и Азербейджанское Правительство (Муссаватское), которым, как указано уже было выше, получена была также часть эмиссии Закавказского Комиссариата. Всего ими было эмитировано (вместе с закавказскими бонами) свыше трех миллиардов руб., ценность которых в довоенных рублях (если считать по тифлисским индексам, за отсутствием азербейджанских) составляла за 27 месяцев около 26 млн. руб. при «реальной ценности» всей денежной массы к средине 1919 г. в среднем около 7 млн. довоенных рублей («Закавказский Сборник», стр. 44—47). С конца апреля 1920 г. начинается эмиссия Азербейджанской ССР, которая стала самой напряженной из всех эмиссий Закавказья. За 1920 год (8 месяцев) было выпущено 8,4 миллиарда, за 1921 год—680 млдр. и за 1922 г.—18,753,0 млрд. Наконец, за первую треть январь (накануне Закавказской денежной реформы) Азербейджан эмитировал 11,753,4 млдр. руб. До 1922 г. эмиссия оставалась единственным источником денежных доходов казначейства и еще в среднем за 1922 г. она дала бюджету $^{2}/_{3}$ всех его доходных поступлений.

Того падения курса знака РСФСР ниже паритета с местными рублями, которое имело место в Грузии, в Азербейджане не произошло. Наоборот, втечение 1921 г. образовался и поднялся очень высоко лаж на советские денежные знаки. Лишь в начале 1922 г., когда выпуски бумажных денег в РСФСР достигли огромных размеров и покупательная сила советского знака в России стремительно катилась вниз, этот лаж исчез. Этому способствовало и то, что в Аз. ССР именно в это время приступили к восстановлению финансового хозяйства и ограничили весною 1922 г. размеры эмиссии известным соотношением ее к выпуску бумажно-денежных знаков в Москве. Во всяком случае никаких особых преимуществ Азербейджанская система по сравне-

нию с общероссийской не имела. В этом отношении положение было совершенно иное, чем в Грузии, и это определило отношение Азербейджана к той реформе денежного обращения, которая проведена была в Закавказье в январе 1923 года.

Армения начала выпускать свои бумажные деньги лишь с августа 1919 г., т.-е. с того времени, когда прекратилась общая закавказская эмиссия, производившаяся в Тифлисе. Сперва в обращение вошли чеки Эриванского Отделения Государственного Банка, выпускавшиеся им по соглашению с правительством республики для финансирования правительства. В первые же дни появилось дизажио на эти знаки по отношению к бонам Закавказского Комиссариата. Кроме чеков в начале 1921 г. выпущены были еще «лондонские денежные знаки». В 1919 г. в Лондон командирован был представитель министерства финансов для заказа технически более совершенных знаков достоинством в 50, 100 и 250 р. всего на сумму в 300 млн. Однако, к тому времени, когда первая партия денег прибыла в Армению (в 1920 г.), она оказалась уже совершенно недостаточной. Ее выпустили в обращение в феврале—марте 1921 г., причем приравняли особым постановлением 1 рубль «лондонскими денежными знаками» ста рублям «армчеками» и получили вместе 300 миллионов 30 миллиардов рублей. Этот выпуск произведен был уже после советизации Армении (январь 1921 г.) во время краткого возвращения к власти правительства дашнаков.

Правительство Советской Армении продолжало сперва выпуск тех же чеков, которые эмитировала предшествовавшая ему власть. С августа 1921 года оно начало выпускать новые бумажные деньги по курсу более высокому, чем чеки в 5 раз. В Армении получилась в 1922 г. пестрота бумажных валют, превосходившая все то, что имело место где-либо в другой части советских республик. По разным курсам ходили закавказские боны, «армчеки», «лондонские знаки», знаки советской Армении, денежные знаки РСФСР. все это, не считая знаков соседних республик, проникавших в оборот, не считая иностранных банкнот и металлических денег русского и иностранного происхождения. Такое положение делает невозможным подведение каких-либо итогов эмиссии в Армении.

Российский совзнак появился в Армении вслед за ее советизацией так же, как он появлялся всюду, где утверждалась советская власть. Но между тем, как в Грузии он стал худшими деньгами по сравнению с местными, в Армении преимущества втечение 1921 г. были на его стороне. Его можно было использовать для платежей, как в Армении, так и вне Армении, а условия этого использования, т.-е. соотношения цен складывались так, что российский рубль

должен был цениться выше местного. Бегство от местного рубля к общефедеральному усиливало обесценение первого и в ноябре 1921 г. за рубль знаками РСФСР давали 4 армянских рубля. Лишь обострение инфляции в России в конце 1921 г. и в начале 1922 г. уменьшило размеры этого лажа. Как бы то ни было, положение Армянской советской республики с точки зрения ее финансов и ее денежного обращения было таково, что она не имела основания отстаивать самостоятельность своей денежной системы.

К концу 1922 года каждая из крупных республик Закавказской федерации—Грузинская, Армянская и Азербейджанская — имела свою денежную систему и это обстоятельство служило огромным препятствием, как для торговых сношений между ними, так и для установления хозяйственных связей между Закавказьем и остальными частями государства. Даже три устойчивых системы денежного обращения должны были бы вредить беспрепятственному ходу торговых операций. Три падающих местных валюты в дополнение к падающей общероссийской валюте исключали всякую возможность точных торговых расчетов и создавали невыносимое положение. Хозяйственные предприятия Закавказья искали выхода из этих тяжелых условий в том, что ориентировались в своих расчетах на курс иностранной валюты и старой золотой монеты, но это было только паллиативом, и притом с государственной точки зрения крайне нежелательным. Деньги одной республики почти не имели хождения в другой и экономические сношения между ними велись так же, как между политически ничем не связанными друг с другом государствами. Даже лучшая из закавказских валют, грузинская, вне Грузии встречалась довольно мало: к началу реформы в Азербайджане имелось 1,3%, а в Армении—0,3% всех грузинских бон, выпущенных к этому времени в обращение.

Вопрос о радикальном изменении этого положения поставлен был уже давно: еще осенью 1921 г. Краевое Экономическое Совещание высказалось за унификацию денежного обращения закавказских республик с денежным обращением РСФСР и вопрос снова обсуждался в 1922 г. Однако по целому ряду соображений эта мера не была проведена. Отчасти потому, что Грузия имела в 1922 году более устойчивую валюту, чем общероссийская, и боялась потерять ее. Отчасти мысль о радикальной реформе была оставлена тогда потому, что политическая почва для экономического сближения казалась недостаточно подготовленной. Реформа была решена к концу 1922 года, когда стала складываться и оформляться федерация закавказских республик; но и тогда она была проведена не в форме об'единения с общероссийской денежной системой, а в форме создания одной системы

денежного обращения для всей Закавказской федерации. Постановлением Союзного Совета ЗСФСР решено было выпустить новый закавказский денежный знак, имевший хождение и являвшийся законным платежным средством во всех закавказских республиках. На этот новый знак были обменены грузинские, армянские и азербейджанские знаки. Закавказский знак приравнивался грузинскому рублю, и в Грузии обмен производился на основании этого паритета. Для азербейджанской валюты установлено было отношение 100 азербейджанских рублей=1 закавказскому рублю. Для Армении установлено было отношение 150:1. Эти отношения (1:100:150) соответствовали курсу грузинских, азербайджанских и армянских денег на золото. Декрет от 10 января 1923 г. постановил, что самостоятельная эмиссия трех республик прекращается.

Закавказская федерация получила единую денежную систему, отличную от общесоюзной. Правда, хождение советского денежного знака допущено было в Закавказьи, но он не являлся законным платежным средством и никто не обязан был принимать его. Поэтому советский знак, как падающая валюта, не мог получить распространения в Закавказьи. Но валютные отношения между Закавказьем и остальными частями Союза стали определяться в 1923 году не этим. В 1923 году Государственный Банк Союза эмитировал уже червонцы, имевшие относительно устойчивый курс на иностранную валюту и бывшие сравнительно с закавказскими деньгами твердой валютой. Червонец не мог не проникнуть в Закавказье и не сделать там завоеваний аналогичных тем, которые он сделал в остальных частях Союза, тем более, что Государственный Банк, имеющий в Тифлисе свою контору и в разных городах Закавказья свои отделения, открывал свои кредиты в червонцах в то время, как Закавказская федерация с ее пассивным торговым балансом могла выплачивать сальдо по этому балансу только червонцами. Поэтому червонец становился все в большей мере основной валютой торгового оборота Закавказья и унификация, не проведенная в законодательном порядке, все же частично была достигнута в порядке мероприятий банковой политики. Если тем не менее и для закавказского знака сохранилась известная сфера обращения и ценность всех денежных знаков, составлявшая в червонных рублях в марте 1923 года 5,8 милл. руб., затем повысилась в июле до 8,8 милл. руб. и спустилась к ноябрю только до 5,5 милл. р., то это об'ясняется отчасти теми же причинами, которые позволили советскому денежному знаку сохраниться до 1924 г., а именно потребностью торгового оборота в мелких деньгах и отчасти улучшением хозяйственных условий в Закавказьи.

С 10 января 1923 г. по 14 апреля 1924 г., т.-е. за 15 месяцев было выпущено в обращение почти 16 квадриллионов

закавказских рублей, при чем особенно значительны были выпуски в конце 1923 г. и огромны они стали в начале 1924 г., когда закавказская эмиссия приближалась к концу: в январе 1924 г. денежная масса Закавказья утроилась, в марте она увеличилась в $5^1/_2$ раз. Упорядочение финансового хозяйства шло медленнее, чем в Союзе, и эмиссия давала все время около $^1/_3$ всех государственных доходов. Москва стремилась к полной унификации денежного обращения, и центр без особого сожаления смотрел на то, что закавказская денежная система по временам приближается к краху с еще большей быстротой, чем загнившая союзная система казначейской эмиссии.

Обособленная закавказская эмиссия могла сохраняться в таком виде лишь до тех пор, пока в Союзе не появились устойчивые мелкие деньги. Денежной реформой, проведенной в Союзе в феврале—марте 1924 г., предрешался и вопрос о закавказской денежной системе. Постановлением Закавказского ЦИК и СНК от 18 февраля 1924 г. установлено было обязательное хождение на территории ЗСФСР государственных казначейских билетов СССР. В апреле 1924 г. прекращена была эмиссия закавказских денежных знаков и декретирован был их выкуп по курсу 12,5 миллиардов за рубль казначейскими билетами, т.-е. по курсу в 4 раза более высокому, чем тот, по которому обмен произведен был в Союзе. Но мы увидим ниже, что низкий выкупной курс в Союзе был результатом стремительного обесценения совзнака в последние недели его существования и отчасти самой денежной политики этого периода. В Закавказьи предреформенная эмиссия тоже была огромна, но по результатам своим в отношении обесценения она все же осталась позади общесоюзной. Закавказских знаков обменено было на 1.209.000 руб., что, по сравнению с суммой, затраченной на обмен в Союзе (см. главу о денежной реформе) представляло крупную величину.

Это был один из самых поздних актов унификации, но все же не последний. Процесс об'единения всего дольше затянулся на Дальнем Востоке. О денежном обращении в этом крае мы имеем подробное исследование, составленное на основании изучения обширных материалов А. И. Погребецким («Денежное обращение и денежные знаки Дальнего Востока за период войны и революции», 1914—1924 г., Харбин, 1924), на которое, мы, главным образом, и опираемся в нижеследующем описании.

Политическая обстановка отличалась здесь такой сложностью, что невозможно дать отчет о ней в нескольких словах. Лишь в редкие периоды между концом 1917 г., т.-е. появлением советской власти, и концом 1922 г., т.-е.

временем советизации всего Дальнего Востока, здесь господствовало единое правительство. На различных частях территории Дальнего Востока чередовались власть советов, земских учреждений, Временного Правительства Сибири, правительства адмирала Колчака, управляли японские войска, атаман Семенов, автономисты, правительство Меркулова, правительство Дальне-Восточной Республики, правительство Еремеева, генерал Дитерикс и др. Каждая новая власть эмитировала свои деньги и дать о картине денежного обращения пятилетия 1917—1922 г.г. сколько-нибудь полный отчет можно лишь в таком подробном описании, как то, которое взял на себя труд составить А. И. Погребецкий. Мы можем отметить здесь лишь несколько этапов эволюции денежной системы на Дальнем Востоке.

В 1918 году кроме денег, циркулировавших еще при Временном Правительстве Керенского, на Дальнем Востоке появляются выпущенные Временным Правительством Сибири «краткосрочные обязательства Государственного Казначейства Сибири», которые имели хождение не только в подлинном, но и в подделанном виде, ибо министерство финансов, по его собственному признанию, вынуждено было «снисходительно относиться к поступавшим в кассы сомнительным обязательствам если они недалеко отступали по исполнению от настоящих».. (Погребецкий, стр. 9). На ряду с кооперативными, муниципальными, частными и армейскими знаками эти сибирские знаки (печатавшиеся в Омске и во Владивостоке) составляли в 1918—1919 г.г. основу денежного обращения Приморья. Но уже в 1918 г. к ним присоединились бумажные деньги, выпущенные в иенах высадившимся на берег японским дессантом — знаки различных купюр с надписями на японском и русском языке. И, кроме этого, оборот пользовался особенно охотной «иностранной» японской иеной, как валютой наиболее надежной.

В начале 1920 г. в добайкальской Сибири сибирские знаки были аннулированы советской властью. Это не прекратило их хождения на Дальнем Востоке, но нанесло им сильнейший удар. Второй удар нанесло решение японского Кассационного Департамента в Осаке, отказавшегося признать изготовление фальшивых «сибирок» уголовным преступлением за отсутствием признанного правительства, обладающего регалией на их изготовление и эмиссию. Сибирские знаки подверглись стремительному обесценению, но еще не исчезли в этот момент. Зато кроме них Владивостокское отделение Государственного Банка стало выпускать сперва (в небольшом количестве) облигации $4\frac{1}{2}\%$ выигрышного займа 1917 г. со специальным штемпелем и затем свои чеки. Сверх всего этого с конца 1919 г. в обращение были выпущены во Владивостоке в качестве денег казначейские

знаки и обязательства государственного казначейства. Все это создавало невообразимый хаос и в июне 1920 г. Временное правительство Дальнего Востока—«Приморская Областная Земская Управа»—постановило произвести денежную реформу: выпустить новые знаки американского изготовления (заказанные еще правительством Керенского кредитные билеты и разменные знаки), унифицировать денежное обращение, прекратить доступ в край из Сибири бумажных денег, потерявших там всякую ценность и наводнявших Дальний Восток, принять меры борьбы против хождения иностранной валюты. Правительство об'явило, что новые бумажные деньги обеспечиваются металлическими резервами в золоте и серебре, сумму которых оно определяло в 70.867.000 руб., хотя часть этих резервов, вывезенных из Владивостока в Благовещенск, фактически уже не находилась в безусловном его распоряжении. Иностранцы оказали этой реформе сильное противодействие, но тем не менее она была проведена. Она позволила приморскому правительству финансировать еще некоторое время свои расходы при помощи выпуска бумажных денег, но оно не создало сколько-нибудь устойчивой бумажной валюты. Втечение второй половины 1920 г. новые бумажные деньги, подобно всем предшествовавшим им, подверглись быстрому обесценению.

Надо иметь в виду особенности Дальнего Востока для того, чтобы правильно понять то, что происходило после этого. Во всех других районах России мы наблюдали эмиссии быстро обесценивавшихся и тем не менее сохранивших свои функции (или, по крайней мере, некоторые из своих функций) бумажных денег. Но нигде бумажный знак не вынужден был вести такую борьбу с иностранной валютой и металлом, как на Дальнем Востоке. Даже на закавказской границе и в Бухаре натиск металла и иностранной валюты, при всем их значении на этих окраинах, был гораздо слабее, чем на побережьи Тихого Океана и на амурской границе. Хождение японской иены и русского серебра (а отчасти, хотя в слабой степени, и золота) никогда не прекращалось здесь. У самого правительства Дальнего Востока имелись запасы иностранной валюты и металла. Все это создавало совершено особую обстановку. При проведении приморской денежной реформы 1920 г. вставал вопрос о том, не выпустить ли в обращение серебро. Правительство Приморья отказалось от этой мысли и повело борьбу с хождением металла. Но оно не справилось с этой задачей и не вытеснило серебра. Иностранные дипломатические представители и иностранные фирмы своим сопротивлением ослабили его и без того не очень сильные позиции.

В октябре приморское правительство, не справившись с финансовыми затруднениями, сдало эти позиции и 19 октября 1920 г. был издан закон «о выпуске в обращение для государственых нужд 5.000.000 руб. серебра в мелкой разменной монете». 6 ноября было опубликовано постановление, разрешавшее «заключение всяких сделок по имуществу и составление всякого рода договоров и обязательств в рублях золотом» с платежом по курсу. В ноябре приступили к второму выпуску серебра на 5.000.000 руб., ибо «требование на серебро с момента выпуска его в обращение носило почти стихийный характер» (Погребецкий, стр. 104). В декабре 1920 г. последовала третья эмиссия на ту же сумму. В январе 1921 г. правительство выпускает остатки серебряной монеты на 198.000 руб. и производит первый выпуск золотой монеты на 250.000 руб. В феврале выносится постановление о выпуске в обращение золотой монеты на 1.020.000 рублей. Металлическое обеспечение было обращено на покрытие расходов, при чем за недостатком российской золотой монеты выпущена была и испанская (Погребецкий стр. 119). В мае 1921 г. произошел переворот и власть перешла к Временному приморскому правительству во главе с С. Меркуловым.

Новое правительство пыталось обосновать свое финансовое хозяйство на субсидиях японцев, на продолжении распродажи грузов, как казенных, так и хранившихся на таможне, на вывозных пошлинах, на монополии на опиум. Возможности выпуска бумажных денег, очевидно, не существовало: обращение стало металлическим. Был разработан и даже утвержден проект выпуска бумажных денег в форме краткосрочных обязательств Государственного Казначейства, но предприятие это не получило осуществления. Не выпустил бумажных денег после Меркулова и Верховный правитель Земского Приамурского края воевода Земской Рати генерал Дитерикс, хотя финансы его были в очень плачевном состоянии. В октябре 1922 года во Владивосток вступили войска Дальне-Восточной республики и завершилось об'единение Дальнего Востока. Мы должны возвратиться здесь к более раннему периоду для того, чтобы описать то, что происходило в этой республике в области ее денежного обращения до занятия Владивостока. Мы минуем при этом историю денежного обращения в Хабаровске, Благовещенске, Чите и в их районах, которые внесли свою лепту в историю бумажно-денежных знаков Дальнего Востока, не менее богатую, чем та, которой могло похвалиться Приморье. Путь к металлическому обращению, пройденный здесь, был в общем тот же, что и во Владивостоке.

В 1920 г. под властью советов находилась территория до Байкала. Восточней, небольшой, но все более расширявшийся район захвачен был народно-революционой армией,

обосновавшейся в Верхнеудинске и образовавшей «Временную Земскую Власть Прибайкалья»—«буферное государство», находившееся в близких политических отношениях с советской властью, но сохранившее свою политическую самостоятельность, потому, что РСФСР считала тогда несвоевременным дальнейшее продвижение на Восток. Уже в апреле 1920 г. буферное государство преобразовалось в Дальне-Восточную Республику, занявшую в октябре 1920 г. Читу и затем об'единившую втечение двух лет весь Дальний Восток.

Временная Земская Власть Забайкалья использовала прежде всего найденные ею в Иркутсте «кредитные билеты образца 1918 г.», заказанные Омским правительством в Америке, и выпустила их в обращение. Она решила также приступить к собственной эмиссии и вошла по этому вопросу в соглашение с правительством РСФСР. Последнее согласилось гарантировать эмиссию «буферного государства» с тем, чтобы на его территории получили хождение и совзнаки (Погребецкий, стр. 282). Условия эмиссии «кредитных билетов ДВР», или «буферок», как их тогда называли, на очень ограниченной территории были крайне неблагоприятны. В Монголии и на востоке их не принимали вовсе. Обмен их на совзнаки органичен был определеными суммами при в'езде в Советскую Россию. Падение их ценности совершалось с большой быстротой. «Кредитные билеты ДВР» печатались сперва «Иркутской фабрикой изготовления государственных бумаг», а после занятия Читы производство тех же кредитных билетов перенесено было в Читу. Эта эмиссия продолжалась до мая 1921 г.

Бумажная валюта ДВР, по мере распространения власти республики на восток, вступала в борьбу с металлическим обращением, которое, как мы видели выше, начало утверждаться там с октября 1920 г. Правительство ДВР давало распоряжения об из'ятии звонкой монеты. «В условиях Приморья, осуществление (этих распоряжений)... было равносильно не только финансовой, но и политической катастрофе. Насильственное введение в обращение уже скомпрометированных и упавших в цене более, чем в двести раз, буферок было явно немыслимо» (Погребецкий, стр. 289). В Хабаровске, Спасске, Никольске-Уссурийске распоряжения эти не выполнялись. Правительство ДВР боролось до мая 1921 года за свою бумажную валюту и за соблюдение своих постановлений, но оно должно было уступить. 16 мая 1921 г. был издан закон «об урегулировании денежного обращения в ДВР», который об'явил, что в основу всех денежных расчетов кладется «золотой рубль» и что «бумажные знаки», а также разменная звонкая монета» принимаются по курсу, устанавливаемому для всей торритории Республики по отно-

шению к золотому рублю и об'являемому периодически министром финансов». Это равносильно было в существовавших условиях введению металлического обращения. Правительство пыталось устанавливать курс бумажных денег—«буферок» и совзнаков—но не поспевало за их обесценением. «С момента введения правительством ДВР в обращение звонкой монеты (май 1921 г.) бумажных, буферных денег никто не стал брать и их стали употреблять на завертку валюты» (Погребецкий, стр. 302).

Фактически в республике имело хождение главным образом серебро: высокопробное по курсу, близкому к номиналу (а официально по номиналу), и низкопробное по курсу, который в 1921 г. составлял от 2 р. 70 к. до 3 р. 85 к. за рубль золотом, а в 1922 г. утвердился на уровне 3 руб. за золотой рубль. Правительство ДВР старалось усилить свои доходные источники, но в 1922 г. дефицит его составлял еще более половины бюджета. Если при таких условиях возможно было сохранение металлической валюты, то это имело место потому, что дефицит покрывался правительством РСФСР золотом и серебром. В ноябре 1922 г., вслед за занятием Владивостока, Дальне-Восточная Республика вошла в состав РСФСР в качестве Дальне-Восточной Области и это была единственная область в Союзе, имевшая металлическое обращение. В своей первой же декларации Дальне-восточный Революционный Комитет, ставший высшим органом местной власти, облеченным особыми правами, декларировал «сохранение золотого обращения на нашей дальне-восточной окраине».

В тот момент, когда издано было это постановление, единственной валютой Союза был совзнак. На этой основе нельзя было приступать к унификации денежного обращения. Окраина с металлическим денежным обращением, пережившая не одну, а множество бумажных валют и преодолевшая бумажно-денежную инфляцию, не приняла бы обесценивавшегося совзнака. Об'единение могло произойти только на базе твердой бумажной валюты и об'единяющим элементом явился червонец, который Госбанк начал эмитировать в последних числах ноября 1922 г. Работа Государственного Банка и органов Народного Комиссариата Финансов на Дальнем Востоке и была направлена главным образом к внедрению червонца. Работа была не легка, ибо червонец встречался здесь с металлом, а не с местной обесценивающейся бумажной валютой, как в Закавказьи. Тем не менее она была проведена с достаточным успехом и в 1923 г. червонец получил на Дальнем Востоке довольно широкое распространение. Во второй половине 1923 года сделана была попытка сблизить денежное обращение ДВО со всеми частями советской денежной системы. Декрет от 3 августа

1923 г. постановил, что советские денежные знаки принимаются в ДВО в уплату всех налогов и сборов и что они обязательны к приему для всех государственных и кооперативных учреждений и предприятий; прием должен был производиться по официальному курсу. Что касается банковых билетов, то прием их сделан был обязательным по номиналу, (т.-е. червонец = 10 р. золотом) для всех правительственных касс и для всех государственных и коммунальных предприятий. Тот же декрет воспретил государственным, коммунальным и кооперативным учреждениям и предприятиям принимать и производить платежи иностранной валютой, за исключением случаев совершения сделок с предприятиями, находящимися за границей. Для проведения в жизнь всех этих мер дополнительное постановление от 19 октября 1923 г. обязало Государственный Банк принимать на Дальнем Востоке от всех организаций и лиц советские денежные знаки на текущие счета и производить переводы в червонном исчислении.

Однако, декреты эти не оказали влияния на денежное обращение в ДВО, поскольку речь шла о внедрении советских денежных знаков. Некоторое значение они имели только в смысле вытеснения иностранных валют, но и этот процесс не быстро совершился на дальне-восточной окраине.

Сближение денежных систем произошло только через червонец. Постепенно он вытеснил из обращения звонкую золотую монету, так как все кассы государственных учреждений и предприятий принимали ее по паритету с червонцами, а рынок расценивал ее выше. В качестве разменной монеты до начала 1924 г. сохранило хождение серебро царской чеканки. По проведении денежной реформы в Союзе в 1924 г., в обращение вошли также государственные казначейские билеты Союза. Оставалось вытеснить старое серебро. Несколько раз курс серебра менялся и в апреле 1924 г. он был установлен на уровне 1 рубль высокопробного серебра = 75 коп. золотом и 1 рубль низкопробного серебра = 40 коп. золотом. Постепенно начало появляться на дальне-восточной окраине и серебро советской чеканки. Затем серебро царской чеканки было выкуплено. Мероприятия по вытеснению из обращения иностранной валюты стали проводиться с большей твердостью, число установленных льгот и из'ятий было сокращено и затем сведено на нет. Если исключить те колебания в курсе разменного серебра, которые имели место в 1924 году, то об'единение завершилось легко сравнительно с трудностью стоявшей здесь перед денежной политикой задачи. Постановлением ЦИК СССР последний срок выкупа серебра установлен был для всей Далне-Восточной Области 1 марта 1925 г., а для Камчатской губ. и Николаевского у. Приморской области 15 апреля 1925 г.

Описание процесса унификации денежного обращения увело нас далеко от той первоначальной стадии восстановления финансового хозяйства, о которой мы писали в предыдущей главе; нам пришлось ссылаться на явления, имевшее место не только после выпуска червонца, но и после денежной реформы 1924 года. В порядке изложения такое нарушение хронологической последовательности было неизбежно. Однако в следующей главе мы должны снова возвратиться к тем условиям народного хозяйства и денежного обращения, которые имели место в Союзе в 1922 году.

Глава V

ПОИСКИ МЕРИЛА ЦЕННОСТИ.

Хозяйство, основанное на расчете и работающее с прибылью, может иногда существовать и развиваться в условиях колеблющейся и даже постепенно обесценивающейся валюты. В истории хозяйственной жизни можно найти этому достаточно подтверждений. Но хозяйство не может сколько-нибудь нормально существовать в условиях падающей валюты, если ее обесценение идет скачками и достигает нередко нескольких процентов в день. В такой обстановке невозможна калькуляция цен, и все хозяйственные действия приобретают характер рискованных спекуляций. В таких условиях нет возможности твердо определить размеры заработной платы, вычислить себестоимость товара, установить цены или составить бюджет. Вопрос о падении покупательной силы рубля имел для государственной власти второстепенное значение, покуда она ориентировалась на безденежное хозяйство и имела в виду ограничиться материальным, а не денежным учетом всех тех благ, которые поступали в ее распоряжение. Но этот же вопрос сделался кардинальной проблемой экономической политики с того момента, когда хозяйство стало радикально перестраиваться и государственная власть начала переводить его с рельсов коммунистической организации производства и распределения на рельсы товарно-денежного оборота и связанного с ним ценностного счета в деньгах.

Предприятия, переведенные на «хозяйственный расчет», стояли в конце 1921 года совершенно беспомощно перед проблемой калькуляции цен и составления баланса, финансовое ведомство должно было искать какого-нибудь приема составления бюджета, который возможно было бы действительно исполнить. Предприятия находили временный выход из положения в том, что они не составляли никаких реальных балансов, не производили никакой реальной калькуляции себестоимости товара, а ограничивались тем, что старались, по возможности, не задерживать денег в своих

кассах, немедленно превращая их в товары—лишь только их собственные изделия были реализованы, и не продавали собственных товаров, пока не была обеспечена возможность купить новый товар. При этом условии они знали по крайней мере, что в их руках постоянно находятся материальные ценности и могли предполагать, что хозяйство ведется без убытка. Знать это вполне точно они, конечно, и при этом условии не могли.

Но, как бы ни выходили из такого положения те или другие хозяйственные предприятия, эти приемы торговли вовсе не были разрешением вопроса и, как финансовое, так и народное хозяйство удовлетвориться ими не могло. Со второй половины 1921 г. началось поэтому искание новых путей и это искание, происходившее в период резкого падения покупательной силы рубля, предопределило дальнейшие пути развития нашего денежного обращения.

Чисто теоретически можно было представить себе, что постепенно финансовая система окрепнет, темп падения рубля сперва сократится, а затем падение прекратится вовсе, что под бумажный государственный денежный знак будет подведено золотое основание и произойдет девальвация этого знака, т.-е. произойдет денежная реформа на основе существующего денежно-ценностного измерения, как было в конце 19-го столетия, но, разумеется, в совершенно ином масштабе. Так бы, вероятно, все это произошло, если бы мы имели в 1922 году слегка обесценивающуюся, а не быстро падающую валюту. Но в тех валютных условиях, которые существовали в стране, хозяйство не могло дожидаться реформы такого «постепенного» типа, и развитие пошло в совершенно ином направлении. То, что происходило в Германии, показывает, насколько закономерен был пережитый нами процесс. Сущность этого процесса заключалась в том, что от оценок в советских денежных знаках народное хозяйство круто перешло к системе измерений на основании совершенно иной ценности единицы.

Однако, в деле ценностного измерения нельзя взять новую единицу совершенно произвольно: она не могла бы привиться в народном обращении. Можно порвать с одной традицией, но в таком случае необходимо примкнуть к какой-либо другой. Другая традиция в потенциальном виде была налицо. Это была традиция довоенного времени, оборвавшаяся с того момента, когда началось интенсивное расстройство денежной системы. Воспоминание о довоенной системе денежного обращения было еще живо, и народное и государственное хозяйство обратилось именно к ней. Начался длившийся два с лишним года процесс перехода от ценностных измерений в советских денежных знаках к ценностным измерениям в золотых рублях.

Но золотого рубля не существовало больше в натуре. Те золотые монеты, которые сохранились у населения, не имели законного хождения и, хотя местами они и стали снова играть роль мерила ценности, решающего значения они приобрести не могли. До начала выпуска банковых билетов тот золотой рубль, на основе которого перестроилась вся система хозяйственного расчета, был лишь идеальной ценностной единицей, которой можно было оперировать только при помощи особых приемов. Потребность хозяйственного оборота в устойчивом мериле ценности была очень велика: жизнь выдвинула поэтому такие приемы и сумела воспользоваться ими.

Одним из первых законодательных шагов в этом направлении было постановление СНК от 5 ноября 1921 г. о финансовом плане на 1922 год. Оно требовало, чтобы бюджет был «установлен в довоенных рублях». Инструкция раз'ясняла содержание этого постановления в выражениях, которые кажутся наивными теперь, когда все привыкли иметь дело со всевозможными индексами. Она поясняла, что «нынешнюю цену в довоенных рублях никоим образом нельзя смешивать с довоенной ценой соответствующего предмета», что «нынешнюю цену в довоенных рублях нельзя смешивать также с нынешней ценой золота на внутреннем рынке». «Средняя рыночная цена всех предметов и услуг в октябре 1921 года по всей России (которой определяется средняя поступательная способность нынешнего советского рубля) считается в 60.000 раз больше средней рыночной цены всех предметов и услуг в 1913 г. (которой определялась средняя покупательная способность тогдашнего довоенного рубля). Чтобы получить нынешнюю цену какого-либо предмета или услуги, выраженную в довоенных рублях, надо взять среднюю нынешнюю цену этого предмета или услуги в советских рублях и разделить ее на 60.000». Другими словами, постановление СНК предлагало принять индекс товарных цен равным 60.000 и установить бюджет в золотых рублях, исходя из этого индекса и существующих рыночных цен. Это был тот же «рубль», который впоследствии получил неудачное название «товарного рубля». В этих рублях должен был быть составлен государственный бюджет. При открытии на каждый месяц кредитов, фиксированных первоначально в «довоенных рублях», Народный Комиссариат Финансов должен был помножать сумму довоенных рублей на определенный коэффициент, т.-е. на так называемый курс, устанавливаемый на каждый месяц, причем этим курсом должно было быть ничто иное, как индекс цен.

Через несколько дней после этого постановления новый декрет СНК (от 14 ноября 1921 г.), не ограничивая сферы

исчисления в «довоенных рублях» расходной частью государственного бюджета, требует применения его в целом ряде весьма существенных сделок, но называет его уже «золотым рублем»; а именно: «если по арендному договору стороны условились производить денежные платежи за эксплоатацию предприятия, то таковые должны исчисляться только в золотых рублях... Ценность передаваемых в собственность арендатору материалов, сырья, топлива и всякого рода потребляемого имущества, а равно амортизация передаваемого в арендное пользование имущества должны исчисляться исключительно» в таком же порядке. Декрет 15 декабря потребовал пересмотра на этих основаниях всех ранее заключенных договоров. Взимание платы должно было производиться по курсу, устанавливаемому Народным Комиссариатом Финансов. Курс этот об'являлся вперед на один месяц с округлением: на ноябрь 1921 г. он равен был 60.000, на декабрь—80.000, на январь—100.000, на февраль—150.000, на март—200.000. На апрель курс Наркомфина не был об'явлен. Как видно, это было лишь первое и притом весьма грубое приближение к учету падения ценности рубля. В той форме, в какой оно было введено (одновременное повышение курса на $33^1/_3$%, 25%, 50%, $33^1/_3$%), оно не могло, конечно, удовлетворить потребности денежного оборота в устойчивом мериле ценности и должно было породить злоупотребления и действия чисто спекулятивного характера.

На первых порах существовало стремление дать самое широкое распространение этой новой форме расчета. Было постановлено исчислять ставки всех налогов и сборов как государственных, так и местных в довоенных рублях (18 января 1922 г.), исчислять тем же способом оплату древесины и побочных лесных материалов (13 января 1922 г.), оплату за проезд пассажиров и перевозку грузов по железным дорогам (13 января и 25 февраля 1922 г.) и т. д., Народнохозяйственные условия не созрели, однако, еще для столь быстрого перехода на новое исчисление. Рынок калькулировал еще в советских денежных знаках, доходы отдельных лиц и групп населения отнюдь не возростали пропорционально обесценению рубля и изменениям курса Наркомфина. Тот переход, который финансовое ведомство расчитывало провести втечение нескольких месяцев рядом законодательных постановлений, мог совершиться лишь постепенно и для этого потребовался, как показал впоследствии опыт, двухгодичный срок.

В марте пришлось уже бить отбой, и декрет ВЦИК и СНК от 30 марта 1922 г. постановил «отменить исчисление в довоенных рублях всех государственных и местных доходов и расходов; все тарифные расписания, поясные

таксы и ставки государственных и местных налогов, пошлин, сборов, железнодорожные и водные тарифы, таксы за пользование почтой, телеграфом и др. услуги, оказываемые государственными органами, коммунальные услуги и пр.—устанавливать вперед в советских денежных знаках». В основе соображений отдельных ведомств при установлении платежей в большинстве случаев все же остались некоторые твердые ставки, которые помножались потом на тот или другой коэффициент в зависимости от степени обесценения рубля. Но этот коэффициент не был точным отражением индекса товарных цен и только опирался на него; он был различен для разных категорий услуг и платежей и при установлении его считались не только с ростом средних цен, но и с особенностями той отрасли хозяйства, для которой определялась та или другая ставка.

Однако, идея, продиктовавшая эти так скоро отмененные постановлнеия, оставалась. Нельзя было заставить страну столь быстро перейти к новой системе ценностного счета, но потребность в таком переходе жила в самом хозяйстве. Тот толчок, который был дан, не прошел бесследно и постепенно новая система в том или другом виде стала проникать все более в практику хозяйственных расчетов. Декрет 30 марта и не отменил права заключать договоры по курсу золотого рубля, но только отказался от поспешного принудительного применения его во всех случаях, когда государство выступало в качестве продавца тех или других услуг или требовало в публично-правовом порядке уплаты тех или других налогов и сборов.

Курс Народного Комиссариата Финансов был об'явлен в последний раз на март 1922 года. С 1 апреля его заменил для сделок, заключенных в золотых рублях, курс Государственного Банка. Декрет Совета Народных Комиссаров от 29 апреля 1922 года постановил, что все договоры, заключенные государственными учреждениями и частными лицами с условием расчета по курсу довоенного рубля, сохраняют силу и что платеж по этим договорам должен происходить, начиная с 1 апреля 1922 г., по курсу Государственного Банка. Для старых договоров это должен был быть курс Государственного Банка на первое число месяца производства платежа. Новые договоры могли, конечно, заключаться и с условием платежа по последнему об'явленному Государственным Банком курсу, ибо курс этот об'являлся не на месяц вперед, а значительно чаще.

Дело в том, что курс Наркомфина был курсом бюджетного происхождения. Поэтому существовала необходимость устанавливать его только один раз в месяц, и для бюджетных целей то грубое приближение к товарному индексу, которым довольствовался Наркомфин, в то время казалось

достаточным. Курс Государственного Банка означал ту цену, по которой Банк покупал золото, и эта цена, если только Банк хотел, чтобы она имела какое-нибудь практическое значение, должна была меняться в более строгом соответствии с действительным обесценением бумажного рубля. Действительно, курс Банка меняется в ноябре 1921 г. два раза, в декабре 3 раза, в январе 1922 г.—5 раз, в феврале—7 раз, в марте—3 раза, в апреле—2 раза, в мае—5 раз и т. д. Фактически курс Государственного Банка отставал, как от цены золота, так и от рыночных цен, но все же заключение сделок по этому курсу в некоторой мере гарантировало от убытков, связанных с обесценением денег.

Следующей стадией эволюции порядка назначения курса было учреждение Специальной Котировальной Комиссии и поручение ей этого дела. Постановлением Совета Труда и Обороны от 25 августа 1922 г. Специальная Котировальная Комиссия учреждена была в качестве междуведомственного органа для установления официальных курсов иностранной валюты, цен благородных металлов, а также курса золотого рубля. В декрете указано было, что этот последний курс должен был согласовываться с курсом иностранной валюты. Впервые золотой рубль связывался здесь с мировыми денежными единицами, и в валютную политику вводится нечто вроде понятия интервалютарного курса. Специальная Котировальная Комиссия должна была ввести более реальный курс золотого рубля, чем существовавший ранее курс Государственного Банка, и это практически означало повышение курса. Для ликвидации ранее заключенных сделок к курсу специальной котировальной комиссии пришлось поэтому ввести поправочный коэффициент. Впоследствии (постановление СТО от 2 ноября 1922 г.) в связи с новым относительным повышением курса котировальной комиссии (начавшего сильно отставать от реального курса) введены были и новые поправочные коэффициенты. Принципиальное значение во всех этих изменениях порядка назначения курса имело лишь то обстоятельство, что первоначальный курс довоенного рубля Наркомфина ориентировался согласно самого задания по товарным ценам, а курс специальной котировальной комиссии,—по крайней мере согласно требованиям закона,—должен был ориентироваться по курсу устойчивых иностранных валют. Деятельность специальной котировальной комиссии продолжалась до денежной реформы, но с распространением расчетов в червонцах она утратила почти всякое значение.

Таким образом, само государство толкало оборот на путь перехода к новому основанию оценок, и постепенно новая система исчисления стала все более проникать в

хозяйственную жизнь. Но наступление в этом направлении шло не только с этой стороны.

Вопрос стоял чрезвычайно остро в качестве проблемы заработной платы. Пока основная часть последней выдавалась в виде пайка, вопрос о «твердом измерителе» для денежной ее части не имел особенно большого значения тем более, что эта часть в процессе натурализации всего хозяйства неуклонно уменьшалась. Но когда начался процесс денатурализации и вместе с переломом в экономической политике профессиональные союзы стали вести борьбу за повышение заработной платы, вопрос о той единице, в которой она будет выражена, начал волновать рабочие круги. Здесь подход был несложен и определенное решение вопроса напрашивалось в то время само собой. Пленум Всероссийского Центрального Совета Профессиональных Союзов, заседавший с 16 по 19 февраля 1922 года, требовал «включения в заработную плату всего, что раньше выдавалось независимо от нее в виде бесплатных выдач» (резолюция по тарифной политике). Отсюда уже вытекала необходимость учитывать при установлении заработной платы на данный месяц рыночную стоимость всех этих выдач, т.-е. руководствоваться каким-то индексом цен. На практике при заключении договоров стали пользоваться самыми разнообразными приемами и поэтому пятый Всероссийский с'езд профессиональных союзов (17—22 сентября 1922 г.) вынес следующую резолюцию: «в целях устранения пестроты и неустойчивости единиц исчисления заработной платы с'езд считает необходимым установить общую единицу исчисления, гарантирующую заработную плату от беспрерывных колебаний рыночных цен и дающую возможность наиболее простого сравнения настоящего уровня заработной платы с довоенным». Такой единицей стал набор продуктов, положенный в основу так называемого бюджетного индекса статистики труда, составляемого по губерниям. Даже после того, как банкноты получили широкое распространение и торговый оборот перешел к расчетам в червонцах, в области заработной платы сохранился счет в индексных рублях. Лишь начиная с осени 1923 г., и в этой сфере постепенно начался переход к «червонному» исчислению.

Вопрос стоял не менее остро в качестве проблемы калькуляции себестоимости и установления цен, причем, однако, трудности здесь были значительно более велики, чем при разрешении проблемы заработной платы. Мы увидим на следующих страницах, какие непреодолимые затруднения создавали в этой области хозяйственные условия 1921—1922 года. Эти затруднения должны были иметь там большее значение, что не во всех предприятиях от дореволюционного времени могла сохраниться в этом отношении здоровая

традиция. Независимо от этого у предприятий сплошь и рядом не было ни собственных материалов, ни даже самых основных принципов для составления калькуляций.

Издание Совета Труда и Обороны «На новых путях» описывает это положение в следующих словах. «Когда предприятия приступили к калькуляции, то у них встретился целый ряд затруднений, часть которых имеет глубокие корни в переходном периоде, прошедшем с октябрьского переворота до перехода к нэп'у... На предприятиях и в хозяйственных органах точно не знали, сколько у нас сырья, топлива, готовых изделий, материалов и т. п. За этот период почти все подсчеты производились не фактически, а на глаз. Вот от этого подсчета на глаз мы до сих пор не можем отучиться и это тяготеет, как злой рок над всеми государственными предприятиями и учреждениями... Прием и передача предприятий происходит в два-три дня, фактически никакого точного учета при таком коротком сроке быть не может, сдано и принято на глаз топливо, сырье, материалы, готовые изделия и проч.... Такой акт для вступительного баланса и правильной калькуляции изделий имеет нулевое значение» (вып. Ш, стр. 134, статья А. Киселева).

Что касается неопределенности основных принципов, то в качестве примера достаточно указать, что в такой отрасли промышленности, как текстильная, по словам того же автора, не знали даже, следует ли вводить в калькуляцию процент на капитал. «Этот вопрос очень долго занимал внимание калькуляторов текстильной промышленности. Были по этому вопросу различные мнения... В конечном результате решено было обратиться за раз'яснением и заключением в юридические отделы некоторых трестов, которые указали, что в основе существующего советского законодательства процент на капитал не предусмотрен»...

Но если даже на самом предприятии все было в относительном порядке [1]), то по условиям, независящим от предприятия, задача составления калькуляции и баланса оставалась

---

[1]) Сборник НК РКИ «Калькуляции, балансы и техническая отчетность в нашей промышленности» М. 1924, указывает на следующие «внутренние» для предприятий обстоятельства, препятствовавшие правильной постановке работы по калькуляции себестоимости изделий:

Отсутствие единообразной системы веденик бухгалтерии и отчетности при падающей валюте.

Разрушение бухгалтерского аппарата.

Перегруппировка промышленных предприятий, затрудняющая разнесение общих расходов по продукции отдельных предприятий.

Неполная и неравномерная нагрузка предприятий, затрудняющая выработку норм расходов.

Изношенность и неисправность оборудования, понижающие нормы выработки в размерах, не поддающихся предварительному учету.

исключительно сложной. В первые годы новой экономической политики было затрачено немало изобретательности и остроумия для преодоления тех неслыханных затруднений, которые испытывали предприятия, состоявшие на «хозяйственном расчете» и работавшие на рынок, но лишенные всякой точки опоры при составлении каких бы то было расчетов. Этот эпизод из нашего хозяйственного прошлого заслуживает того, чтобы на нем остановиться подробнее.

Прежде всего затрудения вытекали из того, что деньги обесценивались с чрезвычайной быстротой, при чем руководители предприятий не всегда имели даже возможность следить за степенью обесценения денег. Бюджетный индекс статистики труда составлялся давно, но он имел узко-специальное значение и исчислялся по розничным ценам небольшого числа товаров. Конъюнктурный Институт начал составлять индексы цен с 1920 года, но его первые опыты (до 1922 г.) относились только к московским ценам и тоже основаны были на небольшом материале. Госплан начал составлять свой индекс оптовых цен лишь с осени 1922 г. Только с этого времени начала действовать и Специальная Котировальная Комиссия. До конца 1922 года руководители предприятий поэтому не в состоянии были даже найти надежный и общепризнанный статистический материал, на который они могли бы опираться в своих исчислениях. Но, кроме того, методы всяческих пересчетов по индексам, официальным курсам и т. п., которые одно время стали привычны чуть ли не всему грамотному и даже малограмотному населению страны, оперировавшему миллиардами и индексами с изумительной легкостью, не могли быть усвоены сразу, тем более, что каждый должен был выбирать метод за свой страх и преподать этот метод счетному персоналу своего предприятия.

К этому затруднению, вытекавшему из факта быстрого обесценения денег и отсутствия общепризнанного метода учета этого обесценения, присоединялось другое, обусловленное отсутствием организованного рынка, а часто даже какого бы то ни было рынка вообще. Рынок воссоздавался постепенно. Прежде всего для предметов потребления, для сырья, для простейших инструментов. Но ни одно пред-

---

Изменчивость и случайность качества сырья, вспомогательных материалов и топлива, делающие малопоказательными сопоставления расхода их за разные периоды.

Непостоянство ставок оплаты труда и начислений на заработную плату.

Отсутствие твердых норм для накладных расходов (страхование, амортизация, налоги и пр.).

Отсутствие во многих производствах довоенных калькуляций.

приятие не могло бы составить себе в 1922 г. даже приблизительное представление о том, какую ценность образуют его основной капитал и некоторые имевшиеся на его складах материалы. Ввести разумную амортизацию основного капитала в калькуляцию не было поэтому никакой возможности. На рынке элементов этого капитала не было. Их нельзя было ни купить, ни заказать. Взять капитал по довоенной балансовой его оценке и перевести эту оценку в современные цены по курсу золота или по индексу цен было, конечно, возможно, но такой расчет был совершенно произволен, если принять во внимание, какую пеструю картину давало сравнение отдельных товарных цен 1922 года с довоенными ценами. Л. Н. Яснопольский приводит для этого времени интересное сопоставление на основании данных «Бюллетеня Кон'юнкурного Института» на 1 декабря 1922 года. Среднее повышение оптовых цен для 107 товаров составляло в отношении к ценам 1913 года 14,8 миллионов раз. Но в состав элементов этой средней входит высшая группа с превышением цен более, чем в 30 миллионов раз (краска анилиновая—48,0 м., соляная кислота—35,7 м., соль бахмутская 33,3 м., рафинад колотый—31,6 м.) и низшая группа с повышением цен менее, чем в 5 млн. раз (стаканы—4,0 млн., овчина русская—3,7 млн., аллюминий—2,9 млн.). Максимум, достигающий 48,0 млн., превышает минимум, составляющий 2,9 млн., более чем в 13 раз («Калькуляция в сахарной промышленности при отсутствии устойчивой единицы ценности», «Вістник Цукрової Промысловости», 1923, № 2, стр. 24, 25). Цены так далеко разошлись с довоенными, что принимать последние за основу для калькуляций не имело никакого смысла. И если это все же делалось, то лишь потому, что как-нибудь нужно же было калькулировать и составить баланс. Однако, баланс, в котором рядом стояли оценки по довоенным и по современным ценам, сведенные потом к общей единице, ничего действительно существующего, разумеется, не отражал.

Даже там, где существовал уже рынок, соотношения между ценами колебались в такой степени, что включение в калькуляцию той или другой цены представляло совершенную случайность.

Л. Н. Яснопольский приводит в цитированной статье образчик той неустойчивости вычислений, которая вытекала из полной дезорганизованности всех товарных рынков. Расходная смета сахарной промышленности на 1923 год составляла 123 млн. руб. золотом (по курсу Спец. Котиров Комиссии на 1/XI—1922 г.) или 1 квадриллион 455 триллионов совзнаками, или, в переводе в пуды сахара, 10,455 тыс. пудов сахара, а с дополнительными расходами 14.681 тыс. пудов. В момент составления сметы соотношение трех

измерителей составляло: 1 рубль золотом = 8,5 милл. руб. совзнаками; 1 пуд сахара=100 млн. руб. совзнаками. В день обсуждения доклада о смете (28 января 1923 г.) 1 рубль золотом равнялся 19 млн. руб., а 1 пуд сахара стоил 135 млн. руб. А на более ранний срок (1 сентября 1922 г.) 1 рубль золотом=2.650 тыс. руб., а 1 пуд сахара=57,5 млн. руб. Если, исходя из этих ценностных соотношений, определять себестоимость пуда сахара, то она составляла в золоте на 1 сентября 1922 г. 9 р. 31 к., а на 1 января 1923 г. 3 р. 05 к.; в сахаре же она составляла на 1 сентября 1922 г.— 9,29 фунта и на 1 января 1923 г.—28,37 фунта. Самый же доклад определил ее в 5 р. 04 к. или 17,16 фунта («Вістник Цукрової Промысловости», 1923 г. 2 стр. 20—22). Тут приняты во внимание только колебания курса золотого рубля и сахарных цен. Если бы принять во внимание свистопляску всех цен, то получились бы еще более фантастические результаты.

Каковы бы ни были, однако, затруднения, невозможно было, «состоя на хозяйственном расчете», не составлять балансов и не вести счета прибылей и убытков, нельзя было, работая на рынок, не назначать, а следовательно, и не исчислять цен. Предприятия пытались делать и то и другое и практика их выработала множество самых пестрых приемов. Речь шла собственно скорее о способах назначения цен, чем о приемах калькуляции, при чем отдельные элементы калькуляции только играли в этих способах не-некоторую роль. Обследования того времени (Рабоче-Крестьянской Инспекции, Высшего Совета Народного Хозяйства, Совета Труда и Обороны) показали, что тресты, по общему правилу, фактической себестоимости в 1922 году не знали. В лучшем случае они назначали цены на основании теоретических подсчетов и норм. (Ср. тезисы доклада А. Соколовского «О политике цен и общетоварном рубле» на совещании представителей промышленности и транспорта, «Торгово-Промышленная Газета», 15/XII, 1922 г., № 232; «На новых путях», вып. IV; «Акты обследований, произведенных М. РКИ в 1922—23 гг.»: Сборник техно-промышленной инспекции НК РКИ: Калькуляции, балансы и техническая отчетность в нашей промышленности, Москва, 1924 г.). Ниже следует несколько примеров этих калькуляций 1921—22 года [1]).

В Главном Управлении Металлической Промышленности (ГУМП) в 1922 г. калькуляционной работы не велось. Штат калькуляторов был распущен. Себестоимость продуктов оставалась неизвестной. Что касается установле-

---

[1]) Примеры взяты преимущественно из материалов НК РКИ, стр. 26, 28, 30.

ния продажных цен, то в основе применявшегося способа лежала формула, по которой коэффициент вздорожания продукции равен произведению двух коэффициентов: во-первых, коэффициента вздорожания изделий от сокращения производства и, во-вторых, коэффициента их вздорожания вследствие увеличения стоимости рабочей силы и материалов. Первый коэфициент устанавливался по табличке, данные которой были, конечно, довольно условны; табличка показывала, что при загруженности предприятия в 100% коэффициент равен 1; загруженности в 50%, 25%, 10% соответствуют коэффциенты — 1,21—1,62—3,15. Второй же коэффициент (увеличения стоимости рабочей силы и материалов) определялся по «методу хлебных эквивалентов». Это означало, что довоенная стоимость переводилась из рублей золотом в пуды ржаной муки, а затем ржаная себестоимость переводилась в современные («совзначные») рубли по рыночной стоимости ржаной муки. Однако же для большей «точности» принималось, что заработная плата составляет только 30% довоенной и что рожь в 1921/22 г. подорожала больше, чем все другие товары в 4 раза. На примере будет яснее, как производился расчет. Довоенная цена пуда чугуна 75 коп. Из них 82% или 61,5 коп. приходятся на заработную плату и 18% или 13,5 коп.—на прочие расходы. Если пуд муки стоил 1 рубль, то в пуде чугуна было 0,615 пуда ржан. мук. расходов на заработную плату и 0,135 пуда прочих расходов. Заработная плата составляет, однако, только 30% довоенной; поэтому от 0,615 берутся $^{3}/_{10}$, что составляет 0,1845. Прочие расходы вследствие особого вздорожания муки (относительно в 4 раза) должны составлять теперь в ржаной муке не 0,135, а в 4 раза меньше, т.-е. 0,03375. Вместе это дает 0,1845+0,03375=0,218 (с небольшим округлением) пуда ржи (в муке). Такова была бы стоимость пуда чугуна, если бы предприятие, вырабатывающее его было загружено на 100%. Если же нагрузка составляет 25%, то в «калькуляцию себестоимости» следует ввести и первый из упомянутых выше коэффициентов, составляющий по табличке 1,62. Первый результат (0,218) помножается на этот коэффициент (1,62) и произведение показывает ржаную стоимость пуда чугуна, которая и составляет (с небольшим округлением) 0,35 пуда. В ржи это выходит вдвое меньше, чем в 1913 году, но в золоте, например, это выходило дороже, чем до войны, потому что рожь в 1921—22 г. была очень дорога, а золото было очень дешево. Чтобы получить цену пуда чугуна в совзнаках нужно было только установить рыночную цену 0,35 пуда ржи, что не составляло уже трудной задачи.

В этом расчете, который, очевидно, ни в какой мере не был калькуляцией действительной себестоимости, за

исходные данные брались довоенные цены; исходные данные корректировались на основании весьма общих соображений и затем в качестве **мерила ценности** фигурировала рожь.

В заказах Народного Комиссариата Путей Сообщения Южмаштресту, Гомзе, Ленинградмаштресту и др. был установлен следующий способ калькуляции. «Современная» стоимость изделия (x) определялась по формуле x=N f J, где N означало стоимость изделия в 1913 году, f—поправочный коэффициент на изменившиеся условия производства (увеличение расхода материалов, изношенность оборудования, понижение квалификации труда, неполная нагрузка, рост накладных расходов, изменение налогового обложения и проч.). Трест Гомза на основании сведений технической отчетности по Коломенскому заводу, а отчасти на основании приближенных предположений установил такие соотношения:

	1913 год	1929 год
Материалы и топливо	41,2	53,56
Заработная плата (произв.)	29	29
Цеховые расходы	22,5	37,45
Общие заводские расходы	7,3	54,42
Итого	100	174,43
Расходы правления	$4^1/_2$	7,05
Всего	104,5	181,48

$$\text{Откуда коэффициент } f = \frac{181{,}48}{104{,}5} = 1{,}74$$

Произведение N (стоимость в 1913 г.) на поправочный коэффициент дает уже «современную» стоимость изделия в довоенных рублях; оставалось определить множитель J служащий для перевода стоимости изделий, выраженной в в довоенных рублях, на бумажную валюту. Он определялся по формуле: $J = \frac{A_m + B_n + C_o + \dots}{A'_m + B'_n + C'_o + \dots}$

A, B, C, суть «современные» цены в бумажной валюте на материалы, потребные для изготовления изделия; A^1, B^1, C^1—

те же цены в 1913 году; m,n,o—количества материалов, идущих на изделия.

В виду многообразия материалов, все они были разбиты по наименованиям на 15 групп и из каждой выбран наиболее характерный для нее материал: так, напр., из группы чугунов выбран передельный, из прокатных металлов—мелкосортное железо, из разных видов топлива—кокс, в части зарплаты—заработок рабочего 9 разряда и т. д. Данные фактического расхода брались из отчетности за 1921 год.

Исчисленный трестом Гомза коэффициент 1,74 получил практическое применение не только в работе треста, но был утвержден Госпланом и в качестве индекса для перевода довоенных цен в современные золотые рубли по крупнейшим заказам металлопромышленности со стороны НКПС. Что касается коэффициента J, то в практике договорных отношений он обычно заменялся общетоварным индексом Госплана.

Ни в одном из этих случаев не было,—да и не могло быть,—учета действительной себестоимости продукта, а были предположительные условные вычисления, основанные на шатких гипотезах и служившие плохим выходом из плохого положения. Но в основе всех этих попыток лежало здоровое стремлении найти в быстром потоке обесценивающейся валюты какую-либо твердую точку опоры для обоснования хозяйственного расчета.

В поисках устойчивого мерила ценности наметились два основных практических подхода к разрешению проблемы и две принципиальные точки зрения, которые сводились к следующему.

Как возможно было при падающей валюте выражать цены в какой-либо устойчивой единице? Фактически цены даны в советских денежных знаках. Но цены эти меняются каждый день; поэтому при калькуляции себестоимости нельзя суммировать сегодняшние и завтрашние цены, а при установлении продажной цены последнюю приходится ежедневно пересматривать. Свести все цены к твердому основанию можно только, если знать ежедневное падение покупательной силы или ценности рубля. Тогда, взявши любой момент за исходную точку, можно вносить поправки к ценам, составляющим издержки производства и к продажной цене товара. Показателем изменения покупательной силы денег может служить индекс товарных цен. Он принимает средние цены какого-нибудь дня, месяца или года за единицу и устанавливает затем, насколько изменились в среднем цены за тот или другой промежуток времени. Если индекс (при основании=1) составляет 100, то это значит, что цены в среднем возросли в 100 раз, или что покупательная сила денег уменьшилась в 100 раз. Индекс товарных цен является,

таким образом, способом найти «твердый измеритель». Если подходили к решению проблемы с этой стороны, то ценой, выраженной в твердой единице, было число, полученное от деления фактической цены (в денежных знаках) на индекс товарных цен, т.-е. на показатель степени обесценения денег. Если цены выражались тогда в рублях, то эта твердая единица тоже была рублем, но только рублем, покупательная сила которого определялась ценами в какой-то момент, относившийся уже к прошлому. В качестве этого момента принято было принимать 1913 г. потому, что цены 1913 года были еще памятны, были сравнительно устойчивы, привычны и известны. Все индексы цен исчислялись по отношению к ценам 1913 года.

Рубль покупательной силы 1913 г. называли «довоенным рублем», или «довоенным золотым рублем»; эти названия вполне понятны. Его называли также «индексным рублем», потому что сравнение покупательной силы довоенного и современного рубля или перечисление цен в довоенные рубли происходило при помощи индексов: если фунт масла стоил 10.000 руб., а индекс составлял 20.000 (т.-е. цены повысились, а деньги обесценились в 20.000 раз), то можно было сказать, что масло стоило в необесценившихся или довоенных, или индексных рублях 50 коп. А так как стоимость товаров в довоенных рублях исчислялась при помощи индекса товарных цен, т.-е. показателя изменения покупательной силы денег в отношении к товарам, то индексный рубль стали называть и «товарным рублем».

Индекс товарных цен давал возможность сравнивать издержки сегодняшнего и вчерашнего дня, несмотря на то, что покупка товаров и оплата услуг производились в падающей валюте, имевшей сегодня иную покупательную силу, чем вчера. Отсюда уже недалеко было до мысли выражать цены непосредственно в индексных или товарных рублях. Можно было установить, что фунт масла стоит «товарный полтинник» и затем об'являть на него цену в советских знаках, смотря по высоте индекса цен: при индексе в 20.000 брать 10.000 сов. руб. при индексе в 25.000 брать 12.500 сов. руб. и т. д.

Одна из тех точек зрения, о которых мы говорили, и требовала, чтобы хозяйственная практика ориентировалась на выражение цен в товарных рублях. Так, напр., один из членов Президиума Госплана и председатель его Бюджетно-Финансовой Секции В. Смирнов («Экономическая Жизнь» № 89, 23 апреля 1922 г.), указывая, что этот счет не следует навязывать законом, требовал, однако, чтобы декретом было предоставлено право заключать сделки в таких единицах с расплатой советскими денежными знаками по индексу. Так как все индексы вычислялись у нас в отношении к ценам

1913 г., когда мерилом ценности был золотой рубль, то «товарный рубль» являлся вместе с тем, как мы видели, «золотым довоенным рублем», т.-е. рублем, равным по покупательной силе золотому рублю довоенного времени. Таким именно рублем был тот, который был положен в основу составления бюджета 1922 года, и которому законодательство на рубеже 1922 года хотело было дать самое широкое распространение. На эту точку зрения в самом конце 1922 г. стала Государственная Общеплановая Комиссия. Президиум ее принял 2 ноября 1922 г. резолюцию, которая сводилась к следующему. Отсутствие какой-либо устойчивой единицы ценности ставит все государственное хозяйство в тяжелое положение. Оно не дает возможности установить правильную отчетность и не позволяет построить сколько-нибудь прочный государственный бюджет. В основе современной экономической действительности правильный и прочный хозяйственный расчет может быть построен только на основе «общетоварного» рубля. Поэтому Госплан постановил приступить к составлению общетоварного индекса цен с требованием в частности составления государственного бюджета и установления налоговых ставок в «общетоварных рублях».

Другая точка зрения исходила из следующего. Все товарные цены испытали за время войны и революции сильнейшие изменения. Ценностные соотношения совершенно сдвинулись за истекшие десять лет. Ни хлеб, ни сахар, ни сапоги, ни мануфактура, не имеют той покупательной силы, которую они имели в 1913 году. В частности изменилась и покупательная сила золота. Но золото остается мерилом ценности и платежным средством в мировом хозяйстве и, поскольку хозяйство советских республик начинает все более соприкасаться с мировым рынком и втягиваться в мировой хозяйственный оборот, золото должно неизбежно занять снова место мерила ценности в наших торговых отношениях. Надо ориентироваться не на исторический золотой рубль, а на золотой рубль, который соответствует покупательной силе золота в настоящее время. Правда, не имеется в виду ввести реальные золотые рубли, т.-е. металлические золотые деньги в обращение. Но это не мешает пользоваться золотым рублем, как идеальной счетной единицей. Ничто не мешает, расплачиваясь советскими денежными знаками, исчислять цены и ставки в золотых рублях по курсу, который устанавливается в связи с курсами золотых иностранных валют. Когда-нибудь этот золотой рубль из идеального станет реальным. Впрочем для этого даже не требуется введения в обращение золотой монеты. Для этого достаточно иметь устойчивую валюту, которая стояла бы в твердом отношении к доллару или к фунту стерлингов. Постановление о способах установления курса золотого рубля специаль-

ной котировальной комиссией, приведенное выше, отражало именно эту точку зрения.

Если мы формулировали это разногласие и не совсем в тех словах, в которых его выражали сторонники обеих точек зрения, то все же именно к этому сводилась его сущность. Сторонники «товарного рубля» принадлежали, главным образом, к кругам Высшего Совета Народного Хозяйства и Государственной Общеплановой Комиссии. Идея золотого современного рубля защищалась финансовым ведомством, и, прежде всего, его руководителем Г. Я. Сокольниковым.

Главное возражение против «золотого рубля» заключалось в том, что цены на золото подвержены были очень резким колебаниям за отсутствием организованного внутреннего рынка золота и вследствие слабости наших связей с мировым рынком. Считать изменения цены золота показателями изменений покупательной силы рубля в то время, когда движение цен на золото значительно расходилось с движением средних товарных цен, казалось нецелосообразным, ибо такой счет не приводил к устойчивому мерилу ценности. Самые колебания цен на золото сторонники «товарного рубля» склонны были приписывать преимущественно спекуляции, отрицая вместе с тем для данного времени валютные «достоинства того желтого золотого тельца, который выплясывает танец св. Витта на черной бирже» (Преображенский). Индекс товарных цен, напротив, изменяется плавно и в соответствии с действительными размерами бумажно-денежной инфляции. Счет, основанный на индексах, т.-е. счет в «товарном» или «довоенном золотом» рубле, всего более соответствует поэтому существующей хозяйственной обстановке. Мы приводим лишь эти мотивы, оставляя совершенно в стороне некоторые сомнительные теоретические соображения, которые высказывались в обоснование этой точки зрения.

Против этих мотивов выдвигались следующие аргументы. Во-первых, технически пользование товарными индексами затруднительно, потому что они всегда отражают движение цен в прошлом и опубликовываются лишь через определенные промежутки времени. Индекс никогда не показывает степени обесценения рубля на тот день, когда его приходится применять. Правда, Госплан собирался исчислять индексы цен ежедневно, но это намерение осталось неосуществленным и едва ли оно было осуществимо. Во-вторых, все индексы крайне условны и это лучше всего доказывается разнообразием тех индексов, которые составляются различными учреждениями. В-третьих «золото, господствующее на мировом рынке, неизбежно должно быть «базой для расчетов» и на нашем внутреннем рынке». (Г. Сокольников, «Правда», 3 октября 1922 г. № 222). При постепенном вхождении

страны в мировой хозяйственный оборот она может иметь только такую денежную систему, которая ориентируется на определенное отношение к мировым ценам, т.-е. к золоту. И, наконец, в-четвертых, самая идея установления цен по индексам в корне своем совершенно ложна. «Товарным рублем» можно пользоваться лишь постольку, поскольку пользование им ограничено, т.-е. поскольку цены значительной части товаров определяются непосредственно в советских денежных знаках. Представим себе, что мы имеем один только индекс цен, и притом опубликовываемый каждый день. С этой стороны все обстоит благополучно. Но представим себе далее, что цены всех без исключения товаров установлены в «товарных рублях». Пусть на сегодня индекс известен и по этому индексу произведены все расчеты. Но чем определится индекс на завтра, каким материалом будет пользоваться то статистическое учреждение, которое вычисляет его, откуда может взяться такой материал, если никакие расценки непосредственно не производятся в денежных знаках. Система расчетов в «товарных рублях» возможна поэтому в качестве временного суррогата, но самая ее сущность заключается в том, что она подкапывается под самое себя. Другими словами, раз индексный или товарный рубль есть вывод из существующих цен, то он не может служить в то же время и мерилом этих цен.

Первые три соображения лежат в совершенно иной плоскости, чем четвертое. Значение последнего должно быть рассмотрено отдельно. Вся контроверза заслуживает внимания не только потому, что она является небезинтересным эпизодом из прошлого нашей денежной системы, но еще и по другой причине: она соприкасается с тем спором, который велся в первой четверти 20 столетия в англо-американской литературе по вопросу о сравнительных преимуществах золотой и «регулированной бумажной валюты». В англо-американской литературе в качестве провозвестников «индексного» доллара или фунта выступали Ирвинг Фишер Дж. М. Кэйнс. Однако, тот спор, который велся в Москве, только соприкасался с англо-американской контроверзой, отнюдь не совпадая с нею. Сущность той проблемы, которую пыталась разрешить советская денежная политика тем не менее станет более ясной, если сопоставить ее с воззрениями и стремлениями Фишера и Кэйнса.

И. Фишер («Stabilising the Dollar», New York, 1920) и Кэйнс («A tract on monetary reform» London, 1924) исходят из того, что золотая валюта недостаточно устойчива, вследстве колебаний покупательной силы золота, совершающихся втечение более длительных и более кратких промежутков времени, и что неустойчивостью своей она дает незаслуженные выгоды или наносит незаслуженные убытки

отдельным группам населения и предприятиям, причиняя вместе с тем сильнейший ущерб и всему народному хозяйству тем, что в связи с этими колебаниями покупательной силы золота стоят циклы хозяйственной конъюнктуры и экономические кризисы. Задача правильной денежной политики заключается в стабилизации покупательной силы денежной единицы. Поэтому денежная политика должна ориентироваться прежде всего по состоянию товарных цен и по их показателям. Ирвинг Фишер предлагал в соответствии с этим, не отказываясь от золотой валюты, установить, что доллар есть денежная единица золотая, но с меняющимся периодически содержанием металла. Мысль заключалась в том, что при росте цен, т.-е. при падении покупательной силы золота, золотое содержание доллара повышается, а при снижении цен, т.-е. при возрастании покупательной силы золота, металлическое содержание доллара уменьшается. Такой доллар, очевидно, не может быть отчеканен из металла. Он должен быть бумажным, т.-е. банкнотой, которая размснивается свободно на большее или меньшее количество золота в зависимости от того, в каких размерах соответствующая, специально учреждаемая для этой цели инстанция, определит на данный период времени металлическое содержание денежной единицы. Если цены возрасли на 2%, «золотой доллар» подвергается уменьшению на 1,96% (отношение 2 к 102) и устойчивость цен на ранее намеченном уровне восстановлена. Если цены снизились на 3%, «золотой доллар» возрастает в своем металлическом содержании на 3,1% (отношение 3 к 97) и стабилизация на старом уровне снова достигнута. Что касается Кэйнса, то он считал, что сохранять или (в английских условиях) восстанавливать разменность банкноты на золото нет необходимости и предлагал, оставаясь при бумажно-денежном обращении, руководствоваться в кредитно-денежной политике, как основным принципом, не поддержанием золотого паритета валюты, а сохранением устойчивого уровня цен.

Стабилизация в отношении к товарным ценам, а не в отношении к недостаточно устойчивому золоту—такова точка зрения названных экономистов и их последователей. В этой части с ними сходились в своих воззрениях наши сторонники «товарного рубля». Но здесь сходство кончалось и начинались различия, вытекавшие из того, что проекты выдвигались в совершенно различных условиях денежного обращения. Ибо Фишер и Кэйнс имели в виду денежную или кредитно-денежную политику, направленную к стабилизации валюты. Советские сторонники «товарного рубля» имели в виду не кредитно-денежную политику, по необходимости оставшуюся у нас политикой инфляции, а имели в виду только форму ценностного счета. Другими словами,

Фишер и Кэйнс предлагали стабилизовать деньги в отношении к товарам, сторонники «товарного рубля» не предлагали стабилизовать деньги, а добивались только стабилизации той идеальной единицы, в которой производились хозяйственные расчеты; они полагали, что этого можно достигнуть, опираясь на вычисления, производимые на основании цен, выраженных в падающих деньгах. К этому пункту и имеет отношение тот четвертый аргумент против «товарного рубля», который указан был выше.

Кэйнс отстаивал кредитно-денежную политику, которую можно считать целесообразной или нецелесообразной, но которая технически осуществима. Фишер предлагал называть долларом большее или меньшее количество золота в зависимости от того, снижаются или повышаются золотые цены товаров, для того, чтобы на доллар всегда можно было купить одинаковое количество товаров; это было бы в некоторых отношениях неудобно, но внутреннего логического противоречия в такой системе нет. Сторонники товарного рубля хотели, чтобы цены определялись не в реальной, а в идеальной денежной единице, исчисляемой по таким ценам всех товаров, которые выражены в падающих деньгах, т.-е. по тем ценам, которые с укреплением предлагавшегося ими метода ценностного счета должны были прекратить свое существование. Такой проект заключал в себе неразрешимое внутреннее противоречие. В этом отношении в нашей обстановке противники товарного рубля были безусловно правы, не говоря уже о том, что они правильно предвидели восстановление золота, как денежного металла во всем мировом хозяйстве.

Но временно проект сторонников товарного рубля был осуществим: а именно до тех пор, пока лишь некоторые цены фиксировались в идеальных единицах и большая часть цен устанавливалась в совзнаках. В качестве временного и вспомогательного способа установления цен метод товарного рубля имел свой смысл при существовавшей неустойчивости в оценке золота на рынке. Сторонники товарного рубля совершенно верно отмечали, что цены золота, и в слитках, и в монете, и цены иностранной валюты колебались в 1922 г. настолько сильно, что строить хозяйственные расчеты на столь неверном основании было невозможно. Покупательная сила золотой десятирублевой монеты составляла по Москве (по московскому индексу Конъюнктурного Института): в январе 1922 г. 4 р. 41 к., в апреле 1922 г. 6 р. 11 к., в июле 1922 г. 3 р. 69 к., в октябре 1922 г. 7 р. 91 к., в декабре 1922 г. 8 р. 70 к.

Вместе с ценою золотой монеты колебались и курсы иностранной валюты. И хотя цена золота к концу 1922 г.

стала ближе к той, которую по условиям мирового рынка можно было считать более или менее нормальной, связи с мировым рынком оставались еще крайне слабыми и движение покупательной силы золота в России продолжало происходить преимущественно в связи с причинами местного значения. Поэтому поневоле, даже в тех случаях, когда официально прокламировалось, что тот или другой курс является курсом золота и ориентируется по иностранной валюте, на деле приходилось все время оглядываться на индекс товарных цен. В этом отношении характерна беседа с председателем правления Государственного банка А. Л. Шейнманом о курсе Госбанка, напечатанная в «Экономической Жизни», 10 мая 1922 года. Речь шла о расхождении между официальным курсом и курсами вольного рынка и о методах установления официального курса. Председатель правления Госбанка раз'яснил, что свой курс Госбанк устанавливает теоретически, исходя из среднего повышения цен в России, выражающего покупательную способность советских денег по сравнению с прежней покупательной способностью золотого рубля. Но затем вводится поправка применительно к обесценению золота на мировом рынке. Другими словами, реального валютного материала на рынке было слишком мало для того, чтобы определить курс золотого рубля по действительным курсам доллара или фунта.

Лишь после того, как началась банковая эмиссия, расширились размеры внешней торговли, значительно возрос валютный рынок и на нем начали выявляться не вполне случайные, а связанные с внешней торговлей спрос и предложение, лишь после этого курс уже не идеального «золотого рубля», а курс червонца мог перестать быть простой переработкой товарного индекса. Но к этому времени все условия денежного обращения успели настолько измениться, что самая проблема курса оказалась поставленной в совершенно иной плоскости, чем в 1922—23 году.

Глава VI

ЧЕРВОНЕЦ.

Переход к золотому исчислению цен предопределил дальнейшую эволюцию денежной системы. Самым решительным шагом в новом направлении явилось создание новой денежной единицы, соответствовавшей вновь возрождавшейся системе ценностного счета. Червонец был «придуман» в том смысле, что «придумывается» всякая реформа. Но вместе с тем он не мог не быть придуман, потому что условия нового хозяйствования,—работы на рынок, продажи на деньги, необходимости точного калькулирования и безубыточного производства,—стихийно толкали на определенный путь. Когда государственное хозяйство допустило существование на ряду с собою частного хозяйства и признало своим принципом «хозяйственный расчет», наличность твердого мерила ценности стала насущной необходимостью, ибо без него нельзя было и шагу ступить по вновь намеченному пути. Но совершенно немыслимо было ограничиться надолго таким мерилом ценности, каким являлся тот или иной официальный курс, или тот или иной показатель или индекс средних цен. Торговый оборот не мог оперировать одними абстракциями, т.-е. считать в искусственных твердых единицах и расплачиваться быстро обесценивающимися деньгами. Если бы государство не дало торговому обороту твердой валюты в 1922 году, хозяйственная жизнь пошла бы своими путями и нашла бы свой собственный выход из положения. В поисках устойчивого основания для своих расчетов она обратилась бы к той или другой иностранной валюте или, что в наших условиях было наиболее вероятно, воспользовалась бы деньгами, которые были вытеснены и затем выброшены из обращения во время войны и революции, но все же оставались в стране и могли обслуживать, если не весь торговый оборот, то во всяком случае весьма существенную его часть: мы имеем в виду золотую монету старого образца.

Эти соображения подтверждаются многими фактами 1922 года. В архивах Народного Комиссариата Финансов имеется достаточное количество материалов, указывающих на процесс восстановления значения золотой монеты в хозяйственном обороте. Золотая монета стала ходить на окраинах, особенно в Закавказьи, в портовых городах, в губерниях правобережной Украины и в других местностях западной пограничной полосы, она приобрела снова значение денежной единицы на Дальнем Востоке, и государственному денежному обращению стала угрожать опасность, надвигавшаяся со всех сторон. Процесс этот происходил не только на окраинах. Престиж золотой монеты стал восстанавливаться и в центре. Притом отнюдь не одни частные лица и предприятия стали искать прибежища в золоте. Золотая монета появилась в кассах государственных предприятий. Государственные хозяйственные органы требовали расплаты за товары звонкой монетой. Известен случай, когда одно из крупных государственных промышленных предприятий расплачивалось в Москве золотой монетой с рабочими. Этот процесс не мог не найти своего выражения и в курсе на золотую монету.

A priori следовало бы ожидать, что золото очень низко расценивалось по сравнению с товарами в эпоху военного коммунизма и, что ценность его должна была возрастать по мере расширения товарно-денежного хозяйства. Этого следовало бы ожидать не только вследствии самой сущности обеих хозяйственных систем, но также и потому, что эпоха военного коммунизма была временем гражданской войны, величайших материальных лишений, самой острой продовольственной нужды, т.-е. временем, когда все предметы первой необходимости должны были быть относительно очень дороги, и, следовательно, золото должно было быть относительно очень дешево. В общем это ожидание подтверждается имеющимися данными. Только перелом в движении цен на золото происходит не очень скоро вслед за объявлением новой экономической политики, причем нетрудно указать причину этого явления, заключающуюся в неурожае 1921 года.

Цена золотой десятирублевой монеты в индексных рублях колебалась в последний период политики военного коммунизма довольно сильно. Мы привели уже несколько цифр по этому вопросу во второй главе. Она доходила, примерно, до двух рублей в месяцы наиболее низкого своего стояния и поднималась до максимума, который составлял около 6 рублей. О причинах и сезонности этих колебаний мы уже говорили. Причины и сезонность сохранились и в 1922 году, амплитуда колебаний изменилась даже довольно несущественно, но самые колебания стали совершаться на гораздо

более высоком уровне. Мы приведем здесь снова те цифры, которые были даны в конце второй главы, но с большей подробностью и за больший промежуток времени и тогда нетрудно будет выяснить характер явлений второй половины 1922 года, казавшихся несколько загадочными в то время, когда они происходили.

Ценность золота (десятирублевой монеты) в довоенных рублях по всесоюзному индексу статистики труда

	1920 г.	1921 г.	1922 г.
Январь	4,36	4,95	4,65
Февраль	3,77	3,54	4,76
Март	3,26	2,90	4,90
Апрель	3,22	2,93	4,86
Май	3,21	2,27	4,96
Июнь	2,72	1,99	3,70
Июль	2,32	2,20	3,54
Август	2,19	2,58	3,96
Сентябрь	2,65	3,68	5,82
Октябрь	3,48	4,59	9,01
Ноябрь	5,07	5,32	7,64
Декабрь	6,04	6,65	9,36

В 1920 г. ценность золота (в индексных рублях) поднялась от июля до декабря в 2,6 раза, в 1921 г. она повысилась за тот же срок в 3 раза и в 1922 г. она возрасла за те же месяцы снова в 2,6 раза. Если иметь в виду относительные числа, то повторился лишь старый, знакомый уже процесс. Но процесс казался не очень знакомым, потому что рынок золота до 1922 г. привлекал мало внимания, а в 1922 г. этот участок денежных операций подвергался тщательному наблюдению и при существовании официального курса золота имел уже крупное практическое значение. К тому же самые колебания вызывали тревогу, потому что уровень, на котором они происходили, был очень высок, а втечение нескольких месяцев, от июля до октября под'ем был очень стремителен. По индексу статистики труда

покупательная сила золота составляла уже в сентябре 1922 г. 9/10 довоенной, а по индексу оптовых цен Госплана она даже превысила в этом месяце довоенную (10 р. 54 коп.).

По вопросу о том, что случилось с золотым рублем, в это время на страницах газеты «Правда» имела место полемика между Е. А. Преображенским (29 сентября) и Г. Я. Сокольниковым (3 и 6 октября). Е. А. Преображенский подчеркивал спекулятивный характер повышения курса. Г. Я. Сокольников отвечал, что золото восстанавливается только в своей цене и утверждал, что «вопрос, в действительности, вовсе не в том, почему золото вздорожало, а в том, почему раньше задерживался рост его цены, почему золото так долго было наиболее дешевым из всех товаров» («Финансовая политика революции», I, стр. 219). Совершавшееся изменение курса монеты он называл выявлением «справедливой» цены металла (стр. 220). Постановка вопроса была принципиально правильна, но вывод был не совсем верен. Крупное осеннее колебание в основном совершилось по прежнему сезонному типу. Оно началось с более высокого уровня и соответственно дошло до очень высокого максимума, причем дошло до него с необычайной быстротой; все это произошло, во-первых потому, что при восстановлении товарно-денежного хозяйства и при улучшении общего, в частности продовольственного, положения страны, исчезли мотивы для недооценки золота, и во-вторых, потому, что, при расстроенном денежном обращении и быстром обесценении бумажного рубля, население набросилось на золотую монету, как на способ сбережения ценностей и даже, как на орудие обращения. В конце 1922 года товарные цены в золотой десятке стояли у нас на уровне довоенных, а заграницей товарные цены в золоте стояли, примерно, на 60 % выше довоенных. Это было то же явление, какое имело место и на западе в странах с быстро падающей валютой,—явление необычайно высокой оценки устойчивых валют и золота, вследствие бегства от собственной валюты. Именно последнее было неудобным и опасным явлением. Раньше золото недооценивалось, но теперь оно было уже переоценено.

Что за золотой монетой население стало гнаться, как за удобным средством сбережения и даже за платежным средством, видно из соотношения между курсом золотой монеты и ценой золота в слитках, которое не могло быть использовано в качестве платежного средства и в существовавших условиях было неудобно, как средство сбережения. Лаж на золотую монету составлял в среднем в августе 1922 г. 25,5%, в сентябре 47,5%, в октябре 22,8 %, в ноябре—46,9%, в декабре 28,6%. Г. Я. Сокольников правильно

указывал, что золотая монета расценивается дороже слитков «потому что чеканка золотой монеты в России прекращена» («Экономическая Жизнь», 15 октября 1922 г.). При существовании свободной чеканки курс монеты конечно не мог бы отклоняться от цены металла. Но при этом условии самый металл стоил бы в бумажных рублях дороже того, во что его ценил рынок в конце 1922 г. Ибо отсутствие чеканки, удорожая монету, как редкий предмет, удешевляло с другой стороны металл, которому нельзя было придать такую форму, в какой население стремилось получить его.

Высокий средний уровень курса золота втечение 1922 г., таким образом, понятен. Под'ем этого курса осенью 1922 г.. после снятия урожая, в процессе восстановления товарно-денежного хозяйства и улучшения общего хозяйственного положения, также без труда находит надлежащее об'яснение. Напряженность явлений, совершившихся на рынке золота, свидетельствовала о загнивании бумажно-денежной системы и о том, что со стороны золота ей и всей финансовой системе угрожает серьезная опасность. Эта опасность была смягчена введением банкнотной эмиссии. И тем не менее в декабре 1922 г. Г. Я. Сокольников, говоривший в октябре о «справедливой» цене золота, защищал мысль о необходимости выступить против «наиболее серьезного конкурента» червонцу—золотой монеты, которая может войти во внутренний оборст страны, проникнуть на крестьянский рынок и в результате поставить все наше финансовое хозяйство в чрезвычайно угрожаемое положение» (Журнал совещания по вопросам денежного обращения, происходившего в Финансово-Экономическом Бюро НКФ 21 декабря 1922 г.). Тогда проектировалось даже новое запрещение хранения золотых монет—мысль, которая была затем оставлена, как задание практически мало осуществимое и несогласованное с характером финансово-экономической политики того периода. Однако опасность, которая вызвала к жизни эти предложения, осенью 1922 г. во всяком случае была налицо.

Но пусть бы даже не существовало опасности внедрения в обращение золотой монеты или иностранной валюты. Или пусть с этой опасностью, если она существовала, можно было бороться мерами административных репрессий, что было в высшей степени сомнительно. Без устойчивой валюты все равно нельзя было дольше существовать. Без нее немыслимо было восстановление разрушенного хозяйства страны и без нее стремление хозяйственных предприятий обеспечить себе условия безубыточной работы приводило к самым уродливым проявлениям здоровых по существу тенденций.

Государство не могло, при огромном бюджетном дефиците, отказаться от казначейской эмиссии бумажных денег, но оно вынуждено было сделать существенный шаг

в направлении преобразования системы денежного обращения и дать хозяйственному обороту устойчивую валюту. Этот шаг сделан в виде предоставления эмиссионного права Государственному Банку. Так возник червонец.

Вопрос о том, как сделать этот шаг, решен был не сразу. Он много раз обсуждался втечение конца 1921 и особенно втечение 1922 г. Подвергалась сомнению, как возможность, так и необходимость создания в существовавших финансово-экономических условиях каких либо устойчивых платежных средств. Пути денежной реформы рисовались русским финансистам по разному. Мы приведем здесь некоторые мнения и соображения, высказанные лицами, принимавшими участие в работах Народного Комиссариата Финансов втечение указанного промежутка времени. Вопрос ставился неоднократно в Институте Экономических Исследований при НКФ и помещаемые ниже выдержки извлечены преимуществено из докладов, сделанных в Институте. К сожалению не все материалы точно датированы и мы не всегда имеем возможность приводить цитаты в надлежащей хронологической последовательности.

Вопрос заключался прежде всего в том, можно ли и нужно ли создавать какие либо новые, по крайней мере, относительно устойчивые деньги при наличности обесценивающегося советского денежного знака и при общепризнанной необходимости дальнейшего его обесценения втечение более или менее продолжительного срока. Вопрос заключался во вторую очередь в том, какие это должны быть деньги. Но об этом вопросе второй очереди можно теперь же сказать, что он разрешался в пользу бумажных, а не золотых металлических денег всеми, кто давал положительный ответ на первый вопрос. В этом отношении господствовало полное единодушие: для всех было очевидно, что нельзя выпускать в обращение золото при совершенно ненормальном состоянии государственного бюджета, при зачаточном состоянии внешней торговли, при резко пассивном внешнем торговом балансе при слишком ограниченных металлических запасах, пополнение которых могло составить задачу лишь более или менее отдаленных лет. Но многие авторитетные экономисты и финанисты полагали, что несвоевременно также приступать к выпуску каких либо новых, относительно устойчивых б у м а ж н ы х денег. Мы приводим несколько мнений, относящихся к этой категории.

В своей записке (№ 3) «О регулировании бумажно-денежной валюты», представленной в Финансово-Экономическую секцию Института Экономических Исследований при НКФ, проф. П. П. Гензель, подчеркивая необходимость восстанов-

ления всего финансового хозяйства и отвергая идею выпуска металлических денег, вместе с тем писал: «Создавать же параллельно с неразменной чисто бумажной валютой советского рубля еще другую, разменную в ближайшем будущем и основанную на строго банковых началах бумажную валюту, прямо сугубо нерационально, ибо это уронило бы курс советского рубля и повело бы к спекуляции на новую более хорошую валюту, повело бы к исчезновению последней из оборота, побудило бы рабочий класс требовать платежа только «хорошей» валютой, не позволило бы публике верить в возможность ограничить выпуск в нормальных пределах банкового обеспечения и повело бы лишь к новым разочарованиям и возможным проектам алхимических приемов создания урегулированной валюты.—И так речь может идти только о регулировании существующего бумажного рубля».

Проф. Н. Н. Шапошников в докладе, представленном в тот же Институт в начале июня 1922 г., на тему «о ближайших задачах политики денежного обращения», обсуждал проблему денежной политики в связи с вопросом о том, имеются ли в хозяйственной обстановке признаки действительного недостатка денег, «ненасыщенности» рынка деньгами,—и отрицая существование такого явления, вместе с тем приходил к заключению о нежелательности выпуска, на ряду с советскими денежными знаками, каких либо других денег:... «с точки зрения правильно понимаемых интересов народного хозяйства России,—говорил он,—нет основания требовать увеличения денежной массы все равно к какой бы форме это увеличение ни происходило. При современных условиях я совершенно не вижу основания для того, чтобы проводить различие между эмиссией казначейских и банковых денег... Те, кто проводит различие между казначейскими и банковыми деньгами, упускают из виду, что в современных условиях выпуск банкнот или развитие чекового оборота только усиливает инфляцию и затрудняет, таким образом, восстановление нормальной хозяйственной жизни».

Уже значительно позднее, после проведения денежной реформы 1924 г., профессор А. А. Соколов, возвращаясь к старому вопросу и воспроизводя те взгляды, которые он высказывал и раньше, писал нижеследующее: «Декрет СНК от 11 октября 1922 года о выпуске червонцев знаменовал собою определенный поворот в нашей валютной политике. Но представлялся ли этот поворот абсолютно необходимым? Мы не стоим на этой точки зрения. В то время перед властью открывались два пути: первый путь—это путь укрепления старого советского знака, второй путь—это путь создания нового денежного знака—червонца. Был ли первый из этих путей совершенно безнадежным? Мы не думаем этого. Обнаружившийся в то время перелом вв нашей экономике

в сторону ее улучшения, начавшееся расширение и оживление хозяйственного оборота, некоторое упорядочение нашего государственного бюджета, наметившиеся возможности экспорта и притока к нам иностранной валюты,—все эти и другие связанные с ними обстоятельства, посодействовавшие потом успеху червонца, несомненно могли содействовать и некоторой стабилизации совзнаков. Правда, на совзнаке тяготело тяжелое прошлое и он к тому времени успел сильно скомпрометировать себя в глазах населения. Однако в то же время он опирался на вековую историческую традицию, был привычен для населения, и как раз летом 1922 года обнаружил признаки стабилизации. Словом, нам кажется, что, если в народном хозяйстве нашлись силы для поддержания одного денежного знака (червонца), то они могли бы найтись и для поддержания другого (совзнака). При этом, поскольку совзнак не сразу восстановил бы некоторые из своих функций (сильно ослабленную функцию мерила ценности и почти совершенно атрофированную функцию орудия накопления), постольку можно было бы временно дать ему подпорки в форме выравнивания сделок по курсу золотого или товарного рубля—с одной стороны, и в форме выпуска золотого займа (который мог конкурировать с иностранной валютой в качестве орудия сбережения)—с другой. («Социалистическое хозяйство», 1924, книга III).

Эта точка зрения едва ли достаточно учитывала в 1922 году действительное положение вещей, как в отношении неизбежности срочных мероприятий по реформированию денежной системы, так и в отношении их возможности. Неизбежность их вытекала из того, что оборот испытывал слишком острую нужду в устойчивых деньгах и сам начинал искать их, стихийно хватаясь за непризнанные государством платежные средства, ибо восстановление производительных сил в условиях товарно-денежного хозяйства не могло совершаться без этой точки опоры. Возможность этих мероприятий вытекала из того, что самый факт появления устойчивых денег в какой-либо их форме мог и должен был увеличить емкость рынка в отношении к денежным знакам, создав предпосылки для роста денежной наличности в кассах предприятий и в распоряжении частных лиц, т.-е. для замедления скорости обращения денег. Хорошие деньги, конечно, должны были стать в конце концов губительными для плохих. Практически проблема заключалась поэтому в том, чтобы использовать срок до момента гибели старой денежной системы и оздоровить за это время все финансовое хозяйство, т.-е. в том, чтобы правильно наметить момент начала и момент окончания денежного преобразования, оставив достаточный промежуток времени для работы по ликвидации бюджетного дефицита. В этом предприятии невозможен был вполне точ-

ный расчет. Успех, который имел место в действительности, был в этом смысле делом «удачи». Но не бывает ли это сплошь и рядом так в важнейших государственных делах, которые нельзя проводить без некоторого риска?

Мы не думаем, чтобы то, что было достигнуто при помощи выпуска банкнот, могло быть сделано и при помощи иных мероприятий. В существовавших условиях не помогли бы и «подпорки» в форме выравнивания сделок по курсу золотого или товарного рубля—с одной стороны, и в форме выпуска золотого займа (который мог бы конкурировать с иностранной валютой в качестве орудия сбережения)—с другой, т.-е. те подпорки, о которых писал А. А. Соколов. Первая «подпорка»—выравнивание сделок по курсу золотого рубля или по индексу средних товарных цен—существовала и до начала банковой эмиссии. Она облегчала положение хозяйственных органов, давая стране подобие твердого мерила ценности и основу для калькуляций, но она отнюдь не подпирала существовавшей валюты. Скорее наоборот. Самый механизм постоянного выравнивания, т.-е. постоянной переоценки денежной единицы, становился одним из могущественных факторов ее обесценения, который, путем выявления и обобщения совершавшегося роста товарных цен, универсализировал и тем самым усиливал падение покупательной силы старого казначейского рубля. Что же касается облигаций золотого займа, то они в обстановке 1922—1923 гг. могли получить широкое распространение в качестве орудия сбережения только при условии столь полной их ликвидности, которая граничила бы с превращением их в платежное средство, если не совпадала бы в полной мере с таким превращением. Подлинных сбережений в стране еще совершенно не было. Имелись у предприятий и отдельных лиц временно свободные средства, которые могли быть помещены лишь в такую бумагу, которая во всякое время и без всякой потери времени совершенно беспрепятственно и без каких-либо накладных расходов могла быть превращена в деньги. Достаточно вспомнить обстановку фондовых операций в 1923 году для того, чтобы не оставалось сомнений в совершенной непригодности облигаций для этой цели. Они могли бы выполнить указанную функцию, если бы их принимали в уплату налогов и банки не отказывали в их приеме в платежи по курсу. Но они превратились бы тогда в денежный суррогат, мало отличающийся от государственных денег, и на деле получилась бы система параллельного обращения со всеми ее отрицательными сторонами, но вероятно, без некоторых ее положительных свойств.

Именно в силу этих условий хозяйственной обстановки и вследствие всех этих соображений все более крепла мысль о неизбежности создания на-ряду с казначейской эмиссией

советских денежных знаков еще и второй эмиссии каких-либо иных и притом обязательно лучших по сравнению с ними денег. Предположения о введении новой эмиссии стали высказываться вскоре после перехода к новой экономической политике и выявления возраставших затруднений, связанных с загниванием денежной системы. К тому времени, когда вопрос о создании второй валюты был окончательно решен, таких проектов имелось уже довольно много. В виде примеров мы приведем здесь выдержки из некоторых из них.

В докладе, «О возможности учреждения Государственного Банка обладающего эмиссионным правом», сделанном в октябре 1921 г. в Институте Экономических Исследований в Ленинграде, В. В. Тарновский утверждал, что задача восстановления системы кредита может быть разрешена лишь «созданием особого института, обладающего правом эмиссии денежных знаков, поставленных в лучшие условия по сравнению с Госзнаком, как по системе их обеспечения, так и посредством воздействия на их курс». Такая задача, «даже при современных условиях не должна считаться неразрешимой, не удастся, конечно, получить идеальные результаты, т. е. безусловно устойчивую валюту, но все же... можно будет иметь такую валюту, которая в состоянии будет удовлетворительно обслуживать кредит». «Конечно, если будет доказано,—продолжал он, касаясь вопроса о соотношении между старой эмиссией и проектируемой новой,—что новая денежная единица может вызвать катастрофическую гибель советского рубля или что Банкзнак вытеснит из оборота Госзнак, тогда не может быть и спора о том, что учреждение (эмиссионного) банка несвоевременно. Но таких доказательств не дают нам ни теория, ни практика денежного обращения».

В начале 1922 г. Г. Я. Сокольников выступил с предложением создания второй валюты («Гарантированный рубль», «Экономическая жизнь», 6/I 1922 г.). «Гарантированный рубль, о котором будет идти речь,—писал он,—есть бумажный денежный знак, частично стабилизованный в пределах бумажного же обращения ....«Создание» такого гарантированного рубля возможно посредством «материализации», воплощения в бумажном денежном знаке того условного довоенного (золотого) рубля, в котором вычислен бюджет 1922 года, в котором определяются ставки налогов, в котором исчисляются цены продукции государственных трестов, в котором предположено установить ставки ж. д. тарифов и т. д.. Довоенный рубль, как условная единица (символ) денежного счета и расчета получил уже полное право гражданства в нашей денежной системе. Курс перевода этого довоенного рубля на советские денежные знаки на каждый месяц будет опубликовываться Наркомфином на основании

статистических исследований, порученных с этой целью особому учреждению при нем... Колебания цен не отражаются на довоенном рубле, поскольку он сам определен именно через учет этих колебаний... Воплощение этого—«символического» золотого довоенного рубля в банковом билете Госбанка, беспрепятственно обмениваемом в государственных кассах на советские денежные знаки по последнему курсу, установленному Наркомфином, приводит к созданию рубля, гарантированного (более или менее) от резких колебаний его ценности... Но так как такой банковый билет предполагает возможность размена на советские денежные знаки, то ясно, что он не может полностью заменить их, а может и должен лишь замещать их; лишь существовать наряду и вместе с ними, лишь частично «корректируя» существующую бумажную систему, являясь в ней лишь островом устойчивости». («Финансовая политика революции», I, стр. 206—208).

В материалах Института Экономических Исследований НКФ за 1922 год, к которым мы обращались уже несколько раз, имеется обстоятельный доклад Л. С. Эльяссона от 10 марта 1922 г., посвященный этой проблеме и отвечающий в положительном смысле на вопрос о желательности создания второй валюты. И в этом докладе предложение об установлении параллельного обращения двух бумажных валют формулировано вполне отчетливо:... «временное, хотя быть может и кратковременное оставление советских денег в обращении, как бы низка ни была их покупательная сила, совершенно необходимо... на этой валюте мы никакого правильного денежного обращения построить не можем... эта валюта должна быть временно сохранена наряду с новой валютой. Мы... приходим к выводу о необходимости временного, хотя бы кратковременного существования двух параллельных валют».

Эта точка зрения становилась все более распространенной. Втечение некоторого времени дебатировался вопрос о том, какому учреждению поручить новую эмиссию. Раздавались голоса за создание иностранного банка, который мог бы привлечь иностранные капиталы, или за организацию смешанного банка, но то обстоятельство, что страна имела уже в лице учрежденного 16 ноября 1921 г. Государственного Банка крупный кредитный институт, наряду с соображениями политического характера, вскоре заставило решить вопрос в пользу предоставления Государственному Банку Союза права выпуска банковых билетов. Соответствующее постановление было вынесено СНК 11 октября 1922 г. Но вопрос о выпуске банкнот был решен на полгода раньше и закон, изданный в октябре, повторил с небольшими поправками постановление, принятое в начале лета 1922 г.

после обсуждения этого вопроса на специальных совещаниях в Государственном Банке и в Народном Комиссариате Финансов втечение мая месяца. Участниками этих совещаний в разных комбинациях были: Г. Я. Сокольников, М. К. Владимиров, А. Л. Шейнман, Н. Н. Кутлер (принимавшие самое деятельное участие в организации эмиссии банковых билетов), А. Г. Хрущев, З. С. Каценеленбаум, А. А. Чернецкий, А. А. Соколов, В. В. Тарновский и автор этих строк. Подавляющее большинство участников этих совещаний стояло уже за предоставление Государственному Банку эмиссионной «привилегии». С лета 1922 г. Банк готовился к новой операции и в конце ноября 1922 г. он выпустил свои первые билеты.

Основные статьи декрета о выпуске банковых билетов гласили следующее.

Государственный Банк становится эмиссионным банком. Не было прямо оговорено, но подразумевалось, что он становится единственным эмиссионным банком советской республики. Он выпускает банковые билеты для своих *коммерческих* операций (за некоторым, однако, исключением, которого закон не требовал, но которое он допускал). Банковые билеты выпускаются в единицах нового наименования—«червонцах». Между этой новой единицей и единицею, существовавшей системы денежного обращения, т.-е. рублем совзнаками, не устанавливалось определенной связи. Но зато устанавливалась связь между новой банковой единицей и старой единицей довоенного денежного обращения. А именно, банковый билет достоинством в один червонец приравнивается 1 золот. 78,24 долям чистого золота, т.-е. тому количеству чистого золота, которое содержалось в десятирублевой монете старой чеканки. В законе было сказано, что «червонец равен 1 зол. 78,24 дол. чистого золота—равен 10 руб. в прежней российской золотой монете». Это должно было, очевидно, означать, что банк обязан будет со временем производить обмен билетов на золото из такого расчета; это означало, кроме того, что постановления закона об обеспечении банковых билетов золотом должны приводиться в исполнение, исходя из этой нормы; и это значило, наконец, что в своей политике по установлению определенного курса червонца на иностранную валюту Государственный Банк должен исходить из того, что червонец равен 10 рублям золотом, и стремиться к соответствующему курсу червонца на доллар, фунт стерлингов и т. д.

Банковые билеты по закону обеспечиваются драгоценными металлами и устойчивой иностранной валютой не менее, чем на ¼ выпущенной в обращение суммы червонцев (а на

остальную сумму краткосрочными векселями, легко реализуемыми товарами и пр.), при чем,—это сказано не в законе, а было установлено впоследствии в административном порядке,—под билетами, выпущенными в обращение, понимаются банкноты, переданные эмиссионным отделом в кассу правления, откуда они потом распределяются между конторами, отделениями и агентствами Банка. Сумма, переданная в кассу правления, всегда несколько превосходит ту, которая действительно находится в обращении, так как часть банкнот остается в качестве необходимой наличности в кассах банка. Обеспеченные, по крайней мере, на ¼ драгоценными металлами и иностранной валютой, банковые билеты остаются, однако, пока неразменными за золото. «Срок начала размена банковых билетов на золото,—гласит постановление Совета Народных Комиссаров,—устанавливается особым правительственным актом».

Для укрепления курса банковых билетов закон прокламировал их связь с прежней золотой валютой, установил их металлическое обеспечение и обещал в будущем их размен. Кроме того, постановление о выпуске банкнот дало им с самого начала и некоторое податное обеспечение: банковые билеты должны были приниматься по их нарицательной стоимости в уплату налогов, пошлин и т. д. в тех случаях, когда по закону платежи взимаются в золоте. Практически это означало на рубеже 1923 года, что банковые билеты должны были приниматься в уплату таможенных пошлин. Для начала это было довольно значительное обеспечение их использования в качестве платежного средства.

Заслуживает еще внимания постановление закона, установившее то исключение из правила, требующего коммерческого, а не казначейского использования банкнот, о котором упомянуто было выше. Государственный Банк может выдать, с особого разрешения правительства, ссуду банковыми билетами и Народному Комиссариату Финансов, но такая ссуда должна быть обеспечена драгоценными металлами не менее, чем на 50%. Оставляя на всякий случай возможность использования банковой эмиссии государством в бюджетных целях и приоткрывая эту дверь, закон загораживает ее по крайней мере наполовину золотым барьером. Постановление это осталось до сих пор неиспользованным.

Внедрение банковых билетов происходило на первых порах с большой постепенностью. Эмиссия банковых билетов началась в последних числах ноября 1922 г. и на 1 января в обращении было всего 356 тысяч червонцев. Сведения о дальнейшем развитии эмиссии червонцев приведены в нижеследующей таблице.

Эмиссия червонцев на 1-е число каждого месяца:

В червонцах

Месяцы	Передано в в кассу правления Госбанка	Выпущено в обращение	%% отношен.	Вошло в обращение с 1-го числа до конца месяца
	1	2	2 : 1	3
На 1 января 1923 г. .	1 118 000	356 245	31,86	498 346
„ 1 февр. „ .	1 930 000	854 591	44,28	749 390
„ 1 марта „ .	3 000 000	1 603 981	53,47	962 708
„ 1 апреля „ .	4 500 000	2 566 689	57,04	1 187 486
„ 1 мая „ .	6 000 000	3 754 175	62,57	994 173
„ 1 июня „ .	8 000 000	4 743 348	59,32	2 251 796
„ 1 июля „ .	9 600 000	7 000 144	72,92	4 120 339
„ 1 авг. „ .	13 500 000	11 120 483	82,37	5 397 537
„ 1 сент. „ .	18 400 000	16 518 020	89,77	4 885 468
„ 1 октяб. „ .	23 500 000	21 403 488	91,08	2 013 359
„ 1 ноября „ .	25 450 000	23 416 847	92,01	190 004
„ 1 декаб. „ .	26 776 000	23 606 851	88,16	1 310 000
„ 1 января 1924 г. .	28 000 000	24 916 851	88,99	2 379 858
„ 1 февр. „ .	30 300 000	27 296 709	90,08	2 730 390
„ 1 марта „ .	32 800 000	30 027 099	91,55	—

Таблица показывает в первом столбце количество банковых билетов, переданных эмиссионным отделом в кассу правления Государственного Банка. Из этого количества некоторая часть остается в кассах Банка и только остальная сумма поступает действительно в обращение. Второй столбец показывает эту последнюю сумму.

Прежде всего следует обратить внимание на соотношение между обоими столбцами. Оно показывает, как велика та доля червонцев, которая застревала в обращении, не возвращаясь немедленно же в кассы Банка. Эта доля составляла на 1 января всего 31,9%, затем она неуклонно возрастала и остановилась с сентября на уровне около 90%, который сделался, повидимому, нормальным. Что означают низкие процентные отношения первых месяцев 1923 года?

то, что оборот не принимал еще червонца. Государственный Банк выдавал банковые билеты в ссуду, а предприятие, получившее ссуду, приносило их тотчас же обратно в Банк для обмена червонцев на советские денежные знаки. Отчасти причиной этого служила высокая ценность банкнот (запас билетов достоинством в один червонец был ограничен и Наркомфин требовал такого распределения выпускаемых банкнот по купюрам, которое обеспечивало бы от слишком быстрого внедрения червонцев и слишком быстрого удара по совзнакам). Отчасти банкнота была еще столь мало привычна, что для большей части платежей предприятиям приходилось пользоваться советскими денежными знаками. Последнее обстоятельство постепенно утрачивало свое значение. Но показательно, что еще в июле 1923 года в Ленинграде горячо обсуждался вопрос о том, допустима ли выдача заработной платы рабочим червонцами. Еще в период обсуждения плана финансирования реализации урожая хлопка в Туркестане—в августе 1923 г.—очень остро стоял вопрос об обеспечении туркестанских баз достаточным количеством советских знаков для размена тех червонцев, которые Главный Хлопковый Комитет получил от Государственного Банка, ибо крестьяне в Туркестане не знали червонца и нельзя было расчитывать на то, что они примут его в уплату за хлопок. Уже два месяца спустя поставлен был с такой же остротой вопрос о том, что крестьяне не продают хлопка на советские знаки, а требуют червонцев. Сперва банковые билеты получили распространение в крупных центрах, затем они постепенно дошли до деревни и к осени 1923 г. можно было считать процесс их внедрения почти законченным.

Вместе с тем необходимо отметить, что по мере внедрения банковых билетов изменялось и их положение в народном хозяйстве. На первых порах на них смотрели, как на ценную бумагу, в которой помещали свободную наличность с тем, чтобы в момент, когда понадобятся «деньги», эту ценную бумагу продать. Лишь постепенно из ценной бумаги банковый билет превратился в денежный знак. Финансовое ведомство само принимало меры к тому, чтобы ускорить этот процесс: 25 января 1923 года был издан циркуляр, предлагавший кассам Наркомфина принимать червонцы по курсу (ставки налогов назначались еще в то время в советских денежных знаках), и податное обеспечение банкнот было, таким образом, значительно расширено. В первые же месяцы крупные государственные и кооперативные предприятия по розничной торговле стали принимать червонцы, причем об этом вывешивались особые об'явления. Очень быстро эта практика распространилась и стала всеобщей. Однако в феврале 1923 г. Наркомфин, разрешая своим кассам платить по ассигновкам червонцами, должен был

предостерегать свои органы от насильственного их внедрения и циркуляр его требовал, чтобы банковые билеты выдавались не иначе, как с согласия получателей денег. Лишь 21 сентября 1923 года это ограничение было снято. К этому времени оборот вполне освоился с банковыми билетами и видел в них деньги в полном смысле слова. Поскольку государство стало расплачиваться червонцами, не справляясь с желанием получателя, оно и само стало признавать их в такой же мере деньгами, как и советские денежные знаки. Лишь то обстоятельство, что в наказе Государственному Банку (гл. III, стр. 19) имелось постановление, обязывавшее банк беспрепятственно обменивать банковые билеты на советские денежные знаки без ограничения суммы, подтверждало, что советские денежные знаки сохраняли значение основной валюты и окончательного платежного средства.

Втечение первых месяцев своего существования банкнотная эмиссия возрастала из месяца в месяц (столбец III) довольно равномерно. Значительное увеличение количества выпущенных в обращение червонцев приходится на июнь, еще большее увеличение—на июль, крупными выпусками отмечены август и сентябрь; лишь с октября месячные выпуски пошли на убыль. Причиной значительных летних выпусков было предоставление больших кредитов промышленности.

Требования промышленности не были чем-либо новым, но они были удовлетворены в новом порядке. Эти требования вытекали в основном в начале лета 1923 г. не из сезонных потребностей народного хозяйства, хотя сезонный момент,—усиление производства для подготовки товаров к осенней реализации урожая,—и сыграл некоторую роль. В основном, кредитование промышленных предприятий выполняло задачу длительного пополнения недостаточных оборотных капиталов промышленности. До учреждения Госбанка это пополнение совершалось в порядке ассигнований по государственному бюджету, частично оформленных позднее в качестве «ссуд Наркомфина». По учреждении Госбанка, это пополнение стало совершаться в двояком порядке, отчасти по бюджету (главным образом, по тяжелой индустрии), отчасти в форме открытия Госбанком кредитов, выдаваемых советскими знаками; со времени начала эмиссии банковых билетов ссуды стали выдаваться Госбанком в червонцах и они определяли главным образом размеры эмиссии банкнот.

Пополнение капиталов промышленности в 1923 г. представляло тем большую по своим размерам задачу, что эти капиталы в самом начале периода новой экономической политики, вследствие финансовых затруднений государства, не только не были увеличены, но не были даже сохранены. В своем исследовании о финансовом положении промышленности до

1924 г. А. Б. Штерн дал анализ богатого материала, из из которого мы приведем здесь несколько цифр и выводов. («Государственное Финансирование Промышленности», Москва—Ленинград, 1924).

Общая сумма оборотных средств промышленности в 1922 г., по сравнению с размерами производства не была мала, может быть была даже и значительна. Но капиталы промышленности были крайне деформированы, т.-е. заключались не в том, в чем нуждались соответствующие предприятия, и были неликвидны, т.-е. состояли не из того, что могло быть достаточно быстро реализовано на рынке. Кроме того, государственные заказы оплачивались крайне неисправно и далеко не полностью; денатурализованный государственный бюджет «все еще опирался частично на продукцию промышленности в целях покрытия дефицита вследствие чего промышленность (правда, гораздо больше за счет старых запасов, нежели за счет текущей продукции) все еще больше снабжала государственных заказчиков, чем получала бюджетную помощь». (А. Штерн, стр. 67). Наконец, значительная часть промышленности была еще убыточна и 1922 год протекал в условиях очень неблагоприятной торговой кон'юнктуры. В итоге всех этих обстоятельств промышленность вступила в 1922—23 бюджетный год (к 1 октября) с меньшими капиталами, чем те, которые находились в ее распоряжении к началу года.

А. Штерн полагает, что «мы не будем далеки от истины, если, учитывая потери основного капитала, определим сальдо расчетов государственной промышленности с государственным бюджетом за 1921—22 г. в сумме около 100 миллионов рублей» (стр. 58). Но к этому расходу, источником для покрытия которого не могли быть прибыли,— ибо таковые отсутствовали,—присоединялись во многих случаях убытки от реализации товаров. По мнению комиссии Совета Труда и Обороны, опубликовавшей результаты своих исследований в сборниках под заглавием «На новых путях», в 1922 г. «торговая деятельность нашей крупной национализированной промышленности принесла ей к р у п н ы й у б ы т о к... Трестам и синдикатам пришлось выступить на рынок крайне поспешно, без подготовки и реализовать имеющиеся товары по к р а й н е н и з к и м ц е н а м и только в конце года цены начали несколько выравниваться» (вып. III, стр. 9, 10). Комиссия приводит в качестве примера цену на ситец, себестоимость которого составляла в апреле 1922 г. 380.000 руб. совзнаками при об'явленной синдикатом цене в 240.000 рублей и рыночной цене в 200.000 рублей; в мае себестоимости в 610.000 руб. соответствовала синдикатская цена от 290.000 до 550.000 руб. и рыночная цена от 240.000 до 375.000. То же имело место

в отношении сахара: «себестоимость сахарного песка производства ноябрь 1921 г. определялась в 10 пудов ржи, а продавался сахар январь—сентябрь 7 пуд. ржи за пуд сахара»... «Потеря капитала, естественно, выразилась в огромном сокращении запасов сырья и готовых товаров» (там же). Если тяжелая промышленность потеряла значительную часть своих оборотных капиталов, отдав их государственному бюджету в качестве натурального вклада в доходную его часть, то легкая промышленность потеряла часть своих оборотных средств на рынке. Мы не знаем, сколько нужно прибавить к тем 100 млн. руб., которые приведены выше, но прибавление это наверное составляло очень крупную сумму.

В таком положении промышленность вступила в 1922—23 год. Втечение этого года по бюджету происходило преимущественно финансирование тяжелой индустрии, а по Госбанку—легкой. Большая часть всех отпущенных средств пошла на увеличение оборотных капиталов промышленности. Деньги, получаемые от банка, имели целиком это назначение. Но в порядке банкового кредитования пополнялись не те средства, которые временно оставались в обороте трестов и синдикатов и могли периодически возвращаться в банк. Банк вынужден был втечение рассматриваемого периода производить промышленности такой отпуск денег, который сводился по существу к одностороннему движению его рессурсов к клиенту, без нормального обратного притока денег. Эмиссия была таким образом использована для образования той части оборотных средств промышленности, которые должны были бы быть не заемными, а собственными ее капиталами; промышленность не могла самостоятельно восполнить эти капиталы, а перенапряженный государственный бюджет не в состоянии был их дать. В своем отчете за 1923 год Госбанк пишет о своих активах, что «по Правлению сумма средств, помещенных в предприятиях государственной промышлености составляет 59%, а на финансирование торговли приходится 10,7%» (стр. 12). О своих пассивах он отмечает, что «втечение 1923 г. главным источником средств для кредитных операций Государственного Банка является его собственная эмиссия» (стр. 9). Впоследствии Правление Госбанка произвело работу по установлению размеров тех своих активов, которые вошли в состав оборотных средств промышленных предприятий в качестве постоянной их части и оказались иммобилизованными. Правление поставило даже вопрос о возврате банку этих средств. К моменту подсчета (1926) сумма эта определялась банком в несколько сот миллионов рублей. Почти все то, что было выдано трестам в 1923 г., вошло в состав этой суммы. Обращение эмиссионных средств

на восстановление оборотных капиталов промышленности в период, когда существовали предпосылки для расширения об'ема денежного обращения, не было недопустимо и было даже неизбежно с точки зрения самой кредитно-денежной политики, ибо увеличение денежной массы едва ли могло быть произведено тогда какими-либо иными путями. Но вынужденный обстоятельствами размах кредитования вышел за пределы того увеличения денежной массы, которое могло совершиться без обесценения валюты. Другими словами, кредитование получило инфляционный характер и об этом, начиная с мая 1923 г., начали свидетельствовать данные о движении цен, выраженных в червонцах, или другими словами цифры, показывающие покупательную силу червонца, исчисленную по индексам цен. Последняя составляла:

Месяцы	По оптовому индексу Госплана		По розничному индексу Кон'юнктурн. Ин-та	
	Руб.	К.	Руб.	К.
1 января 1923 г.	11	08	8	94
1 февраля „	10	38	8	61
1 марта „	9	17	7	76
1 апреля „	9	50	7	81
1 мая „	10	24	8	63
1 июня „	9	22	7	30
1 июля „	7	76	6	44
1 августа „	7	55	5	57
1 сентября „	7	45	6	12
1 октября „	7	47	6	15
1 ноября „	8	13	5	99
1 декабря „	8	20	6	02
1 января 1924 г.	7	93	5	57
1 февраля „	7	38	5	22
1 марта „	7	64	5	41

В частности, необходимо отметить значительную разницу между первым и вторым рядом цифр, т.-е. превыше-

ние цифр первого ряда. Оно вытекает из того, что цены в розничной торговле по сравнению с довоенными значительно выше, чем оптовые цены. Причины лежат (в описываемое время), главным образом, в организации, или, вернее, в дезорганизации торговли, а не в условиях денежного обращения. Только возрастание этой разницы,—24% на 1 января 1923 г. и 41% на 1 февраля 1924 г.,—имело валютное основание, на причинах которого нам придется еще останавливаться в дальнейшем.

Покупательная сила червонца в начале 1923 года была очень высока: в оптовой торговле она превышала в январе довоенную покупательную силу золота. Она понизилась втечение первых месяцев и затем снова поднялась к 1 мая. Отчасти все это обусловливалось крайней неустойчивостью товарного рынка. С мая по 1 сентября покупательная сила червонца снижается и доходит до 75% довоенной покупательной силы золота. По индексу розничных цен снижение было более значительно.

Снижение покупательной силы денег, происходящее вследствие расширения кредитования и усиления эмиссии, является инфляцией, какие бы цели оно ни преследовало. Но для оценки значения инфляции 1923 г. необходимо учесть условия этого периода и притом условия не только советского, но и мирового хозяйства. В момент выпуска червонца и в первые месяцы его хождения покупательная сила червонца была несоответственно высока при сопоставлении ее с покупательной силой золота в других странах. Это произошло потому, что золото и иностранная валюта расценивались в Союзе очень высоко на рубеже 1923 г. и что Госбанк ориентировался в установлении курса червонца (на советские денежные знаки) по курсу иностранной валюты. Золото ценилось в Москве значительно выше, чем в Нью-Йорке, или Лондоне и поэтому «червонный индекс» оптовых цен был ниже, чем индекс золотых цен в Америке и в Европе. Последний составлял в среднем за 1923 г. в Соединенных Штатах (индекс федерального резервного департамента),—168, в Англии (индекс Стэтиста, в переводе на золото)—143, в СССР же он спускался по временам ниже 100, даже если не учитывать, что курс червонца на доллар или на золото стоял ниже паритета. Повышение индекса цен, т.-е. снижение покупательной силы червонца при таком положении сближало наши условия с условиями мирового хозяйства. Тот, сдвиг, который совершился до осени, обесценил поэтому банковую валюту примерно в меру того, что рано или поздно должно было быть сделано. Индекс Госплана в червонном исчислении составлял в осенние месяцы 1923 г. (август, сентябрь, октябрь) в круглых цифрах от 150 до 160, т.-е. стоял примерно на уровне англо-американского. Правда, качество това-

ров не достаточно учтено в нашем индексе. Но зато и курс червонца на золотую валюту стоял в то время на 5—12% ниже паритета и в условиях советского хозяйства, только вступившего в полосу восстановления, были на лицо основания для сравнительно высокого уровня советских (промышленных) цен. Этот первый период инфляции носил поэтому совершенно особый характер и не создал еще уровня цен, который можно было бы считать ненормальным. Такое положение наступило позднее. Только розничные цены уже тогда были чрезмерно высоки.

Снижение покупательной силы червонца приостановилось, или, точнее, было приостановлено к августу 1923 г. Затем к ноябрю произошел даже некоторый ее под'ем, ликвидированный, правда, повышением индекса в конце года. Об этом новом повышении цен мы будем говорить в другом месте. Что касается приостановки снижения покупательной силы червонца, то она была вызвана, во-первых, чисто валютными мероприятиями, относившимися ко второй половине лета 1923 г., направленными в сторону регулирования соотношения между выпусками банкнот и советских знаков и подробно описанными в следующей главе, и, во-вторых, теми явлениями на товарном рынке, которые имели место втечение осени 1923 г. О последних здесь необходимо сказать несколько слов.

Лозунгом экономической политики была ликвидация убыточности промышленных предприятий. Цены в червонцах возрастали, так как эмиссия снижала покупательную силу банкноты, и повышение цен вызывало торговый ажиотаж. Тресты, используя свое финансовое положение, улучшившееся благодаря кредитам Госбанка, вели политику дальнейшего повышения промышленных цен. Синдикаты и кооперация закупали товары и задерживали их реализацию в ожидании дальнейшего укрепления рынка. Ко времени Нижегородской ярмарки и непосредственно после нее (август, сентябрь) цены на промышленные изделия поднялись до необычайно высокого уровня. Средне-месячный индекс оптовых цен Госплана для сельскохозяйственных товаров равен был в апреле—мае 76 (т.-е. был ниже 100), а для промышленных товаров—163: отношение второго к первому составляло таким образом с округлением 2 к 1. В сентябре индекс сельскохозяйственных цен поднялся до 89, а индекс промышленных цен—до 273, т.-е. отношение второго к первому составляло кругло 3 к 1. Это означало, что относительная цена промышленных товаров повысилась в среднем в полтора раза. Потребительский рынок ответил сокращением спроса, а государственные регулирующие органы, под влиянием общих соображений экономической политики

и в частности соображений денежной политики, реагировали постановлениями о снижении отпускных цен трестов. Кон'юнктура рынка благоприятствовала осуществлению этих мероприятий и результатом был толчок к снижению не только индекса оптовых цен на промышленные товары, но также и индекса розничных цен. Первый снизился уже в октябре до 252 и дошел к 1 января до 229. Последний (Всесоюзный розничный Кон'юнктурного Института) от 273 на 1 октября 1923 г. снизился до 239 на 1 января 1924 г. Затем движение обоих индексов приняло различные направления, в силу обстоятельств, о которых речь будет итти в главе о «параллельном обращении». Не лишне отметить, что на 1 октября, несмотря на общую тенденцию индекса розничных цен держаться выше индекса оптовых цен, в отношении промышленных товаров положение было обратным: на это число оптовый индекс промышленных товаров составлял 275, а розничный индекс 273. Розничные цены не поспевали за оптовыми. Кон'юнктура была явно благоприятна для регулирующих мероприятий по снижению цен, и они в этой обстановке могли иметь и действительно имели успех.

Уменьшение покупательной силы червонца имело одно последствие, на которое в 1923 году не было обращено достаточно внимания и которое необходимо отметить. Оно способствовало внедрению червонца. В первые месяцы все заведующие филиалами Государственного Банка на местах указывали, что главным препятствием к внедрению червонца является крупная купюра его, благодаря которой он не доступен для широких слоев населения и особенно для крестьянства. В то время банковые круги настойчиво выдвигали мысль о выпуске получервонца, на что финансовое ведомство не могло пойти, не подорвав возможности казначейской эмиссии. Но самый ход вещей привел к компромиссному решению вопроса. В августе, сентябре, октябре покупательная сила червонца составляла уже около 70% той покупательной силы, которую он имел на 1 января. Таким образом, более мелкая купюра появилась как бы сама собой и этим проложена была дорога банковому билету в самую гущу населения. Само собой разумеется, что это обстоятельство способствовало оттеснению советского денежного знака.

Движение курса червонца на иностранную валюту и на золото развивалось иначе, чем движение его покупательной силы. Следующие цифры характеризуют состояние валютного рынка в Москве.

	Справочный курс по котировке фонд. отд. Моск. тов. биржи		Вольный рынок		
	Доллар	Фунт стерл.	Доллар	Фунт стерл.	Зол. десятируб. монета
1 января 1923 г. . .	—	—	2,72	12,22	13,47
1 февраля „ . .	—	—	2,39	10,62	12,73
1 марта „ . .	1,92	8,85	1,93	8,88	11,63
1 апреля „ . .	1,92	8,56	1,92	8,56	13,24
1 мая „ . .	2,23	9,67	2,40	10,15	15,90
1 июня „ . .	2,59	11,38	2,77	11,53	17,37
1 июля „ . .	2,14	9,80	2,22	9,97	15,23
1 августа „ . .	2,11	9,65	2,12	9,87	13,48
1 сентября „ . .	2,07	9,51	2,07	9,59	12,14
1 октября „ . .	2,05	9,39	2,05	9,39	12,44
1 ноября „ . .	2,06	9,15	2,20	9,49	13,75
1 декабря „ . .	2,18	9,47	2,20	9,45	13,50
1 января 1924 г. . .	2,20	9,40	2,24	9,42	14,05
1 февраля „ . .	2,17	9,24	2,19	9,35	14,10
1 марта „ . .	2,11	9,07	2,11	9,12	12,80

Прежде всего следует отметить, что курс фондового отдела втечение описываемого периода имеет иное значение, чем то, которое он получил впоследствии, примерно, с начала 1926 года. Экспортные организации в то время действительно продавали, а импортные предприятия покупали иностранную валюту на бирже. Спрос и предложение в условиях монополии внешней торговли находились, правда, и в то время под давлением экспортных и импортных планов, которые воздействовали, однако, лишь на общие размеры спроса и предложения. Предприятия запасали валюту впрок или задерживали ее реализацию в ожидании повышения курса, руководствуясь своими соображениями о кон'юнктуре валютного рынка и о состоянии своих ресурсов. Обязательства немедленной сдачи всей экспортной валюты банкам по установленной цене и распределения валюты между организациями по плану не существовало. Курс в очень

значительной мере определялся условиями рынка, на который в качестве покупателей и продавцов оказывали влияние не только государственные и кооперативные предприятия, но также и частные лица. Этим об'ясняется большой размах колебаний и близость официального, т.-е. биржевого курса к вольному. Золотая монета не котировалась на бирже и колебания ее обнаруживают некоторые особенности, хотя самое направление (но не амплитуда) их не очень отличается от главных направлений в движении курсов иностранных валют.

Курс червонца почти все время остается ниже паритета, однако, в некоторые моменты поднимается выше его. В дополнение к предыдущей таблице мы, для большей отчетливости, приведем еще одну, показывающую процентное отклонение курса от паритета (по вольным курсам), причем в этом расчете принято будет во внимание отклонение курса самого фунта стерлингов от его золотого паритета на основании лондонских котировок.

Отклонение курса червонца от паритета

	По курсу на доллар	По курсу на фунт стерл.	По курсу на золотую десятируб. монету
1 января 1923 г.	— 28,7	— 26,4	— 25,8
1 февраля „	— 18,8	— 14,7	— 21,4
1 марта „	+ 0,8	+ 3,0	— 14,0
1 апреля „	+ 1,2	+ 6,3	— 24,4
1 мая „	— 19,1	— 11,3	— 37,1
1 июня „	— 29,9	— 22,0	— 42,4
1 июля „	— 12,5	— 10,9	— 34,3
1 августа „	— 8,4	— 9,9	— 25,8
1 сентября „	— 6,2	— 7,9	— 17,6
1 октября „	— 5,2	— 6,0	— 19,6
1 ноября „	— 11,7	— 8,2	— 27,3
1 декабря „	— 11,7	— 10,8	— 25,9
1 января 1924 г.	— 13,3	— 10,7	— 28,8
1 февраля „	— 11,3	— 10,1	— 29,1
1 марта „	— 7,9	— 8,4	— 21,9

Здесь виднее, как велики колебания, как неустойчив был валютный рынок и как капризно он оценивал валюты не по их действительной мировой ценности, а по всяким местным соображениям, мотивы которых подчас трудно уже восстановить. Предпочтение той или другой валюты, как средства сбережения частных лиц, играло среди этих мотивов (сравнительных оценок) чуть ли не главнейшую роль.

Втечение первых месяцев Госбанк борется за приближение курса червонца к паритету и достигает к марту существенных успехов. Политические осложнения (с Англией), наступившие в мае, ликвидировали эти успехи. С июня Банк снова принимается за выправление курса своей банкноты и постепенно доводит его до уровня примерно на $^{1}/_{10}$ ниже паритета (курс на доллар).

Золото остается почти все время переоцененным. Только курс 1 января 1923 г. составляет исключение. Для большинства других сроков таблица отмечает высокий лаж на золотую монету по сравнению с долларом. Данные о ценах на золото в слитках, относящиеся к тому же периоду времени, показывают, что лаж монеты по сравнению с металлом составлял еще гораздо больше: кругло от 20 до 75%, а в среднем около 35—40%. Золотая монета считалась населением удобнейшим, а золото в слитках—наименее удобным орудием сбережения.

Все цифры, приведенные выше, показывают, что движение курса червонца во всяком случае было очень мало связано с движением его покупательной силы, и не трудно об'яснить это явление. Связь между курсом и покупательской силой даже в условиях свободы внешней торговли обычно обнаруживается не сразу, а улавливается лишь в качестве тенденции. При существовании монополии внешней торговли и валютного регулирования самая тенденция может быть в значительной мере преодолена регулирующими мероприятиями государственных учреждений. Наконец, уже в самом начале взятого нами отрезка времени не было соответствия между курсом и покупательной силой червонца, и поэтому курс вовсе и не должен был следовать тогда в своем дальнейшем движении за колебаниями покупательной силы. Курс червонца оказался, во первых, при всех своих колебаниях, в общем устойчивее покупательной силы. Во-вторых, он повысился от начала периода к концу его, в то время, как покупательная сила банкноты упала.

Несоответствие между курсом и покупательной силой червонца заключалось в слишком высокой оценке золота и иностранной валюты в Союзе, особенно в периоды снижения курса червонца. Приведем несколько примеров и поясним это утверждение. Если считать по индексу оптовых цен Госплана, то в червонце на 1 января 1923 г. было

10,40 довоенных рублей. Покупательная сила доллара в это время стояла в Америке на 36% ниже довоенной. Для того, чтобы в порядке установления курса произошло выравнивание высокой покупательной силы червонца с низкой покупательной силой доллара, за последний следовало платить не 1 р. 94 к., что соответствовало золотому паритету, а меньше. В долларе заключается золота по паритетному счету на 1 р. 94 к. На это золото можно было купить в Америке столько, сколько в довоенное время покупалось на 1 р. 24 к. (на 36% меньше довоенного). Если бы покупательная сила червонца стояла на довоенном уровне, то курс доллара должен был бы равняться 1 р. 24 к. Но покупательная сила червонца превышала довоенную на 4% и в соответствии с этим за доллар следовало платить еще меньше, или 1 р. 19 к. По терминологии Г. Касселя паритет покупательной силы доллара равен был 1 р. 19 к. Фактически же вольный курс в Москве составлял 2 руб. 72 коп., т.-е. доллар был переоценен в 2¼ раза.

Вычисленные таким способом на основании индексов оптовых цен Госплана и индексов американской статистики труда паритеты покупательной силы позволяют сделать следующие сопоставления (см. табл. на стр. 239).

Не следует думать, что эти цифры могут претендовать на большую степень точности. Во-первых, индексы цен, на основе которых здесь проводится сопоставление, составлены по разным методам и следовательно не вполне сравнимы. Во-вторых, оба индекса представляют лишь отношения современных цен каждой страны к ее довоенным ценам и, следовательно, расчет построен на весьма условном допущении, что довоенное отношение цен между обеими странами составляет норму, которая должна была сохраниться и для настоящего времени. Отклонению курса от покупательной силы на несколько процентов нельзя поэтому приписывать какое-либо значение. Но отклонение на десятки процентов во всяком случае показательно и мы можем утверждать, что до июля 1923 года доллар был переоценен, т.-е. что покупательная сила червонца была высока по сравнению с его курсом. Затем наступили месяцы, когда соотношение установилось более или менее нормальное. В начале 1924 г. оно обнаружило уже тенденцию повернуться в обратную сторону. Явления этих месяцев, предшествовавшие проведению денежной реформы, будут изложены в другой главе. На рубеже 1924 г. курс червонца стоял несколько ниже паритета (приблизительно на уровне курса бумажного фунта стерлингов), держался он на этом уровне сравнительно устойчиво и для валютной политики того времени это было значительное достижение.

	Паритет покупательной силы по среднемесячным индексам цен		Курс доллара (средний между курсами на 1 число данного и след. мес.)		Отклонения курса доллара в %%
	Руб.	К.	Руб.	К.	
Январь 1923 г.	1	25	2	55	+ 100
Февраль „	1	31	2	16	+ 65
Март „	1	49	1	92	+ 29
Апрель „	1	34	2	16	+ 61
Май „	1	40	2	58	+ 84
Июнь „	1	71	2	50	+ 46
Июль „	1	97	2	17	+ 10
Август „	2	06	2	09	+ 1
Сентябрь „	1	97	2	06	+ 4
Октябрь „	1	89	2	12	+ 12
Ноябрь „	1	94	2	20	+ 13
Декабрь „	2	08	2	22	+ 7
Январь 1924 г.	2	23	2	21	— 1
Февраль „	2	44	2	15	— 12

К поддержанию курса червонца и к накоплению золотых запасов направлено было все валютное законодательство, дополнявшее внешнюю торговую политику и опиравшееся на нее.

Как известно, начало внешних торговых сношений Союза характеризовалось таким торговым балансом, в активе которого не стояло почти ничего. Голод 1921—1922 г. и необходимость ввоза продовольственных продуктов еще ухудшили положение. Ввозимые продукты и заказанные предметы оборудования оплачивались не вывозимым товаром, а золотом. Положение изменилось в 1923 году. Однако в начале 1923 года невозможно было положиться на одни результаты внешней торговой политики. Это тем более нельзя было сделать, что спрос на валюту определялся не только потребностью в ней для платежей на внешних рынках.

Иностранная валюта шла также в накопление, и ее должен был покупать для составления своего золотого фонда Государственный банк. Выпуская новую валюту и имея в виду обеспечить устойчивость ее курса, государство решило принять специальные меры к тому, чтобы эта цель была достигнута. Отсюда валютное законодательство 1922—1923 года.

Валютное законодательство эпохи военного коммунизма состояло из ряда законодательных актов, общей целью которых было из'ять у населения благородные металлы в монете, слитках и изделиях, а также и иностранную валюту и сосредоточить их в распоряжении государства. Еще декрет 17 октября 1921 г. о реквизициях и конфискациях, смягчивший некоторые постановления законодательства эпохи военного коммунизма, стоял в отношении драгоценных металлов и иностранной валюты на старой точке зрения. По остроумному замечанию Д. А. Лоевецкого, «валютные ценности этим декретом еще ставились почти в одинаковые условия с оружием и взрывчатыми веществами» («Валютная политика и валютное законодательство», 1923 г., стр. 11). Законодательство следующего года содержит некоторые послабления, но оно крайне противоречиво и неясно.

Формально почти все в области валютных сделок оставалось запрещенным. Но, так как условия хозяйственной жизни глубоко изменились, то старое законодательство постепенно превращалось в метвую букву и фактически, если не все, то весьма многое было тогда разрешено. Но никому неизвестно было, в каких частях закон действует и в каких частях он умер. Новое законодательство было совершенно необходимо, тем более, что предоставление Государственному Банку эмиссионного права делало вопрос о валютной политике злободневным.

Основы новой валютной политики были определены постановлением СНК от 20 октября 1922 г. о фондовых биржевых операциях, постановлением ВЦИК и СНК от 15 февраля 1923 г. о валютных операциях и постановлением ВЦИК и СНК от 19 апреля 1923 г. о порядке вывоза и перевода за границу валютных ценностей.

Принципы этого законодательства заключались в следующем. Валютные сделки между частными лицами и предприятиями свободны. Единственное ограничение, которое устанавливал закон, заключалось в том, что эти сделки должны совершаться либо на бирже, либо с кредитными учреждениями, имеющими право торговать иностранной валютой. Однако, и это ограничение фактически не соблюдалось (до 1926 г., когда валютные сделки, как государственных органов, так и частных лиц, стали вообще допускаться лишь с особого разрешения). Законодатель исходил тогда из того, что

частный оборот не особенно велик и что регламентация его в этой части почти невозможна. Последнее соображение было главнейшим. Государственные и кооперативные учреждения и предприятия могут приобретать валюту только на основании разрешений. Разрешения эти выдаются междуведомственным «особым валютным совещанием» при Народном Комиссариате Финансов.

Никакие платежи в пределах Союза не могут производиться иностранной валютой. Ею можно пользоваться только для расчетов по сделкам с учреждениями и предприятиями находящимися за границей. Государственные и кооперативные учреждения и предприятия обязаны держать всю свою иностранную валюту на текущих счетах в кредитных учреждениях. Кроме того, Государственый Банк имеет право преимущественной покупки экспортной валюты, т.-е. экспортер, получивший иностранную валюту за вывезенный товар, обязан предложить ее по курсу фондового отдела Государственному Банку, прежде чем он имеет право продать ее кому-либо другому.

Наконец, постановление о порядке вывоза и перевода иностранной валюты за границу, разрешая свободный вывоз лишь в пределах ограниченной суммы на одно лицо, допускает по общему правилу вывоз и перевод сверх этой суммы лишь при условии, если деньги назначены на уплату за ввозимый товар и ввоз этого товара разрешен и обеспечен.

Цель этого законодательства совершенно ясна. Она заключалась в том, чтобы уничтожить спрос на иностранную валюту со стороны государственных и кооперативных предприятий ради накопления и удовлетворять только потребности в валюте для ввоза товаров, поскольку такой ввоз разрешен и согласован с импортным планом. Она заключалась далее в том, чтобы сосредоточить возможно большее количество валюты в кредитных учреждениях и особенно в Государственном Банке.

Задача регулирования валютного рынка очень сложна даже в условиях советского хозяйства, когда государственная власть имеет дело с сравнительно ограниченным числом крупнейших промышленных и торговых организаций, притом таких, которые, будучи государственными, управляются назначенными должностными лицами. Далеко не все валютное законодательство 1923 г. было проведено тогда в жизнь. Тем не менее оно уже в то время сократило спрос на валюту и несколько облегчило Государственному Банку ее накопление. Рессурсы в золоте и иностранной валюте Госбанка по сводному его балансу (цифры которого выше, чем на балансе Эмиссионого отдела, в распоряжение которого выделяется лишь часть валютных ценностей) составляли (в млн. руб.):

	Золото	Иностранн. валюта	Итого
На 1 января 1923 г.	8,8	18,4	27,1
„ 1 апреля „	32,7	28,0	60,7
„ 1 июля „	50,1	35,7	85,8
„ 1 октября „	89,8	55,2	145,0
„ 1 января 1924 г.	90,8	104,5	194,6

Что касается размеров обеспечения банкнот по балансам эмиссионного отдела Госбанка, то они показаны ниже. Закон требовал, чтобы банкноты были в определенной мере обеспечены драгоценными металлами и устойчивой иностранной валютой. Государственный Банк шел в то время дальше требований закона и стремился на первых порах вместо установленных законом 25% поддерживать металлическое и валютное обеспечение на уровне 50%. В процентных отношениях различные виды обеспечений выражались в следующих цифрах:

	Металл. обеспеч.	Иностр. банкнот	Итого перво-клас. обеспеч.	Остальн. обеспеч.[1]	Всего
На 1 января 1923 г. .	33,7	39,0	62,7	27,3	100
„ 1 апреля „ .	53,4	1,5	54,9	45,1	100
„ 1 июля „ .	46,6	2,7	49,3	50,7	100
„ 1 октября „ .	36,0	14,4	50,4	49,6	100
„ 1 января 1924 г. .	31,6	19,5	51,1	48,9	100

В первые месяцы количество первоклассных обеспечений составляло даже больше 50%: вся банковая эмиссия была настолько невелика, что Государственному Банку приходилось ставить на баланс эмиссионного отдела вексельные и товарные обеспечения на сравнительно небольшие суммы. Однако, в дальнейшем банку пришлось пойти на снижение доли металлического и валютного обеспечения.

---

[1]) Тратты, векселя, товарные документы, товары.

* *
*

Мы описали происхождение червонца и условия его выпуска, остановились на истории банковой эмиссии и на движении покупательной силы червонца и его курса на иностранную валюту. Мы должны коснуться в этой главе еще одного вопроса. Как введен был в обращение червонец? Как установлены были первоначально его курс и его покупательная сила? Как червонец стал деньгами?

Втечение долгого времени (до денежной реформы) весьма распространена была следующая точка зрения. Банковые билеты были по существу такими же деньгами, как и казначейские деньги. Искусственными мероприятиями государственная власть создала их курс. Самые эти мероприятия возможны были потому, что в руках государственной власти находилась казначейская эмиссия, при помощи которой «делался» курс червонца. Червонец опирался на советский денежный знак. Стоило бы убрать эту опору, и все искусственно построенное здание неминуемо должно было бы рухнуть. Наиболее резкая и отчетливая формулировка этой точки зрения, известная автору, заключается в следующем.

Можно было не предоставлять эмиссионного права Государственному Банку, а выпускать две казначейские валюты: одну, валюту второго сорта, которая была бы обесценивающейся валютой (положим, «совзнаки»), и другую,— валюту первого сорта, которая была бы устойчива (положим, «червонцы»). На последнюю в соответствии с изменением цен (выраженных в совзнаках) официально устанавливался бы курс. По этому курсу государство принимало бы свою лучшую валюту во все платежи. Оно могло бы даже потребовать того же от всех предприятий и лиц. Банкнота Государственного Банка ничем-де не отличалась от такой казначейской валюты первого сорта. В ней не было какой-либо особой «добротности». Все дело заключалось в том, что государство устанавливало ее курс, опираясь экономически на советские денежные знаки и административно на свое влияние на те или другие учреждения.

Эта точка зрения улавливает такие стороны явления, которые в процессе создания и укрепления червонца, действительно, имели место, но она видит самое явление не в том, в чем оно заключалось.

Государственный Банк выпустил в обращение в ноябре 1922 г. денежный знак, относительно которого в момент его выпуска невозможно было сказать, сколько он стоит. На нем написано было, что он соответствует тому количеству золота, которое содержалось в десятирублевой монете. Но, во-первых, рынок золота был настолько ограничен, что самая

цена золота в слитках не играла в хозяйственной жизни существенной роли, и во-вторых, недостаточно было декларировать это соответствие, необходимо было его доказать. Государственный Банк приступил к разрешению задачи таким образом. На валютном рынке фунт стерлингов,—валюта тогда не вполне, но все-таки достаточно устойчивая и притом та, в которой происходили почти все наши заграничные платежи,—был уже вполне реальной величиной. Банк и поставил себе целью добиться такого положения вещей, при котором за червонец можно было бы купить фунт стерлингов. Для этого необходимо было иметь достаточное количество иностранной валюты в кассах Банка и регулировать спрос и предложение на рынке. Государственный Банк еще до начала эмиссии приступил к накоплению иностранной валюты и продолжал вести это накопление после начала выпуска банковых билетов. Внешняя торговая политика и валютное законодательство приходили ему на помощь, создав такое соотношение между спросом и предложением на валютном рынке, при котором задача становилась разрешимой. В среднем за 1923 г. курс червонца на фунты составлял 1,01 и, таким образом, в общем задача была разрешена; что в отдельные моменты отклонения бывали очень велики, в хозяйственной обстановке того времени представлялось вполне естественным.

Но эта ориентировка на фунт стерлингов требовала не одного только регулирования рынка иностранной валюты. Основной валютой оставался советский денежный знак и самое соотношение между фунтом и червонцем выявлялось только через оценку, как фунта, так и червонца в советских знаках. Курс червонца можно было поэтому регулировать не только при помощи предложения иностранной валюты на червонец, но и путем снятия червонца с рынка при помощи советских денежных знаков. Втечение первого полугодия Банк в очень сильной степени опирался на советские денежные знаки, которые предоставлялись ему с этой целью государственным казначейством.

Дело происходило таким образом. Положим, что, ориентируясь на паритет с фунтом стерлингов, Государственный Банк стремился установить на 11 января 1923 года курс 181 рубль за червонец, исходя из того, что курс фунта составлял на это число на вольном рынке 187 рублей советскими денежными знаками. Достигнуть того, чтобы фунт стоил один червонец и 33 «червонных копейки», можно было, предлагая по этой цене фунты. Но того же можно было достигнуть скупая червонцы на вольном рынке по 181 рублю. Соотношение между спросом и предложением банковых билетов могло сложиться так, что на рынке б е з в м е ш а т е л ь с т в а Б а н к а давали бы за червонец не 181 рубль, а меньше.

Действительно, вольный курс червонца составлял 11 января всего 175 руб. Если бы Государственный Банк разменивал (т.-е. скупал) банкноты на советские денежные знаки совершенно беспрепятственно, никакой разницы в курсах не могло бы существовать. То обстоятельство, что она существовала, показывает, что Банк не в полной мере мог справиться в отдельные моменты с этой частью задачи. Но в общем он справлялся с ней, как это видно из следующей таблицы, которая показывает отклонения вольного курса от официального вверх (+) и вниз (—) в Москве за первые восемь месяцев 1923 года.

Месяцы	Отклонение вольного курса от официальн. в %%	Месяцы	Отклонение вольного курса от официальн. в %%
1 января 1913 г. . .	— 4,6	1 мая 1923 г.	+ 1,1
1 февраля „ . .	— 1,4	1 июня „	— 0,5
1 марта „ . .	— 0,0	1 июля „	— 1,1
1 апреля „ . .	+ 1,3	1 августа „ . . .	0,0

Таким образом, Государственный Банк, стремясь к установлению «интервалютарного паритета», пользовался для этой цели не только иностранной валютой, но и советскими денежными знаками, и в этом смысле червонец опирался на советский денежный знак, и можно сказать, что в этом смысле он был «обеспечен» советским денежным знаком. Но, если знаки казначейской эмиссии и были теми лесами, при помощи которых строилась и поддерживалась банковая валюта, было бы все же ошибочно видеть в этих лесах самую сущность всего явления. По мере внедрения червонца в обращение и превращения его в основную валюту страны, червонец начал опираться на самую потребность оборота в деньгах и интервенции советскими знаками стали играть лишь второстепенную роль в деле регулирования его курса. Если осенью 1923 года червонец был еще поддержан выпуском советских денежных знаков, то лишь в том смысле, что вместо нежелательного нового выпуска банкнот на кредитные операции финансовое ведомство предпочло увеличить казначейскую эмиссию. Это было неизбежной поправкой к той кредитной политике, которая велась втечение летних месяцев, но не выпуском советских денежных знаков для прямого поддержания курса банкнот.

В последние же месяцы 1923 года советские денежные знаки не играли в поддержании курса червонца никакой роли. С октября 1923 года вольный курс червонца стоял в Москве, а с ноября—декабря и почти повсеместно в провинции выше официального курса. Покупательная сила червонца зависела уже только от состояния товарного рынка и темпа накопления, а его курс на доллары и фунты—от состояния валютного рынка.

Червонец, действительно, вошел в обращение, опираясь на советский денежный знак. Но после того, как его курс был «сделан» и его свойства определились, после того, как и ценностное исчисление стало происходить в червонных рублях и червонец превратился в основное платежное средство,—банковый билет стал держаться на том же, на чем держится всякая бумажная валюта: на потребности торгового оборота в деньгах и на внешнем платежном балансе. К концу 1923 года нельзя было даже сказать, что дальнейшее распространение банковых билетов возможно за счет оттеснения советского денежного знака: этот знак был уже оттеснен и играл только роль разменных денег, т.-е. был замкнут в том секторе денежного обращения, в котором его не в состоянии был настигнуть банковый билет. С этой точки зрения советский знак выполнил свое назначение по отношению к червонцу, и леса можно было снять. Мы увидим в следующей главе, что сделать это было не только возможно с указанной точки зрения, но и необходимо по всему состоянию денежного обращения.

Глава VII

СИСТЕМА ПАРАЛЛЕЛЬНОГО ОБРАЩЕНИЯ И АГОНИЯ СОВЗНАКА.

С введением червонца у нас установилась система двух бумажных валют: банковой и казначейской. Одна была устойчива, по крайней мере, в том смысле, в каком могла быть устойчивой валюта в условиях хозяйства, восстановление которого началось всего 2—2½ года назад. Другая продолжала быстро обесцениваться. Две параллельно циркулирующие валюты не могут вполне мирно уживаться одна рядом с другой; они находятся в постоянной борьбе друг с другом. К этой борьбе не приложим закон Грешама о вытеснении лучших денег худшими деньгами, ибо закон этот имеет в виду две металлические валюты, при коих деньги имеют не только свое номинальное «достоинство», но могут также расцениваться по количеству содержащегося в них металла и могут переплавляться в слитки, если такое превращение их представляется коммерчески выгодным. Борьба двух параллельных бумажных валют подчиняется особым законам.

Червонцы были лучшими деньгами, чем советские денежные знаки. Но и те, и другие были бумажными деньгами, т.-е. им могло быть дано, если пользоваться распространенным в настоящее время кнапповским термином,— одно только циркуляторное употребление: ими можно было пользоваться только как деньгами, и их нельзя было непосредственно превратить в пригодный для какого-либо иного употребления товар. Одни бумажные деньги не могут вытеснить другие бумажные деньги в том смысле, в каком золотые деньги могут вытеснить серебряные или наоборот. Если вытеснение одних бумажных денег другими и происходит, то оно совершается совсем иначе.

Червонцы были лучшими деньгами, чем советские денежные знаки, и поэтому вполне естественно, что всякий держатель советских денежных знаков должен был стремиться обменять их на червонцы. Временной границей этого

стремления служило недостаточное знакомство с банковыми билетами. Как ни быстро происходило внедрение их в обращение, прошли все же месяцы, прежде чем население деревень, и особенно окраин, вполне ознакомилось с ними и убедилось в их преимуществах перед непрерывно обесценивавшимися, но зато привычными деньгами. Эта преграда стремлению превращать падающие деньги в устойчивые должна была все более утрачивать свое значение, но втечение первого полугодия банковой эмиссии роль ее была очень велика: Государственному Банку и Народному Комиссариату Финансов пришлось принимать меры к ознакомлению населения с червонцем, и на это потребовался некоторый срок.

Но распространению червонцев, кроме этого временного предела, положен был еще другой, твердый предел, имевший несравненно большее значение. Самой мелкой купюрой банковых билетов по закону является один червонец. Между тем, хозяйственный оборот нуждается в более мелких деньгах. Роль этих более мелких денег продолжали выполнять одни только советские денежные знаки, если не считать пятирублевых транспортных сертификатов, которые были выпущены на небольшую сумму в конце 1923 года и в начале 1924 года. За советскими денежными знаками сохранена была поэтому известная, хотя и ограниченная, сфера хождения, в которой они не конкурировали с лучшею банковой валютою.

Отсюда ясно, что должно было произойти в результате борьбы червонца с советскими денежными знаками. Банковые билеты должны были вытеснить советские знаки из сферы крупного и среднего денежного оборота, оставив за ними лишь мелкий оборот. Другими словами, советские денежные знаки должны были превратиться в разменные деньги в отношении к банковым деньгам. Вопрос о том, должна ли была в связи с этим уменьшиться и реальная ценность всей казначейской бумажно-денежной массы, разрешался в зависимости от того, расширялся ли или не расширялся в то же время товарный или, точнее, платежный оборот. При стационарном платежном обороте, т.-е. при неизменной потребности народного хозяйства в деньгах, должно было происходить абсолютное вытеснение советских денежных знаков червонцами. При расширяющемся обороте дело могло ограничиться относительным вытеснением.

Однако, на первых порах, пока банковые билеты не были еще окончательно усвоены оборотом и не превратились в привычные платежные средства, а представляли скорее ценную бумагу на пред'явителя с платежом по пред'явлении, могли наблюдаться и, действительно, наблюдались и иные отношения между советскими знаками и червонцами. Бан-

ковые билеты были в нашем валютно-фондовом обороте начала 1923 года лишь особо удобною для хранения ценной бумагой, не столько деньгами, сколько товаром, на который существовал определенный спрос. Появление новой бумаги-товара даже расширяло оборот, увеличивая количество денег, необходимых для обслуживания его, и в этой стадии развития нашего банкнотного обращения червонец не только не вытеснял казначейского знака, но даже укреплял его положение, создавая новый рынок, на котором казначейские деньги могли циркулировать. На этой почве в начале 1923 г. получил даже распространение крайне оптимистический взгляд на соотношение между двумя валютами. В развитии нашего денежного обращения такое положение было, однако, лишь кратким эпизодом. По мере превращения банковых билетов в общеупотребительные платежные средства, червонцы неминуемо должны были вступить в борьбу с денежными знаками казначейской эмиссии.

Анализ отношений между казначейскими и банковыми бумажными деньгами не может, однако, ограничиться этими общими замечаниями. В действительности дело не сводилось и не могло сводиться к тому, что червонцы заняли один сектор денежного обращения, а за советскими знаками остался другой. Положение было более сложным.

Систему денежного обращения, построенную на хождении на равных основаниях денег из двух металлов, называют биметаллизмом. Биметаллизм известен в двух видах: в виде двойного и параллельного обращения. При двойном обращении соотношение между ценностью золотой и серебряной монеты фиксируется законодательной нормой, которая исходит из соответствующей средней расценки на рынке золота и серебра. Закон устанавливает, например, что серебряный франк чеканится из весового количества серебра в 16 раз большего, чем то весовое количество золота, из которого чеканится золотой франк; законодатель опирается при этом на то, что золото стоит в 16 раз дороже серебра. Затем серебряному франку присваивается такая же платежная сила, как и золотому. Для золотой и серебряной монеты устанавливается свобода чеканки. Закон Грешама о вытеснении худшими деньгами лучших денег собственно и относится к этому виду системы биметаллизма. Если золото начинает расцениваться на рынке дороже, чем установлено законодательной нормой, и стоит, положим, не в 16, а в 20 раз дороже серебра, то владелец 80 франков золотом, имеющий обязательства на 80 франков, может купить на рынке такое количество серебра, из которого монетный двор отчеканит ему не 80, а 100 франков серебром; восьмидесятью франками он покроет свои обязательства, а 20 франков составят его барыш. В этих условиях золотые монеты

превращаются в слитки и монетному двору пред'является для чеканки серебро, пока все денежное обращение из двойного не становится серебряным: худшие деньги вытесняют лучшие.

При параллельном обращении так же, как и при двойном существует свобода чеканки, но не существует законом установленного твердого соотношения между деньгами из обоих металлов, хотя бы эти деньги и носили одно и то же наименование. Соотношение это устанавливается рынком и соответствует рыночной расценке обоих металлов. В этох условиях нет ни лучших, ни худших денег, ибо платежная сила денег определяется рыночной ценой того металла, из которого они изготовлены. Нет поэтому оснований к тому, чтобы одни деньги вытеснялись другими. Золотые деньги имеют постоянно меняющийся курс на серебряные деньги. Серебряные деньги имеют постоянно меняющийся курс на золотые. И те и другие остаются постоянно в обороте.

Мы имели не две металлические, а две бумажные валюты, из коих одна была относительно устойчивою, а другая падающей. Не могло быть поэтому и речи о том, чтобы законодатель установил твердое ценностное соотношение между той и другой. Если проводить аналогию между двумя бумажными и двумя металлическими валютами, то надо сказать, что мы имели систему не двойного бумажного, а параллельного обращения. Ценностное соотношение между банковыми и казначейскими деньгами определялось спросом и предложением, т.-е. рыночными условиями. Если кредитор получал от должника вместо червонца столько-то тысяч рублей советскими денежными знаками, он ничего н е д о л ж е н был терять, ибо он получал их по рыночному курсу и, следовательно, мог при желании превратить их, в свою очередь, в червонец. Казалось бы, что в таких условиях параллельного обращения процесс борьбы между двумя бумажными валютами должен был исчерпываться тем оттеснением советского знака на место разменных денег, о котором речь была выше.

В действительности, однако, борьба между червонцами и советскими денежными знаками этим не исчерпывалась. Мы имели параллельное обращение двух бумажных валют, но н е в п о л н о м с м ы с л е с л о в а, и из этого обстоятельства вытекали такие осложнения, которые крайне тяжело отражались на хозяйственной жизни и должны были явиться в конце-концов одним из мотивов к ликвидации той системы, которая в свое время отвечала потребностям хозяйственного оборота, но чрезвычайно быстро изжила себя. Дело заключалось в следующем.

Валютой советских республик (кроме Зак. Федерации и ДВО) оставался советский денежный знак. Сделки, за-

ключенные в червонцах, могли быть поэтому ликвидированы как уплатой банкнотами, так и платежом советскими денежными знаками. Из'ятие сделано было только для Государственного Банка, который имел право требовать уплаты банкнотами по обязательствам, выписанным в червонцах, и для всех вообще векселей, выписанных в банковых билетах Государственного Банка (постановление Совета Народных Комиссаров от 31-го июля 1923 г.).

Если обязательство, выраженное в червонцах, оплачивалось советскими знаками, или товар, цена которого была выражена в червонных рублях и копейках, оплачивался казначейскими деньгами, то перечисление должно было происходить по какому-либо курсу. Таким курсом мог быть только какой-либо бесспорный, т.-е. зафиксированный компетентным органом, курс. Этими курсами сперва были местные курсы товарных бирж или фондовых отделов, а постановлением ЦИК и СНК от 17-го октября 1923 г., таким курсом повсеместно был об'явлен курс фондового отдела Московской Товарной Биржи. Таким образом, устанавливалось законное соотношение между двумя валютами и хотя оно устанавливалось не на продолжительный срок, а всего на 24 часа, оно все же влияло в течение этого короткого промежутка времени, как всякий легальный курс влияет на торговый оборот. Официальный курс фондового отдела мог совпадать с курсом вольного рынка, мог быть выше или ниже его. Наша годовая практика знала все эти случаи. Совпадение курса в полном смысле, правда, вообще с трудом могло иметь место, потому что советский денежный знак был почти непрерывно падающей валютой и поэтому курс, точно отражавший состояние рынка в $2\frac{1}{2}$ часа данного дня, когда кончалось заседание котировальной комиссии, на утро следующего дня должен был уже несколько отставать от действительной цены червонца. Однако, в периоды медленного обесценения советского знака и спокойного состояния рынка такое расхождение курсов не могло иметь большого значения. Но нередко, особенно во вторую половину 1923 года, расхождения были настолько велики, что они становились для денежного обращения весьма существенными.

Превышение официального курса червонца над вольным означало во всяких условиях, что в обращении имелся некоторый излишек банковых билетов. Но конкретные условия, в которых наблюдалось такое соотношение курсов, бывали очень различны. В первые месяцы дело заключалось в том, что, внедряясь в оборот, червонец встречал еще известное сопротивление и Государственный Банк не успевал обменивать на советские знаки все банкноты, которые он выпускал в обращение. По этой причине, например, вольный

курс в Москве стоял 1 января 1923 г. на 4,6%, 11 января на 3,3%, 21 января на 5,3% ниже официального. В осенние месяцы такое же соотношение получается в результате иной обстановки и уже не в Москве, а на окраинах. Масса червонцев в обращении к этому времени значительно возросла, а масса советских денежных знаков по своей ценности падала. Когда с началом реализации урожая обороту потребовались мелкие деньги, их не оказалось налицо. Большие осенние выпуски советских денежных знаков, о которых речь будет еще ниже, были вызваны отчасти необходимостью ликвидировать разменный кризис, наметившийся уже местами в конце июля, усилившийся в августе и развившийся с большой остротой в сентябре и октябре. В тех районах, в которых шла реализация сельскохозяйственных продуктов,—хлеба на юге и юго-востоке, хлопка в Туркестане,—скидка с официального курса червонца доходила до 10%, при чем бороться с этим явлением было тем более трудно, что уже в силу инерции вновь выпускаемые в обращение советские знаки продолжали обесцениваться и ценность всей массы казначейских знаков, т.-е. мелких денег, возрастала крайне медленно.

Но едва удалось ликвидировать разменный кризис, как началось обратное явление. Возобновился и ускорился процесс быстрого обесценения советских знаков, происходивший летом и ослабленный на короткое время той конъюнктурой, которая создалась на рынке благодаря хлебозаготовкам и сбору сельскохозяйственного налога. Вольный курс червонца стал опережать официальную котировку, при чем разницы стали особенно велики во второй половине декабря 1923 г. и в январе 1924 г., и в провинции часто были более значительны, чем в Москве, доходя до 5—8 и даже до 10 и более процентов.

Для народного хозяйства тягостно было, как расхождение курсов, свидетельствовавшее об относительном избытке червонцев, т.-е. о кризисе размена, так и расхождение, указывавшее на относительный недостаток их, т.-е. на то, что при официальном курсе спрос оставался неудовлетворенным. Но последствия для денежного обращения в этих двух случаях были различны. Советский знак в первом случае не уходил из обращения, ибо хотя он и расценивался рынком дороже, чем ценила его официальная котировка, он все же оставался падающей валютой, темп обращения которой мог несколько замедлиться, но которую никто не стал бы приберегать на долгий срок. Совсем иначе дело обстояло при превышении вольного курса червонца над официальным. Так как почти все платежи можно было производить в советских денежных знаках по официальному курсу, то всякий стремился платить советскими деньгами, а не банк-

нотами. Тот, кто имел банкноты, продавал их прежде, чем внести платеж продавцу товара или своему кредитору. Предприятие, получившее советские знаки, во избежание увеличения убытков стремилось немедленно превратить советские денежные знаки в червонцы и скорее готово было заплатить за банкноту по вероятному завтрашнему курсу, чем дать им заночевать в кассе. Такое положение создало механизм, при котором официальный курс не в состоянии был угнаться за вольным. И вместе с тем, такое положение вызывало уход червонца из обращения. Банковый билет, с одной стороны, уходил в накопление, и, с другой, становился спекулятивной бумагой, в игре с которой участвовало все городское и частью даже негородское население страны.

Система параллельного обращения, установившаяся с предоставлением эмиссионного права Государственному Банку, имела на первых порах благоприятные последствия.

Во-первых, она дала народному хозяйству довольно устойчивую валюту, без которой немыслимо было то укрепление хозяйства, которое, несомненно, имело место в течение 1923 г. Хозяйственные предприятия получили возможность калькулировать и составлять балансы; «хозяйственный расчет» сделался реальным явлением в экономической жизни.

Во вторых, она устранила опасность внедрения в обращение иностранной валюты и золотой монеты, опасность, которая была в 1922 году весьма серьезной и могла разрушить всю работу по восстановлению финансов.

В третьих, она дала возможность увеличить количество денег в стране, ибо оборот «принял» значительно большую сумму устойчивых банкнот, чем он принял бы обесценивающихся советских денежных знаков. Никогда старая казначейская эмиссия не могла бы дать в этом отношении таких результатов, какие дала эмиссия Государственного Банка. А это позволило расширить кредитование промышленности и торговли в таких размерах, которые без выпуска червонцев были бы совершенно немыслимы.

В четвертых, эмиссия червонцев позволила укрепить связь с мировым хозяйством, завязать сношения с иностранными кредитными учреждениями и приступить к налаживанию дела получения иностранных коммерческих кредитов.

Но медаль имела и свою оборотную сторону и чем дальше, тем более система параллельного обращения банковых билетов и казначейских знаков изживала себя.

1. Расхождение между официальными и вольными курсами становилось по временам столь болезненным и вредным, что уже одно это обстоятельство заставляло искать какого-либо выхода из создавшегося положения. Поскольку каждый обыватель является покупателем или продавцом червонцев, спекулятивная горячка распространялась

эпидемически и становилась всеобщей болезнью. А для хозяйственных предприятий валютные сделки стали необходимостью, ибо без биржевых операций на улице, на полуофициальной или официальной бирже они не могли уже существовать. Но мало того, что все начали «спекулировать», создались еще и другие условия, вносившие серьезное расстройство в хозяйственную жизнь.

2. Введение новой валюты имело одной из своих главнейших задач сделать реально возможным «хозяйственный расчет». А тот валютный хаос, в который вырождалось в конце концов параллельное обращение, снова подрывал возможность хозяйственного расчета. Серьезное калькулирование требует внимательного отношения к самому незначительному накладному расходу, учета каждой доли процента в издержках производства, транспорта и торговли. В атмосфере постоянной валютной спекуляции такой точный и тщательный расчет становился бесполезным и делался поэтому психологически невозможным. Покупка червонцев или внесение их на текущий счет на час раньше или позднее давали прибыль или убыток, иногда сразу в 2—3, даже в 5 и больше процентов. При таких условиях особенно внимательное отношение к накладным расходам утрачивало всякий смысл, и центр тяжести хозяйствования переносился на удачное ведение валютных операций. Нет надобности доказывать, в какой мере это должно было разрушительно действовать на хозяйство.

3. Вытеснение твердой валюты из обращения и возврат к платежам падающей валютой при исчислении цен в валюте устойчивой (так называемом «червонном исчислении»), с обязательным последующим превращением падающей валюты в устойчивую путем покупки червонцев на рынке, приводили к таким результатам. Розничный торговец торговал в течение дня и касса его наполнялась советскими денежными знаками. Лишь на следующий день он мог превратить их в червонцы. Он терял, во-первых, на том, что деньги ночевали в его кассе, и, во-вторых, на том, что, принимая советские знаки на основании закона по официальному курсу, он покупал червонцы по курсу вольному. Он клал на под'ем курса за сутки 3—5% и на разницу между официальным и вольным курсом приблизительно столько же. Он прибавлял в целях курсовой страховки то 5%, то 10% и часто еще больше на цены, имея в виду, что он получает их советскими знаками. Но поскольку его цены выражены были уже в червонных рублях и копейках (а это к началу 1924 г. стало, по крайней мере, в большинстве случаев всеобщим явлением), поднималась и «золотая» цена товаров, т.-е. цена в устойчивой валюте. Цены в червонцах возрастали не потому (или не только потому), что покупательная сила чер-

вонца действительно снижалась, а потому, что создался такой механизм платежей, расчетов и курсовых разниц, который извращал все положение на рынке. Это относилось преимущественно к розничной торговле, но распространялось отчасти и на оптовую, ибо и у оптовика были курсовые потери, которые он переносил на покупателя, а на рынке сельскохозяйственных продуктов у производителя-продавца эти потери составляли самое обычное явление.

4. Никто не хотел нести убытки на обесценении и в народном хозяйстве велась напряженная борьба за то, чтобы переложить их на чужие плечи. Промышленность и торговля стремились перебросить их на банки, а банки в свою очередь стремились перебросить их на своих клиентов, т.-е. на промышленность и торговлю. Сравнительно поздно крестьянство начало принимать участие в этой борьбе, но в конце концов выступило и оно. Деятельность кредитных учреждений, которые имеют дело только или преимущественно с деньгами, становилась особенно ненормальной. Чтобы застраховать себя от потерь на курсе, предприятия несли свои советские знаки в банки и клали их на текущие счета «в червонном исчислении». Банки старались ограничить эту операцию, но отказаться от нее не могли и пытались принимать деньги не по сегодняшнему, а по завтрашнему курсу; часть убытка этим была уже переложена на клиента. Однако, и при таких условиях нельзя было долгое время держать деньги в кассе; на следующий день их необходимо было во что бы то ни стало разместить. При выборе клиентов и разрешении ссуд кредитные учреждения, естественно, становились менее осмотрительными и это ухудшало качество их работы: банковые активы делались менее солидными.

5. Создались совершенно ненормальные отношения между городом и деревней. Более зажиточный слой крестьянства имел уже червонцы, но для крестьянской массы червонец был слишком дорог и недоступен. Он оставался еще редкостью в деревне. Оказалось, что червонец стал преимущественно городской валютой, а деревня осталась преимущественно при советском денежном знаке. Но крестьянство прониклось уже сознанием, что получить советский денежный знак за товар—весьма невыгодная операция. Ему пришлось делать то, что давно уже делал город. Оно продавало свои продукты лишь в той мере, в какой выручка могла быть немедленно обращена на покупку необходимых ему предметов. На базаре крестьянин сперва приценивался к гвоздям, ситцу и т. п., и потом продавал ровно столько продуктов, сколько необходимо было для покупки фунта гвоздей или 5 аршин ткани. Он мог бы продать 10 пудов льна, но он привозил на базар только 1 пуд, из которого

он 20 ф. вез еще обратно в деревню. Подвоз сельскохозяйственных продуктов стал сокращаться. Цены сельскохозяйственных продуктов возрастали. Индекс сельскохозяйственных товаров Госплана, с 1 ноября по 1 января повысился на 544%, а промышленных товаров на 387%. Это выравнивание цен (после периода низких цен на с.-х. продукты) имело бы свою хорошую сторону, если бы, однако, оно не сопровождалось сокращением товарного оборота, т.-е. разложением самой основы хозяйственной жизни.

6. Рабочие, получавшие заработную плату в советских знаках (а предприятиям выгодно было платить советскими знаками, а не червонцами), вынуждены были немедленно обращать деньги на закупку товаров. Распространение сети сберегательных касс, принимавших мелкие вклады в «золотом исчислении», вносило только некоторый корректив в это положение. Выдача заработной платы и затем выбрасывание всей массы ее на рынок в короткие сроки вызывали периодически резкие колебания курсов.

7. Наконец, и доходы государственного казначейства от эмиссионной операции становились все более сомнительными. Не говоря уже о том, что при условии, когда большая часть промышленных предприятий, весь транспорт, все средства связи принадлежат государству, так называемый «эмиссионный налог» почти целиком ложится на государственные же плечи и становится лишь механическим приемом фиктивного сбалансирования всего государственного хозяйства в целом, даже с точки зрения интересов казначейства в самом узком смысле он все более утрачивал всякий смысл. В кассах Народного Комиссариата Финансов, Н. К. Путей Сообщения и Н. К. Почт и Телеграфов, состоящих на государственном снабжении, постоянный остаток кассовой наличности был настолько велик, что курсовые потери их составляли более 7—8 млн. рублей в месяц, т.-е. половину разрешенной (см. ниже) на покрытие бюджетного дефицита эмиссии.

8. И в довершение этого, торговый оборот в борьбе со всеми указанными последствиями расстроенного денежного обращения начал выдвигать суррогаты мелких денег, чтобы освободиться от советских денежных знаков. Выпускались всевозможные расчетные знаки, боны, талоны и проч. в золотом исчислении, назначением которых было заменить устойчивые мелкие деньги. Особенно много выпущено было таких суррогатов в августе—сентябре—октябре 1923 года. Мерами административного и судебного воздействия эта вспышка была потушена. Но то здесь, то там такие же попытки обнаруживались опять. Государство в состоянии были побороть их, но они показывали вместе с тем, насколько ненормально было состояние денежного обраще-

ния, если оборот пытался заменить государственные деньги своими собственными.

Система параллельного обращения двух бумажных валют возможна была только в качестве системы переходной. Весь смысл ее заключался в том, чтобы на совзнаке вырастить червонец, сохранить совзнак до тех пор, пока по состоянию государственного бюджета он был необходим и пока он еще кое-как мог существовать, с тем, чтобы реформировать затем всю денежную систему. Совзнак, в силу самой природы установленной с введением банковой эмиссии денежной системы, шел «к неотвратной гибели». Утверждая это, мы тем самым говорим, что денежная политика рассматриваемого периода неизбежно *вела* к его уничтожению, хотя бы она и стремилась затянуть процесс его ликвидации. Когда же она сама осознала это и последовательно пошла по этому пути? Через какие этапы прошел в течение последних полутора лет своего существования «казначейский денежный знак», преемственно связанный с «расчетным знаком РСФСР» и через него с «государственным кредитным билетом»?

Ранней осенью 1922 года в Народном Комиссариате Финансов разрабатывались планы быстрого сокращения казначейской эмиссии бумажных денег. Имелось в виду уменьшить выпуск их до конца года, прекратить его в январе и возобновить лишь в мае. К концу года хотели приурочить кредитную операцию и приступить к этому же времени к истребованию ранее выданных казначейских ссуд. Редактор «Экономической Жизни», органа Совета Труда и Обороны, Г. Крумин, писал в то время в номере газеты от 16 сентября, специально посвященном бюджетно-финансовым вопросам: «Да, стабилизация (конечно, относительная) советского рубля—как основная практическая задача дня, как основная характеристика финансовой политики на весь предстоящий год. Это ясно каждому более или менее вдумчивому экономисту, понимающему конкретные особенности хозяйственного бытия Советской Республики в данный момент». Заместитель Народного Комиссара Финансов, М. К. Владимиров, вел в то время работу по составлению соответствующего плана с большой настойчивостью и, кажется, довольно оптимистически относился к ней. Задача оказалась в то время неразрешимой, и потребовалось больше года для того, чтобы достигнуть намеченных тогда результатов, при чем этот год заставил поставить валютную проблему в совершенно новой плоскости.

Во всяком случае этот эпизод показывает, что накануне выпуска червонца финансовое ведомство отнюдь не

собиралось еще предпринимать быстрые шаги к ликвидации совзнака. Не собиралось оно это делать еще и значительно позднее.

Уже после начала банковой эмиссии, на этот раз преимущественно среди части руководителей Государственного Банка, в течение некоторого времени распространен был взгляд, что банковый билет—не угроза советскому знаку, а, наоборот, может быть даже поддержка ему. На первых порах, как мы видели уже выше, этот взгляд как будто оправдывался тем, что банковые билеты не сразу получили значение платежных средств, а служили бумагой для временного сбережения ценностей, которых все равно никто уже не хранил в совзнаках, а все хранили либо в товарах, либо в золоте, либо в иностранной валюте. Такая концепция находила подтверждение в том, что как раз после начала банковой эмиссии темп обесценения советских денежных знаков замедлился. Рост цен составлял в течение последних двух месяцев до выпуска червонцев (в октябре и ноябре) 57,5% и 42,1% по всероссийскому индексу статистики труда, а в следующие месяцы—29,2% (декабрь), 30,4% (январь) 12,3% (февраль) и 26,2% (март). Вместе с тем рост цен был меньше, чем в соответствующие месяцы предыдущего года. Так, декабрь 1921 года дал повышение индекса на 105,7%, а декабрь 1922 года—на 29,2%; для января 1922 года мы имели 89,4%, а для января 1923 г.—30,4%; для февраля—111,6% и 12,3%; для марта—118,3% и 26,2%. Конечно, все помнили, что предыдущий год был голодным, а 1922—23 г. урожайным. Тем не менее такие тенденции в области развития цен производили сильное впечатление и поддерживали убеждение в том, что новые деньги не только не опасны для «совзначной системы», но, пожалуй, еще и полезны для нее. Мы упоминаем об этой точке зрения тоже преимущественно для того, чтобы показать, что вопрос о судьбе советских знаков в начале 1923 года не был еще предрешен. Или, точнее, он был предрешен создавшимися об'ективными условиями, но не у всех руководителей финансовой политики Советского Союза выкристаллизовалась уже определенная точка зрения на него.

Наконец, еще летом 1923 года, а именно 7-го июля, издается постановление Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, ограничивающее размеры эмиссии суммой в 15 млн. рублей золотом в месяц, и это постановление производит впечатление, что правительство имело еще намерение задержать обесценение советских знаков и этим путем оздоровить денежное обращение. О действительном значении законодательных актов нельзя, конечно, судить только по тому, что говорится или пишется в обоснование их. Об'яснительная записка к проекту постановления об ограни-

чении эмиссии ссылалась на быстрый темп обесценения бумажного рубля при значительных выпусках совзнаков и при попытках извлечь из эмиссии большой доход для государственного казначейства. Она указывала, далее, на все большее распространение в обращении банковых билетов. И, отмечая сокращение относительного значения эмиссии в государственном бюджете за прошедшее время, заявляла следующее: «значительное относительное уменьшение роли эмиссии в бюджете дает основание Наркомфину направить свои мероприятия по улучшению бюджета таким образом, чтобы постепенно, все больше и больше снижая процент эмиссии в бюджете, фактически отказаться от эмиссии, как регулярного средства покрытия дефицита к 1 января 1924 г.». В действительности отказ произошел, как известно, всего на шесть месяцев позднее, и хотя в обстановке того времени полгода были значительным сроком, тем не менее существенно не это. Важно то, что прекращение казначейской эмиссии бумажных денег произошло в условиях и в форме, на которую в об'яснительной записке не содержится еще никакого намека.

Декрет разрешал до 1-го августа эмиссию в сумме не свыше 30 млн. рублей золотом в месяц, а с 1-го августа не свыше 15 млн. Можно было, правда, предполагать, что такое сокращение эмиссии несколько задержит обесценение бумажного рубля, но сумма в 15 млн. руб. в месяц или 180 млн. руб. в год при ценности всего денежного обращения, примерно, в 250 млн. руб. (август 1923 г.) была настолько велика, что едва ли можно было думать о серьезном оздоровлении условий денежного обращения при установленной норме казначейской эмиссии бумажных денег. Действительное значение декрета 8 августа лежало скорее в другом. Он фиксировал определенные пределы непокрытого кредитными операциями бюджетного дефицита, заставлял принимать усиленные меры к использованию обыкновенных доходных источников и ограничивать расходную часть государственного бюджета. Это был акт скорее бюджетной, нежели валютной политики, хотя мы и должны признать, что наши соображения по этому вопросу носят предположительный характер и у лиц, вотировавших этот закон, едва ли было единое мнение о его значении и его целях.

Положение вещей в течение 1922—1923 года можно схематически описать следующим образом. При существовавших условиях предоставление Государственному Банку эмиссионного права об'ективно обрекало совзнак на постепенное умирание. Вопрос заключался главным образом в том, будет ли это умирание медленным или быстрым. Однако, до лета 1923 года в руководящих экономической политикой кругах совзнак не считался «обреченным», по крайней мере

ликвидация его в очень близком времени по тому микроскопическому курсу, по которому она была произведена в начале 1924 г., не считалась неизбежной. Может быть, эту характеристику следует отнести к периоду не только до лета, но даже до ранней осени 1923 года. Как ни относиться к декрету 8 августа 1923 года и в чем бы ни видеть подлинное его содержание, факт издания этого постановления скорее подтверждает последнее предположение.

Осенью 1923 года в состоянии денежного обращения уже совершенно явственно обнаружился перелом, и тогда окончательно определилась политика ликвидации совзнака. Но надо оговориться: об'ективно ликвидация началась значительно раньше, и некоторые элементы процесса, о которых нам приходилось упомянуть, не умещаются в хронологические рамки осени-зимы 1923—1924 года.

Одним из существеннейших элементов этого ликвидационного процесса было так называемое «золотое исчисление». Таким же элементом было, конечно, и «товарно-индексное исчисление». Об этих методах ценностного счета мы достаточно подробно говорили в одной из предыдущих глав. Здесь речь идет только об их прямом влиянии на судьбу совзнака.

Практика установления цен в золотых или индексных рублях, с производством расчета советскими денежными знаками по курсу, сама по себе должна была стать одним из факторов обесценения совзнака. Она автоматически заставляла всех равняться по среднему росту цен. Конечно, она не была причиной этого роста. Рост происходил бы и независимо от нее в силу непрекращавшихся выпусков бумажных денег. Но золотое исчисление упрощало механизм под'ема цен и, главное, подстегивало рост цен в тех отраслях торговли, которые не всегда поспевали за средним уровнем, покуда они не усваивали сами этого механизма. Это можно было очень легко проследить по процессу ценообразования в области торговли продуктами сельского хозяйства. Покуда крестьяне считали в совзнаках, они часто прогадывали, не поспевая за движением обесценения бумажных денег. С осени 1923 года они стали осваиваться с новой системой денежного счета и рост цен на сельскохозяйственные продукты получил такой же систематический характер, как и рост цен всех остальных товаров и услуг. Что же касается взимания железно-дорожных тарифов и налогов в золотом исчислении, то оно прямо и непосредственно заставляло повышать цены в соответствии с изменившимися накладными расходами. Это выступало особенно отчетливо и резко, когда переломы происходили круто при переходе от одного месяца к другому, но это происходило не менее неуклонно и с большей еще силой, когда переоценка стала совершаться изо дня в день.

Из всех отдельных случаев применения золотого исчисления наибольшее значение в качестве удара по совзнаку имел перевод на золотое исчисление расходной части государственного бюджета. В последнее время до этого перехода бюджетная практика заключалась в следующем. Месячный бюджетный план составлялся и утверждался в золотых рублях. И одновременно с его утверждением устанавливался коэффициент, по которому золотые рубли бюджетного плана переводились в «совзначные рубли» для оплаты кредитов. Коэффициент приблизительно соответствовал индексу товарных цен, и по этому коэффициенту переводились в «совзначные рубли» все кредиты, подлежавшие открытию в течение данного месяца. Тот, кто получал деньги из казначейства в начале месяца, был в относительном выигрыше, тот, до которого доходила очередь в конце месяца, проигрывал. С точки зрения ограничения казначейской эмиссии очевидная выгода этого порядка заключалась в том, что в течение месяца платежи казны по бюджету не следовали за обесценением совзнака и сокращались те реальные суммы, которые расходовались по бюджету. Учреждения, финансируемые по бюджету, конечно, недополучали того, что бюджет как бы имел в виду им дать.

В последние месяцы 1922—1923 бюджетного года этот порядок начал видоизменяться: в августе-сентябре Наркомфин дал уже обязательство выплачивать некоторые кредиты (по металлической промышленности) по курсу дня. С начала же нового 1923—24 бюджетного года (с 1-го октября) исполнение всего бюджета было переведено на золотое исчисление, и все кредиты стали выплачиваться по курсу дня золотого рубля. Этот новый способ исполнения бюджета должен был дать сильнейший толчок дальнейшему обесценению бумажного рубля. Он был неизбежен, так как все хозяйство перешло уже к этому времени на ценностный счет в твердых единицах и так как отсутствие такого счета на одном, но в высшей степени важном, участке разрушало хозяйственные расчеты огромного числа учреждений и предприятий и дезорганизовывало хозяйственную жизнь. Этот новый способ оплаты кредитов был необходим еще и потому, что без него не могло быть обосновано требование Наркомфина получать все платежи по доходной части бюджета в золотом исчислении. Но все эти обязательства не устраняли, конечно, тягчайших последствий постоянного пересчета для советского денежного знака.

До 1 октября 1923 года бюджетная платежная сила совзнака менялась раз в месяц. С чисто бюджетной точки зрения наличность касс Наркомфина в течение месяца как бы не подвергалась обесценению. Затем она резко обесценивалась с 30 или 31-го числа одного месяца на 1-е число

следующего месяца и снова наступало месячное затишье. После 1-го октября обесценение кассовой наличности стало происходить изо дня в день и на покрытие его необходимо было выпускать новые бумажные деньги. И одновременно приходилось изо дня в день оплачивать ассигновки, выписывавшиеся уже не в советских бумажных рублях, а в золотых рублях по постоянно повышавшемуся курсу. Значение же финансового хозяйства в нашем денежном хозяйстве так велико, что появление этого нового фактора добавочной эмиссии и обесценения казначейских денег должно было оказать самое жесткое влияние на казначейскую денежную систему.

Это был очень важный элемент описываемого ликвидационного процесса. Другим очень существенным эпизодом в развитии нашего денежного обращения в предреформенные месяцы был упомянутый уже выше в этой главе разменный кризис конца лета 1923 года.

При параллельном обращении банковых билетов и советских денежных знаков и неизбежной несогласованности банковой и казначейской эмиссии, в обращении, естественно, должен был постоянно появляться то относительный недостаток червонцев, который означал, что по существующему курсу червонцы нельзя было купить, то относительный недостаток совзнаков, который означал, что по существующему курсу червонцы нельзя было разменять. Ко времени начала реализации урожая 1923 года налицо было явление невозможности размена червонцев и недостатка мелких денег, т.-е. разменного кризиса. Этот кризис принял самые острые и тяжелые формы, и ликвидация его оказалась столь трудным делом, что, в сущности, он так и не был ликвидирован валютными мероприятиями, а был только постепенно изжит, благодаря тому, что, с ослаблением хода заготовок хлебов, сократился сам собою спрос на мелкие купюры бумажно-денежных знаков. Хуже всего дело обстояло в районах интенсивных хлебных заготовок как на сельских рынках, так и в городах, особенно на побережьи Черного и Азовского морей. Можно было бы привести неограниченное количество примеров тех непреодолимых трудностей, которые испытывали крестьяне и хлебозаготовители, которые переживались при расплате с рабочими, которые возникали в розничной торговле. Особенно много материалов по этому вопросу имелось в Особоуполномоченной Комиссии Совета Труда и Обороны по хлебной торговле. Но яркие описания сообщались не ей одной. Если в Новороссийске во второй половине августа 1923 года,—как сообщалось ВЦСПС,—грузчики получали на десять человек купюру в 25 червонцев, которую нигде нельзя было разменять, ходили затем десятками по магазинам и в конце концов, «чтобы разменять деньги, покупали в боль-

шом количестве вино», то это представляло, вероятно, еще не самый красочный пример тех затруднений, вызванных разменным кризисом, и тех последствий разменного кризиса, которые в то время имели место.

Накануне войны количество денег достоинством ниже 10 рублей составляло около 40% всей денежной массы. Десять лет спустя, 1 января 1923 года, купюры, ценность которых не достигла десяти рублей, исчерпывали почти всю денежную массу, так как количество червонцев было еще ничтожно, а стоимость высшей купюры совзнака (10.000 руб.) образца 1922 года в золоте по курсу червонца составляла всего 5 рублей 71 копейку.

В течение 1923 года, особенно в продолжение летних месяцев, происходит значительный выпуск в обращение червонцев, и это обстоятельство в связи с обесценением советского денежного знака, вызывает быстрое изменение строения всей денежной массы по золотой ценности имеющихся купюр. На 1 января 1923 года, купюры, ценностью ниже 10 руб., составляют 97% всей денежной массы, 1-го июля уже всего 55,6%, месяц спустя—50,0%, 1-го сентября—33,7%, еще месяц позднее—21,0%. Нижеследующая табличка дает подробные сведения о строении денежной массы и показывает, какие изменения совершались в ее составе.

	Купюры ценностью				
	Ниже 1 р. з.	От 1 р. до 5 р. з. искл.	От 5 р. до 10 р. з. искл.	От 10 р. до 30 р. з. искл.	От 30 р. золотом и выше
На 1 января 1923 г.	41,5	18,6	36,9	0,04	2,96
„ 1 июля „	11,8	35,5	8,3	13,4	31,0
„ 1 августа „	19,6	20,6	9,8	10,7	39,3
„ 1 сентября „	12,1	13,6	8,0	15,6	50,7
„ 1 октября „	9,4	11,5	0,1	19,4	59,6
„ 1 января 1924 г.	5,2	14,3	3,1	24,4	53,0

Первые три группы купюр, вместе взятые, понижаются за все первое полугодие. Но к 1 июля одна вторая группа (от 1 руб. до 5 руб.) успела еще возрасти по сравнению с 1 января и притом весьма значительно. В нее перешли те купюры, которые раньше входили в более высокие группы, но, вследствие обесценения, сползли вниз. За июль усиливается еще значение низшей группы, в которую переходят

опять-таки купюры из следующего более высокого разряда. С этого момента начинается снижение по всем группам мелких купюр и положение едва заметно изменяется к лучшему только после 1-го октября.

Ненормальный купюрный состав денежной массы становился огромным народно хозяйственным бедствием. Любопытно то, что это бедствие обнаружилось немедленно вслед за изданием декрета об ограничении эмиссии советских денежных знаков 15 миллионами рублей, при чем точный смысл закона гласил даже, что речь идет о 15 млн. рублей золотом по курсу на 1-е число каждого месяца, что составляло по средне-месячному курсу, примерно, на $\frac{1}{4}$—$\frac{1}{3}$ меньше. Между тем, при продолжавшейся эмиссии червонцев, не существовало иного способа борьбы с разменным кризисом, кроме выпуска новых совзнаков, а так как в августе и сентябре выпущено было банковых билетов в среднем по 50 млн. рублей в месяц, то новых выпусков совзнаков в установленных законом пределах было бы недостаточно даже в том случае, если бы совзнаки не подвергались дальнейшему обесценению, ибо при пятидесятимиллионных выпусках банкнот для одного размена понадобилось бы ежемесячно около 15—20 млн. рублей. А при обесценении той массы совзнаков, которая уже находилась в обращении, дело обстояло, конечно, еще несравненно хуже.

Поэтому уже в августе, когда разменный кризис разразился с необычайной остротой и в обращении начали появляться во множестве суррогаты мелких денег, Наркомфину пришлось дать распоряжение о беспрепятственном размене во всех кассах червонцев на совзнаки и приступить к образованию обменных фондов не только во всех губернских городах, но и при всех уездных финансовых отделах. Само собой разумеется, что такое распоряжение означало не только возможность, но и неизбежность прорыва установленного эмиссионного лимита. Отдавая приказ о беспрепятственном обмене банкнот на казначейские рубли, финансовое ведомство утрачивало возможность держать эмиссию совзнаков в определенных пределах и регулятором этой эмиссии становился уже стихийный спрос торгового оборота на купюры мелких достоинств.

Несмотря на то, что к этому основанию дополнительной эмиссии совзнаков тогда же присоединилось еще и другое, к описанию которого мы сейчас перейдем, насытить весь спрос торгового оборота оказалось невозможным. Совзнаки высылались ежемесячно по всем направлениям вагонами на суммы в десятки миллиардов рублей по счету 1923 г. и в десятки квадраллионов рублей по старому счету, и тем не менее разменный голод стих только к тому времени, когда сократились хлебозаготовки. Самые же выпуски совзнаков,

при существовавшем темпе их обесценения, не оказали влияния на улучшение строения денежной массы.

К эмиссии для размена червонцев вскоре присоединился еще выпуск совзнаков сверх установленной законом 7 июля 1923 года нормы для финансирования хлебозаготовок и подкрепления некоторых других кредитных операций.

Эмиссия банковых билетов в течение летних месяцев 1923 г. была очень велика. В июне в кассу Правления Государственного Банка его Эмиссионным Отделом было передано 1.600.000 червонцев. В июле новая эмиссия возросла уже до 3.900.000. В августе она поднялась до 4.900.000 червонцев. В сентябре она составляла 5.100.000. Указанные три месяца дали эмиссию в 13.900.000 червонцев, в то время, как к 1-му июля всего было эмитировано 9.600.000 червонцев. Таким образом, за три месяца количество выпущенных червонцев увеличилось почти в 2½ раза. Рост эмиссии был еще более значителен, если учитывать не передачу банковых билетов Эмиссионным Отделом Госбанка, а переход червонцев из касс Государственного Банка в обращение. На 1 июля в обращении было 7.000.014 червонцев. В течение июля в обращение было выпущено 4.120.339 червонцев, в августе—5. 397.537, в сентябре—4.855.468 червонцев, а всего за три месяца—14.403.344. Таким образом, выпуск в обращение в более точном смысле увеличился за три месяца более, чем в три раза. Лишь с октября началось замедление поступательного движения.

Рост эмиссии банковых билетов должен был естественно отразиться на движении цен, т.-е. на покупательной силе циркулировавших денег. Но циркулирующие деньги были двоякого рода: червонцы и совзнаки. При параллельном обращении и параллельной эмиссии обеих валют могла измениться покупательная сила обоих и притом в одинаковой или неодинаковой степени, или же могла измениться покупательная сила лишь одной из них. Если начать наблюдение с 1 мая 1923 г., когда покупательная сила червонца была еще очень высока, то дальнейшее движение ее можно представить следующим рядом цифр:

Уменьшение покупательной силы червонца и совзнака по индексу Госплана

	Червонцы в %%	Совзнаки в %%
Май	10	29
Июнь	16	36
Июль	—	35
Август	2	44
Сентябрь	—	50

Обесценение совзнака все время шло быстрей обесценения червонца. Но в то время, как в мае и июне обесценивались обе бумажные валюты, с июля падение покупательной силы червонца прекратилось совсем, между тем как падение ценности совзнака продолжалось во все более усиливающемся темпе. И всего более заслуживает внимания то обстоятельство, что падение покупательной силы червонца прекратилось именно с того времени, когда начались усиленные выпуски его. Об'яснения этих явлений следует искать в следующих обстоятельствах.

Май и июнь были месяцами сжатия торгового оборота и уменьшения реальной ценности всей денежной массы. По индексу статистики труда последняя составляла на 1-е мая 142,6 млн. рублей, на 1-е июня—127,3 млн. рублей, и на 1-е июля—123,1 млн. рублей. При такой неблагоприятной кон'юнктуре новая эмиссия червонцев не отразилась бы на их покупательной силе лишь в том случае, если бы тяжесть выпуска банкнот легла в полной мере на советский денежный знак и его обесценение складывалось бы из последствий, и сужения торгового оборота, и банкнотной эмиссии, и эмиссии самих совзнаков. В этом случае обесценение совзнаков составило бы не 29—36%, а около пятидесяти и даже больше. Но и купюра червонца была слишком крупна для того, чтобы это могло произойти, и внедрение червонца до средины лета встречало еще некоторое сопротивление, так как новая валюта была непривычна для населения и не приобрела еще в полной мере всех свойств общепризнанного платежного средства. Червонцу пришлось преодолеть немало затруднений, прежде чем он вытеснил советский денежный знак; об этом мы упоминали уже выше.

Начиная с июля, оборот стал расширяться и ценность всей денежной массы стала расти. Вместе с тем, процесс внедрения червонца был более или менее завершен. Для выпусков банковых билетов создались более благоприятные условия. Выпуски эти были очень велики. Они могли происходить отчасти за счет расширяющегося товарооборота, отчасти за счет дальнейшего оттеснения совзнака без ущерба для покупательной силы самих банкнот. Тяжесть выпуска обеих валют, как банковой, так и казначейской, фактически л е г л а н а с о в з н а к и, процесс обесценения которых стал развиваться с головокружительной быстротой. Значительную, может быть, решающую роль в этом процессе сыграла курсовая политика Народного Комиссариата Финансов, в которой к средине лета также произошел перелом. Дело заключалось в следующем.

Несмотря на то, что так называемое золотое или червонное исчисление уже в первую половину 1923 года получило широкое распространение, цены на многие товары в начале

лета 1923 года назначались еще в рублях советскими денежными знаками. Это относилось к части розничной торговли, к базарным ценам на сельскохозяйственные продукты и, в частности, на хлеб на крестьянских рынках. Покуда это имело еще место, Наркомфин вел осторожную политику курса, стремясь задержать падение совзнака в отношении к червонцу. Это должно было создать для деревенской части населения, которая считала в совзнаках, сравнительно более благоприятные условия, чем те, которые может быть сложились бы сами собою. На деле этих более благоприятных условий, однако, создать не удалось, ибо они были бы достигнуты лишь в том случае, если бы промышленность не начала уже поднимать в это время *червонные* цены на свои изделия. Будь цены изделий в червонцах стабильны, сравнительно медленное обесценение совзнаков оказалось бы, несомненно, выгодным для крестьянства. При растущих червонных ценах на промышленные товары крестьянство уже ничего не выигрывало.

К середине лета 1923 года политика курса изменилась. Допускать дальнейшее падение покупательной силы червонца, предназначенного сделаться основной валютой страны, было явно опасно и вместе с тем бесполезно. Наркомфин использовал свое влияние для иного распределения обесценения между банкнотой и советским денежным знаком, а именно такого, при котором все бремя уменьшения покупательной силы стало падать на совзнак. Влияние финансового ведомства оказалось настолько значительным, что оно сумело провести свою линию. Курс червонца стал изменяться в такой же степени, в какой изменялся индекс товарных цен. Если средний уровень товарных цен, выраженных в совзнаках, поднимался за месяц, положим, на 75%, то принимались меры к тому, чтобы, примерно, на те же 75% поднялся и курс червонца на совзнаки. А это означало ничто иное, как то, что ценностное соотношение между товарами и червонцами оставалось без изменения. Политика курса превращалась в политику цен и стабилизовала червонец. Само собой разумеется, что это можно было сделать только за чей-либо счет. И сделано это было за счет советского денежного знака.

Тучи над совзнаком все более сгущались. Выпуски червонцев в течение июля, августа и сентября были очень велики, и если покупательная сила его не изменилась, то зато ценность совзнака стала падать с огромной быстротой: за сентябрь цены удвоились. И вот к этому времени, при рассмотрении кредитного плана Государственого Банка на октябрь, в резкой форме встал вопрос о дальнейшем направлении политики денежного обращения. В октябре необходимо было выпустить значительное количество денег

для финансирования хлебозаготовок. Соответственно этому был составлен проект кредитного плана Государственого Банка, предусматривавший эмиссию банкнот, примерно, в таких же размерах, как в сентябре, а может быть даже и в больших. Возникал вопрос: возможно ли будет при этом условии продолжать политику поддержания покупательной силы червонца на существующем уровне. И если это будет возможно, то удастся ли из'ять из обращения банкноты к тому времени, когда на рынке наступит очередное затишье, или же червонцы, застрявшие в обращении, повлияют впоследствии в неблагоприятную сторону на денежное обращение, заполнив, переполнив даже, все его каналы и не оставляя места ни для банковой, ни для казначейской эмиссии. Вопрос стоял очень остро, и то или другое решение его должно было иметь огромное значение для судьбы денежной системы.

Одно было несомненно. Важнее было беречь банкноту, чем совзнак. И еще другое было достаточно ясно. Если бы даже на первый вопрос можно было ответить утвердительно, а именно, если бы даже было доказано, что дальнейшие значительные выпуски банкнот возможно произвести без ущерба для их покупательной силы, то во всяком случае это было бы сделано лишь тем путем, каким поддерживалась покупательная сила червонцев в предыдущие месяцы, т.-е путем тем большего обесценения совзнака. Стоило ли рисковать, если и выпуск совзнаков, вместо червонцев, для финансирования хлебной торговли, привел бы к тем же результатам? Но он представлял зато меньшую опасность для будущего, так как, не будучи даже возвращен своевременно клиентами банка, совзнак сам собою постепенно исчезал из обращения в процессе непрерывного таяния его покупательной силы. Кроме того, выпуск совзнаков все равно был неизбежен, так как торговый оборот испытывал голод в мелких деньгах и, если бы даже Госбанк выпускал червонцы, то через посредство обмена банкнот на совзнаки банковая эмиссия и при этих обстоятельствах в конце-концов превратилась бы в казначейскую.

Вопрос решен был в смысле выпуска советских денежных знаков. Постановление от 7 июля 1923 года понято было в смысле ограничения б ю д ж е т н о й эмиссии и, специальными постановлениями ВЦИК и СНК разрешены были дополнительные выпуски советских денежных знаков на внебюджетные цели. Эти выпуски достигли за шесть месяцев огромной по тому времени и по условиям этой эмиссии суммы в 140 млн. рублей золотом.

Основные выводы из вышеизложенного можно резюмировать в следующих словах.

Вообще говоря, переход к банкнотной эмиссии, который был неизбежным, предрешал вопрос о дальнейшей судьбе советского денежного знака. Но он не предрешал вопроса о том, сколько времени в стране продержится параллельное обращение и в каких конкретных условиях произойдет унификация денежного обращения. До лета 1923 года этот вопрос нельзя было считать предрешенным ни в об'ективном, ни в суб'ективном смысле.

При существовании параллельного обращения вопрос о том, на какую валюту ложится тяжесть новой эмиссии, т.-е. как распределяется между обеими валютами неизбежное при известном уровне бумажно-денежных выпусков обесценение, зависел в очень значительной мере от направления денежной политики.

С июля 1923 года финансовое ведомство, после уменьшения покупательной силы червонца в мае и июне, стало вести политику стабилизации покупательной силы червонца. Оно могло сделать это только за счет усиления темпа обесценения советского денежного знака. Так как эмиссия червонцев в июле, августе и сентябре была очень велика, то и темп падения курса совзнака для поддержания устойчивости червонца должен был быть и был огромным.

Быстрое падение курса совзнака ставило финансовое ведомство и учреждения, жившие на бюджете, во все более трудное положение. Получение денег советскими знаками по номиналу все менее могло удовлетворить как администраторов государственных доходов, так и держателей ассигновок государственного казначейства. К началу 1923—24 бюджетного года пришлось решиться перевести исполнение бюджета по доходной и расходной части на «золотое исчисление» с производством платежей по курсу дня. Это был один из самых сильных ударов по совзнаку.

Еще ранее, чем это произошло, благодаря значительным выпускам червонцев и усиленному обесценению советских денежных знаков, на рынке к началу хлебозаготовительного сезона разразился разменый кризис небывалой до того времени остроты. Для ликвидации его пришлось об'явить повсеместно свободный и неограниченный обмен червонцев на советские денежные знаки, т.-е. снять ограничение эмиссии.

В обстановке, сложившейся к осени 1923 года, казалось слишком рискованным построить финансирование хлебной торговли и некоторых других сезонных операций на новых усиленных выпусках банковых билетов. Это казалось не только рискованным, но и бесполезным, так как банковые билеты все равно пред'являлись бы к размену на совзнаки и всю тяжесть обесценения все равно пришлось бы стараться переложить на последние. Принято было решение построить кредитные операции на внебюджетных выпусках

советских денежных знаков. Это был еще один удар по совзнаку, который окончательно разрешал вопрос о судьбе старой казначейской эмиссии. Мы увидим в следующей главе, что огромными эмиссиями на рубеже 1924 года курс совзнака доведен был до одной пятидесятимиллиардной части золотого рубля и что по этому курсу совзнаки были обменены на новые деньги.

По образцу предыдущих глав приведем еще основные данные о размерах денежных эмиссий, об их ценности, и о движении цен в течение рассматриваемого промежутка времени.

Эмиссия советских знаков в миллионах рублей (по счету 1923 г.) в этот последний период их существования составляла по месяцам:

	Размер месячной эмиссии	Сумма на 1 число мес.	Темп эмиссии в процентах
Январь 1923 г.	0,634	1,994	31,8
Февраль „	0,607	2,628	23,1
Март „	1,246	3,235	38,5
Апрель „	1,594	4,481	35,6
Май „	0,975	6,075	16,0
Июнь „	1,981	7,050	28,1
Июль „	3,424	9,031	37,9
Август „	4,400	12,455	35,3
Сентябрь „	12,898	16,855	76,5
Октябрь „	39,190	20,753	131,7
Ноябрь „	46,720	68,944	67,8
Декарь „	109,973	115,664	95,1
Январь 1924 г.	222,537	225,637	98,6
Фераль „	361,451	448,174	80,6

Всего на 1 марта 1924 г. в обращении было 809.625 миллионов рублей (обр. 1923 г.).

Колебания эмиссии в 1923 году были очень велики. В феврале и особенно в мае произошло уменьшение эмиссии по сравнению с предыдущими месяцами. В октябре, ноябре и декабре имело место колоссальное расширение ее. Майское сокращение было вызвано тревожным ростом цен в апреле месяце. Расширение эмиссии в последнем квартале 1923 г. вызвано было обстоятельствами, уже изложенными выше.

В итоге этих колебаний эмиссия 1923 года дала следующие реальные результаты:

Реальная стоимость месячной эмиссии (совзнаков)

	В тыс. черв. руб.	В тысячах руб. по оптовому индек. Госплана	В тыс. р. по всерос. инд. стат. труда	1922 г. в тыс. р. по всерос индек. стат. труда
Январь	33 376,0	33 223,8	26 331,9	31 625,2
Февраль	26 453,1	24 946,2	20,730,0	22 489,1
Март	48 226,1	39 567,0	35 697,4	17 800,3
Апрель	41 121,1	38 803,9	34 361,7	13 967,7
Май	13 371,8	16 326,9	14 876,2	18 486,5
Июнь	30 079,6	22 339,4	20 949,7	19 593,8
Июль	37 396,3	24 651,0	22 570,1	26 523,4
Август	29 265,7	18 863,1	17 638,5	41 505,4
Сентябрь	42 585,5	27 591,0	26 987,9	23 958,2
Октябрь	71 118,9	47 886,7	46 599,9	26 450,1
Ноябрь	47 654,3	31 893,8	29 550,4	26 907,6
Декабрь	54 645,0	33 968,5	31 497,8	27 194,0
За 1923 г.	480 293,4	460 061,3	327 791,5	296 501,6
Январь 1924 г.	42 304,1	24 661,7	22 598,4	—
Февраль „	22 152,8	11 953,2	11 231,5	—

Уже беглый просмотр этих цифр показывает, что, несмотря на огромное напряжение эмиссии, результаты, полученные в 1923 г., были сравнительно невелики. Только март и апрель и затем сентябрь, октябрь, ноябрь и декабрь дают в 1923 г. больше, чем в 1922. Но месяцы март и

апрель 1922 г. стояли под знаком крайнего сжатия товарооборота в связи с приближением к концу неурожайного сельскохозяйственного года, а в сентябре—декабре 1923 г. мы имели такой темп эмиссии, т.-е. такое огромное увеличение количества советских денежных знаков в обращении, что разница между 134 млн., полученными за эти четыре месяца 1923 года и 104 млн., полученными за те же месяцы 1922 г., представляется крайне скромной компенсацией за тот нажим, который сделан был на казначейский эмиссионный аппарат.

Мы увидим еще и из других сопоставлений, насколько ухудшилось в течение 1923 года состояние казначейской части денежного обращения и как эффект, который давала эмиссия, становился все более скромным.

Прежде всего, с апреля почти неуклонно падала реальная ценность всей массы советских денежных знаков.

Ценность всех советских денежных знаков на 1 число

	В тыс. черв. рублей	В тыс. р. по индексу Госплана	В тыс. р. по индек. стат. труда	1922 г. по индексу статистики труда
1923 год				
Январь	113 969,8	118 471,2	93 892,5	60 900,1
Апрель	148 400,7	129 159,1	114 154,2	32 163,3
Июль	118 854,2	81 785,1	76 817,5	55 211,4
Октябрь	74 384,3	47 529,9	45 092,4	115 974,8
1924 год				
Январь	75 212,5	46 851,6	41 348,2	—
Март	26 987,5	13 983,1	13 075,3	—

Первая половина 1923 г., несмотря на хождение червонца на ряду с советским денежным знаком, проходит в сравнительно благоприятных условиях. Но уже, начиная с мая, совершается из месяца в месяц падение ценности всей массы денежных знаков, прерывающееся только в ноябре, в период развития хлебозаготовок, поступления сельскохозяйственного налога и огромной эмиссии. В 1924 году этот процесс сжатия ценности советских денежных знаков

продолжается и на 1-е марта вся сумма составляет всего около 27 млн. руб., т.-е. спускается ниже 1922 г. и даже ниже минимума июля 1921 г., т.-е. того времени, когда денежное хозяйство страны было близко к полной ликвидации. Червонец, внедрившийся сперва рядом с казначейским знаком, мало затрагивая его, с лета начинает его теснить. Банкнота становится все более популярной и распространенной валютой. Советские денежные знаки все более играют роль только разменных денег, притом таких, которые всякий стремится обменять лишь только у него набралось этой мелочи больше, чем на червонец. Циркуляция казначейских денег вновь начинает происходить в столь же лихорадочном темпе, как в худшие времена советского денежного знака, но только советские знаки ищут теперь помещения в червонцах, а не в товаре.

При таком положении вещей цены снова растут быстрее, чем возрастает количество казначейских денег.

	Темп эмиссии в процентах	Рост цен по индек. стат. труда в проц.	Отношение роста цен к темпу эмиссии	То же отношение в 1922 году
1923 год				
Январь	31,8	30,0	94,3	127,5
Февраль	23,1	12,0	51,9	177,7
Март	38,5	26,0	67,5	176,8
Апрель	35,6	39,0	109,6	109,2
Май	16,0	42,0	262,5	33,8
Июнь	28,1	52,0	185,1	28,2
Июль	37,9	66,0	174,1	—
Август	35,3	72,0	204,0	15,0
Сентябрь	76,5	97,0	126,8	103,1
Октябрь	131,7	67,0	50,9	202,1
Ноябрь	67,8	110,0	162,2	120,0
Декабрь	95,1	136,0	143,0	83,3
1924 год				
Январь	98,6	199,0	201,8	—
Февраль	80,6	280,0	347,4	—

Сопоставление двух последних рядов, т.-е. данных за 1923 и 1922 гг., хорошо вскрывает изменившиеся условия денежного обращения и народного хозяйства. Первые три месяца 1923 года дают более благоприятные результаты, чем первый квартал 1922 года. Оттеснение казначейских знаков еще не произошло, производительные силы несколько поднялись и, главное, начало 1922 года происходило под знаком голода, а следующий год был отмечен вполне удовлетворительным урожаем. Дальнейшие месяцы дают обратную картину и причины этого следует искать не в народно-хозяйственных условиях, а в условиях денежного обращения. Только октябрь, прошедший в 1922 г. крайне неблагоприятно (при сравнительно низком темпе эмиссии в 28,7%), протекает в 1923 году сравнительно легко, несмотря на небывалое увеличение денежной массы. Об'яснение этого резкого отличия 1923 года от 1922 лежит в той денатурализации финансового хозяйства, которая произошла за этот промежуток времени. В октябре 1922 г. очень быстро и успешно была собрана значительная часть продовольственого налога в н а т у р е, и результатом было сокращение хлебной торговли и уменьшение потребности оборота в деньгах. В октябре 1923 года успешно шел сбор продовольственного налога в деньгах, и результатом было расширение хлебной торговли и увеличение потребности в денежных знаках.

К приведенным данным мы прибавим еще одну таблицу, составленную по тому методу, которым мы пользовались уже в другой главе. Она должна демонстрировать, насколько это возможно, общий результат эмиссии в связи с напряженностью тех усилий, которые делало казначейство для извлечения эмиссионного дохода. Цифры покажут размеры тех сумм, которые получались в разные периоды при помощи одного и того же увеличения денежной массы, другими словами, они покажут, сколько тысяч рублей (по индексу статистики труда) казначейство получало, благодаря увеличению денежного обращения на 1%. (См. стр. 275).

Начиная с мая 1923 г., продуктивность эмиссионного напряжения все более понижается. На рубеже 1924 г. она снова дает ничтожные результаты, как и в наиболее тяжедые месяцы 1922 и 1921 гг. Для извлечения сравнительно небольшой суммы приходится прибегать к сильнейшему нажиму на печатный станок. Февраль 1924 года стоит в этом отношении на последнем месте: меньших результатов эмиссионное напряжение никогда не давало.

Все эти цифры и сопоставления снова подтверждают, что казначейская эмиссия, которая сослужила еще свою службу в первые годы восстановления финансового хозяйства, в 1923 году стала все более разлагаться, несмотря на то, что финансовые и народно-хозяйственные условия улуч-

Отношение ценности месячной эмиссии по индексу статистики труда к темпу эмиссии (в тыс. руб.)

Месяцы	1921 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.
Январь	611	453	829	230
Февраль	527	354	897	139
Март	470	264	927	—
Апрель	429	233	965	—
Май	366	284	928	—
Июнь	299	394	746	—
Июль	291	549	595	—
Август	358	890	499	—
Сентябрь	444	074	352	—
Октябрь	511	922	353	—
Ноябрь	555	769	435	—
Декабрь	474	781	331	—

шились по сравнению с предыдущими годами. На рубеже 1924 года советский денежный знак в составе всего денежного обращения Союза играл уже по своей ценности совершенно ничтожную роль. В следующей таблице во второй графе, под названием твердой бумажной валюты, даны суммы банковых билетов, транспортных сетрификатов, а на 1 марта 1924 года еще и государственных казначейских билетов, выпущенных при проведении денежной реформы 1924 года.

	В тысячах рублей по индексу Госплана			В процентах		
	Совзнаки	Твердые бумажн. деньги	Итого	Совзнаки	Твердые бумажн. деньги	Итого
1923 год						
1 января	118 471,2	3 703,2	122 174,4	97,0	3,0	100,0
1 апреля	129 159,1	22 338,4	151 497,5	85,3	14,7	100,0
1 июля	81 785,1	48 177,1	129 962,2	62,9	37,1	100,0
1 октября	47 529,9	132 657,7	180 187,6	26,4	73,6	100,0
1924 год						
1 января	46 851,6	145 996,7	192 848,3	24,3	75,7	100,0
1 февраля	29 305,8	145 646,5	174 952,3	16,8	83,2	100,0
1 марта	13 983,1	170 843,3	184 826,4	7,6	92,4	100,0

Так постепенно сходил на нет совзнак. «Мавр выполнил свое дело и мог уйти». Это дело эмиссия бумажных денег выполняла во время войны до февральской революции, затем при Временном правительстве, потом при Советской власти в эпоху военного коммунизма и, наконец, после объявления новой экономической политики до реформы 1924 г., т.-е. всего около 10 лет.

Количество совзнаков в обращении составляло на 1 марта 1924 г.—809.625.216.667.200.000, т.-е. 809 квадриллионов по тому счету, который существовал до деноминации 1922 г. Ценность их по выкупному курсу равна была 16,2 млн. руб. червонцами, а по индексу Госплана равна была 13,9 млн. руб. Эту сумму и получили держатели квадриллионов бумажных денег. Какова же была та сумма, которую в течение 10 лет путем эмиссии бумажных рублей извлекло и израсходовало государство?

Мы вынуждены привести соответствующие цифры на основании перечислений, сделанных по индексу статистики труда, так как другие показатели не позволяют обработать весь десятилетний ряд по однородному способу. Для 1914 года мы берем эмиссию его последних шести месяцев, а для 1924 г. только эмиссию января и февраля. Кроме таблицы по отдельным годам и вслед за нею приведена таблица по периодам, причем условно начало новой экономической политики отнесено к 1 июля 1921 года.

Годы	Ценность эмиссии в 1 000 довоенных рублей по индексу статистики труда (без червонцев и сертификатов НКПС)
1914 (второе полугодие)	873 802,1
1915	2 019 461,5
1916	1 718 066,9
1917	2 562 196,8
1918	536 241,9
1919	224 638,6
1920	122 014,8
1921	149 029,2
1922	296 501,6
1923	327 791,5
1924 (январь и февраль)	33 829,9
Итого	8 863 574,8

Периоды	Число месяцев	Вся сумма в 1000 руб.	В среднем за месяц
От начала войны до февральск. революции	32	4 862 502	151,9
При Временном правительстве .	8	1 735 594	216,9
В эпоху военного коммунизма .	44	1 492 013	33,9
При новой эконом. политике . .	32	773 465	24,2
Итого	—	8 863 574	—

Первый период дал больше половины всей суммы, полученной за десять лет, но по интенсивности поступлений из эмиссионного источника он стоял позади второго. Это обстоятельство было уже отмечено во «введении». Третий период дал относительно очень немного, если принять во внимание продолжительность его. Но он распадался на очень разнородные части и самое его начало, до вытеснения денежного хозяйства, давало значительные поступления; тем меньше они стали в конце. Последний период давал гораздо большие эмиссионные доходы казначейству, чем конец эпохи военного коммунизма. Но, несмотря на восстановление денежного хозяйства, доходы эти были велики лишь по сравнению с теми месяцами, когда натурализация хозяйства приближалась уже к своему пределу; вне этого сравнения эмиссионные доходы периода новой экономической политики представляются незначительными и этот период занимает последнее место в ряду всех других.

О народно-хозяйственном источнике этого дохода мы сказали несколько слов во «введении», причем нам пришлось повторить там те соображения, которые высказывались неоднократно в нашей и в иностранной литературе по вопросу о последствиях военной инфляции. К этим соображениям здесь следует прибавить несколько замечаний, относящихся к двум последним периодам.

Известно, что в эпоху военного коммунизма и гражданской войны продолжался и притом с еще большей силой, чем в предшествующие годы, процесс проедания основного капитала народного хозяйства: фабричного и транспортного оборудования, которое не амортизировалось, жилищного фонда, который изнашивался и не восстанавливался, сырья, топлива и производственных материалов. Но эмиссия обесценивавшихся денег едва ли может считаться тем методом,

при помощи которого государство собирало эти элементы капитала страны, предназначенные для покрытия государственных расходов. Во всяком случае этот метод мог иметь лишь третьестепенное значение. Проедание капитала происходило в ином порядке, в порядке непосредственного его использования. Государство получало продукцию промышленности и услуги транспорта и предоставляло населению жилищный фонд бесплатно и деньги не играли в этом процессе почти никакой роли. При помощи эмиссии бумажных денег присваивалась скорее лишь часть доходов различных групп населения, как рабочих и служащих, так и крестьянства. На первых порах инфляция служила, правда, еще и одним из способов экспроприации буржуазии, сохранившей денежные капиталы, но такой способ лишь сокращал или почти аннулировал эти капиталы, не переводя непосредственно в распоряжение государства новых материальных ценностей. Реальные ценности извлекались при помощи эмиссии, главным образом, из доходов крестьянского хозяйства, которое долгое время после революции продолжало еще вести накопление в деньгах. Большая часть тех полутора миллиарда рублей, которые указаны в последней таблице, несомненно, такого происхождения.

Кое-что этот источник давал еще и в течение последнего периода, когда казначейская эмиссия всего принесла государству около $^3/_4$ миллиарда рублей. Однако, этот период отличался от всех предыдущих существенными особенностями, имевшими значение и для составления эмиссионного дохода. Хозяйство стало денежным. Среди суб'ектов хозяйства огромное место заняли государственные предприятия. Население приучилось находить различные способы страхования от обесценения валюты, хотя эти способы никогда не могли выполнить свое назначение в совершенстве. Те же способы практиковали и государственные предприятия, страдавшие, однако, вследствие меньшей своей коммерческой подвижности, от их несовершенства сильнее, чем частные предприятия. Другими словами, государственные учреждения и организации,—казначейство, железные дороги, почта и телеграф, промышленные тресты, торговые синдикаты, банки и проч.,—принимали участие и, судя по имевшимся отрывочным, данным, даже очень значительное участие в несении «эмиссионного налога». Таким образом, государство при помощи казначейской эмиссии бумажных денег черпало ценности у самого себя. Эмиссия была не только и, может быть, даже не столько средством привлечения новых рессурсов в государственном хозяйстве, сколько методом перераспределения внутри последнего.

Государство само укрепляло свои эмиссионные возможности, неся само же значительную часть убытков от своей

собственной эмиссии. Этим оно могло продлить ее существование, ибо оно расширяло ту базу, на которой эмиссия держалась. Но превращаясь (по крайней мере в большей своей части) из метода привлечения новых средств для государства в способ перераспределения уже имеющихся рессурсов, эмиссия утрачивала свой смысл. За три года и восемь месяцев государство, взятое в лице всех своих органов, получило от эмиссии не 3/4 миллиарда, а несравненно меньше. В случае отказа от эмиссии обесценивающихся бумажных денег, государство реально должно было потерять поэтому не 24 млн. в среднем в месяц (среднемесячный реальный доход от эмиссии 1921—1924 гг.), а гораздо более скромную сумму. Это обстоятельство должно было значительно облегчить проведение денежной реформы. Старая, отжившая свой век система денежного обращения, нанося народному хозяйству огромный ущерб, приносила государственному хозяйству весьма ничтожную пользу. При замене ее другой системой вставал вопрос о возмещении государству сумм не очень больших и на рубеже 1924 г. реформирование денежного обращения со всех точек зрения представлялось делом окончательно назревшим.

Совзнак так захирел в последние месяцы своего существования и система денежного обращения причиняла народному хозяйству страны такой ущерб, что государство не могло не пойти на из'ятие из денежной системы этого агонизировавшего ее элемента. Но совзнак был выкуплен государством и он не исчез из обращения сам собой. Могло ли это произойти иначе? Могло ли иметь место,—и если могло, то при каких условиях,—стихийное и полное исчезновение совзнака из обращения, если за дело его устранения не взялась бы государственная власть? Этот вопрос представляет теоретический интерес и он был поставлен в русской литературе задолго до наступления тех событий, описанию которых была посвящена настоящая глава. Спор на эту тему велся уже в первые годы эпохи военного коммунизма.

Рубль обесценивался почти неуклонно. Только в редкие месяцы приостанавливался под'ем товарных цен. Перед экономистами, стремившимися теоретически осмыслить происходящие явления и предвидеть их дальнейшее течение, вставал вопрос о том, имеет ли процесс обесценения какие-либо границы и чем эти границы определяются. Не всегда возможно, просматривая теперь старые статьи и заметки, установить действительные точки зрения различных авторов.

Когда в 1918 году по поводу быстрого обесценения бумажных денег писали, что «только месяцы отделяют нас от момента национального несчастья», что «страна идет быстрыми шагами к денежной катастрофе», что «крах денежной системы» наступит в такой-то срок (см. цитаты, приведенные в книге С. Фалькнера «Проблемы теории и практики эмиссионного хозяйства». 1924 г., стр. 28 и сл.), то, несомненно, со словами «несчастье», «катастрофа», «крах» и т. п., связывалось представление о том, что унаследованная от довоенного времени денежная система перестанет существовать. Но не всегда возможно сказать с уверенностью, как представляли себе процесс ее исчезновения отдельные исследователи. Только в некоторых случаях воззрения были формулированы вполне отчетливо.

Так, З. С. Каценеленбаум писал в 1918 году, что «большое сходство, которое существует между процессом обесценения рубля... и процессом обесценения ассигнатов... заставляет предположить, что и у нас при дальнейшем увеличении количества кредитных билетов в обращении может быть перейден какой-то предел, после которого процесс обесценения может превратиться из процесса постепенного в процесс стремительный и внезапный, который сразу поставит нас перед фактом потери рублем его покупательной силы».

Против этой идеи о возможной и вероятной «нуллификации» рубля возражал тогда очень решительно С. А. Фалькнер. Он утверждал, что «крушение любой данной денежной системы, в смысле отказа населения пользоваться обесценившимися денежными знаками, может произойти в трех, и только в трех случаях. Во-первых, в условиях отказа от всякого товарообмена..., во-вторых, в случаях полного перехода от денежного товарообмена к натуральному, в-третьих, в случае замещения данных денежных знаков какими-либо иными циркуляторными средствами» (там же, стр. 29). Первый случай он считал, однако, означающим «простое устранение за ненужностью нынешней денежной системы, а не крушение ее из-за ее внутренней порочности». Второй случай он считал крайне неправдоподобным. Оставался третий случай, который теоретически представлялся вполне возможным.

Но и наступления этого третьего случая С. А. Фалькнер не опасался потому, что единственные деньги, сохранившиеся в 1918 году в стране на ряду с обесценившимися бумажными деньгами, были золотые, серебряные и медные монеты, скрытые запасы которых он оценивал, примерно, в 600 миллионов. И так как он считал, что «эта сумма в 4 раза меньше той, которая нормально нужна России для ее денежно-циркуляторного фонда», то он приходил к выводу,

что «сама по себе она представлять опасности не может». Общее заключение С. А. Фалькнера гласило: «Краха нашей валюты в целом, как это ни странно, нам бояться нечего: он невозможен, доколе нет никаких иных предпочтительных циркуляторных средств в обращении, которые могли бы выполнять функции денежной системы».

Если не считать, что слова «полная потеря покупательной силы» были у З. С. Каценеленбаума лишь образным выражением, и что мысль его заключалась лишь в том, что в конце концов должны создаться условия, в которых от старой денежной системы придется так или иначе отказаться, то в этой контроверзе или по крайней мере в самой ее существенной части правда была на стороне С. А. Фалькнера. Его мысль требует только незначительных поправок.

Что касается первого случая, в ряду перечисленных С. А. Фалькнером, т. е. образования натурально-хозяйственной системы, то такая система в точном смысле слова едва ли возможна. Что же касается социалистической системы, в которой сохраняется хозяйственный расчет и свобода выбора предметов потребления (ср. гл. II), то такая система нуждается в мериле ценности и не может обойтись без знаков, воплощающих это мерило. Крайне сомнительно, чтобы такое мерило ценности могло возникнуть иначе, как в порядке исторической преемственности, связывающей его с прежде существовавшими деньгами. Правда, новое мерило может быть существенно отличным от старого, как наш червонец был отличен от советского рубля. Но определенное содержание новое мерило должно заимстовать от прежнего и нельзя представить себе, чтобы процесс его возникновения совершался как-либо иначе. В конце концов возможен полный переход к новой системе ценностного счета и полный отказ как от старой системы, так и от тех знаков, в которых она была выражена. Но и в этом случае мы имели бы вытеснение одной денежной системы другою, хотя самое понятие денег при этом варианте получило бы в процессе преобразования всей хозяйственной организации новое содержание и может быть тогда его целесообразно было бы заменить новым понятием.

Процесс полного перехода к натуральному обмену сам С. А. Фалькнер считает мало вероятным, и от анализа этого случая правильнее всего отказаться совсем.

Таким образом, остается только одна возможность крушения денежной системы, это — замещение одних денег другими. Несмотря на все разнообразие валютного опыта европейских стран в течение последнего десятилетия, нам пришлось наблюдать такое крушение только в одной форме: не в виде полного отказа населения пользоваться обесценившимися денежными знаками, — в каких бы астрономических

цифрах ни выражалась степень их обесценения,—а в виде ликвидации старой загнившей системы распоряжением государственной власти, вынужденной и получившей возможность упорядочить денежное обращение путем радикальной реформы [1]). Вопрос о том, применять ли к данному случаю название «краха», «катастрофы» и т. п., имеет мало значения. Не может быть возражений против того, чтобы назвать положение германской бумажной марки в 1923 году катастрофическим, или против того, чтобы говорить об агонии советского денежного знака в осенние и зимние месяцы 1923—1924 года. Но за «катастрофой» или «агонией» в развитии этого общественного процесса следует не смерть, а перерождение. Нет «нуллификации» старых денежных знаков. Но все же есть отказ от них и при том отказ, который не только обусловлен хозяйственной обстановкой и мотивирован соображениями экономической целесообразности, но вынужден обстоятельствами и поэтому совершенно неизбежен.

Мы пережили агонию советского денежного знака, или, точнее, бумажного рубля «казначейскими денежными знаками», в конце 1923 и в самом начале 1924 года. «Совзнак» был убит не золотом, серебром или медью, а золотым исчислением, банковым билетом и всей совокупностью финансовых мероприятий, которые в конце концов должны были поставить себе целью переход от одной денежной системы к другой. Он был оттеснен и превращен в плохую разменную купюру, от котороой всякий стремился освободиться. Он был обесценен к моменту проведения денежной реформы в пятьдесят миллиардов раз, уступив первенство в этом отношении только германской марке.

Но «нуллификации» «совзнака» не было. «Крушение», если говорить о нем, произошло не только после того, как был подготовлен переход к новой валюте, но оно произошло и в связи с этой подготовкой. Другими словами, крушение одной системы и образование другой были двумя сторонами одного и того же процесса, имевшего свою стихийную и свою «плановую» сторону. Стихийная сторона процесса лежала в том, что решение государственной власти заменить одну валюту другою было вынужденным. Плановая—в том, что оно было проведено в порядке подготовленных законодательных и административных мероприятий. Поэтому крушение старой денежной системы, как ни тяжко оно было по

---

[1]) История наших местных эмиссий знает случаи, когда местные бумажные деньги были выброшены из обращения. Но и это происходило либо тогда, когда новая власть аннулировала их, принеся с собою новые деньги, либо тогда, когда, без формального аннулирования, новые, хотя тоже плохие, но все же лучшие деньги нового правительства совершенно вытесняли старые (ср. гл. IV).

многим своим последствиям, было не катастрофой, а реформой.

В процессе, аналогичном тому, который совершился у нас в 1923—24 году, могут преобладать стихийные или плановые элементы, и в зависимости от этого должен существенно видоизменяться и его характер. Однако, повидимому, при всех условиях крушение денежной системы может заключаться лишь в вытеснении одного вида денег другими деньгами с сохранением преемственности ценностного измерения. В определенный момент можно выкупить массу старых обесценившихся знаков по определенному курсу, как было сделано в Советской России и в Германии. Можно и аннулировать ее, если новый денежный счет уже создался и усвоен, если население снабжено уже новыми деньгами и, если государственная власть, ради сбережения некоторой суммы, не боится нанести народному хозяйству этот дополнительный удар. С точки зрения теории бумажно-денежного обращения вопрос о том, избирается ли первый или второй путь, не представляет, однако, интереса.

Глава VIII

РЕФОРМА 1924 ГОДА И НОВАЯ СИСТЕМА ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ.

Необходимость использования казначейской эмиссии почти до отказа в течение первого периода новой экономической политики,—к тому же в условиях неурожая и голода,—привела в 1921—1922 году к столь быстрому обесценению советских денежных знаков, какого не знала даже эпоха военного коммунизма. Глубокое расстройство денежного обращения заставило народное хозяйство перейти к новой системе ценностного измерения и ценностного счета; этой системой явилось «исчисление» в «товарных рублях» по индексам цен, в «золотых рублях» по официальным курсам, а иногда и в золоте по стоимости реальной золотой монеты. Но этим хозяйство удовлетвориться не могло: ему необходимы были не только твердые измерители, но и твердые деньги—платежные средства и орудия накопления. Таким деньгами стали в 1923 г. банкноты Государственного Банка. Выпуск банковых билетов при существовании казначейской эмиссии создал параллельное обращение, которое усложнило денежную систему и через год после своего возникновения привело к таким затруднениям на рынке, которым так или иначе должен был быть положен конец. Назрела новая реформа. В течение осенних месяцев 1923 года Народный Комиссариат Финансов готовился к ней. В начале 1924 года она проведена была в жизнь. Мы рассмотрели в предшествующих главах те условия денежного обращения, которые сделали ее неизбежной. Какова же была та обстановка, в которой ее приходилось проводить?

Исследовать эту обстановку значило бы проанализировать условия всей хозяйственной жизни страны. Сделать это здесь нельзя. Но мы можем отметить главнейшие ее элементы и это необходимо сделать для оценки тех мероприятий в области реформы денежного обращения, которые должны быть описаны в настоящей главе. Мы остановимся в нескольких словах на положении производства и транс-

порта, ибо ими определяется состояние товарного рынка и торгового оборота, на состоянии внешней торговли, ибо ею определяется внешний торговый, а в наших условиях и почти весь внешний платежный баланс, и, наконец, на состоянии бюджета, ибо им определялись те требования, которые государство пред'являло к казначейской эмиссии.

Состояние производства и транспорта за хозяйственный год, предшествовавший реформе, характеризуют следующие данные («Экономический Бюллетень Конъюнктурного Института» под редакцией проф. Н. Д. Кондратьева, 1924 г., № 1).

	Средний мес. 1913 г.	Октябрь 1922 г.	Октябрь 1923 г.	Увеличение за год в %
Добыча каменного угля (млн. пуд.)	141,5	39,2	72,5	85
Добыча нефти (млн. пуд.)	46,9	25,2	28,1	11
Выплавка чугуна (тыс. пудов)	21,430	1 079	2 671	147
Мартен. произв. (тыс. пуд.)	21,606	1 908	4 834	153
Выработка хлоп.-бумажн. пряжи (тыс. пуд.)	1,525	390	502	28
Выработка шерст. пряжи (тыс. пуд.)	185	73	101	38
Выработка льняной пряжи (тыс. пуд.)	236	138	231	67
Выработка кож (в переводе на больш. кожи) (тыс. пуд.)	—	353	506	43
Выработка обуви (тыс. пуд.)	—	252	369	46
Грузооборот ж. д. (млн. пуд.)	—	289	382	32
Средняя суточная погрузка на 100 верст сети в вагонах	—	18	24	33
Средняя заработн. плата в промышленности в отношении к стоимости бюджетного набора, принятой за 100	—	114	сент. 180	58

Приведенные цифры по сравнению с довоенными были еще очень низки, в некоторых случаях даже совершенно ничтожны, и лишь в виде исключения они приближались к уровню 1913 года. Но они обнаруживают за второй год

новой экономической политики рост, который доказывал, что восстановление производительных сил страны, бесспорно, происходит. Эта восходящая линия свидетельствовала о совершающемся расширении товарооборота, т.-е. о наличности того фактора, который играет первостепенную роль с точки зрения перспектив денежного обращения. Расширение торгового оборота есть расширение потребности народного хозяйства в деньгах. Поскольку можно было ожидать, что оно будет продолжаться,—а вся реформа 1924 года была построена на этой предпосылке,—страна в дальнейшем должна была нуждаться в большем количестве орудий обращения, чем то, которое она имела накануне реформы и это создавало возможность выпустить еще известное количество денег, не вызывая инфляции, т.-е. переполнения каналов денежного обращения.

Не только приведенные сведения свидетельствовали о растущей потребности оборота в деньгах, но и прямые данные о ценности всей денежной массы обнаруживали ту же тенденцию развития.

Ценность всей денежной массы

(советские знаки, банковые билеты, транспортные сертификаты в тысячах золотых рублей)

	По индексу статистики труда	По индексу Госплана
На 1 июля 1921 г.	29 085	—
„ 1 января 1922 г.	60 900	—
„ 1 июля „	55 211	—
„ 1 января 1923 г.	96 837	122 174
„ 1 июля „	121 980	129 962
„ 1 января 1924 г.	176 917	192 848

После колебаний, вызванных неурожаем 1921 года, имело место не только непрерывное, но и значительное повышение ценности всей денежной массы: за 2½ года в шесть раз, за полтора года в три раза и за год на 82% по индексу розничных цен и на 58% по индексу Госплана. Нельзя было просто распространять те же процентные отношения на будущее время. Но можно было ожидать, что процесс дена-

турализации налогового обложения, который в 1923 г. продвинулся значительно вперед (внесение единого сельскохозяйственного налога в 1923 г. натурой и деньгами), будет завершен в 1924 году с полным переходом к денежному обложению и что, таким образом, одно из существеннейших условий дальнейшего увеличения потребности рынка в деньгах останется в силе. Кроме того, при учете перспектив на 1924 г. необходимо было принять во внимание, что с заменой быстро циркулирующих советских денежных знаков новыми деньгами (особенно серебром) скорость обращения мелких денег должна значительно сократиться, и что это обстоятельство в свою очередь может провести к увеличению спроса на деньги.

Что касается состояния внешней торговли и платежного баланса, то в этом отношении положение представлялось тогда достаточно надежным.

Обороты по внешней торговле за первые девять месяцев 1923 г. дали следующие результаты. По данным НКВТ весь оборот составил 203,7 млн. довоенных руб., из них на вывоз приходилось 105,4 млн. и на ввоз—98,4 млн. Таким образом, в 1923 году мы не имели уже пассивного торгового баланса. Правда, спрос на иностранную валюту определялся не только потребностью в ней для заграничных платежей. Государственный Банк вел накопление иностранной валюты для составления валютного обеспечения червонцев, и частный рынок пред'являл спрос на иностранную валюту в целях накопления. Но покрытие этих расходов происходило отчасти за счет иностранных краткосрочных коммерческих кредитов и разных мелких переводов из-за границы, отчасти за счет скупки золота внутри страны. К тому же план на 1923—1924 г. рисовал лучшие перспективы, чем предыдущий год.

По этому плану сумма поступлений от экспорта определялась на 1923—24 год в 437,3 млн. руб. (в современной оценке) и сумма расходов по импорту в 298,1 млн. руб., что давало активный баланс в 139,2 млн. рублей. Такую сумму можно было признать достаточно обеспечивающей потребности в иностранной валюте, даже если бы план не был осуществлен в полной мере. С точки зрения валютных рессурсов перспективы на 1924 год не вызывали поэтому тревоги.

В этой в общем благоприятной обстановке основное значение оставалось за вопросом о государственном бюджете, т.-е. о той части дефицита по бюджету, которую приходилось покрывать казначейской эмиссией.

Данные за первые девять месяцев 1923 г. рисовали следующую картину покрытия расходов (за вычетом отчислений в местные бюджеты) в процентных отношениях ко всей сумме оплаченных кредитов.

Кварталы	Продналог и единый с.-х. налог[1])	Прочие налоги	Доходы от гос. имущ. и предпр.	Кредитные операции	Эмиссия	Всего
Январь по Март	16,9	17,8	30,0	4,5	30,8	100,0
Апрель по Июнь	7,0	19,2	35,7	11,7	26,4	100,0
Июль по Сентябрь	4,3	23,8	38,3	18,7	14,9	100,0

По четвертям года, таким образом, имело место постепенное уменьшение эмиссии от 30,8% до 26,4% и, наконец, до 14,9%.

Бюджет на весь 1923—24 год во время подготовки денежной реформы еще не был утвержден. По имевшемуся в начале 1924 г. проекту он сводился в расходной части в сумме 1.750.000.000 рублей, при чем дефицит составлял в нем 354 млн. руб., из коих предполагалось покрыть кредитными операциями 174 млн. и эмиссией 180 млн. руб. Эмиссионный источник использован был по 1 марта (т.-е. до начала реформы) на сумму в 75 млн. руб. и, следовательно, оставалось покрыть в этом порядке еще 105 млн. руб. В этих пределах эмиссия и могла еще оказаться необходимой до конца бюджетного года. Но эта цифра могла считаться максимальной потому, что в распоряжении Казначейства имелся резерв, составившийся от выпуска совзнаков осенью 1923 г. для финансирования хлебозаготовок и превышавший 100 млн. рублей. Кроме того, имелось в виду часть дефицита покрыть выпуском не бумажных, а мелких металлических денег, что представлялось делом менее опасным.

В этой связи необходимо отметить одно возражение, которое выдвигалось не раз наиболее решительными противниками денежной реформы 1924 г. Если положение было настолько благоприятно, то зачем же реформа вообще была нужна? Почему было не остаться в таком случае при советском денежном знаке и не попытаться стабилизовать его?

---

[1]) Натуральная часть переведена на деньги. Доход от продналога распределен по месяцам по времени расходования его.

Ошибка, которая лежала в основе этого возражения, заключается в том, что оно не учитывало двух обстоятелств. Во-первых, того, что при среднем месячном дефиците, подлежавшем покрытию эмиссией, в 15 млн. рублей зол., по крайней мере, половину этой суммы необходимо было прибавить на покрытие курсовых потерь касс Наркомфина. НКПС и НКПиТ и, таким образом, действительная эмиссия должна была бы достигать 22—23 млн. рублей. Вся эта эмиссия ложилась бы исключительно на массу советских знаков, общая ценность которых упала до 40 млн. рублей и даже ниже. В отдельные месяцы при таких условиях попрежнему происходило бы резкое падение советского денежного знака и тогда оставались бы в силе все те факторы, глубоко расстраивавшие все народное хозяйство, которые перечислены были в конце предыдущей главы: всеобщая спекуляция, надбавки к ценам, борьба за переложение курсовых потерь, стремление к замене казначейских денег суррогатами, валютный разрыв между городом и деревней, исчезновение устойчивой валюты из платежного оборота и возврат от «червонного обращения» к «червонному исчислению». Та же эмиссия в 15 млн. рублей, отнесенная не к узкому сектору денежного обращения, а ко всей его массе, составлявшей 300—350 млн. рублей, могла пройти незаметно, если принять во внимание более медленное циркулирование новых денег по сравнению с советскими денежным знаками и, следовательно, большую потребность в них оборота. Во-вторых, необходимо было принять во внимание, что самый механизм постоянного пересчета всех платежей, производимых советскими денежными знаками, стал фактором их обесценения и притом отнюдь немаловажным. Нужно было преодолеть инерцию падения курса и этого нельзя было достигнуть иначе, как путем решительного перелома.

Мы показали выше, что то состояние, к которому пришло денежное обращение к концу 1923 г., настоятельно ставило задачу проведения новых реформ. Данные, которые приведены в начале настоящей главы, свидетельствуют о том, что финансовая и народно-хозяйственная обстановка позволяла вместе с тем приступить к тем мероприятиям, которые должны были укрепить денежную систему. Общее направление этих мероприятий предопределено было всем пройденным за последние 2½ года путем. После того, как все хозяйство перешло на «золотое исчисление» и этот способ ценностного счета был воплощен в червонце, реформа могла

заключаться только в том, чтобы прекратить эмиссию советских денежных знаков, из'ять их из обращения и выпустить деньги, выраженные в золоте. Но некоторые частные вопросы могли получить различное разрешение. Среди этих вопросов на первом месте стоял вопрос о том, приступить ли к выпуску банковых билетов мелких достоинств или выпускать новые казначейские деньги.

При существовавших условиях второе решение подсказывалось всею финансовой и хозяйственной обстановкой. Отказаться от выпуска казначейских денег и перейти к мелким купюрам червонца, значило допустить займы Государственного Казначейства в Государственном Банке. Ничего не могло быть вреднее этого для банковой эмиссии. Если бы даже эти займы были незначительны по размерам, они не могли бы не пошатнуть доверия к Государственному Банку как внутри страны, так и заграницей. Пойти в 1924 г. на такой шаг было ничем не оправдываемым риском. Правда, связь казначейских денег с банковыми билетами при всяких условиях нужно было установить, иначе самая ликвидация эмиссии советских денежных знаков утратила бы свой смысл. Однако, связь необходимо было сделать возможно более эластичной, ориентируясь на успех реформы, но учитывая вместе с тем возможность каких-либо осложнений. Отсюда решение сохранить казначейскую эмиссию на ряду с эмиссией Государственного Банка.

Второй вопрос заключался в том, ограничиться ли выпуском бумажных денег или приступить также к выпуску металла. О золоте пока не могло быть, конечно, речи. Но для того, чтобы поставить казначейскую эмиссию на более прочное основание, представлялось правильным выпустить серебряную монету. Эта монета неполноценна, но население привыкло к ней, и после отсутствия металла в обращении в течение почти десятка лет появление серебра должно было оздоровляюще подействовать на денежное обращение. Выпуск серебряной монеты должен был сыграть огромную роль в смысле упорядочения денежного обращения в деревне, ибо, следовало ожидать, что крестьянство будет охотно принимать серебряные деньги. Особенно большое значение выпуск серебра приобретал с точки зрения необходимости внедрения возможно большего количества денег и расширения эмиссионных возможностей казначейства. Не подлежало сомнению, что часть серебра застрянет у населения и что это уменьшит опасность переполнения рынка вновь выпускаемыми деньгами.

Третий вопрос, подлежавший разрешению, был вопросом о порядке ликвидации эмиссии советских денежных знаков. Бесспорным было, что эмиссия советских денежных знаков должна быть прекращена с выпуском новых денег,

что советские денежные знаки должны быть выкуплены и что для выкупа должен быть об'явлен определенный курс, при чем со дня об'явления этого курса советский денежный знак должен ходить в твердом соотношении с новыми деньгами. Но спорным представлялся вопрос о том, к какому моменту следует приурочить фиксацию курса советского денежного знака и начало его выкупа. Два соображения заставили притти к решению, что между выпуском новых денег и фиксацией курса советских денежных знаков должен пройти некоторый срок. Прежде всего, желательно было, чтобы новые деньги, выпускаемые в обращение, были с жадностью восприняты оборотом. Расчитывать на расширение емкости рынка и на способность его воспринять большее количество новых денег, чем имелось в обращении старых обесценивающихся знаков, можно было не с первого дня реформы. Поэтому необходимо было выпустить новые деньги с таким расчетом, чтобы они попали не в заполненное уже пространство, а всасывались постепенно образующейся пустотой. А пустота эта создавалась тем, что советский денежный знак, обесценение которого не прекращалось, продолжал бы сжиматься, уступая место новым деньгам. На фиксацию курса советского денежного знака можно было итти лишь после того, как население хотя бы несколько освоится с новыми деньгами.

Второе соображение заключалось в том, что в случае одновременности выпуска новых денег и фиксации курса старых знаков, реформа слишком напоминала бы те деноминации, которые имели уже два раза место в 1922 и в 1921 году. Если бы государственная власть об'явила, что вместо 50.000 рублей знаками образца 1923 года будет выпускаться в обращение рубль нового образца, то могло бы создаться впечатление, что речь снова идет о переименовании денег, и только. Правда, то обстоятельство, что новый рубль должен был быть законным платежным средством для уплаты обязательства в рубль золотом,—а именно в этом и должно было быть основное отличие новых денег от старых,—опрокинуло бы в конце-концов это ложное впечатление. Однако, лучше всего было не создавать таких условий, в которых такое представление могло даже возникнуть; желательно было показать на примере хотя бы кратковременного параллельного хождения новых денег и советских денежных знаков глубокое различие между ними. Вместе с тем было ясно, что период такого параллельного хождения будет болезнен и что он должен быть крайне непродолжительным.

Эти соображения положены были в основу мероприятий по реформе денежного обращения начала 1924 года. Других вопросов, связанных с этими мероприятиями, мы коснемся

при рассмотрении тех законов, которые установили содержание реформы.

Первым законодательным актом реформы был декрет ЦИК и СНК от 5 февраля 1924 г. о выпуске государственных казначейских билетов, тех новых казначейских денег, которые выпускались в обращение. Декрет предусматривал выпуск трех купюр: в 5 руб., 3 руб. и 1 рубль золотом. Декрет не связывал ценностного значения государственного казначейского билета ни с советским денежным знаком, ни с червонцем. Какую же денежную и ценностную единицу представлял этот казначейский билет?

Ответ на этот вопрос давался постановлением, что он в качестве законного платежного средства принимается по своей нарицательной стоимости во всех тех случаях, когда размеры платежа определены в золоте. Практика нашего финансового хозяйства знала целый ряд таких платежей. В золоте выражены были таможенные пошлины, налоги, долговые обязательства государства (выигрышный заем, краткосрочные обязательства Центрокассы) и проч. В хозяйстве существовал, таким образом, ценностный счет в золотых рублях, и государственный казначейский билет входил в обращение, опираясь на него.

Но гораздо более распространен был счет в червонцах и в «червонных рублях», то-есть в десятых долях червонца; между тем, декрет умалчивал о связи между «золотым» и «червонным» рублем. Практически между этими двумя способами счета не было разницы. Курс «золотого рубля» на советские денежные знаки устанавливался Специальной Котировальной Комиссией. Курсом «червонного рубля» была десятая часть справочного курса червонца по котировке фондового отдела Московской Товарной Биржи. До сентября 1923 г. эти курсы бывали различны. Но последний случай несовпадения их имел место 4 сентября 1923 г. и с тех пор курс Специальной Котировальной Комиссии был неизменно тождествен с курсом фондового отдела МТБ. Оборот вполне освоился с этим тождеством курсов и не было никакого основания менять установившееся положение. Наоборот, имелись все основания сохранить его. Смысл реформы явно заключается в том, что государственный казначейский билет связывается с банкнотой Государственного Банка и входит в обращение, опираясь на последнюю. Он должен был составить часть денежной системы, покоющейся на золотом, или, что практически означало то же самое, на «червонном» счете. Это положение не было прокламировано в законодательном порядке, потому что тогда еще не хотели раз навсегда предрешать судьбу денежного обращения и нельзя было учесть все то, что в будущем может произойти. Но то, что не установлено

было законодательством, проводилось в жизнь в порядке иных мероприятий. Кассам Народного Комиссариата Финансов предписано было принимать государственные казначейские билеты из расчета: один червонец равен десяти рублям золотом казначейскими билетами и из такого же расчета стали принимать казначейские билеты без ограничения суммы Государственный Банк и все другие кредитные учреждения. Кроме того, они стали обменивать беспрепятственно червонцы на казначейские билеты и казначейские билеты на червонцы по тому же курсу и этим закрепили ту же твердую связь. Для обмена казначейских билетов на червонцы Государсвенный Банк, правда, не мог эмитировать банковые билеты. Он должен был пользоваться только наличностью своих касс. Но эта наличность должна была оказаться достаточной при том условии, конечно, что самый выпуск казначейских билетов не выходил бы за пределы действительной потребности в них торгового оборота.

Соблюдение последнего условия представлялось, по вполне понятным причинам, в высшей степени существенным, и декрет вводил ограничение казначейской эмиссии, которое должно было обеспечить его. Сумма, выпущенных в обращение казначейских билетов не должна по п. 3 декрета 5 февраля, превышать половину суммы выпущенных в обращение червонцев. Законодатель исходил из того, что в довоенное время деньги достоинством ниже 10 р. (включая мелкую металлическую монету) составляли около 40% всего количества денег в обращении.

Значение того соотношения между выпуском червонцев и казначейских денег, которое фиксировано докретом 5-го февраля, заключалось еще и в следующем. Даже в условиях расширяющегося оборота опасность инфляции, т.-е. переполнения оборота деньгами, при банковой эмиссии несравненно меньше, чем при казначейской, потому что новый выпуск банковых билетов,—по крайней мере, поскольку он протекает нормально,—идет вслед за ростом рынка. И хотя эмиссия Государственного Банка была в этом отношении не безупречной, тем не менее Государственный Банк, как эмиссионное учреждение, имел достаточные данные для учета действительной потребности оборота в деньгах и в своей практике он мог опираться на него. У государственного казначейства таких данных не имеется. Банк учитывает векселя и выдает ссуды под товары. Товарный вексель и товар являются свидетельствами того, что на рынке происходит передвижение ценностей, которое лишь облегчается тем, что банк заменяет вексель банкнотой. Казначейство оплачивает ассигновки, и этот факт не стоит ни в какой связи с потребностью в деньгах товарного рынка. Оплата ассигновок может быть очень велика

при сжимающемся обороте и очень незначительна при возрастающей торговле. Не имея собственного критерия, казначейство не в состоянии поэтому действовать целесообразно, если эмиссия казначейская не прислоняется к эмиссии банковой. Та связь между эмиссией червонцев и эмиссией казначейских билетов, которая установлена законом, должна была обеспечить возможно более безболезненное внедрение казначейских денег в обращение. Эмиссия Государственного Банка должна была явиться показателем потребности оборота в деньгах. Так как банк эмитирует только сравнительно крупные билеты, то остающийся пробел восполняется выпуском казначейских денег. Эти соображения имелись в виду при подготовке и проведении денежной реформы. Практического значения они, однако, *в этом своем виде* не получили, так как выпуск казначейских билетов для покрытия бюджетных дефицитов прекратился раньше, чем этого ожидали в начале 1924 года.

Предвидеть, что казначейский билет легко внедрится в обращение и займет в нем место на ряду с червонцем, было тем легче, что финансовая практика последних месяцев 1923 г. создала предшественника казначейского билета, обращавшегося на рынке на правах получервонца. В октябре, ноябре, декабре, январе и феврале Народным Комиссариатом Путей Сообщения и Народным Комиссариатом Финансов были выпущены так называемые «транспортные сертификаты» достоинством в 5 рублей каждый, выраженные в золоте и по закону (постановление СТО от 26 июля 1923 г.) обязательные к приему для всех касс железных дорог, а также для предприятий морского и речного транспорта. Они выпущены были в качестве краткосрочных обязательств, подлежавших погашению через несколько месяцев и имевших ограниченный круг хождения, но как кредитные учреждения, так и другие предприятия стали охотно принимать их во все платежи, расценивая пятирублевый сертификат в полчервонца. Общая сумма их выпуска достигла свыше 20 млн. рублей и они настолько прочно вошли в оборот, что в январе 1924 года Наркомфину пришлось издать распоряжение о беспрепятственном приеме их казначейскими кассами во все платежи. Правда, биржевой их курс не всегда вполне совпадал с курсом червонца. Местами он был несколько выше (Туркестан), что об'яснялось острой потребностью в устойчивых деньгах достоинством меньше червонца. В Москве он был ниже курса червонца, что более сответствовало сущности сертификата, ибо он являлся обязательством, подлежавшим погашению советскими знаками по официальному курсу (покуда советский денежный знак, конечно, еще существовал), а официальный курс в течение почти всего последнего времени суще-

стования совзнака систематически стоял ниже вольного курса банкового билета. Поэтому, при превращении советских знаков, полученных в день выкупа за транспортный сертификат, в червонцы, держатель сертификата нес некоторый убыток, и рынок учитывал это обстоятельство при расценке сертификата. Но колебания были невелики. Судьба транспортного сертификата доказывала, что и при отсутствии законом установленного соотношения между курсами казначейского билета и червонца поддерживать между ними твердую связь не представит затруднений.

Вторым законодательным актом по проведению реформы был декрет ЦИК и СНК от 14 февраля 1924 г. о прекращении эмиссии советских денежных знаков. Он гласил, что с 15 февраля прекращается их изготовление на фабриках Наркомфина и одновременно прекращается эмиссия, т.-е. выпуск новых знаков из Валютного Управления и из баз (особых запасных фондов) Наркомфина на местах. Остатки денежных знаков на фабриках и в базах подвергаются уничтожению. Денежные знаки, выпущенные до 14 февраля из баз и находящиеся в кассах Наркомфина всех учреждений и предприятий и у частных лиц, остаются законным платежным средством на прежних основаниях впредь до издания особого постановления об их выкупе.

Третьим законодательным актом в серии мероприятий по реформе был декрет ЦИК и СНК от 22 февраля 1924 г. о выпуске и чеканке серебряной и медной монеты. Постановления о чеканке воспроизводят прежние правила дореволюционного монетного устава. Было признано наиболее целесообразным не менять ни содержания чистого серебра и меди в монетах,ни их лигатурного веса и диаметра, ни прежних норм о терпимости в весе, в пробе и пр. Оборот должен был получить монету, в точности соответствующую той, которою он привык пользоваться до войны. Только внешний вид ее был изменен и монета чеканилась по новым рисункам.

В отношении серебряной монеты постановления декрета 22 февраля до настоящего времени остались в силе. Что касается монеты достоинством до 5 коп., то на основании постановления ЦИК и СНК от 6 января 1926 г. ее стали чеканить в 1926 г. не из меди, а из бронзы и меньшего формата, чем монета дореволюционного времени.

Постановления о выпуске монеты сводились к следующему. Выпускается серебряная монета высокопробная (банковая), достоинством в 1 рубль и в 50 коп. (последняя именуется полтинником) и низкопробная (билонная), достоинством в 20 коп., 15 коп., и 10 коп. Банковая монета, соответствующая прежней двацати пяти копеечной, и билонная, соответствующая прежней пятикопеечной, не выпускается:

уже опыт прошлых лет показал, что они не нужны обороту. Медная монета выпускается достоинством в 5 коп., 3 коп., 2 коп. и 1 коп. Серебряная и медная монеты являются законным платежным средством, т.-е. обязательным к приему в платежи для всех учреждений, предприятий и лиц, причем 1 рубль серебряной или медной монетой приравнивается одному рублю золотом государственными казначейскими билетами. Система денежного обращения была, таким образом, приведена к единству. Между казначейскими билетами и банкнотами установлено твердое соотношение в порядке мероприятий банковой политики. Связь между серебряной и медной монетой, с одной стороны, и казначейскими билетами—с другой, определена в законе.

Для серебра и меди закон сохранял те ограничения, которые имелись в прежнем монетном уставе. Банковое серебро (1 р. и 50 коп.) обязательно к приему на сумму до 25 рублей, билонное серебро (20 к., 15 к., 10 к.) и медная монета—на сумму до 3 руб. Только кассы государственного казначейства обязаны принимать серебряную и медную монету без ограничения.

Выпуск серебряной монеты являлся одной из существеннейших частей мероприятий 1924 г. Но для того, чтобы он приобрел необходимое значение, нужно было, чтобы самые размеры его были достаточно велики и чтобы он не плелся в хвосте казначейской эмиссии, а составлял в течение по крайней мере, первого года, примерно, такую же, или почти такую же долю ее, как и выпуск государственных казначейских билетов. Так подходило к вопросу и законодательство о денежном обращении. Декрет поручал Народному Комиссариату Финансов отчеканить до 1 января 1925 г. серебряной и медной монеты на сумму до 100 млн. руб.

Проведение реформы по изложенному плану встретило, между тем, технические затруднения, из-за которых нельзя было, однако, отсрочить денежную реформу или изменить самый ее план. Монетный Двор был недостаточно оборудован для того, чтобы в короткий срок справиться с новыми заданиями. Поэтому декрет разрешал Народному Комиссариату Финансов выпустить временные боны достоинством от 1 коп. до 50 коп. с тем, чтобы не позже 1 января 1925 г. об'явлен был свободный обмен этих бон по нарицательной их стоимости на звонкую монету.

Декрет предусматривал также судьбу серебряной монеты дореволюционной чеканки и решал ее в том смысле, что старое серебро не «монетизируется», т.-е. не признается законным платежным средством; запрещение производства и приема платежей старым серебром оставалось в силе. Мотивом к такому решению вопроса явилось то обстоятельство, что в довоенном денежном обращении имелось очень значи-

тельное количество серебра, признание которого вернуло бы в каналы денежного обращения старую билонную монету и заполнило бы их настолько, что для новой казначейской эмиссии осталось бы слишком мало места. При обсуждении реформы высказывалось опасение, что непризнание старого серебра может препятствовать внедрению серебряной монеты новой чеканки. Но эти опасения не оправдались.

Наконец, четвертый декрет, который явился заключительным законодательным актом по проведению реформы, окончательно разрешал вопрос о судьбе советского денежного знака. Это—постановление СНК от 7 марта 1924 г. о фиксации курса и выкупе советских знаков. Постановление фиксировало курс с 10 марта из расчета 50.000 руб. знаками 1923 г. за 1 рубль золотом казначейскими билетами. Так как деноминация 1923 г. приравняла в свое время 1 рубль знаками образца 1923 года одному миллиону рублей знаками дореволюционных и революционных образцов до 1921 г. включительно, то постановление СНК от 7 марта означало, что закон закрепляет обесценение бумажного рубля в 50.000.000.000 раз. Это не рекордная цифра, потому что Германия в 1923 г. превзошла ее. Но эта цифра все же бесконечно далека от того, что могли вообразить себе несколькими годами раньше люди, размышлявшие над вопросами денежного обращения. Достаточно припомнить, что классическим примером обесценения и гибели бумажных денег всегда служили ассигнаты французской революции. Между тем к моменту их из'ятия их курс упал всего в 300 раз.

Фиксация курса из расчета 50.000 р. знаками образца 1923 г. за 1 рубль означала, что 500 руб. советскими знаками (или по старому счету 500 миллионов) приравниваются 1 копейке, 1.000 р. (миллиард)—2 копейкам и т. д. Фиксировать курс можно было только при таком счетном соотношении между старыми и новыми деньгами, которое было бы достаточно простым и поэтому удобным для населения. Отчасти в виду именно этого обстоятельства пришлось оттянуть фиксацию курса до 10 марта и даже форсировать падение советского денежного знака в последние дни. Отчасти назначение низкого выкупного курса преследовало однако и фискальные цели.

С точки зрения установившихся терминов и понятий законодательный акт о фиксации курса напоминал девальвацию, т.-е. окончательный отказ государственной власти выполнить то, что в свое время почиталось ее обязательством (в смысле размена в определенном ранее отношении бумажных денег на металл) и закрепление фактически совершившегося уже обесценения бумажных денег на твердом уровне. Однако, в данном случае было бы чрезмерной натяжкой

говорить о девальвации в обычном смысле этого слова. Преемственная связь между кредитным билетом прежнего Государственного Банка и советским денежным знаком, конечно, существовала. Но обязательство размена (который фактически стал невозможен уже в 1917 году) даже чисто юридически было отвергнуто не постановлением СНК от 7 марта 1924 г., а всем финансовым законодательством первых лет революции. Не только с экономической, но и с формально юридической точки зрения самая постановка вопроса являлась совершенно схоластической. Мы упоминаем о ней лишь для того, чтобы подчеркнуть действительную природу тех денег, которые ушли в прошлое с реформой 1924 года.

Кредитный билет дореволюционного Государственного Банка в процессе эволюции денежной системы превратился в «расчетный знак РСФСР», а последний постепенно превратился в «денежный знак СССР». Ни «расчетный», ни «денежный» знак не был уже обязательством государства или государственного казначейства. Революция сделала их бумажными деньгами в самом строгом смысле слова, т.-е. бумажными знаками, которым государственная власть присваивала силу погашать долговые обязательства, возникающие в хозяйственном обороте, но которые не являлись долговыми обязательствами самого государства. Самая надпись на них, гласившая, что они «обеспечиваются всем достоянием республики» лишена была содержания, ибо при отсутствии обязательства неизвестно было, что собственно обеспечивается. Эта надпись свидетельствовала только лишний раз о том, что словесные формулы очень живучи и что ими продолжают пользоваться тогда, когда содержание их давным давно уже выветрилось. Даже в том случае, если бы был фиксирован курс советских денежных знаков на реальное золото, о девальвации можно было бы поэтому говорить лишь, как о некоторой аналогии. Ни с точки зрения природы советского денежного знака, ни с точки зрения природы казначейского билета девальвации не произошло. Это привычное для экономиста понятие к данным условиям неприложимо.

Необходимо остановиться на одной детали закона 7 марта. Он приравнивал 500 р. денежными знаками образца 1923 г. одной копейке «серебром», а не золотом. С точки зрения действительного содержания реформы 1924 г. это выражение неправильно. Денежной единицей, устанавливаемой реформой, являлся «рубль золотом государственными казначейскими билетами», а не рубль и не копейка серебром. Платежная сила самого серебра определена была путем установления известного соотношения между казначейским билетом и серебряными монетами, причем серебро является

даже платежным средством лишь на ограниченную сумму. Законодатель, очевидно, отнюдь не хотел об'явить, что копейка серебром становится основной денежной единицей, а хотел только подчеркнуть, что советские денежные знаки, оставшиеся после 10 марта в обращении, будут временно заменять серебряную монету. Никакого принципиального значения этому выражению приписывать нельзя.

Вся сущность реформы содержится в тех четырех законодательных актах, которые изложены нами. Но для ликвидации пережитков периода валютного хаоса Советом Труда и Обороны принято было еще одно постановление, о котором здесь должно быть упомянуто. 29 февраля 1924 года СТО постановил воспретить после 1 марта 1924 г. заключение договоров, выдачу обязательств, а равно установление тарифов и такс с исчислением платежей по числам-показателям средних товарных цен (в «товарных рублях»). Договоры и обязательства, совершенные до 1 марта с исчислением в товарных рублях,—гласило это постановление,—подлежали переводу на золотую валюту не позднее 31 марта 1924 года. Исчисление в «товарных рублях» практиковалось уже почти исключительно в договорах о заработной плате. Другим постановлением, принятым в тот же день, СТО установил принципы для перевода заработной платы в золотые рубли.

Мы видели, в каких условиях возникла идея «товарного рубля» и как распространилась практика его применения. Эти условия в значительной мере уже исчезли в начале 1924 г. и сохранение этого своеобразного метода ценностного исчисления было вредным пережитком для всей денежной системы. Такой метод заставлял хозяйственные предприятия калькулировать свои издержки производства в двух различных единицах. Он делал безразличным для широких слоев населения вопрос об уровне товарных цен, так как заработки становились независимыми от этого уровня. Он выражал, наконец, недоверие к государственной системе денежного обращения и подтачивал волю к утверждению устойчивой валюты. Поэтому законодательство признало необходимым закрепить денежную реформу ликвидацией того приема ценностного счета, или, другими словами, постоянного денежного пересчета, который не мог не возникнуть в условиях денежного обращения 1921 и 1922 гг., но вместе с тем был и одной из причин, усиливавших обесценение денег.

Практическое проведение реформы следовало непосредственно за изданием законодательных постановлений. Выпуск в обращение государственных казначейских билетов начался 8 февраля. К выпуску серебра приступлено было 26 февраля. Советские денежные знаки перестали быть законным

платежным средством с 10 мая, после чего их принимали для обмена только кассы Народного Комиссариата Финансов и Государственного Банка. Выкупная операция была закончена почти всюду 31 мая 1924 г.

В конце июля 1914 года произошел переход России от золотого монометаллизма к бумажно-денежному обращению и последнее непрерывно существует у нас с тех пор, хотя и в различных своих модальностях. Нельзя отождествить денежную систему первых лет войны, когда возврат в золотой валюте был еще правдоподобен, когда обесценение бумажных денег совершалось медленно и кредитный билет оставался для огромного большинства населения лишь временно поколебленным в своей устойчивости денежным знаком, с денежной системой эпохи военного коммунизма, когда кредитный билет Государственного Банка был замещен «расчетным знаком», когда эмиссия таких знаков стала единственным источком денежных доходов казны и, вместе с тем, намерение выбросить всякие деньги из хозяйственного оборота составляло официально провозглашенное содержание денежной политики государственной власти. В первые годы войны мы имели бумажные деньги, эмитируемые с фискальными целями, обесценивавшиеся, но все еще выполнявшие все функции денег. В эпоху военного коммунизма бумажные деньги утратили функцию орудия сбережения; их значение как орудия обмена, сократилось до минимума; их роль, как мерила ценности, сохранялась отчасти в той сфере хозяйства, где происходил еще обмен, но постепенно подготовлялась почва к утрате ими и этой функции.

Мы сохранили по прежнему бумажно-денежную систему после провозглашения новой экономической политики, в 1921 и в 1922 году. Однако, это была уже не совсем та система, которая существовала накануне, в эпоху военного коммунизма. Не только потому, что государственная власть ставила себе в это время целью восстановление, а не уничтожение денежного обращения, но еще и потому, что в этот период,— в полном противоречии с новыми целями денежной политики,—бумажно-денежный знак обесценивался с наибольшей быстротой, становился все менее пригодным к выполнению нормальных функций денег и народное хозяйство стало искать и находить вместо него другое всеобщее мерило ценности, хотя в эти годы роль бумажных денег, как орудия обмена и платежного средства и возрастала. Платежным средством бумажный рубль оставался разумеется в течение всех периодов своего существования; ибо не будь даже этого, наши бумажные деньги,—кредитные билеты, расчетные знаки, казначейские знаки,—перестали бы быть деньгами.

Денежная система вновь изменилась с введением в состав ее нового банкового билета и своеобразные признаки ее в течение этого периода ее существования мы попытались уже описать в одной из предыдущих глав. И, наконец, мероприятия 1924 года опять преобразовали нашу бумажно-денежную систему. Что же она представляет собой, начиная с 1924 года?

Законодательные акты, относящиеся к поставленному вопросу, изложены были выше. Но знакомство с их содержанием недостаточно для того, чтобы определить действительную сущность денежного обращения Союза. Прежде всего не меньшее значение, чем законодательство имеет финансово-административная и кредитно-оперативная практика казначейства и эмиссионного банка. Затем, —и именно это обстоятельство представляется нам наиболее существенным,— специфические особенности денежного обращения Советского Союза в том его виде, в каком оно существует с 1924 года, вытекают не столько из законов об эмиссии банкнот или казначейских билетов, из постановлений о чеканке монет, из практики взаимоотношений между казначейством и Государственным Банком и т. п., сколько из некоторых черт всей советской экономики, особенно тех ее черт, которые определяют формы соприкосновения советского хозяйства с мировым. «Душу» нашего денежного обращения нельзя найти в одних постановлениях о денежной системе; ее можно понять только, как производное всей хозяйственной системы Советского Союза.

Нижеследующие страницы посвящены описанию существенных экономических признаков, а не более или менее технических особенностей нашего денежного обращения. Мы укажем также в дальнейшем, в какую клетку существующих классификаций денежных систем возможно, на наш взгляд, поместить систему денежного обращения СССР после 1924 г. и какие при этом следует сделать оговорки. Но разрешение этой последней, классификационной, задачи не представляется нам особенно важным, ибо своеобразие советской денежной системы кажется нам очень большим и при этом условии оговорки должны сильно подорвать познавательное значение такой классификационной работы.

Мы имеем с 1924 года систему бумажно-денежного обращения с денежной единицей, которой по закону является «рубль золотом», при чем этот «рубль золотом» по закону не соответствует какому либо количеству металла. Из исторических глав можно усмотреть почему закон упомянул о золоте при наименовании нового рубля, но умолчал о металлическом его содержании. «Рубль золотом» есть лишь условная единица ценностного счета, возникшая в начале новой экономической политики и получавшая в то время конкретное

содержание от того, что «рубль золотом» приравнивался постановлениями уполномоченных на то органов определенным суммам рублей казначейскими денежными знаками (совзнаками), т. е. циркулировавшими в то время деньгами. Выше было достаточно подробно описано, как все это произошло. По закону, действующему на всей территории Союза, законным платежным средством, обязательным к приему без ограничения суммы, являются только государственные казначейские билеты, которые и выражены в «рублях золотом».

Но фактически благодаря практике, усвоенной казначейством и Государственным Банком, а вслед за ними и всем хозяйственным оборотом, денежной единицей Союза можно безразлично считать, как «рубль золотом», в котором выписаны казначейские билеты, так и «червонец», в котором выписаны банкноты. Благодаря этой практике банкноты являются законным платежным средством без ограничения суммы (хотя по закону их прием обязателен только для Госбанка и для казны при внесении ей государственных сборов и платежей), и между червонцем и рублем установилось настолько прочное соотношение, что население не подозревает даже об отсутствии под ним твердой легальной базы. Внешним символом и официальным признанием устойчивости этого соотношения является то обстоятельство, что с 1924 года балансы Государственного банка публикуются в червонцах, рублях и копейках. И хотя по закону, денежной единицей является рубль, а не червонец,—ибо, как только что было указано, лишь казначейский билет, выраженный в рублях является законным платежным средством,—но по совокупности всех обстоятельств, может быть, правильнее было бы считать денежной единицей Союза червонец, потому что главную часть денежного обращения Союза составляют банковые билеты, потому что именно они котировались заграницей, потому что самые размеры эмиссии казначейских билетов связаны с размерами выпуска банкнот и казначейские билеты фактически играют при банкнотах лишь роль сравнительно крупных разменных знаков (Ср. по этому вопросу Л. А. Лунца, «Деньги и денежные обязательства», в сборнике «Очерки кредитного права», М. 1926, стр. 7 и след.;—его же «Деньги и денежные обязательства», М. 1927, стр. 61 и след.; Ф. Д. Лившица, «К вопросу о нашей денежной единице»,«Кредит и хозяйство», 1926, № 8—9, стр. 28—34;—Л. С. Эльясона, «Деньги, банки и банковые операции», М. 1926, стр. 10 и след.).

В законе, повторяем, ничего не сказано о соотношении между рублем и каким либо количеством металла; но в законе зато определено, какому количеству металла соответствует червонец и в перспективе даже намечен размен банковых билетов на золото. Для червонца установлен таким образом теоретический золотой паритет, а через червонец при суще-

ствующей практике установлен паритет и для рубля. Мы, следовательно, имеем бумажно-денежное обращение с денежной единицей, приравненной, согласно металлического ее определения, единице довоенного времени.

Таковы некоторые основные признаки системы денежного обращения, созданной в 1924 г. В чем же ее своеобразие? Это своеобразие надо искать главным образом в том, как функционирует денежная система, т.-е. в том, чем определяются создание денег, их покупательная сила и их курс, и мы всего легче подойдем к ответу на эти вопросы, если предварительно напомним в кратких чертах, как функционируют в обычных условиях наиболее типичные денежные системы. Картина будет несколько стилизована, но именно это и облегчит в дальнейшем описание того особого случая, который представляет собой современная денежная система СССР.

Представим себе прежде всего систему, построенную на том, что денежная единица какого либо наименования соответствует определенному количеству золота, из которого чеканятся монеты, имеющие законную платежную силу. Пусть ввоз и вывоз золота и товаров в данной стране и в других странах об'явлены свободными. Пусть существует свобода чеканки, т.-е. право всякого получить от Монетного Двора монету за золото в слитках с внесением столь ничтожной платы за чеканку, что этой платой можно пренебречь. Пусть в области внешнего товарообмена и внешних денежных расчетов не установлено никаких существенных запрещений и ограничений. Пусть, наконец, мы имеем и внутри каждой страны свободу промышленности и торговли, включая свободное, т.-е. независимое от государственного регулирования или вмешательства монопольных предприятий, образование товарных цен. Это те условия, в которых классическая школа обычно ставила и разрешала интересовавшие ее экономимические проблемы. Как регулируется в этой обстановке количество денег в стране?

Ответ не представляется сложным и в экономической литературе дан уже давно. Золото распределится между всеми странами так, чтобы товарные цены (при условии учета стоимости перевозки, таможенных пошлин и прочих накладных расходов) всюду стояли на одном и том же уровне. Это будет состояние равновесия. Если по тем или иным причинам цены в одной стране поднимутся, то ввоз товаров в эту страну станет выгодным и он произойдет. За ввоз придется заплатить деньгами, т.-е. золотом, а это вызовет уменьшение в стране денежного металла. Какие бы оговорки ни делать к количественной теории денег и в какой бы редакции ее ни принимать, приток товаров и уменьшение количества денег рано или поздно вызовет снижение цен. Перемещения будут происходить до тех пор, пока вновь не будет

достигнуто состояние равновесия, вероятно, в новых условиях распределения золота и товаров. Но при всех возможных, осложняющих моментах, вносимых передвижением капиталов, различными условиями накопления, или развитием кредитных сделок и платежей, бесспорно, что в этой обстановке количество денег в стране регулируется в порядке стихийного процесса, и задача государственных органов может заключаться лишь в том, чтобы стихийный процесс протекал по возможности плавно, не вызывая серьезных потрясений.

Там, где существует эмиссия банковых билетов, но последние разменны на золото, условия уже отличаются от тех, которые только что были схематически описаны. Здесь возникает вопрос о политике эмиссионного банка и регулирование денежного обращения происходит не безусловно автоматически, как в первом случае.

В тех странах, где банковые билеты разменны на золото, уставы эмиссионных банков всегда разрешают на тех или иных основаниях выпуск банкнот, превышающий банковые запасы золота. Это допущение основано на том соображении, что никогда все банковые билеты не могут быть сразу пред'явлены к обмену и что, в случае кризиса и массового пред'явления банкнот, можно на худой конец временно приостановить размен в порядке чрезвычайного законодательства. Таким образом эмиссионные банки могут выпускать свои билеты и учитывать векселя при расширении торгового оборота, предоставляя народному хозяйству платежные средствав в сумме, превышающей количество золота, которое образует их металлический и валютный фонд. Они сообразуются при этом с размерами своих металлических запасов, но эти запасы связывают их лишь до известной степени. Чем же регулируется в этих условиях количество денег в стране, т.-е. чем определяются пределы банковой эмиссии?

И тут стихийно действует механизм, который фиксирует возможные ее размеры. Если эмиссия велика и товарные цены возрастают, то создается рыночная кон'юнктура, при которой становится выгодным увеличение импорта и уменьшаются прибыли от экспортных операций. Баланс ввоза и вывоза изменяется. Увеличивается спрос на платежные средства, которые пригодны для ликвидации задолженности за границей, т.-е. на иностранную валюту или золото. Возрастают требования на чеки в иностранной валюте, подлежащие оплате за границей, и эмиссионный банк для того, чтобы иметь возможность выдавать такие чеки вынужден, в конце концов, вывезти за границу часть своего золота. Для эмиссионного банка это служит сигналом, показывающим, что наступила опасность, дальнейшее развитие которой он должен предотвратить, ибо иначе он рискует потерять свои металлические фонды. Для борьбы с этой опасностью в

распоряжении эмиссионных банков имеется испытанное и весьма действительное средство: эмиссионный банк повышает свой учетный процент и удорожает стоимость кредита на рынке. Сравнительно небольшого повышения процента бывает достаточно для того, чтобы вызвать целый ряд последствий в том направлении, которого добивается банк.

«Д е н ь г и», т.-е. кредиты стали более дороги. Для торговца, который держит большие запасы товаров, пользуясь для этого кредитом, становится невыгодным задерживать реализацию этих запасов и на рынке увеличивается предложение товаров. Если торговец является экспортером, он увеличивает продажу товаров заграницу. Падают цены и возрастает экспорт. Для импортера, который пользуется кредитом для ввоза иностранных товаров, его операции по ввозу становятся менее выгодными и он сокращает их. Сжимается импорт и уменьшается спрос на иностранную валюту или золото для вывоза. Уменьшается спрос на кредиты, ибо для целого ряда торговых операций ссуда из 5% могла быть выгодной, а ссуда из 6% является уже убыточной. И уже ранее всего этого повышение процента, если оно происходит в кредитоспособной стране, вызывает, по крайней мере временно, прилив иностранных денежных капиталов, ищущих краткосрочного помещения. Таким образом переход эмиссии за известные пределы влечет за собой отлив золота из страны, эмиссионные банки в ответ на этот отлив повышают свои учетные ставки, вызывая этим сокращение спроса на кредиты, уменьшение эмиссии или, по крайней мере, задержку дальнейшего ее роста, снижение цен, усиление экспорта, уменьшение импорта и обратный приток золота в страну. Процесс протекает уже не чисто механически, потому что в известный момент происходит вмешательство эмиссионного банка в стихийный ход вещей. Но самый ход вещей обнаруживает известные симптомы, к которым должны только присматриваться руководители эмиссионного учреждения, поступая затем по довольно простому и давно известному правилу.

В очень значительном числе случаев эмиссионному банку достаточно бывает повысить свою учетную ставку для того, чтобы денежный рынок послушно последовал за руководящим кредитным учреждением. Иной раз это бывает, однако, и не так. В Англии, например, денежный рынок так значителен, и депозитные банки играют на нем, благодаря огромным средствами, которыми они располагают, такую крупную роль, что рынок может и не реагировать на повышение официального процента удорожанием кредита по всей линии кредитных учреждений, ставки которых по активным операциям обычно ниже ставок Английского Банка. Однако у последнего и на этот случай имеется действительное средство,

которое он может пустить в ход и которым он пользуется время от времени. Если на денежном рынке имеется такое количество свободных средств, что рынок не следует за банком, Английский Банк в дополнение к повышению учетной ставки принимает меры к тому, чтобы снять излишние деньги с рынка. Он выступает не с предложением денег, а со спросом на них. В его распоряжении имеются ценности (ценные бумаги, которые во всякое время могут быть реализованы) и он продает их, или косвенными путями закладывает их, снимая с рынка свободные средства до тех пор, пока рынок не становится податливым и не следует за ним по тому пути, который ему указан.

Описанный механизм отнюдь не всегда действует безболезненно. Но в нашу задачу не входит анализ того, хорош ли этот механизм или плох. Во всяком случае ясно, что это есть действующий механизм и ясно, вместе с тем, как он приводится в действие.

Перейдем к третьему случаю: выпуску эмиссионным банком неразменных на золото банкнот, при сохранении всех прочих вышеуказанных условий в отношении свободы торговли и т. д. Этот случай возможен в странах с падающей и в государствах с довольно устойчивой валютой. Если банкноты эмиссионного банка неразменны на золото, тот простейший регулятор эмиссии и денежного обращения, который описан был выше, уже не действует, или же действует не так ясно и просто, как тогда, когда приток золота в эмиссионный банк и отлив его из эмиссионного учреждения ежедневно и ежечасно показывают руководящему эмиссией органу, какого он должен придерживаться направления. Однако и тут остаются в силе некоторые показатели и методы воздействия на денежный рынок, которые облегчают работу эмиссионного банка.

Значительное расширение кредитов и соответствующий выпуск бумажных денег имели бы своим последствием повышение товарных цен. В свою очередь повышение товарных цен вызвало бы сокращение вывоза и увеличение ввоза, при чем эта тенденция оставалась бы в силе до изменения курса валюты. В условиях золотого обращения изменение курса было бы лишь незначительно, ибо немедленной реакцией на повышение курса иностранной валюты был бы отлив золота из страны. При неразменности банкнот на золото такой реакции не существует и процесс обесценения не имеет определенных границ, если только эмиссионная и кредитная политика не принимает мер к тому, чтобы положить ему предел.

Нет границы теоретически возможному падению курса бумажных денег. Но денежная политика государства, или Центрального Эмиссионного Банка, (если только они распо-

лагают необходимыми для этого материальными ресурсами и умеют маневрировать ими) может фиксировать практически тот или иной предел и может даже сделать это так, чтобы колебания курса бумажной валюты оставались в тех же тесных границах, в которых могут колебаться валюты золотые, т.-е. в границах так называемых золотых точек. Банк устанавливает тот курс, который образует как бы золотой паритет его банкноты и затем продает и покупает без ограничения иностранную валюту по курсу достаточно близкому к этому паритету. Он держит постоянно необходимые запасы валюты для того, чтобы удовлетворить весь пред'являемый спрос и он маневрирует своей учетной ставкой, для того, чтобы достигнуть нужного ему соотношения между спросом и предложением. Такова была денежная система Австро-Венгрии и практика ее банка после 1892 года. Такова была по тенденции своей и денежная политика С. Ю. Витте в 1893—1895 гг., когда Государственный банк с февраля 1893 г. по 15 марта 1895 г. в целях регулирования курса купил тратт на 71,3 мил. руб. и продал их на 73,9 мил. руб., причем в первый год упорядочения курса разница между высшим и низшим курсами составила еще 6,7%, а в следующем году, когда операция производилась круглый год, разница не превышала 1,99%, между тем как в 1890 г. она составляла 19,5%, в 1891 г.—28,2% и в 1892 г.—36,7%. (П. Х. Шванебах, Денежное преобразование и народное хозяйство, С.-Петербург, 1901, стр. 51). Систему, подобную австрийской, англичане называют «gold exchange currency». Ее можно назвать по-русски системой бумажно-денежного обращения с золотым паритетом.

Если эмиссионный банк не проводит политики поддержания устойчивого курса, последний колеблется при системе бумажно-денежного обращения вверх и вниз в зависимости от всей совокупности обстоятельств, влияющих на спрос и предложение валюты: состояния торгового баланса, состояния всех видов взаимной задолженности данного государства и других стран, состояния того внешнего и внутреннего кредита, которым пользуется правительство страны, движения эмиссии и проч. Эти колебания возможны, как в том случае, когда банкноты эмитируются исключительно для коммерческих операций банка, так и тогда, когда выпуском бумажных денег покрываются расходы, государственного бюджета. Само собой разумеется, что в последнем случае пределы возможных колебаний будут гораздо шире.

Но если только соблюдены те общие хозяйственные условия, которые были указаны выше, то при всякой денежной системе курс иностранной валюты в каждый данный момент будет зависеть от спроса на нее и от ее предложения и между курсом денег и их покупательной силой

будет существовать известная связь. Первое само собой разумеется. Относительно второго необходимо сказать несколько слов.

Связь между курсом и покупательной силой денег или, другими словами, между курсом валюты и средним уровнем товарных цен нельзя представлять себе слишком упрощенно, если только не говорить о ценах экспортных и импортных товаров, ибо в этом последнем случае связь является непосредственной и здесь она, разумеется, очень тесна. Цены товаров обычно отличаются большим консерватизмом и падение (или под'ем) курса валюты (как вновь подтвердил опыт послевоенной Европы) может сопровождаться весьма замедленным ростом (или снижением) товарных цен. Ибо цены экспортных и импортных товаров лишь частично входят в состав издержек производства большей части продуктов и изделий, а цены на рабочую силу,—один из важнейших элементов издержек производства,—вообще изменяются лишь с большой постепенностью; наконец, самые рыночные цены не сразу приспособляются к изменившимся издержкам производства. И обратно: изменение уровня цен даже при условии бумажно-денежного обращения не сопровождается обязательно немедленным изменением курса. Брешь, образуемая в расчетном балансе вследствие сокращения экспорта и усиления импорта может быть пополнена многими способами: краткосрочными или долгосрочными кредитами, реализацией ценных бумаг и т. п. Но при всех этих оговорках между курсом и покупательной силой остается тесная связь. То, что проф. Густав Кассель назвал паритетом покупательной силы, т.-е. то отношение между валютами двух стран, которое соответствует (с учетом таможенных пошлин и т. п.) высоте существующих в них уровней цен, не может очень длительно оторваться от курса. Другое дело, что курс установить легко, а исчисление покупательной силы денег в двух странах для нахождения искомого паритета представляет огромные и подчас даже непреодолимые методические и технические затруднения. Этим не исключен факт существования указанной связи и постоянное проявление ее в виде тенденции.

Итак при всех денежных системах, охарактеризованных на предыдущих страницах, можно было сказать:

во-первых, что курс валюты в каждый данный момент зависит от состояния спроса и предложения;

во-вторых, что между курсом и покупательной силой денег существует связь, выявление которой, хотя и может быть очень усложнено многими обстоятельствами, но не может быть уничтожено вовсе.

К этому мы должны прибавить еще, что, в третьих, при всех денежных системах, функционирующих в описанных

условиях покупательная сила денег и их курс представляют собой для каждого данного момента определенные величины, т.-е. существуют один определенный курс и один определенный уровень цен.

Мы долны подчеркнуть, что это есть стилизация. Мы называем величину покупательной силы в описанных условиях «определенной» не потому, что она действительно является таковою в строгом смысле слова, а только потому, что мы в дальнейшем будем иметь дело с условиями, в которых размеры покупательной силы валюты являются настолько менее определенными, чем в ранее очерченной обстановке, что количественное различие между двумя системами переходит в качественное и в первом случае мы можем говорить об определенности, если будем говорить о неопределенности во втором. Мы хотим только сказать, что в общем, при условии существования свободы внешней и внутренней торговли и при отсутствии государственного регулирования движения товаров и цен, внутри каждой страны существует некоторое подобие единого валютного рынка и единого товарного рынка с единою ценой для каждого товара определенного качества. Всякий знает, что это нигде и никогда не было вполне так. Но вместе с тем почти всякий признает, что для описания развитой капиталистической хозяйственной системы (даже в том случае, когда монопольные организации играют в ней уже большую роль) такая схема описания является более подходящей, чем всякая другая.

И наконец, в четвертых, существенный признак функционирования денежной системы, несколько раз отмеченный выше, заключается в возможности влиять на курс, на цены, на размеры кредитования и на количество денег, обращающихся в стране, при помощи изменения учетной ставки. Во всех тех случаях, когда в составе денежной массы имеются банковые билеты, учетная ставка образует основное орудие денежной политики в руках того органа, который призван руководить этой отраслью народного хозяйства.

Мы имеем денежную систему, функционирующую в условиях, глубоко отличных от тех, которые охарактеризованы выше. Из этих условий для нас в данном контексте наиболее существенны:

1. Монополия внешней торговли. Не обязательно в той или другой конкретной ее форме. Для нас в данном контексте важно существование монополии внешней торговли, как такой организации последней, при которой государство может установить план ввоза и вывоза товаров и может даже,—в известных конечно пределах,—осуществить такой план, который не представляется наиболее выгодным или представляется

даже невыгодным с точки зрения частно-хозяйственного расчета.

2. Валютное законодательство, особенно в той его части, которая занята регулированием внешних платежей, т.-е. разрешительная система вывоза валюты и выдача разрешений только при наличии определенных условий. Для нас в данном контексте важно не только законодательство, но еще важней установившийся в Союзе административный порядок производства самих операций по купле-продаже иностранной валюты, или, точнее, установившийся порядок «планового распределения» валюты.

3. Законодательство и административная практика по регулированию товарной торговли и прежде всего товарных цен, возможность и характер которых обусловлены особенностями всей советской хозяйственной системы, в частности тем, что почти вся промышленность сосредоточена в распоряжении государства, что значительная часть торговли находится в руках государства и кооперации, и что влияние государственной власти простирается не только на все сколько-нибудь существенные стороны торговой политики принадлежащих ему предприятий, но простирается почти в такой же степени на торговую политику кооперативных организаций.

4. Отсутствие у эмиссионного банка возможности регулировать спрос на кредиты при помощи изменения учетной ставки, а следовательно, и отсутствие у него возможности регулировать этим методом размеры эмиссии и денежного обращения, движение товарных цен, движение внешней торговли, движение валютных курсов, движение золота из страны за границу или из-за границы в страну.

В нашем перечислении упомянуты лишь некоторые особенности советской хозяйственной системы. Мы взяли только те из них, которые имеют наибольшее значение для характеристике той обстановки в которой создалась своеобразие условий денежного обращения в СССР. Эти особенности сложились отчасти не к 1924 г., когда проведены были крупные мероприятия по преобразованию денежного обращения, а раньше. Но мы ссылаемся на них, для характеристики той денежной системы, которая возникла после 1924 года, потому, что лишь к этому времени (отчасти даже еще позднее) выявилось вполне содержание некоторых из указанных особенностей и, в частности, содержание валютного законодательства Союза и связанной с ним административной практики; до этого времени методы производства внешних расчетов Союза не приведены были еще в ясную систему, ибо год денежной реформы был только вторым годом сколько-нибудь серьезных торговых сношений Союза с другими странами.

Перечисленные особенности советской хозяйственной системы должны быть еще кратко комментированы.

Монополия внешней торговли, т.-е. порядок, при котором по общему правилу (исключение установлено для торговли по восточной границе) без лицензии товар не может быть ни вывезен, ни ввезен, создают в нашем хозяйстве две, хотя и соприкасающиеся, но все же разобщенные сферы: внутренней торговли и внешней торговли. Высокие цены внутри страны, конечно, служат и у нас препятствием для вывоза товаров, хотя и это имеет силу не в полной мере, так как экспортирующие государственные предприятия по предписанию регулирующих органов могут вывозить товар в таких случаях, когда их собственный хозяйственный расчет заставил бы их реализовать его на внутреннем рынке. Но высокие цены на товары сами по себе вовсе не вызывают у нас ввоза товаров из-за границы. Импорт происходит лишь постольку, поскольку он предусмотрен общегосударственным планом, который строится на основании целого ряда экономических и иных соображений. Ввоз товаров может представлять огромные коммерческие выгоды и тем не менее не совершаться. Может иметь место и обратное явление. И то же следует сказать относительно вывоза.

Валютное законодательство дополняет монополию внешней торговли, отчасти подкрепляя постановления, относящиеся к торговле, как бы вторичным контролем, отчасти устанавливая и новые мероприятия. Вывоз валюты по закону может происходить лишь с разрешения специального органа (Особого Валютного Совещания при Народном Комиссариате Финансов Союза ССР). Оно выдается лишь в том случае, когда потребность признается уважительной и во всяком случае по линии торговой выдается лишь тогда, когда имеется уже лицензия. Однако, в тех случаях, когда неуспешный ход экспортных операций вызвал бы на валютном «рынке» напряжение, разрешение на вывоз валюты может и не быть предоставлено даже при наличии лицензии, разве, что товар уже закуплен по ней и советское предприятие успело выдать иностранному предприятию свои обязательства. В эти периоды практикуется составление планов, рассчитанных на короткие промежутки времени и устанавливающих, кому и на какие потребности иностранная валюта будет предоставлена. Чтобы усилить действие этих постановлений в отношении регулирования спроса на иностранную валюту, закон (как мы уже видели в главе VI) определяет, что государственные и кооперативные учреждения и предприятия не только для перевода иностранной валюты за границу, но и для покупки ее обязаны испрашивать разрешения Особого Валютного Совещания. Последнее ограничение формально для частных лиц не установлено и в

течение долгого времени его и фактически не существовало. Однако с марта 1926 года покупка иностранной валюты (и золота в монете прежней чеканки) частными лицами без разрешения Особого Валютного Совещания также была почти прекращена в порядке административных мероприятий.

Совершенно ясно, что в описанных условиях государство является хозяином положения в регулировании спроса на иностранную валюту для внешних платежей. При удовлетворительном функционировании тех органов, на которые возложена выдача лицензий, спрос на иностранную валюту для заграничных платежей должен быть равен той сумме, которую наметило регулирующее учреждение. Но даже в том случае, если соответствующий орган функционирует недостаточно удовлетворительно, дело еще не потеряно, потому, что в порядке выдачи разрешений на вывоз валюты и, наконец, в порядке составления обязательных валютных планов часть допущенных ошибок может быть исправлена. Спрос на иностранную валюту и в этой обстановке не является, конечно, величиной независимой от состояния народного хозяйства. Но он устанавливается в порядке хозяйственного управления, исходящего из соображений государственной власти о существующих потребностях и возможностях. Движение цен на внутренних рынках может влиять, но может и не влиять на решение, принятое в порядке хозяйственного управления. Если при тех системах и в тех условиях, которые были охарактеризованы выше, рост цен неизбежно вызывает увеличение импорта, усиление спроса на иностранные платежные средства и понижение курса валюты, то в обстановке государственного регулируемого импорта и разрешительной системы вывоза валюты, такого последствия может и не быть.

Но государство не только в состоянии регулировать спрос, оно в известной мере владеет также предложением. Во-первых, потому, что экспортирующие организации суть государственные предприятия и до известной степени размеры вывоза могут быть установлены в порядке обязательного, хотя бы и не во всех частях рентабельного экспортного плана. Значение этой стороны дела не следует, правда, преувеличивать: хозяйственный расчет, как показывает опыт, является очень действительным стимулом и для государственных предприятий, как в смысле побуждения их к совершению выгодных сделок, так и в смысле побуждения к воздержанию от убыточных операций. Но имеется еще другая сторона регулирования предложения. Валютный рынок очень ограничен. Между импортерами и экспортерами стоит очень небольшая группа банков, среди которых господствующее значение имеет Государственный Банк. Непосредственные сделки между экспортерами и импортерами по

реализации валюты никогда не были особенно часты. В период (конец 1925 г.), когда положение стало напряженным и распределение валюты начало происходить по плану, они прекратились совсем. Государственному Банку уже в 1923 г. предоставлены были особые преимущества в отношении приобретения иностранной валюты (см. гл. VI), а в начале 1926 г. эти преимущества были значительны усилены. Фактически с этих пор небольшая группа банков покупает иностранную валюту по твердому курсу, который без санкции правительства не мог бы быть изменен, и по которому экспортеры обязаны сдавать банкам свою валютную выручку. Конечно, никакие привилегии не помогли бы Государственному Банку, если бы одновременно не действовало регулирование спроса. Однако поскольку последнее существует, оказывается весьма действительным и регулирование предложения.

Все это создало в высшей степени мощный механизм регулирования курса валюты. Едва ли такой механизм мог бы существовать в другой социально-экономической обстановке. Во время войны и после нее почти все государства прошли через полосу регулирования валютного рынка, но всюду валютное законодательство могло оказать лишь сравнительно слабое сопротивление натиску стихийных сил. Валютное регулирование действительно в Союзе потому, что оно опирается на регулирование внешней торговли, на принадлежность государству промышленности, на централизованную (и притом, почти целиком государственную) банковскую систему, на порядок планового распределения валюты между той группой предприятий, которая допущена к этому распределению, и на запрещение проибретать иностранную валюту тем, кто находится вне этой группы.

Если государство владеет валютным «рынком», то оно владеет и курсом своей валюты. Следовательно, оно может поддерживать такой курс валюты, который не совпадает с ее паритетом покупательной силы. Своеобразие советской денежной системы, взятой в условиях существующей хозяйственной обстановки, заключается в том, что курс советской валюты может быть установлен независимо от ее покупательной силы. Отрыв не может быть безграничен, но он может быть значителен и длителен. Этот отрыв в условиях советской хозяйственной системы есть нечто принципиально отличное от того несовпадения между курсом и паритетом покупательной силы, которое в качестве временного явления возможно при всякой денежной системе.

Но «des Lebens ungetrübte Freude ward keinem Irdischen zu Teil». Регулирование спроса на иностранную валюту для импорта товаров и ограничение переводов за границу

оставляет незатронутой часть валютного рынка, которая не очень велика, но способна оказывать влияние на состояние денежного обращения. В ту эпоху, когда бумажные деньги подвергались быстрому обесценению, у нас,—как и заграницей,—получила распространение привычка сберегать в наличных иностранных банкнотах (долларах и фунтах) и в старой золотой монете. Степень тяготения к такому виду накопления много раз менялась в течение последнего десятилетия и зависела от разных обстоятельств политического и экономического порядка. Но опыт показал, что в периоды, когда покупательная сила денег была устойчива и расхождение между курсом и покупательной силой—невелико, спрос внутреннего валютно-золотого рынка не только не превышал предложения на этом рынке, но бывал даже меньше последнего. Зато в периоды снижения покупательной силы и расхождения между нею и курсом спрос возрастал и достигал подчас довольно крупных,—по нашим условиям,—размеров. На этот спрос можно было реагировать продажей иностранных банкнот по тому курсу, который устанавливался в сделках с траттами и чеками. Тогда получалось единство курса во всех валютных операциях. Можно было и не реагировать на него. Тогда получалось одновременное существование двух курсов: одного официального, банкового, по которому велся расчет с импортерами и экспортерами. Другого неофициального, иногда даже подпольного, по которому совершались сравнительно мелкие сделки с наличными банкнотами. Разрыв курсов имел свои неприятные стороны, заключающиеся в частности в том, что трудно избежать в полной мере утечки валюты из одного круга в другой и что в сношениях, особенно с восточными странами, где лицензионная система внешней торговли не применяется или применяется в неполной мере, неофициальный курс приобретает иногда доминирующее значение. Как бы то ни было, денежной политикой Союза вследствие обстоятельств, о которых речь будет итти в другой главе, испытаны были обе системы: одна примерно до марта 1926 г., другая с тех пор. Отдельные фазы эволюции нашей денежной системы будут описаны в дальнейшем. Здесь мы должны прибавить еще один вывод к тому, который уже сделан нами. Своеобразие нашей денежной системы заключается в том, что она делает возможным, как различия между покупательной силой и курсом нашей валюты, так и одновременное существование двух различных курсов—одного в сделках по монополизированной части внешней торговли и в других операциях, разрешенных соответствующими органами власти,—другого, устанавливающегося на вну-

треннем рынке иностранных банкнот, где спрос порождается желанием накоплять в иностранной валюте.

Правда, два курса встречаются не только у нас. Но в других условиях они возможны лишь в качестве кратковременного явления в период замешательства на валютном рынке. Или же они встречаются в других странах тогда, когда в них имеется на лицо регулирование валютного рынка и внешней торговли, как это было, например, в Германии во время войны. К этому последнему случаю естественно применимо многое из того, что сказано здесь об особенностях нашей денежной системы.

Возможность двойственности курса находит свою параллель в возможной двойственности покупательной силы. Имеется аналогия и в причинах, обусловливающих оба явления.

Регулирование товарных цен вытекает не только из принципиального отношения советской власти к проблеме регулирования народного хозяйства, т.-е. управления им в порядке проведения в жизнь общего экономического плана, оно вытекает также из того факта, что советское хозяйство является хозяином всей организованной в крупнейшие предприятия промышленности, почти всей внешней и довольно значительной части внутренней торговли. Всякий частнохозяйственный трест и синдикат, всякий даже временно образовавшийся союз торговых предприятий занимается установлением цен, ибо влияние на образование цены есть одна из важнейших функций хозяйственного предприятия. Совершенно естественно, что советское государство устанавливает цены на производимые его предприятиями товары. Совершенно понятно, что оно устанавливает цены и на заготовляемые его предприятиями продукты, т.-е. указывает этим предприятиям (с большей или меньшей точностью) по каким ценам они должны заготовлять. В главной своей части все эти цены (так наз. «директивные» цены по заготовке хлеба, масла, яиц и т. д., так наз. «отпускные» цены на мануфактуру, уголь, керосин, с.-х. машины и т. д.) образуют содержание оперативных распоряжений; это не указные или легальные цены, не обязательные для всего рынка таксы или тарифы. Однако, это не только оперативные указания, а нечто большее, ибо указания эти исполняются не только государственными предприятиями, но в весьма значительной мере также и предприятиями кооперативной системы.

Вместе с тем советское государство является хозяином особого рода. В своей политике цен оно не может итти по пути накопления его предприятиями наибольших прибылей. Оно дает оперативные распоряжения подобно всякому

другому хозяину, но оно преследует при этом народнохозяйственные и социально-политические цели, которые у другого хозяина отсутствуют. Оно *хочет* иметь уровень цен, который обеспечил бы рабочему определенную реальную заработную плату, который дал бы крестьянину промышленные изделия по таким ценам, которые крестьянин не считал бы обидными, оно стремится регулировать цены на экспортные товары с таким расчетом, чтобы их возможно было вывозить. Все обстоятельства складывались в последние годы так, что регулирование цен советским государством сводилось к политике поддержания возможно менее высоких цен. Речь идет, конечно, не о том, что цены, установленные государственной властью низки по сравнению с заграничными или довоенными, ибо этого, как известно, нет: речь идет о том, что они ниже тех, которые *могут быть выручены* при данной кон'юнктуре товарного рынка.

Но наряду с государственной и кооперативной торговлей существует еще значительный частный торговый оборот, вероятно, более значительный, чем показывают данные официальных отчетов, покоющихся на податных сведениях. Для этого оборота государственные и кооперативные цены не обязательны, или, по крайней мере, не вполне обязательны. *Если* государственные и кооперативные цены ниже, чем *они могли бы быть* по состоянию платежеспособного спроса, то они оставляют свободными доходы населения и создают кон'юнктуру, при которой частная торговля получает возможность назначения особенно высоких цен. Рынок распадается тогда на две части. Нет единого уровня цен, а есть два (а то и больше, чем два) уровня цен. Нет поэтому и единства покупательной силы валюты, ибо ни тот, ни другой из существующих уровней нельзя признать характеризующим с достоверностью высоту покупательной силы червонца.

Государственные и кооперативные цены гораздо устойчивее, чем цены частного рынка. Поэтому в периоды широкого кредитования и появления дополнительной покупательной силы, т.-е. в периоды инфляционные разница между обоими уровнями должна возрастать. В периоды оздоровления денежного обращения она должна сокращаться. В каком-то минимуме она безвредна. Сверх какого-то минимума она свидетельствует о болезни денежной системы.

Мы привели эти соображения об уровне цен для того, чтобы оттенить своеобразие условий *нашего* денежного обращения. Но нельзя умолчать о том, что двойной уровень цен был весьма распространенным явлением во время войны, особенно в Германии и в Австрии. Регулирование цен создало тогда в совершенно иной политической и социальной обстановке такие явления, которые, очевидно, в известных

условиях могут повторяться повсюду, где имеет место сколько-нибудь широко проведенное государственное вмешательство в процессы ценообразования, вмешательство недостаточное для полного подчинения рынка, но достаточное для частичного его охвата.

Возможность разрыва между покупательной силой и курсом червонца, возможность раздвоения курса, возможность раздвоения покупательной силы, все это еще не дефекты денежной системы. Нередко это ее преимущества, которые, однако, могут превратиться и в ее болезнь. То обстоятельство, что курс не ломается немедленно вслед за таким изменением товарных цен, которое неблагоприятно отражается на внешнем торговом и расчетном балансе, для денежной системы страны, не пользующейся иностранным кредитом, есть даже благо: если только разрыв не становится длительным и передышка используется для того, чтобы вернуть курс и покупательную силу к единству, соответствующему золотому паритету валюты. То же следует сказать относительно возможности раздвоения курсов и покупательной силы. Устойчивость, хотя бы только официального курса и устойчивость, хотя бы только государственных и кооперативных, цен есть преимущество до тех пор, пока и здесь разрыв не становится длительным и не ведет к расслоению всего народного хозяйства, т.-е. к большому усложнению всей его структуры.

Длительные разрывы, возможность которых дана вследствие особенностей нашей хозяйственной системы, нежелательны и вредны. Двойственность ценообразования или двойственность курса есть ничто иное, как показатель того, что экономическая политика не справилась с тою задачей регулирования цен или регулирования курса, которую оно себе поставило. Двойственность цен имеет своим неизбежным последствием совершение спекулятивных сделок по использованию существующих ценностных разниц, так сказать арбитражных сделок между государственно-кооперативной и частными сферами хозяйства. Она порождает то, что у нас принято называть безтоварьем. Она освобождает платежные средства и бросает их навстречу тем товарам, для которых цены не установлены на уровне более низком, чем уровень соответствующий равновесию между спросом и предложением. Она вносит сбивчивость и неясность в представление о хозяйственном расчете, т.-е. в калькуляции, ибо неизвестно, по какой собственно цене следует калькулировать, если не фактическую себестоимость, то восстановительную стоимость продукта. Она может вызывать недовольство там, где регулируемая цена является не продажной, а заготовительной и где, как в области заготовок сельско-хозяйственных продуктов, государственно-кооперативные предприятия

предлагают крестьянству более низкие цены, чем частные скупщики.

Вредна и двойственность курсов. Она также легко ведет к спекуляции и если последнюю удается предотвратить сильными мерами административного порядка, то эти меры все же не настолько надежны, чтобы можно было вполне положиться на них. Эта двойственность легко может вызвать утечку в частное накопление части вновь добываемого золота и поступающей по частным переводам из-за границы иностранной валюты. Наконец, она вызывает недоверие к «истинности» официального курса, хотя бы по последнему совершалось 90% всех сделок.

Наибольшим злом является разрыв между покупательной силой и курсом, если из возможности он превращается в длительную реальность, ибо такой разрыв отражается на об'еме внешней торговли, особенно на размерах экспорта, суживает сферу соприкосновения народного хозяйства с мировым, отражается на притоке тех валютных рессурсов, которые могут быть обращены на приобретение необходимых стране иностранных товаров, или на накопление золотых резервов, служащих для обеспечения устойчивости денежной системы и всех внешних платежных обязательств народного хозяйства.

Из тех особенностей нашего денежного обращения и тех условий нашего денежного хозяйства, которые описаны в настоящей главе, вытекает, что и способы регулирования денежного обращения не могут совпадать у нас с теми методами, которые являются обычными в капиталистических странах.

Эмиссионный банк (по крайней мере там, где эмиссия централизована и где на этом банке лежит обязанность заботиться об устойчивости денежной системы) ориентирует свою кредитно-эмиссионную политику прежде всего по колебаниям вексельного курса и по движению золота в страну или из страны. Эта старая формула для XX столетия менее верна, чем для XIX. Современный центральный эмиссионный банк присматривается ко всем показателям хозяйственной кон'юнктуры,—к состоянию производства, торговли, безработицы, к движению цен, к инвестированию новых капиталов и т. п. Однако же движения валютных курсов и золота сохраняют свое первостепенное значение в качестве директивных показателей, потому что они легко уловимы, бесспорны и непосредственно влияют на состояние банковых рессурсов. По этому признаку (с учетом и всех других) эмиссионный банк определяет направление своей кредитно-эмиссионной политики, а для проведения намеченной им кредитно-

эмиссионной политики он пользуется, как орудием, учетной ставкой, смотря по обстоятельствам, поднимая или понижая ее.

В условиях нашей денежной системы, как она сложилась в 1924—26 годы, нет ни указанного показателя, ни указанного способа воздействия на размеры кредитования и на об ем денежного обращения. Об отсутствии показателя мы говорили уже выше: его нет, раз курс валюты остается неподвижным, независимо от движения экспорта и импорта и от состояния (надо сказать, потенциального) спроса на иностранную валюту. Об отсутствии указанного способа воздействия на размеры кредитования и эмиссии здесь необходимо сказать еще несколько слов.

В теоретических рассуждениях, в которых мы всегда схематизируем явления действительности, мы обычно представляем себе рынок всякого товара в качестве некоторого единства, т.-е. мыслим, что на рынке для каждого товара существует одна цена. Мы, правда, знаем, что такое представление никогда не бывает совершенно точным, но наблюдая проявляющиеся обычно тенденции, мы не допускаем большой ошибки, исходя в теоретическом размышлении из предпосылки единства рынка и единства цен и дополняя затем это допущение теми или другими поправками. Говоря о нашем современном денежном рынке (так же, как и о товарном), мы должны, однако, отвергнуть такую предпосылку. Учетный процент,—т.-е. цена, которая уплачивается у нас за пользование заемным капиталом,—не является на нашем денежном рынке единым. Мы имеем в сущности не один денежный рынок, а два денежных рынка, при чем даже ограничение двумя есть уже сильная схематизация действительно наблюдающихся явления.

Существует частный денежный рынок, отчасти совсем не организованный, отчасти несколько упорядоченный работой частных кредитных учреждений (обществ взаимного кредита), число которых уже довольно значительно, но финансовая сила которых очень невелика. На этом частном рынке в качестве заемных капиталов предлагаются сбережения или временно свободные классовые средства преимущественно частных торговцев. На одном конце этого рынка помещается заимодавец, занимающийся, как говорили в прежнее время, «частным дисконтом» и взимающий ростовщические проценты по ссудам. На другом конце находятся общества взаимного кредита, оперирующие паевыми взносами своих членов и сравнительно дорого стоющими им вкладами их клиентов.

И наряду с этим мы имеем денежный рынок, который можно назвать государственным, на котором кредитуются государственные и кооперативные предприятия, а предоставляют деньги крупные банки—Государственный Банк и

кредитные учтреждения, организованные в виде акционерных кампаний,—оперирующие главным образом государственными капиталами. По состоянию нашей государственной промышленности и при тех ценах, по которым продаются ее изделия, здесь клиенты не в состоянии уплачивать столь высокий процент, как тот, который устанавливается на вольном рынке. Но вместе с тем этот денежный рынок богаче капиталами, чем частный, и даже без регулирующего воздействия учетная ставка была бы на нем ниже, чем на частном рынке. Что же касается этого воздействия, то оно сознательно стремится к понижению учетных ставок для уменьшения издержек производства в государственной промышленности и накладных расходов в государственной промышленности и торговле.

Полного единства денежного рынка нигде, конечно, не существует, но у нас разобщенность двух денежных рынков выступает несравненно явственнее, чем в большинстве других стран. Основания этой разобщенности коренятся в самой нашей хозяйственной и кредитной системе. Деньги частного денежного рынка не идут в резервуары государственного рынка через государственные кредитные учреждения, а деньги последнего лишь слабо просачиваются на частный рынок и если используются последним, то преимущественно косвенно, через посредство государственных, промышленных и торговых предприятий, кредитующих частную торговлю. Частные лица не помещают своих денег во вклады в банки потому, что их не удовлетворяют процентные ставки последних по пассивным операциям, потому, что они боятся обнаружить свои средства, и потому, что они не пользуются в этих банках кредитом. Банки же, за исключением Государственного Банка, который занимается этими операциями, не кредитуют частных предприятий, при чем и Государственный Банк занимается этим делом в самом ограниченном об'еме. Мы имеем два почти не сообщающихся сосуда и вполне понятно, поэтому, что жидкости, наполняющие их, могут оставаться на различных уровнях.

Высота учетной ставки на частном денежном рынке зависит от состояния спроса и предложения. Здесь повышение ставки, будь оно так или иначе навязано этому рынку какой-либо внешней силой, вызвало бы уменьшение спроса на кредит и вероятно увеличение его предложения. Высота учетной ставки Государственного Банка, определяется, главным образом, иными соображениями—тем, что руководящие органы считают целесообразным установить в интересах государственной промышленности и торговли. Эти органы не могут совершенно игнорировать состояние спроса и предложения свободных капиталов, но в первую очередь они учи-

тывают не его, а другие мотивы, влияния и интересы. Поэтому, если обычно рыночная цена какого-либо товара есть та цена, при которой на рынке в данный момент устанавливается равновесие между спросом и предложением, то учетные ставки наших банков, и прежде всего руководящего кредитного учреждения—Государственного Банка, не являются ценами равновесия. Наоборот, можно утверждать, что при этих ставках, т.-е. при этих ценах на заемные капиталы, спрос на последние остается неудовлетворенным и при этих ставках банки могли бы найти еще немало заемщиков и притом платежеспособных.

Вот эта-то система организации кредита ставит Государственный Банк, как эмиссионное учреждение, регулирующее наше денежное обращение, в совершенно особые условия. Высота учета не определяет в этой обстановке размеров пользования кредитом и, следовательно, не влияет на эмиссию банковых билетов и на об'ем денежного обращения. Все это приходится определять как-то иначе.

Практика 1924—1927 гг. подходила к решению этого вопроса двумя путями. До 1923 г. вообще не существовало никакого порядка его разрешения. Производственные и торговые программы государственных предприятий были далеки от того, что осуществлялось в действительности, требования их на кредит превосходили то, что Государственный Банк в состоянии был предоставить им, но и Банк работал без определенного плана и крупнейшие вопросы кредитования и эмиссии разрешались от случая к случаю. Когда Госбанк приступил к эмиссии банкнот, ему пришлось отнестись к вопросу об определении размеров кредитования гораздо серьезней. Спрос на кредиты был чрезвычайно велик и Банк пошел по пути контингентирования эмиссии, намечая на месяц или на несколько месяцев вперед ее размеры. В связи с этим Банк стал составлять месячные планы, предусматривавшие вероятные поступления по пассивным операциям и возможные, при данном эмиссионном контингенте, размеры активных операций. Летом 1924 г. Госбанк перешел к составлению квартальных планов, которые, по обсуждении их в Комитете банков и в Госплане, представлялись на одобрение СТО. Кредитный план распределял ограниченное количество рессурсов между очень значительным числом претендентов по «цене», которая сама по себе не обеспечивала равновесия между спросом и предложением. В существовавших условиях кредитный план, как метод «планового распределения» был поэтому совершенно необходим.

Обстановка затем временно изменилась к 1926—27 хозяйственному году.

Опыт предшествовавших лет и ошибки плановой работы 1925—26 г. позволили и заставили подойти гораздо

осторожней к составлению всех хозяйственных планов на 1926—1927 г. И тогда вполне естественно обнаружилось, что при условии, если Госбанк кредитует не все народное хозяйство, а лишь ту его часть, которая работает на основании утвержденных правительством планов, и если эти планы составлены с таким расчетом, что для выполнения их хозяйственные предприятия должны потребовать не больше банковых кредитов, чем банковая система может предоставить, сохраняя устойчивость валюты, то возможно обойтись без специального кредитного плана для банков и в частности для Государственного Банка. В плановом порядке может тогда совершаться ограничение спроса вместо распределения наличных рессурсов. Такой метод был бы лучше прежнего. Во всяком случае общей чертой обоих методов является то, что в обоих случаях равновесие между спросом и предложением устанавливается не ценой кредитов, а планами, определяющими их размеры. Только кредитные контингенты из кредитных планов банков как бы переносятся в производственно-торговые планы государственных и кооперативных предприятий.

К этому новшеству присоединилось в 1926—27 г. еще и другое. Самое установление эмиссионных контингентов имело целью сохранять размеры денежного обращения в пределах, обеспечивающих устойчивость покупательной силы валюты, т.-е. определенный уровень цен. В 1926—27 г. сделана была попытка подойти к разрешению этой задачи,—по крайней мере в области кредитования некоторых видов торговли,—с другого конца, не путем контингентирования кредитов, а путем ограничения их условием сохранения намеченного уровня цен. Осенью 1926 г. было установлено, что на заготовки хлеба и сырья Госбанк открывает кредиты в размерах тех требований, которые пред'являют ему основные государственные и кооперативные заготовители этих продуктов, но лишь до тех пор, пока заготовки происходят по ценам, которые, соответствующие правительственные органы признали нормальными.

Однако и в этом,—пока отдельном,—случае размеры кредитования определяются не высотой учетной ставки. Что касается опыта работы банков без кредитных планов, то он оказался очень непродолжительным. После трех кварталов 1926—27 г., уже летом 1927 г. вновь обнаружилось, что требования на кредит значительно превосходят рессурсы банков, и на IV квартал 1926—1927 г. снова был составлен кредитных план (ср. гл. IX).

Если высота учетной ставки и ее движение не влияют на размеры спроса на кредиты, то в силу тех же условий они

не оказывают влияния на размеры спроса на иностранную валюту и предложения иностранной валюты. Государственный Банк не пользуется и не может пользоваться этим орудием для регулирования валютного рынка и устанавливающихся на нем курсов иностранных валют. Прежде всего это вызывается существующими пока отношениями между советским хозяйством и мировыми денежными рынками. Хотя советские банки и пользуются кредитами в иностранных банках, однако между размерами этих кредитов и высотой учетных ставок советских банков не существует прямой связи. Деньги, которые советские банки получают за границей, оплачиваются ими по ставкам, близким к заграничным и не зависящим от процентных ставок Госбанка СССР. Повышение последних не вызвало бы прилива иностранных капиталов, а понижение их не вызвало бы их отлива. Это обстоятельство обусловлено однако не структурой советской хозяйственной системы, а положением Союза на мировом денежном рынке. Но кроме того изменение учетной ставки Государственного Банка не могло бы оказать влияние на движение нашей внешней торговли, так как экспорт и импорт советских товаров совершаются по планам, причем в издержках экспортирующих организации процент на ссудный капитал играет незначительную роль. Импорт в очень многих случаях оставался бы выгодным и при более высоких ставках, чем существующие, а экспорт в одних случаях был бы нерентабельным и при более низких ставках, а в других выдержал бы ставки и более высокие.

Регулирование валютного рынка, притока валюты, расхода валюты и валютных курсов также происходит таким образом не при помощи маневрирования учетной ставкой, а при помощи экспортных и импортных программ и валютных планов.

Резюмируем кратко все изложенное выше.

Мы имеем бумажно-денежное обращение с тех пор, как началась мировая война. Но мы имели все это время не одну систему, а смену многих систем, существенно отличавшихся друг от друга. Политическая экономия не выработала специальной терминологии для того, чтобы дать наименование различным видам бумажно-денежного обращения. Перечислим только признаки, характеризующие каждую пережитую нами фазу.

1. Первая фаза. Период до 1917 г. 1917 год есть время перехода к следующей фазе. Этот период характеризует система бумажно-денежного обращения с колеблющимся курсом. Эмиссия становится фискальной, но не превращается еще в единственный источник денежных поступлений казны.

Деньги продолжают выполнять свои обычные функции. Такое состояние денежного обращения обычно для всякого государства, втянутого в большую и длительную войну. Можно было бы говорить о бумажно-денежном обращении военного типа.

2. Вторая фаза. Период военного коммунизма: 1918—1921 гг.—1921 год есть уже время перехода к следующей фазе. Эмиссия становится единственным источником денежных поступлений казны («эмиссионное хозяйство» по терминологии, предложенной С. А. Фалькнером). Обесценение становится стремительным, даже качественно иным, чем в предыдущую эпоху, и не встречает сопротивления со стороны денежной политики государства. Деньги начинают утрачивать свои обычные функции, прежде всего свою функцию средства сбережения, затем функцию орудия обмена и мерила ценности. На этой фазе можно было бы говорить о бумажно-денежном обращении в стадии полного его разложения.

3. Третья фаза. Конец 1921 г. и весь 1922 г., даже самое начало 1923 г. до начала успешного внедрения червонца. Фаза по самому существу своему переходная. Она характеризуется в большей мере (по сравнению с предыдущей) изменением денежной политики, чем изменением самого денежного обращения, хотя кое в чем существенном меняется и последнее. Эмиссия уже не единственный источник денежных поступлений фиска. Но эмиссии огромны и превышают даже по размерам и темпу выпуски эпохи военного коммунизма. Обесценение бумажных денег еще более стремительно, чем до 1921 г. Восстанавливается в стране денежное хозяйство и деньги начинают шире выполнять свою функцию орудия обмена. Но функция мерила ценности еще более отмирает, переходя к каким-либо идеальным ценностным единицам. Это—тоже бумажно-денежное обращение разрушающегося типа, но без ликвидационных намерений у государственной власти.

4. Четвертая фаза. 1923 год и начало 1924 года. Наряду с фискальной эмиссией появляется банковая. Каждая из них воплощена в особом бумажно-денежном знаке. Намерение денежной политики—создать стабильную валюту. Оно осуществляется путем распространения одной (лучшей) и загнивания другой (худшей) части денежного обращения. Одна—о т н о с и т е л ь н о устойчива. Другая продолжает стремительно обесцениваться. Одна постепенно становится носительницей всех обычных функций денег. Другая все более утрачивает все эти функции, держась лишь на том, что в составе более устойчивой части системы отсутствуют мелкие купюры. Это есть параллельное обращение двух бумажных валют, или двучленное бумажно-денежное обращение с одним отмирающим членом.

5. Остается та фаза в которую наша денежная система вступила после 1924 г. и здесь мы должны выполнить ту классификационную задачу, о которой было упомянуто выше. На предыдущих страницах достаточно подробно и настойчиво было подчеркнуто своеобразие денежного обращения Союза для того, чтобы не приходилось доказывать здесь, что оно не может быть введено полностью ни в одну из клеток какой-либо существующей классификации. Эмиссия становится по существу чисто банковой со второй половины 1924 г. (см. след. главу). Факт поддержания сперва твердого курса валюты вообще, затем по крайней мере твердого официального курса, дает основание рассматривать денежное обращение после реформы 1924 г., как своеобразную разновидность gold exchange currency, или бумажно-денежного обращения с золотым паритетом. Своеобразие заключается в методах поддержания этого паритета, в возможном (или действительном) разрыве между курсом и покупательной силой, который вытекает из наличия этих методов, в возможной двойственности курсов и цен. Своеобразие заключается далее в отсутствии регулирования кредита и денежного обращения при помощи варьирования учетной ставки. Эту систему можно было бы назвать в том виде, в каком она существовала в последние годы, системой *замкнутого* бумажно-денежного обращения с золотым паритетом или с официальным золотым паритетом (в зависимости от того, поддерживается ли только официальный или также и неофициальный курс). По поводу термина «замкнутый» надо сказать, что всякая бумажно-денежная система является конечно замкнутой, но что существуют различия в степени, которые заставляют выделить как специфически-замкнутую систему нашу разновидность бумажно-денежных систем. Котировки советской валюты за границей не меняют этой характеристики, потому, что замкнутость создается условиями передвижения валюты за пределы страны и организационными формами внешней торговли. Законодательство 1926 г., воспретившее вывоз заграницу советской валюты (эффективных банкнот и казначейских билетов) по причинам, которые изложены будут в следующей главе, еще более подчеркнуло ее характер замкнутости и оно подкрепляет правильность того описания ее, которое дано на предыдущих страницах.

Многое менялось в условиях денежного обращения Союза и в его денежной политике в течение нескольких последних лет. Многое несомненно будет изменяться и в дальнейшем. Было бы праздным гаданием говорить о том, в каком направлении денежная система и денежная политика будут в действительности эволюционировать. Мы можем наметить только то направление их развития, которое представляется *желательным* с точки зрения устранения

существующих недочетов, ликвидации наблюдающихся разрывов и установления возможно полного равновесия в советской хозяйственной системе, как системе товарно-денежного хозяйства. Этому посвящена будет заключительная глава нашего исследования. Но, каковые бы ни были пути дальнейшей эволюции, денежная система Советского Союза приняла в течение последних двух лет своеобразные формы, которые заслуживают изучения и описания, независимо от того, насколько велика будет длительность существования именно этих форм. Создалась в глубоко-своеобразных условиях советского хозяйства система денежного обращения, во многом напоминающая те системы, которые уже известны из исторического опыта, но во многом и существенном глубоко от них отличная. Ни в какой из известных классификаций и схем для нее нельзя найти подходящее место. Ее необходимо определить в новых понятиях. То, что изложено выше, представляет лишь попытку подойти к такому определению. Мы вынуждены были прибегнуть к пространному описанию, которому, конечно, следовало бы предпочесть краткую формулу. Некоторым оправданием может служить то обстоятельство, что крайне трудно найти новые понятия для описания явлений советской хозяйственной действительности, пока еще очень текучих, очень быстро изменяющихся и не имеющих полных прецедентов в истории.

Глава IX

ДЕНЕЖНАЯ ПОЛИТИКА 1924—1927 ГОДОВ.

Проведение денежной реформы началось в феврале 1924 г. и его можно было считать законченным в основных чертах к началу июня. Продолжавшийся еще местами обмен совзнаков на новые бумажные и металлические деньги и происходивший в 1925 г. обмен выпущенных во время реформы мелких бумажных бон на серебряную и медную монету только завершали технически то, что было намечено и установлено в начале 1924 года.

Но мы описали в предыдущей главе лишь те мероприятия, которые относились к области денежной политики в самом тесном смысле слова: к определению денежной единицы, к замене одного вида денег другими деньгами, к установлению порядка выпуска новых бумажных и металлических денежных знаков, к распространению на все сделки того денежного счета, который с 1924 г. стал единственным в народном хозяйстве. Наряду с этими мероприятиями во время проведения денежной реформы были приняты еще другие меры, также относившиеся к области денежной политики, но в более широком ее значении. К мерам этого порядка принадлежали, главным образом, распоряжения о снижении цен. Постановлением СТО от 22 февраля «Комиссии по Внутренней Торговле при СТО», преобразованной позднее в Народный Комиссариат Внутренней Торговли (впоследствии слитый с Наркомвнешторгом в единый комиссариат), предоставлено было право регулировать цены «на все товары, обращающиеся на внутреннем рынке СССР, во всех стадиях их торгового обращения» и в частности устанавливать «предельные цены для оптовой, оптово-розничной и розничной продажи и покупки товаров и допустимые от них отклонения, скидки и накидки, и списки товаров, продажа и покупка которых по ценам выше предельных не допускается», при чем об'явлено было, что «постановления Комиссии по внутренней торговле о предельных ценах на товары обязательны к исполнению для всех тех

государственных учреждений и предприятий, общественных организаций, частных об'единений и лиц, к которым они относятся». Постановление СТО от 29 февраля предложило всем исполкомам издать обязательные постановления о снижении розничных цен на товары, продаваемые государственными и кооперативными лавками; другое постановление, относившееся ко всем предприятиям, включая и частные, требовало вывешивания в торговых помещениях списка товаров и цен. Затем последовали конкретные распоряжения «Комиссии по внутренней торговле» о снижении отпускных цен по целому ряду товаров и многие другие постановления по регулированию цен, принятые, как в центре, так и на местах. Цены в частной торговле, однако, в то время еще почти не были подвергнуты регламентации.

Это была вторая большая кампания по регулированию цен. Первая,—о которой мы упоминали в главе IV, имела место осенью 1923 г. Вслед за этими двумя кампаниями последовал ряд других. Об их принципиальном и практическом значении здесь необходимо сказать несколько слов, потому что регулирование цен в условиях советского хозяйства стоит в связи с особенностями последнего и *может* значительно отличаться от того регулирования, которое было описано во «введении» к настоящей книге. Советское государство является хозяином большинства предприятий в транспорте, в промышленности, и во внешней торговле и кроме того, хозяином многих предприятий в области внутренней торговли. Что хозяин предприятия устанавливает цены товаров, вытекает из природы вещей. Государство могло бы предоставить это дело каждому предприятию в отдельности. Оно может вести его в централизованном порядке. Выбор того или другого метода есть вопрос практической политики.

Часть регулирования хозяйства, совершающегося в советских условиях, сводится поэтому к актам управления государственными предприятиями и есть лишь форма такого управления. Регулирование цен такого типа отнюдь не п р е д п о л а г а е т, что цены устанавливаются государственной властью вопреки тому положению, которое создалось на рынке, как это было при регулировании цен в 1915 г. и в последующие годы. Советское государство является монополистом во многих областях хозяйства, а при существовании монополии, равновесие между спросом и предложением может быть установлено на различных уровнях. Государству, как монопольному распорядителю, приходится выбирать между этими уровнями, т.-е. регулировать цены. Оно в состоянии в качестве монополиста вести политику высоких или низких цен, считаясь, однако, с теми границами, которые создают условия спроса и условия безубыточности про-

изводства. Между этим регулированием, считающимся с условиями рынка и использующим только монопольное положение государственных предприятий для проведения определенной политики цен, и другим регулированием, не считающимся с условием рынка и устанавливающим те или другие цены, хотя бы этим нарушалось равновесие между спросом и предложением, теоретически нет ничего общего. Теоретически эти два вида регулирования принадлежат к двум совершенно различным системам, ибо первое образует нормальное явление в товарно-денежном хозяйстве особого типа, а второе ведет к ликвидации товарно-денежного хозяйство и замене его иной хозяйственной системой, как это имело место в 1917—1920 гг.

Так дело обстоит теоретически. Практически же оба вида регулирования цен могут переплетаться и успешность мероприятий, с точки зрения товарно-денежного хозяйства, т.-е. с точки зрения действительного установления рыночных цен на том уровне, к которому стремится государственная власть, будет зависеть от того, который из видов регулирования является преобладающим.

Регулирование цен осенью 1923 г., поддержанное в то время кредитной политикой Госбанка, в общем пошло по линии создания таких цен, которые отвечали условиям рынка и регулирующие мероприятия ускорили тогда снижение цен на фабричные изделия и достигли намеченной цели. В начале 1924 г. положение было менее благоприятно, но налицо все же имелся ряд условий, обеспечивавших мероприятиям по регулированию цен достаточный успех. Промышленность и торговля располагали фондом товаров. Новые условия денежного обращения устраняли основания для тех страховых надбавок к ценам, которые широко практиковались в последние месяцы падающей валюты. Наконец, вся обстановка, связанная с проведением денежной реформы, создавала дополнительные условия для успеха постановлений по регулированию цен; эти условия заключались в следующем.

Стабилизация валюты вносила в хозяйственную жизнь необходимую предпосылку для увеличения кассовой наличности в распоряжении предприятий и отдельных лиц, т.-е. другими словами, для уменьшения скорости обращения денег. Мера этого уменьшения должна была зависеть от степени доверия к устойчивости денег. Ожидание снижения цен могло задержать покупку товаров, т.-е. замедлить скорость обращения денежных знаков. Спрос на товары не есть нечто твердо данное при известном уровне потребностей и доходов. Спрос мог быть уменьшен при условии, что потребителя заставили бы поверить, что свои закупки он через месяц—другой сумеет производить дешевле, чем сейчас.

В такой обстановке мероприятия по регулированию цен могли вызвать понижение или по крайней мере, сохранение существовавшего уровня спроса даже при условии, что этими мероприятиями устанавливалось снижение цен.

Действительно, все эти обстоятельства позволили добиться при проведении денежной реформы заметных результатов.

Среднемесячный индекс оптовых цен Госплана составлял (1913 = 1000):

	Сельск.-хоз.	Промышл.	Общий
1924 год			
Январь	1 327	2 277	1 738
Февраль	1 642	2 251	1 922
Март	1 624	2 129	1 860
Апрель	1 539	2 058	1 780
Май	1 449	2 024	1 713
Июнь	1 372	2 013	1 662

Общий индекс, сильно поднявшийся в феврале, стал затем снижаться и в июне стоял почти на 5% ниже, чем в начале 1924 календарного года. Цены на промышленные товары стояли ниже, чем в январе на 12%. Цены на сельскохозяйственные товары стояли несколько выше, чем в январе, но сильно снизились по сравнению с уровнем, достигнутым в феврале.

Дело обстояло гораздо менее благоприятно в отношении движения розничных цен, но кое-чего все же удалось достигнуть и здесь.

Индекс розничных цен Кон'юнктурного Института

	Сел.-хоз.	Промышл.	Общий
1924 год			
Январь	1 421	2 475	1 874
Февраль	1 620	2 559	2 057
Март	1 684	2 469	2 061
Апрель	1 813	2 415	2 119
Май	1 791	2 404	2 087
Июнь	1 738	2 435	2 068

Здесь самое повышение общего уровня цен продолжалось дольше, чем на оптовом рынке. В июне уровень цен так и остался выше, чем он был в январе. Но все же цены снизились по сравнению с мартом—апрелем, причем для промышленных товаров разница между минимумом и максимумом составила около 5%. Кредитно-денежная политика была сравнительно осторожной, но недостаточно сдержанной для того, чтобы достигнуть больших результатов. Однако, эти достижения были все же удовлетворительны. Государственная власть в последующие годы не раз возвращалась к административным мероприятиям по регулированию цен, но конъюнктура, имевшая место в 1923—1924 гг., больше не повторялись и позднейшие меры по общему правилу не давали ожидавшихся результатов. По характеру своему они скорее относились поэтому к регулированию другого вида, не приводящему к равновесию на рынке. Но к вопросу о движении покупательной силы валюты в эти последующие годы мы возвратимся еще в настоящей главе.

С задачей стабилизации и даже некоторого укрепления покупательной силы валюты реформа справилась успешней, чем с некоторыми техническими затруднениями, которые были почти неизбежны при проведении ее, но достигли крайней остроты и внесли на время осложнения в хозяйственный оборот. Проведение реформы сопровождалось жестоким разменным кризисом, продолжавшимся несколько месяцев и вызвавшим высокие лажи на казначейские билеты и мелкие деньги по отношению к банковым билетам. Слабое снабжение оборота новыми мелкими деньгами (казначейскими билетами) происходило не только потому, что эмиссионный аппарат и кассы казначейства не справились сразу с большой технической задачей, но и потому, что считалось желательным утвердить положение новых бумажных денег в обращении, сделав предложение их меньшим, чем спрос. Но острота разменного кризиса намного превзошла то, что могло быть оправдано последним мотивом. Когда же кризис разразился, уже технически оказалось невозможным справиться с ним скорее, чем в течение двух-трех месяцев. Сокращение скорости обращения мелких денег было гораздо большим, чем ожидали при подготовке реформы. Спрос на мелкие деньги, как видно из следующей таблички, возрос резким скачком и печатание их не поспевало за требованиями оборота. (См. таблицу на стр. 332).

Если считать мелкими купюрами те деньги, которые включены в два первых столбца, т.-е. знаки достоинством ниже 10 руб., то количество их на 1 января 1924 г. составляло свыше $\frac{1}{4}$ денежной массы при условии, когда эти мелкие деньги представлены были, главным образом, «совзнаками», т.-е. обесценивавшейся и очень быстро циркулировавшей

Строение денежной массы в %%

	Купюры меньшие 1 р.	Купюры от 1 ру . до 5 р включит.	Купюры в 10 р. и выше
1924 год			
1 января	5,7	20,6	73,7
1 февраля	6,8	13,8	79,4
1 марта	8,6	10,9	80,5
1 апреля	7,1	19,3	73,6
1 мая	8,6	24,3	67,1
1 июня	7,1	32,6	60,3
1 июля	8,1	31,2	60,7
1 августа	10,6	32,7	56,7
1925 год			
1 января	13,5	31,2	55,3

валютой. После фиксации курса (10 марта), когда потребность в мелких деньгах должна была значительно увеличиваться, их осталась в обращении всего одна пятая часть. Нормальное соотношение установилось лишь к концу лета и последующее время показало, что оно составляет около 45%. До начала июня, т.-е. в течение почти четырех месяцев (февраль, март, апрель, май) отклонение от этой нормы было чрезвычайно велико и не могло не приводить к уродливым явлениям. Лажи на мелкие деньги были огромны, достигая 20—30% и даже выше, и погоня за мелкими деньгами стала столь же напряженной, насколько накануне реформы напряженным было бегство от мелких купюр.

Этот явный недостаток в деньгах мелких достоинств отождествлен был в то время сторонниками большой эмиссии и соответствующей кредитной политики с общим недостатком в деньгах, и аргументами, опиравшимися на правильное констатирование разменного кризиса, пытались обосновать требование кредитной экспансии и увеличения эмиссии денег. С таким требованием в частности выступал В. Г. Громан и эти идеи были популярны в промышленных сферах и в кругах Госплана. Это был один из многочисленных эпизодов в непрерывной борьбе между сторонниками

и противниками кредитной экспансии. В связи с этим эпизодом встают некоторые проблемы принципиального значения и поэтому он заслуживает упоминания.

В статье «Денежная реформа и общая кон'юнктура народного хозяйства» («Экономическое Обозрение», 1924, VII), написанной вслед за проведением денежной реформы, В. Г. Громан производил такой расчет. Совзнаки обращались скорее червонцев. Он принимал, на основании исчислений С. Г. Струмиилна, что они обращались скорее в семь раз. Совзнаков на 10 марта 1924 года было показано в обращении по курсу на золото на 14,3 млн. рублей. Беря коэффициент 7, он приравнивал их по «циркуляторному значению» $14,3 \times 7 = 100,1$ млн. руб. в твердой валюте. При таком расчете вся денежная масса (банкноты, транспортные сертификаты, совзнаки) составляла на 10 марта не 369 млн. руб., как ее принято было определять, перечисляя просто совзнаки в червонцы по курсу, а 455 млн. условных рублей. Останавливаясь на одном из позднейших моментов, когда вся денежная масса (уже в твердой только валюте) составляла 386 млн. руб., В. Г. Громан приходил поэтому к выводу, что «циркуляционная масса стала меньше, чем та, которая имелась на 10 марта, на целых 69 млн. рублей». «Отсюда,—писал он,—резкое проявление денежного кризиса, принявшего благодаря диспропорциональности купюр, форму разменного кризиса. Этот разменный кризис повел за собой ослабление розничного товарооборота, а затем и оптового, и не может не сказаться на условиях реализации продукции нашей промышленности».

Ссылка на быстроту обращения, как на один из факторов, от которых зависит то количество денег, в котором нуждается народное хозяйство страны, была совершенно верна. Все дело в том, чтобы правильно проанализировать содержание и значение этого фактора. Деньги обращаются медленнее, когда они дольше остаются в кассах предприятий или в кошельках населения, и быстрее, когда срок такого пребывания в кассах и кошельках сокращается. Какие-то суммы денег всегда образуют кассовую наличность и дело сводится к тому, насколько эта наличность велика, при данных размерах торгового оборота.

Утверждение, что фиксация курса совзнака, при денежной реформе 1924 года, явилась стимулом к сокращению скорости обращения денег, следует принимать поэтому лишь в том смысле, что она явилась основанием для увеличения классовой наличности у отдельных предприятий и лиц. Это безусловно верно. Но как и в каких пределах мог действовать этот стимул?

До фиксации курса всякий вынужден был держать некоторое, хотя бы самое ограниченное количество совзнаков

и всякий стремился при этом к тому, чтобы оно было возможно менее велико. Однако, люди расходовали деньги на покупку товаров, а не для накопления, не только потому, что хранение денег, теряющих постепенно свою покупательную силу, убыточно, и что его предпочитали заменить хранением товаров. Вопрос о том, какую держать денежную наличность, разрешается отдельными лицами еще и в зависимости от того, как велики их доходы и сколько они в состоянии сберечь в денежной форме. Сбережение денег и хранение денежной наличности ограничено и там, где деньги обладают полным блеском и возможною устойчивостью благородных металлов. Обесценивающиеся деньги вообще не стоит хранить, а «твердые» деньги есть расчет сберегать. Но это только значит, что превращение неустойчивых денег в устойчивые должно служить толчком к развитию сбережений в денежной форме. Оно создает более благоприятную обстановку для такого сбережения. Однако, оно еще не обеспечивает его возможности, которая может опираться только на реальный рост доходов.

Конечно, могли найтись такие хозяйства, которые в состоянии были сберегать в денежной форме уже в начале 1924 года, но не делали этого лишь потому, что для сбережения червонца у них нехватало средств, а для сбережения трех рублей существовавшая система денежного обращения не давала им подходящего денежного материала. Но предположение, что все те, у кого имелись совзнаки, вслед за фиксацией курса, могли и хотели увеличить свою денежную наличность, столь же мало обосновано, как и обратное предположение, что таких хозяйств и индивидов не существовало вовсе. Рабочий, получавший месячную плату в размере 40—50 руб., вероятно, расходовал свои деньги в апреле примерно так же, как он это делал и в феврале. Вероятно, многие, хранившие пятирублевый транспортный сертификат, только заменяли его серебряной монетой, не будучи в состоянии отложить шесть рублей, вместо прежних пяти. Могли иметь место и другие случаи, когда наличность возрастала. Но стабилизация курса создавала лишь обстановку, более благоприятную для увеличения денежной наличности, чем та, которая существовала прежде, не обусловливая сама по себе роста этой наличности на какую-либо определенную сумму.

Уже выпуск червонцев в конце 1922 года дал толчек процессу роста денежной наличности в государственных, кооперативных и частных хозяйствах производственного, торгового или потребительского типа. От 1-го января 1922 года до 1-го января 1924 года ценность денежной массы возросла по индексу Госплана от 122 до 193 мил. руб. при падении ценности совзнаков в этой массе от 118 до 47 мил. Эмиссия

банковых билетов тоже была частичной стабилизацией, весь процесс которой растянулся у нас на 15 месяцев. Но с какой постепенностью совершался процесс накопления в денежной форме. Увеличение наличности совершалось шаг за шагом не только потому, что население не сразу узнало преимущества банковых билетов по сравнению с совзнаками, но еще и потому, что предпосылкой увеличения наличности является известный рост благосостояния.

Вслед за фиксацией курса совзнака предприятия и отдельные лица перестали заботиться о немедленном израсходовании попавшего в их руки «казначейского денежного знака» и спокойно смотрели на то, что этот знак день за днем остается в их руках. Они доставали из кассы червонец, который раньше считался у них неприкосновенным. Скорость обращения совзнаков уменьшилась, а скорость обращения червонцев соответственно увеличилась. Мелких денег стало нехватать. Тогда с ними стали расставаться особенно неохотно. Быстрым обесценением совзнаков покупюрный состав денежной массы ко времени фиксации курса приведен был уже в ненормальное состояние, а сознание, что мелкие деньги имеются в обращении в недостаточном количестве, должно было,—как это бывает всегда в аналогичных случаях,—повести к припрятыванию их и обострению разменного кризиса. В этом не было еще показателя общего недостатка денег. Разменный кризис был тем, чем он казался, а не формой, в которой выявился недостаток денег в стране.

Снижение цен, как мы только что видели, было невелико и не компенсировало даже того под'ема, который имел место в самом конце 1923 г. и в первые два месяца 1924 г. в период предреформенной дезорганизации рынка. Кредитно-денежная политика этого периода была только сравнительно осторожной, а вовсе не жесткой. Заметной дефляции не произошло, хотя правительство, не произнося этого слова, несомненно имело ее в виду (Ср. обращение ЦК РКП(б) ко всем организациям РКП(б), «Денежная реформа» сборник материалов для агитатора, М. 1924 г.). Сумма денежного обращения составляла 1 января 1924 г.—321,9 мил. руб. (по курсу золотого рубля). Через месяц она поднялась до 326,3 мил. руб., затем до 356,7 мил. руб., до 393,5 мил. руб., до 439,8 мил. руб (на 1 мая) и до 468,7 мил. руб. (на 1 июня). Ни теоретические соображения, ни показатели состояния денежного обращения и цен не оправдывали критических замечаний В. Г. Громана.

Не оправдывали их также ссылки на опыт Германии, где вслед за денежной реформой, проведенной в конце 1923 года, по методам, очень близким к примененным в Советском Союзе, значительно возросла,—и долго продолжала возрастать,—денежная масса, при чем увеличение было

гораздо больше, чем у нас. В Германии это увеличение, прежде всего, совершалось в значительной мере за счет вытеснения иностранных банкот и денежных суррогатов, в огромном количестве обращавшихся на рынке. Затем Германия находилась на значительно более высоком уровне благосостояния, чем Советский Союз и потому гораздо интенсивней могла перейти к накоплению в денежной форме.

Некоторое расширение денежной массы за счет вытеснения иностранной валюты имело место и в Союзе. По своим размерам оно едва ли могло быть особенно велико. Но для валютного рынка оно имело серьезное значение, усилив на нем ту кон'юнктуру, в условиях которой проведены были мероприятия валютной политики, сопровождавшие денежную реформу. А эти мероприятия в свою очередь оказали влияние на всю пореформенную историю нашего денежного обращения.

2 января 1924 г. курс доллара (справочный) составлял на московской бирже 2 р. 20 коп.—1 февраля он равен был 2 р. 17 к., 1 марта он спустился до 2 р. 11 коп. и 1 апреля дошел до 1 р. 94½ коп., т.-е. до монетного паритета с золотым червонцем и на этом уровне он и остановился. Вольный курс упал еще ниже: он составлял 1 апреля 1 р. 91 коп. и оставался ниже паритета до сентября. Примерно то же произошло с фунтом стерлингов и с другими иностранными валютами. Золотая десятирублевая монета, за которую в Москве на рынке в начале января платили около 14 руб., понизилась в цене на 1 апреля до 10 р. 65 коп. и упала затем еще ниже: в течение почти всего 1924 г. она стояла ниже паритета и опускалась до 9 р. 50 коп. В провинции падение курса иностранной валюты и золота бывало по временам еще значительнее. Как это произошло?

Установление курса червонца на уровне его золотого паритета входило в намерения финансового ведомства. Это намерение не только оказалось осуществимым благодаря кон'юнктуре валютного рынка, но рынок пошел даже дальше того, что могло составить цель валютной политики. Свободного вывоза золота и иностранной валюты не существовало, как не было и свободного ввоза и вывоза товаров. Для колебаний курса не существовало поэтому не только верхней, но также и *нижней* границы, если только Государственный Банк не покупал валюты в неограниченном количестве. Но именно этого он в описываемый период и не делал. Банк проводил политику возможно большего сокращения новой эмиссии, и так как кредитование целого ряда предприятий оставалось для него обязательным, то для покупки иностранной валюты иностранному и валютному отделам Банка даны были жесткие лимиты. Между тем, приток иностранной валюты от экспорта был в начале 1924 г. срав-

нительно высок и как раз в начале 1924 г. поступали из-за границы платежи за хлеб и сельскохозяйственное сырье. Госбанк отказывался принимать некоторые продолжения о покупке иностранной валюты, как чеками на иностранные банки, так и наличными банкнотами. Достаточно было нескольких случаев отказа для того, чтобы создать среди держателей валюты настроение неуверенности в том, что ее возможно во всякое время реализовать. Такое настроение тотчас же усилило предложение и в частности вызвало стремление обменять на червонцы наличные банкноты, которые в довольно значительном количестве имелись у населения. Судьба золота оказалась такою же, как и судьба иностранных банкнот. В периодической литературе этого времени появился для обозначения создавшегося положения не очень удачный термин «валютная инфляция». Курс червонца не только дошел до золотого паритета, но поднялся даже выше его.

Между тем, товарные цены снизились сравнительно мало. На рубеже 1924 г. (в декабре—январе) покупательная сила червонца приблизительно соответствовала его курсу. Движение курса во время проведения денежной реформы уже создало расхождение между курсом и покупательной силой и это расхождение стало впоследствие источником серьезных затруднений для народного хозяйства страны. Для того, чтобы показать степень этого расхождения в цифрах, мы приводим ниже данные об уровне цен и о паритете покупательной силы, оставленные так же, как и те сведения по этому вопросу, которые были даны в шестой главе (см. стр. 338).

Эти данные надо принять с теми же оговорками, которые сделаны были в главе VI и мы не станем повторять их здесь. Из таблицы видно, что в январе-феврале движению цен должно было соответствовать снижение курса червонца. В действительности же имел место его рост. Курс доллара оказался в марте-апреле значительно ниже, а курс червонца соответственно значительно выше, чем это отвечало паритету покупательной силы между обеими валютами. В следующие месяцы расхождение уменьшилось, но все еще сохранялось в довольно значительных размерах. Несоответствие это, очевидно, означало либо то, что курс червонца слишком высок при данном уровне цен в Союзе, либо то, что уровень цен слишком высок при данном курсе. Курс стоял на уровне паритета, и хотя тогда не было еще прокламировано, что этот курс будет поддерживаться с абсолютной твердостью, но во всяком случае отсутствовало намерение его снижать. По мере того, как проходило время и курс оставался без изменения, поддержание паритета все более приобретало характер руководящего принципа валютной

	Индексоптовых цен Госплана	Индекс бюро статист. труда в США	Паритет покупательной силы	Курс доллара на московск. бирже	Отклонения в %%
	(1913 г. = 100)				
1923 год					
Июль	153	151	1,97	2,07	— 4,8
Август	159	150	2,06	2,09	— 1,4
Сентябрь	157	154	1,98	2,08	— 4,8
Октябрь	149	153	1,89	2,01	— 6,0
Ноябрь	152	152	1,94	2,13	— 8,9
Декабрь	162	151	2,09	2,19	— 4,6
1924 год					
Январь	174	151	2,24	2,18	+ 2,8
Февраль	192	152	2,45	2,16	+13,4
Март	186	150	2,41	2,00	+20,5
Апрель	178	148	2,33	1,95	+19,5
Май	171	147	2,26	1,94	+16,5
Июнь	166	145	2,22	1,95	+1,38

политики Союза и этот принцип стал подтверждаться в официальных актах.

Из политики твердого курса и из того соотношения между курсом и покупательной силой, которое установилось в период проведения денежной реформы, вытекала таким образом необходимость снижения уровня цен. Увеличение покупательной силы червонца должно было стать основным началом кредитно-денежной политики. Это начало действительно было признано, но последующие страницы покажут, насколько трудно было провести его в жизнь и как немного было достигнуто на этом пути. Денежная реформа 1924 г. проведена была успешно в том смысле, что она создала условия денежного обращения несравненно лучшие, чем те, которые существовали до нее, и вывела страну из состояния валютного хаоса. Упорядочение денежного обра-

щения явилось одним из существеннейших факторов значительного хозяйственного под'ема, который имел место в 1924—25 году (несмотря на неурожай этого года) и втечение двух последних лет. Однако, в 1924 г. совершенно правильно отмечалось самими участниками реформы, что она не завершена не только в том отношении, что она сохранила наряду с банковой эмиссией еще и казначейскую, но также и в том отношении, что она не привела всех ценностных отношений в состояние необходимого равновесия. Из этой главы видно будет, почему равновесие не было установлено и в последующие годы, а «заключение» настоящей книги покажет, какие проблемы денежной политики оставались открытыми в связи с этим в середине 1927 года.

Прежде чем перейти к описанию кредитно-денежной и валютной политики пореформенных лет, остановимся еще кратко на нескольких вопросах, касающихся назначения и порядка казначейской эмиссии. В законодательных актах 1924 г. на эту тему сказано было немного. Недосказанное было доделано в порядке текущей работы финансового ведомства и Государственного Банка.

Государственные казначейские билеты прежде всего, надлежало выпустить для выкупа совзнаков и сертификатов НКПС. Народный Комиссариат Финансов показывал в своих балансах те суммы, которые получили это назначение. Далее государственные казначейские билеты на первых порах после реформы выпускались для покрытия бюджетных дефицитов. Ту и другую функцию выполняли также выпуски мелких бумажных бон и серебряной и медной монеты. Всего было выпущено на выкуп бумажных денег прежних образцов 32,8 млн. руб., а на покрытие бюджетных расходов по 1 октября 1926 года—164,9 млн. На это число в обращении было 141'2 млн. руб. серебряной монеты, 6,5 млн. руб. мелких бумажных бон, впоследствии замененных металлической монетой, и 7,2 млн. руб. медной монеты, всего 154,9 млн. руб. Таким образом, 164,9 млн. руб. составляют сумму, пошедшую на покрытие бюджетных дефицитов, причем на сумму в 154,9 млн. руб. этот расход можно считать покрытым выпуском мелкой металлической монеты, который всегда рассматривался, как монетный доход казначейства.

В первые месяцы после реформы, для усиления средств казначейства, выпускались еще бумажные деньги, но с 1 июля 1924 г. выпуск казначейских билетов для покрытия бюджетных дефицитов фактически прекратился, а вскоре после этого (постановление ЦИК СССР от 29 октября 1924 г.) он был воспрещен и законом. Источником дохода казначейства остался только выпуск серебряной и медной монеты.

На 1924—25 г. он определен был брутто (т.-е. без вычета стоимости металла и чеканки) в 80 млн. руб. В следующем году он составил лишь 15 млн. руб. В 1926—27 г. он уже не был внесен в бюджет, так как опыт предыдущего года показал, что количество мелкой монеты в обращении возрастает медленно и что размеры этого возрастания не могут быть предусмотрены с достаточной степенью точности.

Третьим назначением выпусков казначейской валюты было, на первых порах, приобретение иностранной валюты, предложение которой, как мы уже видели, было сравнительно очень велико в первой половине 1924 г. Часть этой валюты хранилась в виде эффективных банкнот, другая, большая часть, помещена была на текущий счет в Госбанк. Впоследствии вся эта валюта обращена была на финансирование импортных операций за счет казначейства и возвращенные в червонцах суммы остались на текущем счету в Госбанке. Валютный текущий счет превратился в червонный и по окончании всей этой операции результатом ее оказалось подкрепление Госбанка соответствующей суммой казначейских билетов, размещенных Банком среди своих клиентов в порядке открытия им обычных кредитов. Третье назначение слилось, таким образом, с четвертым.

Это четвертое назначение заключалось первоначально исключительно в предоставлении обороту денежных знаков более мелкого достоинства, чем червонец. Наркомфин выпускал казначейские билеты, сперва через свои кассы, потом через Госбанк, получая в обмен на них червонцы и помещая последние в свой «обменный фонд». Операция была двусторонней, но в общем обменный фонд почти непрерывно возрастал. Червонцы хранились в нем в натуре. Когда же в средине 1925 г. потребовалось открытие Госбанком значительных кредитов в иностранной валюте для финансирования возросшего импорта и одновременно были эмитированы крупные суммы банкнотами для кредитования промышленности и хлебных и сырьевых заготовок, порядок хранения, или точнее, порядок выпуска казначейских билетов был изменен. Формально изменение заключалось в том, что Наркомфин стал вносить банковые билеты своего обменного фонда в Госбанк в виде особого вклада. Фактически это означало, что казначейские билеты выпускаются для подкрепления рессурсов Госбанка. Последний оперировал ими совершенно так же, как и своими, банковыми билетами, т.-е. обращал их на выдачу обычных банковых ссуд. Казначейские билеты, выпущенные в этом порядке, имели все виды банкового обеспечения, кроме, однако, одного. Банк не обязан был обеспечивать эти выпуски металлом и иностранной валютой и он не делал этого. Так как в 1926 г.

имел уже место единый (по существу) порядок выпуска, как банковых, так и казначейских билетов через Государственный Банк по его операциям, и так как ранее выпущенные казначейские билеты также почти целиком прошли по этому руслу, то результатом оказалось, что все бумажные деньги Союза (за исключением небольшой суммы, о которой речь шла выше), по своему экономическому назначению, представляют банковую эмиссию, но что последняя состоит из двух частей: из банковых билетов, обеспеченных в установленных законом размерах драгоценными металлами и иностранной валютой, и казначейских билетов, для которых такое обеспечение законом не установлено и не практикуется.

Лишь некоторая, но фактически небольшая, часть казначейских билетов сохраняла и после введения нового порядка эмиссии металлическое обеспечение. Оно заключается в том, что в обменном фонде НКФ почти всегда имеется некоторое количество наличных банкнот и что их валютно-металлическое обеспечение переходит на те казначейские билеты, в покрытие которых они и положены в обменный фонд Наркомфина.

В силу этого последнего обстоятельства сумма всего денежного обращения в Союзе не может быть вычислена путем простого суммирования количества банковых билетов, выпущенных по эмиссионным балансам Госбанка и Наркомфина. Из этой суммы необходимо высчитывать банкноты, хранившиеся в обменном фонде Наркомфина. Кроме того, в цифрах общей денежной массы, публикуемых Наркомфином (и приводимых ниже), для определения количества денег, находящихся в обращении, из балансовых сумм Госбанка, вычтена наличность банкнот в кассах Госбанка и в пути между его учреждениями.

Таковы те технические замечания, которые следует иметь в виду при чтении следующих страниц.

Историю кредитно-денежной политики и денежного обращения пореформенного времени, несмотря на всю его краткость, можно уже разделить на несколько периодов.

Первый—об'емлет 1924 год и первую половину 1925 года, продолжаясь, примерно, до начала реализации урожая 1925 г. и до составления хозяйственных планов на 1925—26 г., осуществление которых началось с 1 октября 1925 г. и даже несколько ранее.

Второй период продолжался от середины 1925 г. (или другими словами от последнего квартала 1924—25 хозяйственного года) до начала 1926 года.

Третий период начался весною 1926 г. и продолжался до лета 1927 года. После этого начался четвертый период, описывать который было бы еще преждевременно.

Первый период проходил под знаком неурожая, постигнувшего страну в первый же год после денежной реформы, и создавшего условия для значительного под'ема хлебных цен, начиная со второй половины зимы. Тем не менее он прошел для денежного обращения довольно благополучно. Улучшившиеся благодаря реформе хозяйственные связи между городом и деревней, рост промышленного производства и торговых оборотов, расширенные эмиссионные возможности, вызванные самой стабилизацией валюты в начале 1924 г., все это позволило поддержать покупательную силу рубля на сравнительно устойчивом уровне. Правда, не произошло ее повышения, хотя это и составляло задачу денежной политики. Но для неурожайного года результат можно было считать удовлетворительным. Задача снижения цен конечно не снималась, а только отсрочивалась. Неурожай был достаточно серьезным основанием для такой отсрочки.

Нижеследующие данные характеризуют в цифрах положение вещей втечение этого первого периода после реформы.

Изменение уровня цен (1913 г. = 1000)

В среднем	Индекс оптов. цен Госплана			Индекс розничн. цен Конюнктурн. инст.		
	Сел.-хоз.	Промышленный	Общий	Сел.-хоз.	Промышленный	Общий
за 1924 год						
Январь	1 327	2 277	1 738	1 421	2 474	1 873
Апрель	1 539	2 058	1 780	1 873	2 474	2 118
Июль	1 483	2 028	1 734	1 879	2 471	2 154
Октябрь	1 359	1 984	1 642	1 699	2 448	2 052
за 1925 год						
Январь	1 566	1 931	1 739	1 806	2 327	2 058
Апрель	2 012	1 908	1 960	2 137	2 264	2 200
Июль	1 775	1 900	1 837	2 120	2 200	2 160

Движение цен по обоим индексам весьма различно. В этот период уже сильно сказывается то раздвоение цен, о котором говорилось в предыдущей главе и о котором речь еще будет итти в дальнейшем. Ибо разница в движении цен по индексу Госплана и по индексу Конъюнктурного Института объясняется не только тем, что оптовые и розничные цены отличаются различной степенью постоянства и что одни быстрее приходят в соответствие с состоянием товарного рынка, чем другие. Разница между первыми тремя и вторыми тремя рядами приведенной таблицы и колебания этой разницы об'ясняются в очень значительной мере еще и тем, что материалом, на основании которого вычисляется индекс Госплана, являются преимущественно государственные цены, а Кон'юнктурный Институт исчисляет приведенный выше индекс по ценам в частной розничной торговле.

По индексу Госплана общий уровень цен в средине 1925 г. был выше, чем в первой половине 1924 г., но разница эта создавалась ростом сельско-хозяйственных цен. Не будь последнего, общий уровень цен оказался бы сниженным, ибо промышленные цены в июле 1925 г. были примерно на 6% ниже, чем годом раньше и на 16 с лишним процентов ниже, чем за полтора года до последнего рассматриваемого здесь срока. Снижение цен промышленных изделий хотя и менее значительное (около 11%) показывает и индекс Конъюнктурного Института. Но повышение розничных цен на сельско-хозяйственные продукты оказывается настолько внушительным, что большой рост—на 15%,—обнаруживает и общий уровень цен, по сравнению с январем 1924 г., т.-е. на протяжении 18 месяцев. Однако, и здесь, если сравнивать конечный срок с а п р е л е м, т.-е. с месяцем к концу денежной реформы, то общий уровень цен оказывается почти не изменившимся.

Неблагоприятные явления этого периода заключались таким образом в росте цен на сельско-хозяйственные продукты. Но, повторяем, год был неурожайным и можно было ожидать, что в следующем году положение будет исправлено. В течение отдельных моментов этого периода,—в конце 1924 г.—замечались, правда, неблагоприятные явления и на рынке промышленных изделий—наблюдалось уже на некоторых участках его «бестоварье», которое стало впоследствии одним из основных затруднений хозяйственной жизни,—но эти явления были почти целиком изжиты весной 1925 г., когда возросло производство промышленности и сократился спрос деревни, реализовавшей уже сбор хлебов 1924 года.

На валютном рынке курс червонца держался устойчиво, как в пределах государственного, так и в пределах частного сектора его.

	Курс доллара				Цена золотой десятирублевой монеты в Москве	
	На Московской бирже		На вольном рынке в Москве			
	Рубли	Коп.	Рубли	Коп.	Рубли	Коп.
1924 год						
1 января	2	20	2	24	14	05
1 апреля	1	94 1/2	1	91	10	65
1 июля	1	94 1/2	1	93 1/2	9	47 1/2
1 октября	1	94 1/2	1	94 1/4	9	60
1925 год						
1 января	1	94 1/2	1	93 3/4	10	10
1 апреля	1	94 1/2	1	94	9	60
1 июля	1	94 1/2	1	94 1/2	9	75

Но та «валютная инфляция», которая имела место в начале 1924 г., и о которой мы говорили выше, не только прекратилась, но сменилась уже превышением спроса на валюту над ее предложением. К середине 1925 г.. частного предложения золота и банкнот было очень мало и намечался перелом в сторону превышения продаж Госбанка над его покупками. Вместе с тем развитие промышленности требовало усиленного ввоза оборудования и особенно сырья и окрепший городской потребительский спрос нуждался в ввозе готовых изделий из-за границы. В целях удовлетворения этого производственного и потребительского спроса в первой половине 1925 г. было принято несколько дополнительных импортных планов, оказавшихся очень значительными особенно потому, что в них вошел ввоз муки для снижения хлебных цен и покрытия продовольственных потребностей больших городов и промышленных центров. Текущие поступления экспортной валюты не могли покрыть эти затраты и валютные ресурсы Госбанка в 1925 г. обнаруживают уже уменьшение.

Валютное обеспечение банкнот по балансу эмиссионного отдела Госбанка (в 1000 руб.)

	Золото	Серебро	Платина	Иностр. валюта	Всего
1924 год					
1 января	87 532	1 106	—	54 850	143 488
1 апреля	87 841	1 106	7 223	77 438	173 608
1 июля	92 693	1 106	7 427	100 072	201 298
1 октября	131 399	—	7 427	100 174	239 000
1925 год					
1 января	141 955	—	12 984	98 670	253 609
1 апреля	168 882	—	16 984	68 277	254 143
1 июля	169 089	—	23 698	48 937	241 724

Валютные рессурсы Эмиссионного Отдела возрастают до 1 января 1925 г., затем останавливаются на достигнутом уровне и несколько снижаются в третьем квартале 1924—25 хозяйственного года, если рассматривать общий итог всех приведенных столбцов. Но платина не была новым резервом, а была передана, как известно, Государственному Банку Казначейством из его старых запасов. Если брать только обеспечение золотом и иностранной валютой, то оно уменьшается с 1 января до 1 июля 1925 г. на сумму в 24 млн. руб., при чем этот итог получается вследствие того, что снижение заграничных авуаров Госбанка на 51 млн. компенсируется скупкой золота на 27 млн руб. Такое движение валютных и золотых резервов, при значительных дальнейших требованиях со стороны импортных организаций и при необходимости приступить в следующем квартале к новой крупной эмиссии банкнот для финансирования реализации урожая хлебов и заготовок сырья, и заставило перейти с июля месяца 1925 г. к тому новому порядку выпуска казначейских билетов, о котором мы уже говорили в настоящей главе.

При незначительном даже уменьшении валютно-золотых резервов Госбанка, процентное обеспечение банкнот металлом и иностранной валютой должно было заметно понизиться в виду продолжавшегося почти все время выпуска банкнот и роста денежной массы.

	Вся бумажно-денежная масса в 1 000 руб.	Сумма банкнот, перед. в кассу правлен. Госбанка	% первоклассных обеспеч. в отнош. к последней сумме
1924 год			
1 января	321 947	280 000	51,1
1 апреля	383 486	338 000	50,0
1 июля	463 942	387 500	50,0
1 октября	577 555	518 866	44,0
1925 год			
1 января	667 808	595 968	42,5
1 апреля	742 755	590 295	42,5
1 июля	729 416	664 655	36,0

С 1 апреля 1924 г. (примерно, с окончания денежной реформы) до конца первого из описываемых периодов, т.-е. за 15 месяцев, денежная масса возросла в два раза, и, если рассматривать данные по кварталам, то возрастание ее совершалось непрерывно. Однако, рост этот прервался в начале 1925 г., втечение января, и это было симптомом того, что кредитно-денежная политика начинает входить в нормальную колею. На 1 января 1925 г. денежное обращение (включая металлическую монету) составляло 742,7 млн. руб., а на 1 февраля 1925 г.—710,5 млн. руб. В довоенное время сжатие денежной массы начиналось гораздо раньше. в октябре, ноябре, а рост ее чаще всего имел место только втечение последних летних и первых осенних месяцев. Начиная со второй половины 1914 г. рост денежной массы происходил почти непрерывно из месяца в месяц. В январе 1925 г. впервые после десятилетнего промежутка времени сезонное сжатие нормального спроса на кредиты вызвало слабое снижение кривой денежного обращения. Это снижение наступило поздно и продолжалось очень недолго, во-первых, потому, что самый характер товарооборота по своему сезонному распределению еще существенно отличался в 1925 г. от довоенного (в частности, хлебозаготовки растягивались на более длительный период), во-вторых, потому, что в 1924—25 г. совершался еще процесс насыщения оборота деньгами, и, в-третьих, потому, что Госбанку приходилось еще не только финансировать операции, по завер-

шении которых деньги быстро возвращались в его кассы, но пополнять также оборотные средства предприятий в той их части, которая иммобилизировалась в последних. Как бы то ни было движение эмиссии в январе 1925 г. показывало, что механизм денежного обращения начинает работать более нормально и в следующие годы кривая движения эмиссии действительно стала все более приближаться по своему общему виду к довоенной.

Поскольку речь идет о покупательной силе и о курсе рубля, первый период после денежной реформы прошел таким образом благополучно. Только состояние валютных ресурсов Государственного Банка показывало уже напряжение. Наступавший 1925-й сельско-хозяйственный год по всем признакам должен был быть урожайным. В отношении денежного обращения стояла задача укрепления покупательной силы рубля для осуществления той программы, которая была намечена еще во время реформы, и задача накопления валютных ресурсов в соответствии с расширением денежной массы, с ростом внешней торговли и с увеличением задолженности советских банков и торговых организаций заграницей. Однако, второй период был для денежного обращения неблагоприятен и разрешить эти задачи не удалось.

Этот период, начавшийся в последнем квартале 1924—25 г., оказался попрежнему временем значительного расширения хозяйства, но одной из мер этого расширения явилась кредитная экспансия, вышедшая за пределы реальных ресурсов страны и сопровождавшаяся всеми типичными признаками инфляции: второй инфляции со времени выпуска банкнот, но более опасной, чем первая, имевшая место в 1923 г. Ибо тогда повышение уровня золотых («червонных») цен (даже гораздо более значительное, чем то, которое произошло в 1925—26 г.) имело место при начальной очень высокой покупательной силе червонца и при курсе иностранной валюты, который недооценивал червонца (ср. гл. VI), теперь же курс червонца стоял уже выше его покупательной силы. Не было уже налицо того «запаса», который позволил бы безболезненно снизить покупательную силу червонца. Это можно показать нижеследующей таблицей (см. стр. 348).

Эта таблица так же, как и все то, что уже отмечено было выше, показывает, что в области политики цен, или политики покупательной силы рубля нужно было еще достигнуть равновесия между ценами и курсом. На лицо была только необходимая тенденция, которая стала выявляться с тех пор, как обнаружились благоприятные виды на урожай. Так как розничные цены стояли значительно выше оптовых, то об'ем задания был в действительности больше, чем обнаруживает эта таблица, несовершенная еще и потому, что

индекс Госплана недостаточно учитывает изменившееся по сравнению с довоенным временем качество советских товаров.

	Оптовый индекс Госплана	Индекс бюро статист. труда США	Паритет покупательн. силы (за доллар)	Курс доллар на Московской бирже	Отклонения паритета покупательн. силы от курса в %%
1923 год					
Апрель	110	159	1 р. 35 к.	2 р. 14 к.	— 36,9
1924 год					
Апрель	178	148	2 „ 33 „	1 „ 95 „	+ 19,5
1925 год					
Апрель	196	156	2 „ 44 „	1 „ 95 „	+ 25,1
Июль	184	169	2 „ 23 „	1 „ 95 „	+ 14,4

Втечение четырех лет, хозяйственная жизнь Советского Союза протекала уже под знаком восстановления. Поступательное движение было значительно, опережало в некоторые периоды и в некоторых направлениях плановые ожидания и дало результаты, на которые даже не расчитывали к концу четвертого года новой экономической политики. В 1925 г. можно было отметить крупное возрастание всей посевной площади в целом и особенно увеличение площади под посевами хлопка, свеклы, льна, подсолнуха, картофеля, кормовых трав; значительное увеличение скотоводства; увеличение промышленной продукции по сравнению с 1921—1922 годом в три с лишним раза; усиление и улучшение работы транспорта; создание дифференцированной сети кредитных учреждений с несколькими уже довольно мощными центрами и многими сотнями разбросанных по всей стране филиалов; упорядочение финансового хозяйства страны; создание твердой валюты на основе денежных реформ 1922 и 1924 гг.

Летом 1925 г. стало очевидно, что народное хозяйство приближается к производственным нормам довоенного времени и что недалек тот срок, когда оно перешагнет за их пределы. Перевал по всем признакам должен был совершиться,

примерно, на рубеже 1927 года или во всяком случае немного времени спустя. Правда, хозяйство восстанавливалось на базисе унаследованного от довоенной эпохи промышленного и транспортного оборудования. Но летом 1925 г. именно это обстоятельство недостаточно учитывалось. После года интенсивного промышленного под'ема, прекратившегося проедания основного капитала страны, возобновившегося накопления, достаточно устойчивого состояния денежного обращения и в ожидании хорошего урожая и значительного расширения экспорта, страну охватило то настроение, которое всегда предшествует торгово-промышленному под'ему и сопровождает его. Со стороны крестьянства ожидался большой спрос на товары. Потребление города также росло. Розничная торговля спешила пополнить свои запасы. Заказы увеличивались. Промышленность предвидела возможность получения крупных прибылей, которые должны были служить основанием для ее развертывания. Экспорт обещал обеспечить приток иностранных товаров не только для снабжения крестьянского и городского рынка готовыми изделиями, но также и для пополнения запасов сырья и ввоза нового оборудования, которое притом же все чаще удавалось заказывать заграницей в кредит. Все данные для повышательного настроения были налицо. В отличие от капиталистических стран это настроение охватило у нас не частных предпринимателей, а планирующие органы и руководителей государственных и кооперативных предприятий. Зародилось то же массовое оптимистическое настроение, которое десятки раз наблюдалось в соответствующие моменты в Европе и в заокеанских странах, но настроение, действовавшее еще могущественнее и быстрее, потому что проводником решений о хозяйственном развертывании являлся организованный государственный аппарат. Для развертывания хозяйства не потребовалось времени на раскачивание массы формально независящих друг от друга предприятий, как в капиталистических странах, а производительные силы могли быть приведены в движение авторитетными постановлениями государственных учреждений. Это настроение было поразительно по своей силе и всеобщности. Оно сказалось в контрольных цифрах Госплана на 1925—26 г. (это было одно из самых ярких его проявлений); в хлебозаготовительном плане, в экспортном плане, в многочисленных отдельных импортных планах, утвержденных втечение лета 1925 года, в первоначальном импортном плане на 1925/26 год, в плане вложения в основные капиталы по всем отраслям хозяйства (в государственные предприятия и через посредство государственных ассигнований) 2.300 мил. рублей и, в частности, в промышленность около миллиарда, в государственном бюджете, в кредитном плане Государственного Банка на четвертый

квартал 1924/25 г. с эмиссией около 300 миллион., в проекте выпуска втечение одного года займа хозяйственного восстановления на сумму в 300 мил. руб. Все эти планы оказались неосуществленными. Но к осуществлению их страна приступила, пойдя тем самым по пути быстро возраставших затруднений.

Несколько цифр могут характеризовать темп этого развертывания до того момента, когда затруднения обнаружились уже с полной очевидностью и стали предметом обсуждения в печати и в государственных учреждениях.

Стоимость продукции государственной промышленности составляла в январе 1925 г. 389 мил. руб., в июле—389 мил. руб., в августе—430 мил. руб., в сентябре—514 мил. руб., в октябре—540 мил. руб.

Добыча угля в Донецком Бассейне составляла в январе 1925 года—1.051 тыс. тонн, в июле—1.020 тыс. тонн, в августе—1.000 тыс. тонн, в сентябре—1.245 тыс. тонн, в октябре—1.527 тыс. тонн.

Валовая продукция металлопромышленности составляла по довоенным ценам в январе 1925 г.—38 мил. руб., в июле—42 мил. руб., в августе—46 мил. руб., в сентябре—58 мил. руб., в октябре—62 мил. руб.

Выработка хлопчато-бумажной пряжи достигала в январе 1925 г.—14,6 т. тонн, в июле—12,9 т. тонн, в августе—17,2 т. тонн, в сентябре—20,9 тыс. тонн, в октябре—22,1 тыс. тонн.

Грузооборот железных дорог исчислялся (в миллионах тонн) в следующих цифрах: январь 1925 г.—6,00; июль—7,06; август—7,92; сентябрь—8,74; октябрь—9,95.

Обороты Московской Товарной Биржи дали в январе 1925 г.—227 мил. руб., в июле—317 мил. руб., в августе—249 мил. руб., в сентябре—465 мил. руб., и в октябре—467 мил. руб.

Ввоз товаров из-за границы составлял в январе 31,8 м. р.; в июле—66,7 м. р.; в августе—45,7 м. р.; в сентябре—76,3 м. р.; в октябре—82,5 м. р. («Экономический Бюллетень Кон'юнктурного Института», № 1, 1926 г.).

Все признаки торгово-промышленного под'ема были налицо.

Но для под'ема недостаточно, конечно, того «настроения», о котором речь шла выше. Такое настроение обычно предшествует хозяйственному расширению и сопровождает его, но для него необходима, прежде всего, материальная база, без которой оптимистическое настроение, если бы оно по какой-либо причине и возникло, увяло бы, не успевши расцвесть. И опять таки у нас, как нередко бывает в аналогичных случаях в странах с иной организацией хозяйства, одной из могущественнейших предпосылок торгово-промышленного

развертывания явилась кредитная экспансия. Учетно-ссудные операции Государственного Банка дали за третий квартал 1924/25 г. увеличение на 154 мил. руб., а за четвертый квартал на 303 мил. руб., не считая кредитов на хлебозаготовки. Баланс одного Госбанка возрос с 1 апреля по 1 октября 1925 г. с 2.459 мил. руб. до 3.413 мил. руб., т.-е. почти на один миллиард рублей. Четыре крупнейших акционерных банка (Торгово-Промышленный, Банк для Внешней Торговли, Всероссийский Кооперативный и Московский городской) дали увеличение учетно-ссудных операций в третьем квартале на 102 м. р., а в четвертом на 104 м. р. Сводный баланс их увеличился за то же полугодие от 635 м. р. до 1.064 м. р. В дальнейшем темп роста несколько сократился. Но развитие активных операций все же продолжалось, несмотря на то, что к началу первого квартала 1925—26 хозяйственного года в области кредита уже остро чувствовались последствия кредитного расширения, вышедшего за рамки реальных рессурсов страны. Учетно-ссудные операции Госбанка возросли за октябрь—декабрь месяцы еще на 208 м. р., хотя текущие счета предприятий, вступивших в полосу работы при большом финансовом напряжении, не дали уже за этот период никакого прироста.

Эмиссия новых денег и об'ем денежного обращения в течение второй половины 1925 г. выразились в следующих цифрах:

Кварталы	Бумажно-денежн. масса в начале квартала	Эмиссия в течение квартала
1925 год		
Июль—сентябрь	729 416	270 548
Октябрь—декабрь	999 964	119 769
	1 119 733 на 1/I—1926 г.	390 317 (за полугодие)

Увеличение денежной массы почти на 400 мил. руб. или более, чем в полтора раза после того, как страна была уже «насыщена» деньгами, т.-е. после того, как специфические возможности расширения денежного обращения, созданные денежной реформой, были исчерпаны, должно было породить инфляцию. Оно действительно создало ее и вызвало все ее последствия. Однако, инфляция наступила не в таком

виде, как во времена казначейских выпусков бумажных денег на покрытие бюджетных дефицитов, когда избыток денег, не воздействуя на расширение хозяйственной деятельности, приводил лишь к обесценению денежных знаков. Она вызвала подготовку усиленного строительства и уже через нее такое увеличение, как производственного, так и потребительского спроса на товары, за которым не поспевало предложение. Данные, собранные и опубликованные Высшим Советом Народного Хозяйства значительно позднее, показали, что осенью 1925 года дело заключалось даже не в том, что промышленность приступила уже к постройке новых заводов, а преимущественно в том, что она заготовляла материалы для будущего строительства, размещала заказы и, войдя в полосу повышения цен, увеличивала запасы сырья и вспомогательных материалов на значительно большие суммы, чем это позволяли сделать ее собственные средства и те банковые кредиты, которые могли быть предоставлены ей без кредитно-денежной инфляции. При составлении кредитных планов на первый и второй квартал 1925/26 г. борьба за расширение банковых кредитов велась с чрезвычайным напряжением и кредитные планы не уберегли от предоставления промышленности больших средств, чем те, в которых она действительно нуждалась. Это признал впоследствии и руководящий промышленностью орган, сообщив, что свои запасы сырья и материалов промышленность увеличила в 1925/26 г. не на 100 мил. руб., как проектировалось по финансовому плану ВСНХ, а на сумму в пять раз большую. Если это обстоятельство не вызвало еще более острой инфляции, чем та, которая в действительности имела место, то это произошло потому, что прибыли промышленности вследствие роста цен были велики и условия ее расчетов с торговыми организациями, вследствие недостатка товаров и быстрой их реализации, стали более благоприятны для промышленных предприятий.

Первыми симптомами инфляции были рост товарных цен и так называемое бестоварье. Втечение полутора лет, как показано было выше, состояние денежного обращения в отношении устойчивости покупательной силы рубля можно было считать достаточно благополучным, хотя некоторые симптомы чрезмерного выпуска денег в виде разрыва между оптовыми и розничными ценами по временам уже наблюдались после реформы. Но симптомы эти носили временный характер, и основные колебания цен вверх от того уровня, на котором индекс стоял после реформы, об'яснялись, главным образом, неурожаем 1924 года, т.-е. причиной преходящего значения.

К концу лета 1925 г., когда на ценах сказался уже новый, хороший сбор хлебов, индекс товарных цен был очень близок к той величине, которую наша статистика (Госплана, Кон'юнктурного Института, ВЦСПС) зафиксировала на 1 апреля 1924 г., т.-е. на момент, когда завершены были основные мероприятия по реформе денежного обращения. Госплан ожидал, что с осени 1925 г. начнется постепенное снижение среднего уровня цен, т.-е. повышение покупательной силы червонца. Случилось обратное. Началось не только повышение общих индексов, но и повышение показателей средних цен по всем основным группам товаров. Цифры, характеризующие это явление, сводятся к следующим.

	Индекс оптовых цен Госплана	Индекс розничных цен кон'юнктурн. института	Бюджетный индекс статистики труда
1925 год			
1 июля	1 880	2 180	2 110
1 августа	1 751	2 100	1 935
1 сентября	1 727	2 080	1 867
1 октября	1 742	2 150	1 993
1 ноября	1 753	2 170	2 010
1 декабря	1 793	2 240	2 053
1926 год			
1 января	1 833	2 260	2 106
1 февраля	1 902	2 300	2 199
1 марта	1 939	2 340	2 250
1 апреля	1 962	2 410	2 288

Повышение цен, как видно из этих цифр, началось с сентября 1925 г. Эмиссия и расширение кредитования не сразу, а лишь по истечении 1—2 месяцев оказали влияние на цены, причем под'ем стал длительным, ибо кредитная экспансия не прекращалась. Втечение более чем полугодия все индексы цен обнаруживали непрерывный рост. На 1 апреля 1926 г. цены по оптовому индексу стояли на 12% выше, чем

1 сентября. Розничный индекс дал повышение на 16%, а бюджетный на 18%. Это было явление настолько крупное и серьезное, что к концу описываемого периода нельзя было не признать его значения и его явной связи с кредитно-денежной политикой.

Наличие инфляции подтверждалось тем, что рост цен был не только почти непрерывным, но и всеобщим. Возрастали как оптовые, так и розничные цены. Увеличивались цены как на промышленные изделия, так и на продукты сельского хозяйства. Это показывают и госплановские исчисления и индексы Кон'юнктурного Института.

	Индекс Госплана		Индекс К. И.	
	Промышленный	Сел.-хоз.	Промышленный	Сел.-хоз.
1925 год				
1 июля	1 898	1 862	2 190	2 170
1 августа	1 903	1 610	2 210	1 990
1 сентября	1 927	1 518	2 270	1 900
1 октября	1 949	1 556	2 390	1 920
1 ноября	1 964	1 563	2 450	1 910
1 декабря	1 976	1 626	2 510	1 990
1926 год				
1 января	1 982	1 694	2 480	2 040
1 февраля	1 996	1 813	2 480	2 130
1 марта	2 001	1 878	2 490	2 190
1 апреля	2 017	1 908	2 620	2 200

При таком характере движения цен причина явления лежала, очевидно, не в том, что какие-либо специальные факторы стали воздействовать на ценообразование в отношении отдельной группы товаров. Явление было общим и должно было иметь общую для всех товаров причину. Совершенно несомненным становилось, что причина эта лежит «на стороне» денег.

Однако, в начале 1926 года наличие этой связи не получило еще общего признания. И на этот раз, как это почти

всегда бывает в подобных случаях, инфляция настойчиво отрицалась до тех пор, пока она не стала острой и последствия ее не сделались угрожающими. Мы увидим ниже, что при обсуждении кредитных планов на квартал январь—март 1926 года шла еще острая борьба вокруг вопроса о направлении кредитно-денежной политики, в которой Госплан и ВСНХ настаивали на дальнейшей кредитной экспансии; что лишь к марту месяцу более осторожная точка зрения окончательно одержала верх.

На «свободном» товарном рынке более быстрый рост спроса, чем предложения, обычно, находит свое полное выражение в повышении цен. На рынке, где все цены подвергались бы строгому регулированию, т.-е. установленные органами власти «указные» цены были бы действительными ценами, повышение спроса не вызывало бы роста цен, а находило бы свое полное выражение в недостатке товаров. Покупатели раскупили бы весь наличный товар по нормированной цене и часть спроса осталась бы непокрытой. У нас цены подвергаются частичному регулированию. Органами государственной власти установлены отпускные цены трестов. Под влиянием органов государственной власти устанавливаются розничные цены в кооперативных предприятиях. Но оптовые цены находятся уже под воздействием факторов вольного рынка, а розничные цены в частной торговле использовали кон'юнктуру рынка весьма широко. Увеличение спроса, которому не сопутствует возрастание предложения, приводит поэтому в нашей обстановке частично к росту цен и частично к недостатку на рынке товаров, т.-е. к тому, что у нас принято называть «бестоварьем». Знаками бестоварья были очереди в лавках, отпуск товара отдельному покупателю в ограниченном количестве, полное отсутствие некоторых наиболее ходких товаров в деревне и т. п.

Втечение первого периода бестоварья, примерно, до декабря, в центре внимания был недостаток готовых изделий и особенно той категории товаров, на которые пред'являло спрос крестьянство. Вслед за этим то же явление стало наблюдаться и на другом товарном участке. В виду оживленного строительного сезона цены на строительные материалы поднимались уже летом 1925 года. К новому году индекс цен строительных материалов опередил все остальные цены, поднявшись более, чем на 30%. Обнаружилось с несомненностью, что если только не произойдет перелома в кон'юнктуре, то для летней строительной кампании 1926 года не хватит кирпича, строительного леса и др. материалов. В первых числах февраля руководители ВСНХ сообщили, что все производство цемента уже запродано на год вперед. И еще более напряженным стало положение с топливом,

с углем, нефтью и дровами. Потребности промышленности и транспорта опередили производство всех видов топлива, топливные предприятия оказались не только не в силах принять новые заказы, но и выполнить аккуратно все требования по старым контрактам, даже и по тем, по которым деньги были уже уплочены вперед. Стране стал угрожать топливный кризис в очень серьезной форме и Совету Труда и Обороны пришлось поставить вопрос о назначении своего уполномоченного по топливу, т.-е. возвратиться к той ферме регулирования топливного рынка, которая напоминала о полузабытых временах крайней нужды и об условиях, казалось, окончательно уже изжитых.

Одним из ярких проявлений нарушенного равновесия на товарном рынке явился разрыв между ценами: отпускными ценами и оптовыми, с одной стороны, оптовыми и розничными—с другой. В связи с тем характером регулирования цен, который присущ нашей хозяйственной системе, разрыв должен был выразиться в том, что оптовые цены стали повышаться при стабильности цен отпускных и движение розничных цен, особенно в частной торговле, стало опережать движение цен оптовых. Ибо отпускные цены трестов всего полнее поддаются государственному регулированию и тресты в состоянии повышать их только при помощи «принудительного ассортимента» товаров, который трудно перевести на язык цифр и который не находит своего выражения в индексах товарных цен; влияние государственного регулирования на оптовые цены уже несколько слабее; частные же розничные цены находились почти вне сферы государственного воздействия и только в отдельных случаях государственным синдикатам и трестам удавалось наложить на частного торговца обязательство продавать отпускаемый ему товар, не выходя за пределы установленных накидок. Что касается кооперативных цен, то они сравнительно слабо реагировали на повышательную тенденцию рынка и государственная власть в состоянии была использовать кооперативный аппарат для проведения своей политики цен. Но и кооперативные предприятия не совсем нечувствительны к состоянию рыночной кон'юнктуры. Во-первых, на кооперативном индексе отражались цены на сельско-хозяйственные продукты и кустарные изделия, которые в то время мало регулировались государственной властью. Во-вторых, кооперативная торговля не может не включать в свои калькуляции возрастающих при общем под'еме цен накладных расходов. В-третьих, при всех своих добродетелях, кооперативные организации все же поднимали цены и на изделия государственной промышленности, когда повышательная волна охватывала весь рынок и, особенно в тех случаях, когда прак-

тика «принудительных ассортиментов» подталкивала их к этому; только делали они это в более слабой степени, чем частные торговые предприятия.

Эти разрывы цен мы иллюстрируем несколькими цифрами, относящимися к Москве и вычисленными по данным Кон'юнктурного Института. Но надо иметь в виду, что в Москве втечение декабря произведена была «товарная интервенция», т.-е. брошено было на рынок значительное количество тканей через посредство аппаратов государственной, кооперативной и частной торговли, специально с целью понижения розничных цен на мануфактуру. Интервенция проведена была успешно. Но о ней следует помнить при оценке значения тех цифр, которые приводятся нами ниже.

Процентные надбавки к оптовым ценам составляли в частной торговле в среднем по промышленным изделиям: 1 июля 1925 г.—35%, 1-го августа—38%, 1-го сентября—45%, 1-го октября—56%, 1-го ноября—62%, 1-го декабря—69% и 1 января 1926 г. (после интервенции)—51%. По мануфактуре они достигли 1-го ноября—69%, а 1-го декабря—81%; именно по этой группе, и почти только по ней, они и снизились 1 января до 49%. По обуви они составляли на 1-е ноября—50%, на 1-е декабря—87% и на 1-е января—91%.

Особого внимания заслуживает то, что происходило на хлебном рынке. Планы государственных и кооперативных хлебозаготовок составлены были широко, в расчете на обильный урожай, на крупные избытки зерна в крестьянском хозяйстве, на очень значительное участие государства и кооперации в заготовительных операциях, на вывоз больших количеств хлеба заграницу. При составлении этих планов, регулирующие органы опасались более всего сильного падения цен, и были приняты все меры к тому, чтобы втечение кампании заготовляющие организации было щедро снабжены деньгами в форме целевых и подтоварных ссуд. Этим организациям пред'явлено было требование закончить 70% заготовок к 1 января 1926 г. При общем плане в 780 мил. пуд. это должно было составить 545 мил. пуд. хлеба.

Однако, уже в сентябре обнаружилось, что планы были построены на ошибочных расчетах. Самый сбор хлебов оказался несколько меньше первоначальных предположений. Но, главное, предложение зерна крестьянами было гораздо более сдержанно, чем рассчитывали Госплан и Народный Комиссариат Внутренней Торговли. Цены, понизившиеся против высокого уровня, установившегося в последние месяцы реализации старого урожая, вскоре начали снова расти и повышение их совершалось почти без перерывов с сентября 1925 г. до начала 1926 г. Всего к 1 января 1926 г. было заготовлено

336 мил. пудов против 545 мил. пуд., намеченных по первоначальному плану, причем количество заготовленной ржи было по временам недостаточно даже для вполне бесперебойного снабжения внутреннего рынка.

Если и была допущена ошибка в оценке урожая и если самый сбор и понизился несколько вследствие дождей после того, как были намечены первоначальные планы хлебозаготовок, то суть дела заключалась все же не в этом, ибо урожай был все-таки выше среднего. Не было, во-первых, достаточно предусмотрено желание крестьян увеличивать свои натуральные запасы, опустошенные втечение ряда лет войны, сокращения посевов и неурожаев, и, во-вторых, не было предвидено, что, при отсутствии или при крайней дороговизне промышленных изделий на рынке, крестьяне будут очень сдержанно предлагать заготовителям свой хлеб. А между тем последствием высокой промышленной кон'юнктуры инфляционного происхождения было то, что предложение товаров для крестьянского рынка, несмотря на рост промышленного производства либо вовсе не возрастало, либо возрастало слишком медленно. Нельзя учесть с достаточной точностью различные участки товарного рынка, потому что крестьяне совершают свои закупки не только в селах, но и в городах. Однако, косвенные данные заставляют думать, что снабжение крестьянского рынка было совершенно недостаточно.

Число рабочих возрастало почти непрерывно втечение 1925 г. В государственной промышленности оно составляло в январе 1925 г. 1.413 т., а в январе 1926 г.—1.899 тыс. человек. Последний год, дал, таким образом, увеличение почти на полмиллиона человек, сопровождавшееся ростом средней месячной заработной платы, примерно, на 10 руб. (от 40 р. до 50 р.). Увеличение месячного д о х о д а рабочих в государственной промышенности к концу года по сравнению с его началом составляло, таким образом, около 40 мил. руб. Можно считать, что около половины этой суммы, или 20 мил. руб., расходуется на приобретение промышленных товаров. Но возрасли не только доходы рабочих (как вследствие увеличения их числа, так и вследствие повышения заработной платы) в государственной промышленности, но также и в транспорте, в жилищном строительстве, возросли доходы служащих, ремесленников и кустарей, наконец, доходы частных промышленников и особенно торговцев. Если считать, что рабочие государственной промышленности составляют около ¼ неземледельческого населения, имеющего самостоятельный заработок, то можно, повидимому, допустить, что некрестьянские доходы, обращаемые на покупку промышленных товаров, составляли на рубеже 1926 года, примерно, на 80 милл. руб. в месяц больше, чем в январе 1925 года.

Между тем, продукция легкой промышленности в 1924/25 г. составляла в среднем в месяц 112 м. довоенных рублей, а производство в 1925/26 году было на 38% больше, что давало прирост в 42½ мил. довоенных рублей или в современных рублях 80—90 мил. Этот расчет очень условен, но он во всяком случае иллюстрирует одно: расширение хозяйственного строительства в том виде, в каком оно совершалось, почти не давало новых товаров для деревни. Город потреблял большую часть того, что он дополнительно производил. Не исключено, что на долю деревни пришлась совершенно ничтожная часть дополнительной продукции промышленных товаров.

Деревня реагировала на это сдержанным предложением зерна, а хлебный рынок повышением хлебных цен против того уровня, на котором цены стояли даже осенью 1924 неурожайного года. А так как на основе плана хлебозаготовок был построен и экспортный план, то невыполнение первого повлекло за собой образование крупной бреши в последнем, с теми последствиями для народного хозяйства, которые связаны с сокращением внешней торговли.

Не один только план хлебного экспорта оказался невыполненным. Весь вывоз товаров заграницу не достиг первоначально намеченных цифр. Постановлениями, принятыми в январе 1926 года, экспортная программа, утвержденная в августе, была снижена на треть. Не останавливаясь на отдельных статьях экспортного плана, надо отметить одну из основных причин, вызвавших это недовыполнение: она заключалась в нерентабельности экспорта по целому ряду важнейших его статей. В отношении лесных материалов неблагоприятное соотношение мировых и внутренних цен наблюдалось уже в 1924/25 году. Затем явление стало гораздо более общим, причем оно частично заключалось в том, что мировые цены были абсолютно нерентабельны, а частично в том, что внутренние цены были более рентабельны, чем мировые. Неблагоприятным фактором для развития экспорта явилось и то, что повышение внутренних цен во многих случаях сопутствовало снижению европейских цен на продукты сельского хозяйства. Вывоз пшеницы из некоторых хлебородных районов стал невыгоден уже в ноябре, и только неблагоприятные виды на аргентинский урожай исправили затем на время это положение. Вывоз льна экспортирующие органы задерживали, в ожидании более высокой кон'юнктуры мирового рынка, но эти ожидания не оправдались. Состояние цен на коровье масло было невыгодно для экспортирующих предприятий и были случаи, когда последние пытались ввезти обратно тот товар, который уже был ими вывезен заграницу. Нефтяному синдикату было выгоднее продавать

керосин на внутреннем рынке, чем экспортировать его заграницу, и проч. Экспортная выручка за первый квартал 1925/26 г. дала не четвертую часть, а лишь немногим более $^{1}/_{7}$ части первоначального экспортного плана, и не дала полной четверти сокращенного годового плана, утвержденного в январе 1926 г. Такое состояние экспорта непосредственно отразилось на импортных возможностях.

Неизбежное влияние роста цен, т.-е. уменьшения покупательной силы рубля на ход внешней торговли особенно отчетливо видно из цифр, характеризующих соотношение между советскими и мировыми ценами при условии устойчивого курса рубля. Мы приводим поэтому ряд цифр, подобный тому, который уже дан был выше.

	Оптовый индекс Госплана	Индекс Бюро статист. труда в САСШ	Паритет покупательн. силы (за доллар)		Курс Московской биржи за доллар		Отклонение в %%
			Рубли	К.	Рубли	К.	
1925 год							
Июль	184	169	2	33	1	95	+ 14,4
Август	173	160	2	10	1	95	+ 7,7
Сентябрь . . .	174	160	2	11	1	95	+ 8,2
Октябрь . . .	175	158	2	15	1	95	+ 10,3
Ноябрь	178	158	2	19	1	95	+ 12,3
Декабрь . . .	182	156	2	26	1	95	+ 15,9
1926 год							
Январь	188	156	2	34	1	95	+ 20,0
Февраль . . .	192	155	2	40	1	95	+ 23,1
Март	195	152	2	49	1	95	+ 27,9
Апрель	197	151	2	53	1	95	+ 29,7

При всей условности этих цифр, обнаруживаемая ими тенденция все же бесспорно показательна. В августе положение становилось близким к нормальному. Затем оно стало ухудшаться. Судя по американскому индексу, наши цены

должны были понижаться хотя бы для того, чтобы сохранялось достигнутое раньше соотношение, что было, как мы видели, недостаточно. Между тем, наши цены росли и несоответствие между ними и мировыми ценами достигло в начале 1926 г. очень внушительных размеров, особенно если иметь в виду, что из всех индексов госплановский по свойствам материалов, на основании которых он составлен, показывал наименьшее повышение.

Связанное с экспортными затруднениями сокращение притока иностранной валюты должно было приобресть тем большее значение, что еще до наступления 1925/26 хозяйственного года, внешнеторговые организации успели заангажироваться новыми заказами и покупками в счет того экспортно-импортного плана, осуществление которого должно было начаться с 1-го октября 1925 г. В частности, были приняты меры по ввозу готовых изделий для снабжения крестьянского рынка и облегчения хлебозаготовительной кампании. При сокращенном экспорте, в последние месяцы 1925 г. и в начале 1926 г. пришлось поэтому расходовать иностранную валюту в гораздо большей степени для платежей по старым заказам, чем для размещения новых, и это поставило те отрасли хозяйства, которые нуждались в иностранных товарах, в особенно трудное положение. Притом, сокращение экспорта не могло не создать известного напряжения и в банках. Советское государство отвечает заграницей за платежеспособность всех своих организаций, ибо они суть его собственные предприятия; оно не может не платить тогда, когда отдельные предприятия испытывают затруднения, т.-е. в такие моменты, когда в частно-капиталистическом хозяйстве отдельные фирмы перестали бы платить. Именно в силу этого

Металлическое и валютное обеспечение банкнот по балансу Госбанка (в млн. руб.) (к стр. 362).

	Золото	Платина	Иностр. валюта	Всего
1925 год				
1 июля	169,1	23,7	48,9	241,7
1 октября	184,8	31,8	46,8	263,4
1926 год				
1 января	182,4	33,7	48,9	265,0
1 апреля	147,5	30,4	50,4	228,3

платежный механизм и испытывает в трудные моменты концентрированное напряжение. Банковая система справилась со своими задачами в области международных расчетов, но условием этого не могли не явиться отсрочка ряда новых покупок и заказов и сокращение валютных резервов, уменьшившихся втечение предыдущего года и, по плану, подлежавших увеличению. Выше мы привели данные о состоянии балланса Эмиссионного Отдела Государственного Банка на 1-е июля 1925 г. Здесь мы приведем цифры показывающие движение золотых и валютных запасов втечение второго периода пореформенной денежной политики (см. таблицу на стр. 361).

В этой таблице последние две цифры первого ряда отчетливо показывают то напряжение, которое наступило в начале 1926 года.

Высота обеспечения в процентном отношении к сумме банковых билетов снизилась не очень значительно. Но за этот период имел место выпуск казначейских билетов в том новом порядке, который был установлен с июля 1925 года.

Металлическое и валютное обеспечение банковых билетов

(в %% к количеству их в обращении)

	Количество бумажных денег в обращении	Сумма банков. билетов перед. в казну правл. Госбанка	% покрытия банкнот метал. и иностр. валютой
1925 год			
1 июля	729 416	664 655	36,4
1 октября	999 964	756 640	34,8
1926 год			
1 января	1 119 733	781 364	33,9
1 апреля	1 053 733	724 088	31,5

На рубеже 1926 г. состояние денежного обращения стало таким образом очень напряженным. Уже в декабре 1925 года и еще больше в январе и феврале 1926 года в органах, руководящих экономической политикой Союза, вновь поставлены были на очередь все вопросы, касавшиеся построения хозяйственных планов на 1925/26 г. и направления де-

нежной политики. Хозяйственные планы, намеченные осенью, были пересмотрены и сокращены, в частности, сжаты были планы нового капитального строительства. Однако, мысль, что хозяйственные затруднения находились в теснейшей связи с кредитной инфляцией, далеко не сразу получила официальное признание. При первоначальном рассмотрении в Совете Труда и Обороны кредитного плана на январь — март 1926 г., было даже установлено, что об'ем денежного обращения не должен быть сжат втечение квартала. Сохранение в этом квартале денежной массы, имевшейся в обращении на 1-е января, как показывал довоенный опыт, как обнаружил затем и опыт 1926 и 1927 гг., не могло бы не иметь дальнейшего инфляционного значения, потому что, с завершением основной части заготовок хлеба и хлопка и вслед за предпраздничной реализацией продукции промышленных предприятий, из года в год имеет место сжатие товарооборота, высвобождение денег и возвращение их в кредитные учреждения. Предложение о том, чтобы правительство запретило Госбанку снижать денежную массу, внесено было Госпланом. Кажется, в истории денежного обращения есть только один прецедент такого рода, имевший место в Соединенных Штатах в 1868 г., когда республиканская партия добилась от конгресса аналогичного постановления (A. B. Hepburn, A History of Currency in the United States», New York, 1924, стр. 210). Однако Госбанк стал вести в январе и феврале осторожную политику и начался естественный процесс обратного притока денег в его кассы.

В области валютной политики этот период хозяйственных затруднений вызвал несколько мероприятий, имевших крупное значение. Они относятся к регулированию курса золота и иностранной валюты на вольном рынке, к порядку реализации иностранной валюты Госбанком и другими кредитными учреждениями, производящими кредитные операции, и, наконец, к положению червонца на внешних рынках.

Операции с золотой монетой производились Госбанком задолго до денежной реформы 1924 г., отчасти из коммерческих соображений (для использования разницы между ценою золота в слитках и золота в монете), отчасти же и для воздействия на курс золота в совзнаках или на курс совзнаков в золоте в те периоды, когда положение отживавшего свой век казначейского знака казалось особенно неблагополучным. Накануне реформы эти операции были расширены и не без их помощи курс золота и иностранной валюты (т. е. эффективных банкнот, обращавшихся на внутреннем рынке) снижен был до паритета с червонцем. Вслед за реформой курс золота и иностранной валюты упал даже, как мы видели, еще ниже. Тогда-то начался приток

в Государственный банк золота и иностранных банкнот из частного накопления. Операции в период после реформы, так же, как и позднее, были двусторонними, ибо на рынке всегда имелись как покупатели, так и продавцы. Но только до реформы банку приходилось продавать больше, чем он покупал, а после реформы соотношение стало обратным, причем суммы приобретенные с начала 1924 г. до весны 1925 г., были довольно значительны по тогдашним советским условиям. Весною же 1925 г. произошел перелом.

Он совершился в апреле, т.-е. за несколько месяцев до начала тех крупных инфляционных выпусков, о которых речь шла выше и трудно было бы сказать, почему он произошел именно в этот момент. Можно только отметить, что первые месяцы 1925 года не дали снижения денежной массы, между тем, как сокращение ее соответствовало бы сезонному состоянию товарооборота, особенно в неурожайный год, а отсутствие такого сокращения должно было, следовательно, иметь такое же значение, как и чрезмерная эмиссия бумажных денег. Апрельские индексы тоже показали повышение и были даже максимальными для всего первого полугодия 1925 г. Как бы то ни было, в апреле 1925 г. продажа золота и иностранных банкнот превысила покупку на 4 с лишним миллиона рублей и с тех пор на поддержание курса приходилось из месяца в месяц затрачивать золото и иностранную валюту. После апреля суммы, необходимые для регулирования внутреннего валютного рынка сократились, но во второй половине лета они снова стали возрастать и достигли зимою внушительных размеров. Дело и не могло обстоять иначе, ибо реализация золота и иностранной валюты является средством из'ятия излишне выпущенных банковых билетов из обращения. Поскольку же одновременно с такой реализацией продолжалось расширение активных операций кредитных учреждений и эмитирование банкнот, причины, вызывавшие необходимость расходования золота для регулирования курса, не только не устранялись, но даже усиливались в своем действии. К январю 1926 г. затраты стали столь значительны, что не могли не внушать серьезных опасений.

При том общем положении денежного обращения, которое создалось к началу 1926 г., продолжать поддержание курса на внутреннем рынке ценою столь крупных затрат стало невозможно. В январе правительством обсуждался принципиальный вопрос о желательности поддержания единого паритетного курса во всех валютных операциях, т.-е. в тех, которые связаны с монополизированной внешней торговлей, и в тех, которые совершаются на внутреннем рынке между частными лицами. Вопрос был разрешен в положительном смысле. Однако, январь и февраль

1926 г. показали, что для действительного поддержания такого единства при существовавшем излишке денег в обращении необходим непосильный расход. А расход на «недействительное» поддержание вообще не имел смысла. В марте 1926 г. операции эти были поэтому прекращены Госбанком. С тех пор банк продает иностранную валюту лишь для платежей по внешнеторговым сделкам, и в пределах известных норм лицам, выезжающим заграницу.

Прекращение «интервенции», как называли операции по регулированию курса золота и иностранной валюты, на первых порах подействовало на рынок, усилив стремление обращать деньги в товары, увеличив «очереди» у магазинов и т. п. Но влияние его было гораздо слабее, чем можно было ранее ожидать. Во-первых, потому, что оно проведено было в период, когда Государственный банк стал уже сдержанней в своей кредитной политике и денежная масса начала сокращаться. Во-вторых, потому, что в 1925 г. (в противоположность тому, что имело место в 1922—1923 гг.) государство имело уже возможность строго контролировать все валютные операции государственных и кооперативных органов и они совершали их только с группой уполномоченных на то банков. В-третьих, потому, что в административном порядке частная торговля золотом и валютой была сведена до минимальных размеров и частный валютный рынок с весны 1925 г. почти переставал существовать. Курс в частных сделках, естественно, поднялся с этого времени и стоит с тех пор выше официального.

В той части валютных операций, которая обслуживала монополизированную внешнюю торговлю и отчасти немонополизированный торговый оборот по восточной границе, установлено было распределение иностранной валюты по планам, которые согласовывались между КФНином, НКТоргом, ВСНХ и Госбанком. Здесь сохранен был паритетный курс червонца, как принцип, от которого денежная политика не отказываясь, желая, по возможности, избежать каких-либо новых ценностных сдвигов и сохранить ту оценку советской валюты, к которой должен был быть постепенно приближен и уровень товарных цен.

Раздвоение валютных курсов создало одно существенное неудобство в области внешних валютных расчетов. Оно заключалось в следующем. В течение двух лет Госбанк добивался котировки червонца на иностранных биржах и достиг того, что последнюю стали производить биржи в Константинополе, в прибалтийских лимитрофных странах (в Риге и Ревеле), в Риме и кое-где на востоке. Котировки эти стояли на уровне, близком к паритетному курсу червонца. В связи с этим заграничные корреспонденты Госбанка покупали по его поручению червонцы по соответ-

ствующему курсу. Вслед за прекращением «интервенции» на внутреннем валютном рынке и вслед за раздвоением курса стали выгодными и начали широко практиковаться операции по вывозу наличных банкнот Госбанка заграницу для продажи их иностранным банкам, для ввоза иностранной валюты в СССР и превращения ее здесь в червонцы. Отчасти вывоз червонцев стал практиковаться для оплаты контрабандных товаров, отчасти он стал основой для чисто арбитражных операций с валютой, рассчитанных на получение разницы между официальным и вольным курсом. Все это стоило Государственному банку денег и для прекращения этих операций постановлением ЦИК и СНК СССР от 9 июля 1926 г. вывоз советской валюты заграницу был воспрещен. Через некоторое время после издания закона 9-го июля 1926 г. Госбанк предложил своим иностранным корреспондентам прекратить скупку его н а л и ч н ы х банкнот и ограничиться покупкой чеков. Постановление о запрещении вывоза червонцев последовало уже после окончания описываемого второго периода пореформенной денежной политики, но оно было издано в силу обстоятельств, возникщих втечение этого периода, и по содержанию своему относится к нему. Нетрудно усмотреть из того, что сказано выше, что обстановка и мероприятия 1925—26 года усилили замкнутость денежной системы СССР (ср. гл. VIII) и изменили характер связи между бумажными деньгами Союза и золотом.

Третий период пореформенной денежной политики начинается с весны 1926 г. и продолжается до лета 1927 г. Задачей его явилось преодоление тех затруднений, которые созданы были периодом инфляции; необходимо было добиться повышения покупательной силы рубля, накопления валютных резервов, сближения покупательной силы нашей валюты с ее курсом, устранения тех случаев нарушенного хозяйственного равновесия, которые возникли в течение предшествовавшего периода. Кредитная политика стала более сдержанной, найдя для этого опору в более осторожном составлении хозяйственных планов на 1926/27 год, особенно плана экспортно-импортного и плана нового капитального строительства. Достигнуть *достаточного* снижения цен и *устранить* разрыв между покупательной силой и курсом валюты, правда, не удалось, несмотря на то, что к снижению цен направлены были многочисленные законодательные акты и административные распоряжения. Однако, положение денежного обращения стало гораздо лучшим, чем оно было к началу третьего периода. С весны 1926 г. возобновилось также накопление золотых и валютных резервов, продолжавшееся до весны 1927 г. Внешний платежный баланс стал снова активным, что было, правда, достигнуто

не столько усилением экспорта, сколько сокращением расходов по импорту, в связи с падением цен на такие основные предметы нашего ввоза, как хлопок и резина, и в связи с почти полным отказом от ввоза готовых изделий.

Нам остается привести основные данные, характеризующие состояние денежного обращения втечение этого периода.

Эмиссия и состояние денежного обращения в млн. руб. (банковые и казначейские билеты).

	Выпуск (+) и изъятия за (—) квартал	Количество бум. денег в обращении в начале квартала
1926 г.		
Январь—март	— 66.000	1.119.733
Апрель—июнь	+ 6.624	1.053.733
Июль—сентябрь	+120.957	1.060.356
Октябрь—декабрь	+ 58.351	1.181.314
1927 г.		
Январь—март	— 66.520	1.239.665
На 1 апреля	—	1.173.145

Движение денежного обращения приблизилось к нормальному и размеры увеличения денежной массы до 1 апреля 1927 года стали невелики. За год с лишним (с 1/I—1926 г. 1/I—1926 г. по 1/IV—1927 г.) приростт количесгва бумажных денег составил менее 5% при росте грузооборота железных дорог с января по апрель на 19%, и увеличении стоимости продукции государственной промышленности за тот же срок на $^1/_4$—$^1/_5$. Распространение безденежных расчетов, применение которых усилилось за этот срок, и размещение мелкокупюрных займов должно было ослабить действие осторожной эмиссионной политики, но тем не менее ее последствия не могли не проявиться.

Сижение цен началось уже весной 1926 г. и за полугодие от апреля по октябрь составило по индексу Госплана 9,4%, а по индексу Конъюнктурного Института 5%. После этого покупательная сила рубля почти стабилизовалась. Изменение было достигнуто, главным образом, снижением цен на сельско-хозяйственные продукты. Уровень цен по оптовому индексу в начале 1927 года был близок к тому, который существовал вслед за проведением денежной реформы, а уровень розничных цен, примерно, на 16—18% выше. Бестоварье значительно смягчилось в особенности на рынке

Движение среднемесячных индексов цен

	Индекс оптовых цен Госплана			Индекс розничн. цен Конюнктурн. инст.		
	Сел.-хоз.	Пром.	Общий	Сел.-хоз.	Пром.	Общий
1926 год						
Январь	1 768	1 989	1 877	2 095	2 482	2 285
Апрель	1 913	2 030	1 971	2 247	2 687	2 463
Июль	1 624	2 031	1 818	2 055	2 648	2 341
Октябрь	1 561	2 038	1 784	2 026	2 651	2 327
1927 год						
Январь	1 574	2 031	1 788	2 060	2 680	2 360
Апрель	1 589	1 950	1 760	2 101	2 655	2 374
Июль	1 582	1 935	1 750	2 196	2 598	2 385

средств производства. Но оно не исчезло совсем. Трудно по имеющимся данным судить о действительной высоте покупательной силы денег и о действительном движении ее. Индекс оптовых цен не отражает факта существования бестоварья и цены, на которых он построен, поэтому не всегда являются ценами равновесия между спросом и предложением. Оба индекса не отражают и изменений в качестве товаров. С другой стороны, индекс розничных цен Конъюнктурного Института построен на ценах в частной торговле, значительно отличающихся от кооперативных цен, по которым Институт стал систематически исчислять индексы лишь в 1927 г. Последние непригодны поэтому для изучения *движения* цен *за* последние *годы*. Общее впечатление от всех данных таково, что, несмотря на достижения кредитно-денежной политики 1926/27 года, уровень покупательной силы рубля летом 1927 года был несколько ниже, чем в период вслед за денежной реформой 1924 г. и во всяком случае задача повышения этого уровня, стоявшая в 1924 г., до лета 1927 г. еще не была разрешена.

Это последнее обстоятельство подтверждается также данными о «паритетах покупательной силы» червонца и доллара и сопоставлением их с курсом червонца. Мы приводим ниже сведения, составленные так же, как и те, которые несколько

раз уже были приведены по этому вопросу в предшествующем изложении.

	Индекс Госплана	Индекс статистики труда в САСШ	Паритет покупат. силы (за доллар)		Курс Московск. биржи		Отклонения в %%
			Руб.	К.	Руб.	К.	
1926 год							
Апрель	197	151	2	53	1	95	29,7
Июль	182	151	2	34	1	95	20,0
Октябрь	178	150	2	31	1	95	19,0
1927 год							
Январь	179	147	2	37	1	95	21,5
Апрель	176	144	2	38	1	95	22,1

Несмотря на снижение индекса цен, отклонение курса от покупательной силы, значительно уменьшившееся с апреля 1926 г., снова несколько возросло, потому что снизился с осени 1926 г. и индекс цен в Соединенных Штатах. Если принять во внимание, что индекс розничных цен стоит у нас гораздо выше оптового, то придется признать, что, при всей условности этого метода сопоставления вообще, при особой его условности в виду сопоставления цен в Союзе только с ценами в Америке, при полной об'яснимости относительно высоких цен в Союзе на промышленные изделия, а, следовательно, и сравнительно высокого уровня средних советских цен, уровень покупательной силы рубля все же оставался еще к лету 1927 г. слишком низким. Для доведения его до «нормальных» пределов повышение его на одну пятую едва ли было бы чрезмерным. В отношении розничных цен такое требование во всяком случае не было бы преувеличенным.

За описываемый третий период пореформенной истории нашего денежного обращения имело место и усиление золотых и валютных резервов (см. табл. на стр. 370).

Накопление золота, а затем и иностранной валюты началось с лета 1926 г., когда расчетный баланс Союза снова стал активным, и к весне 1927 г. положение существенно улучшилось. Снижение цифр по платине, которое видно

Металлическое и валютное обеспечение банкнот по балансам эмиссионного отдела Госбанка (1 000 руб.)

	Золото	Платина	Иностр. валюта	Всего
1926 год				
1 апреля	147 506	30 347	50 431	228 284
1 июля	146 829	30 399	50 254	227 482
1 октября	153 345	30 562	51 198	235 105
1927 год				
1 января	164 412	30 383	60 397	255 392
1 апреля	165 882	30 383	83 739	280 004
1 июля	166 848	18 514	83 739	269 101

из этой таблицы связано с переоценкой ее, вызванной падением цен на платину на мировом рынке. Возможно, что это явление,—по крайней мере в таком его об'еме,—лишь временно.

Размеры металлического и валютного обеспечения в отношении к эмиссии банковых билетов изменились незначительно.

Металлическое и валютное обеспечение банковых билетов в %% к количеству их в обращении

	Общее колич. бумажн. денег в обращении	Сумма банков. билетов, перед. в кассу правл. Госбанка	% покрытия банкнот метал. и ин. валют.
1926 год			
1 апреля	1 053 733	724 088	31,5
1 июля	1 060 357	726 632	31,3
1 октября	1 181 314	856 771	27,4
1927 год			
1 января	1 239 665	885 162	28,9
1 апреля	1 173 145	857 306	32,7
1 июля	1 227 756	905 503	29,7

С небольшими колебаниями вверх и вниз размеры обеспечения червонца держались около 30%.

Третий пореформенный период внес несомненные улучшения в состояние денежного обращения, пострадавшего от кредитной экспансии второй половины 1925 г. Но дело упорядочения денежной системы до лета 1927 г. еще далеко не было закончено.

Летом 1927 г. начался четвертый период пореформенной истории денежного обращения, описывать который еще преждевременно, так как сейчас выявились только начальные его тенденции. Эмиссия банкнот и казначейских билетов третьего квартала 1926—27 г. оказалась очень значительной (127,1 милл. руб. против 6,6 милл. в том же квартале предыдущего года). В связи с этим предполагалось сжать эмиссию четвертого квартала, но сделать это не удалось и при плановой цифре в 75 милл. руб. фактически в четвертом квартале было выпущено банкнот и казначейских билетов на 186,3 милл. На 1 октября 1927 г. количество бумажных денег в обращении достигло 1.486,6 милл. руб., а количество всех денег в обращении—1.670,8 милл. руб. Кредитный план на первый квартал 1927—28 г. составлен был с большим напряжением и все же разрешенная Государственному Банку эмиссия достигла 170 милл. руб. Три квартала с 1 апреля 1927 г. по 1 января 1927 г. дают (включая последнюю, плановую цифру) около 500 милл. руб. против 186 милл. в предыдущем году, т.-е. возрастание денежной массы на 42,6% против 17,6% год назад. Важно отметить, что эти значительные выпуски денег имели место втечение периода, когда проводились и были более или менее полно проведены мероприятия по снижению цен промышленных изделий по линии государственно-кооперативной торговли,— мероприятия, естественно, увеличившие спрос населения на товары. Одновременно с ростом денежной массы вновь обнаруживаются: усиление бестоварья, напряженное финансовое состояние промышленности, замедление заготовок хлеба и некоторых видов сырья, недовыполнение экспортного плана. Это—знакомые уже признаки инфляции, порожденной «диспропорцией» между теми средствами, которых требует выполнение хозяйственных планов, и действительными ресурсами, если не всего народного хозяйства, то государственного его сектора, финансируемого центральной частью банковой системы. Инфляция 1925—26 г. была преодолена пересмотром хозяйственных планов и программ и мероприятиями по сокращению размаха активных операций кредитных учреждений. Аналогичные мероприятия снова становятся необходимыми на рубеже 1928 года.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ДЕНЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ НА ДЕСЯТОМ ГОДУ РЕВОЛЮЦИИ.

Мы пытались набросать на предыдущих страницах историю нашего денежного обращения втечение истекшего десятилетия. Теперь мы подошли к концу своего исследования и последняя наша задача заключается в том, чтобы осветить те проблемы, которые стоят перед денежной политикой. Для того, чтобы оттенить значение этих проблем, мы остановимся предварительно на вопросе о самой структуре народного хозяйства СССР.

Экономическая жизнь Союза быстро развивалась после 1921 года не только в отношении своего «материального содержания», но и в отношении изменения организационных форм хозяйства. Мы имеем в этом отношении еще мало твердо установившегося. Недавнее прошлое было богато изменениями, и их наверное не лишено будет и ближайшее будущее. Может быть, преждевременно поэтому описывать существующие организационные формы, как законченную систему. Правда, действительность всегда текуча. Но нужна достаточная степень повторяемости явлений, т.-е. постоянства их, для того, чтобы осуществимо было описание изменчивой действительности в неподвижных понятиях, как это возможно, например, в отношении того или другого фазиса развития капитализма. Советская хозяйственная система строится к тому же не чисто стихийно, а на основании определенного замысла государственной власти и даже самый замысел этот не отлился еще в какие-либо застывшие формы. И все же, нельзя отказаться от попытки теоретического анализа установившихся или, точнее, устанавливающихся хозяйственных форм тогда, когда ставится вопрос об одной из основных проблем экономической политики.

В статьях, речах, резолюциях и декларациях последних лет можно найти целый ряд суждений, образующих отдельные элементы для такого описания. Однако, эти элементы пока еще очень мало систематизированы. Только книга Е. А.

Преображенского «Новая Экономика» (Москва, 1926 г., два издания) стремится дать законченный ответ на вопрос о природе советской хозяйственной системы, правда, в смысле глубоко отличном от того, в котором мы освещаем тот же вопрос на следующих страницах. В другом месте (в статье «К проблеме плана и развития в советской хозяйственной системе», «Вестник Финансов», 1926 г., кн. XII) мы пытались выявить противоположность этих двух точек зрения и обосновать свою позицию, исходя из критики соображений Е. А. Преображенского. Постановка вопроса о проблемах нашей денежной оплитики заставляет нас возвратиться к этой общей теме.

Всякой хозяйственной системе необходимо равновесие, по крайней мере, всякой системе, рассчитанной на длительное существование. Правда, это равновесие никогда не оказывается реализованным полностью. Вполне уравновешенная система,—уравновешенная в состоянии покоя (случай статического равновесия) или в состоянии движения (случай динамического равновесия),—есть лишь теоретическая схема, корреспондирующая известным элементам действительности, но никогда в действительности не осуществляемая. И тем не менее «стремление» к равновесию образует принцип всякой организации хозяйства. Это утверждение есть результат наблюдения над многообразными сменяющими друг друга хозяйственными формами (и, может быть, над формами жизни вообще). Мы думаем, что очень существенная часть теоретического описания хозяйства заключается в установлении того, как в нем реализуется равновесие или, точнее, чем в нем определяется состояние равновесия и как в нем осуществляется тенденция к нему. С этой точки зрения мы и подходим к описанию советской хозяйственной системы, т.-е. к тому описанию, которое необходимо нам в качестве введения к постановке проблемы о задачах нашей денежной политики.

Начнем с характеристики двух хозяйственных систем, которые поддаются описанию в достаточно точных понятиях, знакомы по недавнему историческому опыту и могут быть в полной мере противопоставлены друг другу; анализ их облегчит нам описание существующей советской организации хозяйства: мы имеем в виду товарно-денежную систему классического капиталистического типа и систему законченного коммунистического хозяйства того типа, который пыталась осуществить политика эпохи военного коммунизма.

Первую характеризуют, как известно, частная собственность на средства производства и разделение общества на классы, из коих один распоряжается средствами производства, а другой отчуждает первому за плату свою рабочую силу. Ее характеризует также то, что все производимые

хозяйственные блага суть товары, т.-е. поступают на рынок, на котором и устанавливается связь между различными отраслями производства и между производством и потреблением. Одним из товаров является и рабочая сила, на которую, как и на всякий другой товар, на рынке устанавливается цена. Все хозяйственные отношения выражаются в деньгах. Равновесие в хозяйственной системе, т.-е. равновесие между различными отраслями производства, между производством и потреблением, между накоплением и потреблением, между внешней и внутренней торговлей и т. д. устанавливается через посредство механизма цен, а цена,—если не ставить вопроса о более глубоких основах ценообразования, в чем мы не нуждаемся здесь,—составляет всегда на рынке (по крайней мере, теоретически) ту величину, т.-е. то отношение, при котором спрос уравновешивается предложением. Высота цены, определяя высоту прибыли и заработной платы, становится регулятором распределения материальных ресурсов и рабочих сил между различными их хозяйственными назначениями. Деление общества на классы, из коих один владеет и распоряжается средствами производства, а другой, обладая только рабочей силой, может распоряжаться ею лишь в порядке ее отчуждения, характеризует социальную природу этой экономической системы. Установление связи между всеми предприятиями и элементами хозяйства на рынке при помощи механизма цен характеризует формы ее функционирования и определяет пути, которыми в ней устанавливается равновесие. Направление хозяйственной деятельности зависит от цен и от реализуемой в ценах прибыли. То, что не прибыльно, то и не предпринимается. То, что обещает высокую прибыль, привлекает к себе предприимчивость и производительные силы страны.

Такова схема, к основным элементам которой не принадлежит ни существование монополий, видоизменяющих порядок образования цен (хотя и не устраняющих самых закономерностей ценообразования), ни существование актов вмешательства государства в хозяйственную жизнь, вносящих существенные изменения в организационные принципы хозяйственной системы, сохраняя, однако, в некоторых основных чертах самую ее сущность. Монополии ведут к установлению на рынке иных цен, чем те, которые образовались бы в условиях свободной конкуренции; но рынок все же ставит известные границы и монопольному образованию цен. Государственное или другое аналогичное «вмешательство» может изменить степень прибыльности отдельных предприятий (системой таможенных тарифов, железнодорожных тарифов, экспортных премий, льготных кредитов и т. д.) и направить производительные силы в иное русло, чем то,

по которому они пошли бы, если бы актов государственного «вмешательства» не существовало; оно может даже из'ять некоторые об'екты из оборота. Все это модифицирует хозяйственную систему, охарактеризованную выше, и может внести в нее столь значительные изменения, что становится целесообразным сконструировать особое понятие для капиталистического хозяйства в том случае, когда монополии играют в нем преобладующую роль. Так можно получить понятие «монополистического капитализма» вслед за понятием капитализма, основанного на свободной конкуренции. Но для обоих этих фаз развития товарно-денежного хозяйства остается характерной их социальная структура, кратко отмеченная выше, и их «подчиненность» закономерностям ценообразования, как регуляторам хозяйственных процессов и основным факторам установления хозяйственного равновесия.

Другая система, которую мы должны характеризовать, согласно принятого выше плана,—система законченного коммунистического хозяйства,—прямо противоположна только что описанной. Все средства производства принадлежат государству. Последнее распоряжается ими и всеми рабочими силами страны в силу своего публичного права на них, ибо все производительные силы образуют его достояние. Это не означает, что распоряжение рабочими силами должно происходить на основе административного принуждения. Раз установлен принцип «кто не работает, да не ест» и раз работать можно только в предприятии государства, то государственное распоряжение всеми рабочими силами создается уже само собой. Рабочая сила не продается и не существует никакого «рынка труда». Рабочие силы распределяются государством по различным назначениям. Граждане государства ничего не «покупают», а получают свою долю в народно-хозяйственном доходе, устанавливаемую государственной властью на основании того или другого принципа. Продукт труда всего общества обращается на пополнение или расширение средств производства, с одной стороны, и на создание фонда предметов потребления, с другой. Этот последний фонд распределяется между всеми членами общества, т.-е. делится на пайки. Вопрос о том, строго ли зафиксировано содержание каждого пайка, или же государство допускает в нем какие-либо изменения в соответствии с желаниями и вкусами потребителей, имеет здесь второстепенное значение, ибо, поскольку власть находит технические приемы для такого более гибкого удовлетворения потребностей, не прибегая к старому методу купли-продажи и установления цен, т.-е. не восстанавливая хотя бы подобия рынка, основной принцип хозяйственной системы

остается глубоко противоположным принципам товарно-денежного хозяйства.

Нет товаров, рынка, денег и цены. Распределение материальных ресурсов и труда, средств производства и предметов потребления регулирует хозяйственный план. Закономерности ценнобразования умерли. Забота о соблюдении равновесия в хозяйстве лежит на органах власти и формой выражения хозяйственных намерений государственных органов является (и может являться только) хозяйственный план. Равновесие должно быть соблюдено прежде всего в плане. Равновесие плана превращается в равновесие самого хозяйства. Если план не расчитал, что в стране имеется меньшее количество слесарей, забойщиков или сапожников, чем то, которое необходимо для выполнения всей производственной программы, то часть ее останется невыполненной, наблюдающий орган это обнаружит и план должен будет быть изменен. Никакие цены не возрастут вследствие недостатка продукции, ибо нет самих цен. Стихийным элементом в хозяйстве остается только его зависимость от природных условий. В пределах этой зависимости равновесие устанавливается не в порядке «встречи» на рынке спроса и предложения, соответствующего движения цен и реакций на движение цен в области производства, торговли и потребления, а в порядке планомерного, основанного на учете распределения государственной властью всех элементов хозяйства.

Таковы две схемы, соответствующие таким типам хозяйственной организации, которые наблюдались уже в хозяйственной действительности, ибо после опыта 1918—1921 гг. можно утверждать, что наблюдался не только первый, но и последний тип. Эти схемы должны помочь нам в характеристике существующей советской хозяйственной системы.

От классового строения капиталистического общества в Советском Союзе осталось сравнительно мало. Огромная часть средств производства принадлежит государству и в огромной части предприятий,—в промышленности, в транспорте, в области торговли, кредита, страхования,—распорядителем является государственная власть. Но проблема распределения средств производства и особенно предметов потребления разрешается через посредство рынка и механизма цен и советское хозяйство образует поэтому особую форму товарно-денежного хозяйства. Эта форма глубоко отлична от всех капиталистических форм и для того, чтобы указать самое существенное отличие, достаточно отметить совершенно иную классовую структуру общества (о значении планового элемента речь будет итти в дальнейшем). Но система остается при всем том товарно-денежной. Равновесие должно достигаться в ней, как рав-

новесие товарно-денежного хозяйства и именно это обстоятельство подлежит здесь выяснению.

В советском хозяйстве огромную роль играют полные монополии и квази-монополии. Они имеют значение, как в заготовках хлеба и промышленного сырья, так и в целом ряде производств, в которых преобладают крупные тресты, нередко об'единенные в синдикаты. Советские монополистические организации имеют возможность воздействовать на рынок и цены и они пользуются этой возможностью в соответствии с теми заданиями, которые ставит перед ними государственная власть. Содержание этих заданий, зависящее от характера экономической и социальной политики советского государства, конечно, отличается от тех целей, которые ставят себе капиталистические тресты. Но метод реализации этих заданий есть метод товарно-денежного хозяйства в том смысле, что они реализуются на рынке, на котором для бесперебойного течения хозяйственной жизни должно осуществляться равновесие, т. е. должно наступить условие, не существующее для законченной коммунистической организации хозяйства, не знающей рынка, а, следовательно, и равновесия на нем.

Советское государство в состоянии назначить цены так, чтобы получилась (калькулируемая капиталистически) максимальная чистая прибыль. Или же оно может назначить цену, довольствуясь начислением обычной прибыли. Оно может отказаться в данной отрасли производства от прибыли для того, чтобы дать населению более дешевый товар и сделать его доступным для лиц с наименее высокими доходами. Оно может даже продавать для этого товар ниже себестоимости, если только из других источников данной отрасли производства будут даваться субсидии. Оно может, наконец, предоставить населению в отдельном случае продукт бесплатно. Но оно не может уйти от закономерностей рынка и цен. Прежде всего, издержки производства, которые суть цены, должны быть так или иначе покрыты. Кроме того, стремится ли монополист назначить максимальную цену, или же государство-монополист довольствуется очень низкой ценой, во всех случаях приходится учитывать размеры спроса с тем, чтобы при назначенной цене на рынке установилось равновесие. Все дело заключается лишь в том, что к данному случаю применимы не те обобщения, которые относятся к образованию цен в условиях свободной конкуренции, а другие обобщения закономерностей товарно-денежного хозяйства.

Условием равновесия государство связано при назначении максимальной продажной цены, ибо его не может устраивать такое положение, при котором половина или десятая часть товара останется непроданной. Тем же условием государство

связано при назначении минимальной продажной цены, ибо, если, при такой цене, спрос превысит предложение, то продажа товара в точном смысле станет невозможной. Организация очередей не может рассматриваться, как прием экономической политики и подлинный метод преодоления тех затруднений, которые вытекают из отсутствия равновесия между спросом и предложением. Преодолеть эти затруднения можно, правда, при помощи «системы пайка», известной всем по опыту войны и революции. Но эта система, действительно означая преодоление рынка после «успешной»—или, может быть, правильнее сказать «безуспешной»,—борьбы с ним, именно поэтому означает и решительный и даже заключительный шаг к ликвидации в данной сфере товарно-денежного хозяйства.

На характер советской хозяйственной системы накладывает отпечаток не только выступление на рынке его хозяйственных предприятий в качестве монополистических организаций. Советское государство своими хозяйственными планами и административно-хозяйственными распоряжениями регламентирует течение хозяйственной жизни. Но и эти планы и распоряжения проводятся в обстановке товарно-денежного хозяйства и должны приспособляться к ней. Случается часто, что и в капиталистическом хозяйстве ведется политика регулирования. Но капиталистическая система остается системой товарного хозяйства, хотя бы государство и практиковало «вмешательство в хозяйственную жизнь» с целью поднять промышленность путем таможенной охраны внутреннего производства, или с намерением поддержать «среднее сословие» путем высокого обложения универсальных магазинов, или с желанием сохранить помещичье хозяйство определенных районов путем премирования экспорта. Такое «вмешательство» преодолевает свободную конкуренцию, влияет на высоту цен, но не изгоняет явления товара и цены из хозяйственной системы.

То обстоятельство, что в советской хозяйственной системе огромную роль играет регулирование хозяйственной жизни также не уничтожает характера системы, как системы товарно-денежного хозяйства, ибо условия и результаты хозяйственной деятельности и в данном случае измеряются в ценах, т. е. деньгами. Хозяйственная успешность или безрезультатность может устанавливаться лишь на основании цен, и этого положения не изменяет то обстоятельство, что в некоторых случаях необходимо учитывать не ближайшие, а более отдаленные ценностные результаты, или же результаты не для отдельного предприятия, а для всего народного хозяйства в целом.

В основном и советское государство не имеет иного критерия хозяйственной целесообразности, кроме ценностного критерия. И всякий раз, как оно поступает вопреки этому критерию, оно рискует тем, что хозяйственная эффективность его затрат не будет максимальной.

Имеется одно существенное различие между самыми методами регулирования в условиях советской хозяйственной системы и капиталистических стран, которому принадлежит большое значение и которое должно быть подчеркнуто, как важная особенность советского хозяйства, хотя оно и не устраняет того значения закономерностей ценообразования и вытекающих из них методов ценностного учета, о которых мы говорили. Советское государство, будучи распорядителем огромных предприятий и во многих случаях монополистом, часто непосредственно, в качестве «хозяина», проводит в жизнь то, что в других условиях осуществляется косвенным путем. Капиталистическое государство может форсировать экспорт только экспортными премиями. Советское—может (до известного предела) предписывать государственным предприятиям вывозить в убыток. Капиталистическое государство может влиять на состав импорта только путем установления отвечающих его намерениям таможенных пошлин. Советское государство может непосредственно включить в экспортно-импортный план ввоз определенных товаров. Капиталистическое государство может направить капиталы в ту отрасль производства, развитие которой он считает особенно полезным, только путем таких поощрительных мер, которые повысят доходность этой отрасли. Советское государство может сделать это в порядке составления плана капитальных затрат. Ибо в области ввоза, вывоза и производства оно выступает, либо в качестве монополиста, либо в качестве крупнейшего владельца предприятий. Те экономические проблемы, которые оно себе ставит, оно разрешает в этих случаях иными методами, чем сходные проблемы разрешаются и могут быть разрешены в условиях товарно-капиталистической системы. Регулирование проводится не путем нажима на основной стимул капиталистической системы—прибыль, а путем непосредственного предложения государственным, а иногда и кооперативным предприятиям осуществить те хозяйственные действия, которые предусмотрены планом и признаны государством целесообразными.

В этом пункте советское хозяйство представляет большое своеобразие, которое должно быть подчеркнуто при характеристике системы товарно-социалистического хозяйства. Суть дела заключается в том, что концентрация средств производства в руках одного распределителя заставляет или позволяет проводить в качестве внутри-хозяйственных

такие операции, которые иначе проходили бы в качестве межхозяйственных, т.-е. рыночных, и вместе с тем в том, что государство, будучи само этим распорядителем, проводит таким внутрихозяйственным способом ряд мероприятий своей экономической политики. Это надо пояснить на примерах. Пусть речь идет о покровительстве машиностроению. Капиталистический метод—пошлина, заказ и субсидия, отсюда вероятная высокая прибыльность и приток капиталов в новое строительство. Советский способ—включение постройки новых машиностроительных заводов в план капитального строительства. Распоряжение государственными средствами, обращаемыми на капитальное строительство, есть внутрихозяйственный акт. Другой пример. Крупной экспортно-импортовой организации, скажем, одному из госторгов, может быть предложено провести убыточную операцию с тем, что убыток был покрыт прибылью от других операций. Той же цели пришлось бы достигнуть в товарно-капиталистических условиях системой таможенных пошлин или премий. Государство проводит намеченную им операцию внутри одного предприятия и оно может, конечно, сделать это только в советской обстановке. Можно утверждать, имея в виду эти явления, что, вследствие значительности сосредоточенных в руках государства материальных рессурсов и крупных размеров советских хозяйственных организаций, многие действия, которые протекают в системах менее централизованных между хозяйствами, становятся здесь делом административного распоряжения, а не рыночной сделки, и что в связи с этим действуют и своеобразные методы регулирования народного хозяйства. Но административные распоражения становятся бесхозяйственными, если они проводятся без учета тех ценностных соотношений, которые складываются на рынке, а рынок, во всяком случае, сохраняется в качестве критерия и регулятора, пока на нем реализуются все предметы потребления, ибо всякий продукт в конце-концов переходит в предметы потребления и ради этого производится. Не говоря уже о том, что рынок сохраняется у нас еще и потому, что за пределами государственного сектора остаются еще миллионы хозяйств.

Своеобразие существующей хозяйственной системы очень велико. Не во всем оно может быть уже теоретически изучено и установлено, потому, что после нескольких лет новой экономической политики трудно еще сказать, что̀ именно принадлежит к существу этой системы и что̀ составляет в ней случайную аномалию. Но пока имеются все основания считать, что своеобразия этой системы, своеобразия ее методов регулирования, своеобразия ее приемов ведения планового хозяйства и воздействия на стихийные элементы экономической жизни следует искать в том,

как она, будучи системой товарного хозяйства, регулирует последнее, а не в том, как она его преодолевает, переходя в систему аналогичную той, которая строилась в эпоху военного коммунизма.

Против этих построений было выдвинуто возражение (см. А. Виткуп, «Критические замечания к вопросу о характере системы СССР», «Хозяйство Украины», 1927 г., № 3 и А. Леонтьев «К вопросу о природе хозяйства СССР», «Плановое Хозяйство», 1927 г. № 4), сводящееся к тому, что плановое регулирование хозяйства в советской хозяйственной системе означает преодоление товарно-денежного хозяйства, даже и в том случае, если при регулировании приходится соблюдать равновесие между спросом и предложением, ибо для советского хозяйства характерно преодоление стихийных сил товарно-денежного хозяйства, т.-е. того, что для товарно-денежного хозяйства всего более характерно и что именно в этом лежит особенность советской хозяйственной системы. В этом возражении есть верная мысль (содержащаяся и в нашем описании), но мысль эта неправильно использована вследствие недостаточного расчленения различных хозяйственных форм и подведения под одно понятие «переходного» хозяйства или социалистического хозяйства слишком разнообразных явлений. Товарно-денежное хозяйство может существовать в различных видах,- хозяйственная история уже показала это. Социалистическое хозяйство, вероятно, тоже может существовать в различных формах, экономическая история уже начала это показывать.

«Если имелось в виду обосновать тезис о неограниченном действии закона ценности в советском хозяйстве,—возражал нам А. Леонтьев,—следовало доказать..., что равновесие в производственном процессе может в наших условиях устанавливаться как в любом товарном хозяйстве (курсив наш. *Л. Ю.*) исключительно путем игры спроса и предложения на рынке» и т. д. («Плановое Хозяйство», 1927 г., IV, стр. 119). Но совершенно неверно, будто дело происходит так в «любом товарном хозяйстве». Выше было уже отмечено, что и капиталистическое хозяйство, в особенности на высших фазах своего развития, знает воздействие монополистических предприятий на «игру спроса и предложения на рынке», знает установление рыночных цен в результате соглашений, фиксацию тарифов монопольных предприятий и т. п. и знает кроме того на разных стадиях своей эволюции государственное регулирование многих сторон хозяйственной жизни. Вовсе не «любое» товарно-денежное хозяйство одинаково в этом отношении. Различения хозяйственных форм должны быть достаточно многообразны и тонки. Несомненно, что внесение планового начала в хозяйство и централизованное

управление им уменьшают роль стихии в хозяйственной жизни, хотя бы и сохранялись рыночные формы распределения производительных сил между преприятиями и продуктов между потребителями. Но это означает только, что товарно-денежные системы хозяйства могут существовать в разных формах и что им соответствуют различные сочетания плановых и стихийных начал. Однако, остаются существенные элементы, обязательные для всех видов товарно-денежного хозяйства и их то необходимо определить для того, чтобы выяснить роль различных типов регулирования и найти критерий для оценки мероприятий экономической политики. При упрощенном представлении о товарно-денежном хозяйстве, так же, как и при упрощенном представлении о задачах и формах планового хозяйства не может быть плодотворного теоретического анализа особенностей существующей советской хозяйственной системы, и тогда о ней действительно можно только сказать, что она есть система «переходная». Но этого для теоретического анализа очень уж мало, или, вернее, для такого определения никакого научного анализа вообще не нужно.

В мире явлений все образует переход от предыдущего к последующему. Классическая форма капитализма составляет переходный этап от «раннего» капитализма («Frühkapitalismus») к «позднему» капитализму («Spätkapitalismus»), если пользоваться этими двумя терминами Вернера Зомбарта; «поздний» капитализм может рассматриваться, как переходный этап от классического капитализма к социализму, а «ранний» капитализм—есть переход к классическому капитализму от докапиталистических форм хозяйства и т. д. Однако, что пользы перескакивать в научном анализе через отдельные звенья, определяя лишь содержание предыдущего и последующего, и ограничиваясь указанием, что в среднем звене содержатся в некотором сочетании элементы того и другого. Конечно не всякое «случайное» сочетание явлений следует рассматривать как самостоятельный этап хозяйственного развития, заслуживающий того, чтобы исследователь описывал его, как особую систему хозяйства. Современник особенно легко может ошибаться, когда приходится оценивать в этом отношении историческое значение тех явлений, среди которых он сам живет. Однако, нам думается, что имеется налицо множество признаков, в силу которых современный строй хозяйства СССР может и должен быть описан, как система sui generis, и именно, как товарно-денежная форма социалистического хозяйства, для которой характерны целевые устремления пролетарского правительства, небывалая концентрация средств производства, вытекающее из всего этого плановое управление хозяйством и вместе с тем характерны основные закономер-

...ти рынка и образования цен. Мы специально отметили сохраняющееся значение этих закономерностей, потому что хозяйственная практика не всегда достаточно считается с ними, а экономическая мысль современности склонна иногда ими пренебрегать, усматривая в них только отмирающую хозяйственную категорию. Может быть она и отмирает в аспекте векового развития хозяйства. Но с точки зрения теоретического осмысления существующей системы это есть, на наш взгляд, не отмирающая категория, а существенный ее признак, играющий в ней роль одного из основных устоев, на которых она построена.

Из сказанного вытекает следующее. Образуя по своей социальной структуре систему совершенно новую, советская организация хозяйства, как система товарно-денежная, сохраняет закономерности ценообразования в качестве основного регулирующего фактора в хозяйстве. Для того, чтобы в ней сохранялось хозяйственное равновесие, ей необходимо соблюдение соответствия между денежными издержками производства и ценами, а также между денежным предложением и денежным спросом. То обстоятельство, что она есть хозяйственная система пролетарского государства, ...ставляет ее, а то обстоятельство, что в распоряжении государства сосредоточены основные производительные силы страны, позволяет ей ставить такие задачи, которые чужды капиталистическому обществу и разрешать их при помощи регламентирования хозяйственной жизни гораздо более частого и глубокого, нежели происходящее где-либо в другом месте. Цели, методы и результаты этого регламентирования еще недостаточно изучены для того, чтобы можно было дать удовлетворительное теоретическое их описание, т.-е. найти необходимые для такого описания обобщения. Но во всяком случае регламентирование это совершается в условиях товарно-денежного хозяйства и состоит из мероприятий по регулированию товарно-денежного хозяйства, а не из действий, направленных к его преодолению.

Однако, в современных хозяйственных мероприятиях, в частности, в числе действующих хозяйственных планов есть такие, которые, повидимому, явно противоречат тому, что сказано выше. У нас имеются планы распределения, не считающиеся с существующим на рынке уровнем цен, ставящие себе целью распределение независимо от существующего денежного спроса, т.-е., в сущности, распределение вне рынка и с устранением всех его закономерностей. Каково же место этих планов в советской хозяйственной системе? Следует ли рассматривать их, как ростки новой экономической системы, перерастающей существующую, или же, как временные болезненные аномалии в хозяйстве. Неизбежная постановка этого вопроса заставляет нас коснуться

проблемы планирования в тех его видах, в каких оно развернулось у нас.

Мы полагаем, что в числе планов утверждаемых у нас различными государственными учреждениями, следует прежде всего отличать те, необходимость которых вытекает из самого факта распоряжения государством большей частью предприятий в промышленности, в транспорте, во внешней, а вместе с кооперацией и во внутренней торговле и т. д. Крупное хозяйство не может вестись без плана. Там, где в одном хозяйстве (в широком смысле) сосредоточены целые отрасли производства и проч., там, очевидно, составление плана, направляющего и согласующего работу отдельных частей, становится совершенно необходимым. Наличность этих планов ни в какой мере не противоречит тому построению и тому пониманию советской хозяйственной системы, которое изложено выше.

Но из всей системы мероприятий по регулированию нашего народного хозяйства и по управлению государственным сектором его, необходимо выделить те, которые приняты «по нужде», и лишь после этого можно получить чистый остаток планирования, действительно свойственного и необходимого существующей хозяйственной системе. Следует отметить, что как раз мероприятиям, не принадлежащим к чистому остатку, а принятым по нужде и вытекающим из факта нарушения равновесия на рынке, свойственно нарастать и размножаться в силу присущей им внутренней логике развития. Недавнее прошлое дало этому огромное количество примеров; примеры не отсутствуют и в настоящем. Регулирование в товарно-денежном хозяйстве, не нарушающее необходимого этому хозяйству равновесия, может спокойно преследовать свою цель. Если же равновесие нарушено и не восстанавливается, то мера регулирования, стремящаяся к разрешению своего задания в обход рыночному равновесию, не может остаться единственной, а требует принятия все новых мер, из коих последней завершающей цепь и дающей подлинное решение,—но не в направлении к равновесию рынка, а в направлении от равновесия на рынке,—является ликвидация рынка и установление в соответствующей области законченного с т р о г о - п л а н о в о г о р а с п р е д е л е н и я.

Классическим примером является эволюция регулирования хлебного рынка, хотя бы в том виде, в каком она проделана была в России (ср. «Введение»). В этой эволюции было очень мало произвольного. Она имела свою внутреннюю логику и в первом звене длинной цепи, для полного развертывания которой у нас понадобилось несколько лет, было уже заключено содержание последнего звена. Такая эволюция могла быть прервана только при условии, если

бы какие-либо обстоятельства дали возможность восстановить равновесие на рынке, прежде чем весь ряд был доведен до конца. Монополия хлебной торговли,—чтобы остаться при том же примере,—может быть установлена и в других условиях, чем это имело место в 1917 году, и по иным соображениям, чем те, которые имелись тогда у Временного Правительства; скажем, по соображениям чисто организационного порядка,—для концентрации операций, удешевления их, для выступлений на внешнем рынке и т. п. Но тогда вся проблема ставится и разрешается иначе, тогда данная форма не навязывается обстановкой, в качестве мероприятия по преодолению хозяйственных затруднений, а избирается в качестве одной из организационных возможностей. Тогда речь идет о регулировании рынка с полным учетом действия его закономерностей и с соблюдением тех требований, которые вытекают из условий товарно-денежного хозяйства. Хлебная монополия может быть формой регулирования рынка и может быть формой его устранения и ликвидации.

Если не различать этих форм, если в современной хозяйственной жизни Советского Союза не отделить одних от других, тогда едва ли возможно правильно определить существенные признаки всей хозяйственной системы. Строительство нового хозяйственного уклада совершается под воздействием многих сил. Немудрено, что в хозяйственной жизни переплетаются противоречивые тенденции. Мы имеем ряд планов и программ, которые суть мероприятия по управлению концентрированными в распоряжении государства средствами производства с целью возможно большего роста государственного сектора хозяйства и возможно более ровного развития всего народного хозяйства, как хозяйства товарно-денежного: следовательно, с стремлением к соблюдению во всех этих планах и программах необходимых товарному хозяйству условий равновесия. Сюда относятся: план производства государственной промышленности, план работы транспорта, план капитальных затрат в промышленности, план железнодорожного строительства, экспортный план, импортный план и т. д. Хотя в каждом из них могут быть отдельные элементы от лукавого, если их приходится составлять в обстановке нарушенного равновесия, но необходимость этих планов вытекает из самого существа советской хозяйственной системы, а не из того, что на каком-либо ее участке равновесие оказалось нарушенным. Но мы имеем также планы и программы, которые специально порождены теми или другими явлениями нарушенного в товарно-денежном хозяйстве равновесия и имеют своей целью не восстановить полное равновесие на рынке, а разрешить различные ближайшие хозяйственные задания при нарушенном

равновесии. Сюда относятся планы по завозу товаров в различные районы при наличии бестоварья, оперативные планы распределения иностранной валюты между импортными организациями, когда они являются планами распределения «недостаточного товара». Сюда же следует отнести распределение ограниченного жилищного фонда между претендентами на жилую площадь, ибо и здесь отсутствует равновесие между спросом и предложением. Сюда же отчасти относятся кредитные планы, если хозяйственные предприятия на основании своих хозяйственных планов, (а иногда и без такого основания) пред'являют при существующей учетной ставке требования на кредит, превосходящие то, что кредитная система считает возможным им предоставить и т. п.

Целью соображений, изложенных выше, было показать, что закономерности ценообразования действительны для советской хозяйственной системы, что равновесие системы может иметь место лишь постольку, поскольку оно соблюдается, как равновесие товарно-денежного хозяйства. Отсюда значение проблем денежной политики. О состоянии денежной системы мы судим по состоянию цен и курсов, а последние, в свою очередь, суть цены. Следующий наш шаг в направлении к постановке проблем денежной политики должен, поэтому, заключаться в рассмотрении вопроса о том, соблюдено ли в этой области необходимое нашей хозяйственной системе равновесие. Мы дали настоящей главе заглавие: «Проблемы денежной политики на десятом году революции». Мы начнем свой анализ с описания того, как мы вошли в этот год, когда проблемы, не утратившие своего значения, выступали особенно резко.

Мы имели в этот момент ряд случаев нарушенного равновесия, или ряд диспропорций в народном хозяйстве, которые либо сами были диспропорциями ценностного порядка, либо имели в своей основе ценностные диспропорции. Не ставя себе задачей их исчерпать, мы остановимся на некоторых из них.

Прежде всего должно быть отмечено существенное несоответствие между темпом восстановления производства в промышленности и сельском хозяйстве, с одной стороны, и темпом восстановления нашей внешней торговли,—с другой. В отношении производства и транспорта народное хозяйство, как известно, вплотную подошло к цифрам 1913 г., и в некоторых областях в 1926—27 году совершается движение за пределы довоенных цифр. Внешняя торговля стоит на уровне, отстающем от производства,—если измерять разницу периодами времени,—на несколько десятков лет. Вы-

воз составлял накануне войны около $1\frac{1}{2}$ миллиарда рублей в год. В среднем за первое десятилетие двадцатого века он несколько превышал миллиард рублей. В 90-е годы он достигал около 655 млн. за год. В 80-е годы он составлял 590 млн. При сопоставлении этих данных с современным экспортом, надо еще принять в расчет, что накануне войны мировые цены составляли, примерно, $^2/_3$ современных, а в начале 80-х годов они были еще ниже. Между тем, данные об экспорте за последние годы дают следующие итоги (в млн. рублей):

	Весь вывоз		Вывоз без хлеба	
	В довоен. руб.	В современ. руб.	В довоен. руб.	В современ. руб.
1923—24 г.	369,2 м.	— м.	221,9 м.	— м.
1924—25 г.	370,8 „	575,3 „	337,7 „	522,8 „
1925—26 г.	470,7 „	676,6 „	355,5 „	516,5 „
1926—27 г. (предвар. дан.)	558,0	770,5 „	425,2	565,6 „

По своему об'ему вывоз стоит, примерно, на уровне восьмидесятых годов прошлого столетия, даже если учесть сокращение государственной территории. Одного этого указания достаточно для того, чтобы зародить подозрение, что не все в области количественных соотношений между производством, потребностями и внешней торговлей обстоит благополучно.

Правда, в советской экономике имеются обстоятельства, в силу которых современный экспорт может стоять на более низком уровне, чем в довоенное время, без каких-либо вредных последствий для народного хозяйства. В дореволюционное время экспортом покрывались очень большие платежи процентов по внешней задолженности государства, железных дорог, городов и частных предприятий. В современном внешнем расчетном балансе Союза этих платежей почти что нет. Но ни исчезновение этих платежей, ни сокращение территории не уменьшили потребностей страны в импортных товарах и в иностранных валютных рессурсах в такой степени, чтобы вывоз в три четверти миллиарда можно было считать сколько-нибудь достаточным для народного хозяйства Союза.

К тому же в стране, несомненно, имеются продукты, являющиеся теми «излишками», которые целесообразно было

бы вывезти с точки зрения рационального построения плана народного хозяйства. Что является таким экспортным «излишком» в народно-хозяйственном смысле слова? Тот продукт, который целесообразно вывезти за границу для ввоза оттуда другого, необходимого в Советском Союзе товара, т.-е. тот продукт, который меньше нужен в Союзе, чем его иностранный эквивалент. Отвлечемся на несколько мгновений от денежной оболочки, покрывающей интересующие нас здесь хозяйственные отношения и искажающей их действительное содержание в тех случаях, когда в денежной системе что-либо не в порядке. Можно ли сказать, что сверх масла, яиц или зерна, экспортируемых в настоящее время, в Союзе нет больше таких же продуктов, которые можно было бы обменять с выгодой для народного хозяйства на иностранные товары? Никто из тех, кто так или иначе причастен к составлению экспортно-импортных планов, вероятно, не сомневается в том, что такие продукты в стране еще существуют. Когда составители «контрольных цифр» Госплана на 1926—27 год в главе, посвященной товарообороту и внешней торговле, говорили о причинах, «сдерживающих расширение экспортных контингентов», и называли здесь «ненормальное оседание продукции сельского хозяйства в деревне» (стр. 84), то они и имели в виду, что с народно-хозяйственной точки зрения правильнее было бы вывезти еще часть этой продукции, чем оставлять ее внутри страны в качестве запаса или для дополнительного потребления. И, действительно, не может быть никакого сомнения в том, что для народного хозяйства выгодно было обменять в 1926—27 г. еще несколько десятков миллионов пудов зерна сверх существующего плана на сельскохозяйственные машины, красители, цветные металлы, промышленное сырье и т. п. Экспортно-импортный план не пошел на такое расширение не потому, что составители его сомневались в выгодности этой операции, а потому, что они сомневались в возможности закупить дополнительные экспортные товары, т.-е. в том, что производители их продадут. С народно-хозяйственной точки зрения экспортно-импортная торговля, во всяком случае, отстает от того уровня, которого она должна была бы достигнуть при условии наиболее рационального использования всей существующей продукции. С народно-хозяйственной точки зрения излишки для вывоза, следовательно, существуют.

Достаточно было бы исчислить в натуре эквивалентное отношение между нашими товарами—хлебом, маслом, яйцами, нефтепродуктами, лесными материалами, с одной стороны, и иностранными товарами—сырьем, вспомогательными производственными материалами и недостаточными готовыми фабрикатами—с другой стороны (приняв в расчет, и

транспортные расходы, и таможенные пошлины), для того, чтобы стало ясно, что мы должны иметь неиспользованные излишки для экспорта. Если страна их вывезти не может, и реальные излишки становятся «невидимыми», то это происходит потому, что в механизме денежного обращения и в строении цен что-то, очевидно, не в полном порядке. «Непорядок» этот заключается в высоком уровне цен, который в одних случаях делает экспорт нерентабельным, а в других случаях сокращает возможности заготовки экспортных продуктов, так как хозяйства, производящие их, недостаточно заинтересованы в их реализации для покупки на вырученные деньги других товаров.

Комиссия по контрольным цифрам Госплана, составившая проект этих цифр на 1926—27 год, высказалась в одном из мест своего доклада по вопросу о внешней торговле в следующих словах. Занимаясь проблемой развертывания всей промышленности, она выявляла «лимиты, кладущие предел желательному развертыванию». «Идя таким путем, Комиссия нащупала первый лимит—в области наших внешне-хозяйственных отношений. Ориентируясь на экспортные возможности, учитывая задачи в области накопления валютных ресурсов, Комиссия строила свои предположения об импорте и соответственно приспособляла соприкасающиеся с импортом части промышленности, а по ним равнялись и остальные элементы» (стр. 19). И в другом месте доклад повторяет, что «экспорт, а следовательно, и импорт являются одними из основных лимитов нашего хозяйственного развития и индустриализации» (стр. 85). Это показывает, что дефект, тормозящий экспорт, имеет для народного хозяйства самое серьезное значение.

Второе явление, о котором необходимо упомянуть, соприкасается с первым и вытекает из него, хотя оно и не вполне тождественно ему. В импортных товарах существует потребность, которая за недостатком экспорта не может быть покрыта полностью. На импортные товары остается неудовлетворенный спрос. Но импортные товары, как известно, приходится покупать на доллары и фунты. Следовательно, спрос на иностранные товары превращается в спрос на иностранную валюту, а неудовлетворенный спрос на оборудование, сырье и другие предметы иностранного происхождения, становится неудовлетворенным спросом на иностранные банкноты. Мы говорим пока только о спросе, относящемся к внешней торговле.

Под спросом в экономике разумеют не простое желание приобрести какой-либо товар и не голую потребность в этом товаре. Желание иметь тысячу фунтов, основанное хотя бы на самых уважительных потребностях, не есть спрос на фунты, если лицо, желающее их иметь, не может и не

готово заплатить за них столько, сколько они стоют. И если мы отмечали выше, что существует неудовлетворенный спрос на иностранную валюту, то мы имели в виду, что находится большее число покупателей валюты, чем то, которое, действительно, может получить ее в банках. А это сводится к тому, что в рассматриваемой сфере хозяйственных явлений равновесие не установлено.

Но действительно ли это утверждение правильно в условиях монополии внешней торговли и действующего у нас валютного законодательства? Не игнорируем ли мы существенной особенности нашей хозяйственной системы? Ведь монополия внешней торговли, отметая часть спроса, действует как и система таможенных пошлин с тою, однако, разницей, что при последней спрос как бы уничтожается совсем, ибо импортеру нет расчета уплатить высокий таможенный сбор и он совсем уходит с валютного рынка, а при лицензионной системе у импортера «расчет» остается, но нет административного разрешения на ввоз, и он как бы продолжает оставаться в преддверии валютного рынка, дожидаясь момента, когда лицензия будет ему дана. Спрос отметается в обоих случаях. Но в одном—этот спрос как бы исчезает, и для того, чтобы увидеть его, надо вскрыть то, что имело бы место при ином таможенном тарифе, а в другом случае спрос остается на поверхности и виден невооруженным глазом.

Эти соображения правильны. О спросе, хотя бы и платежеспособном, но не основанном на планах внешней торговли, в этом месте поэтому говорить не приходится. В этом нет и надобности, потому, что на «узость» самого плана указано было выше. Здесь речь идет о диспропорции уже в пределах плана. Необходимо точнее представить себе, каким образом здесь может иметь место случай нарушения равновесия.

Лицензионный порядок во внешней торговле является очень могущественным орудием регулирования спроса на иностранную валюту, а следовательно, и валютных курсов. Подкрепленный разрешительным порядком покупки и перевода за границу иностранной валюты, он действует, если и не безукоризненно, то, во всяком случае, с такою силой, которая позволяет выходить из очень серьезных затруднений. Доказательством тому может служить хотя бы валютная политика 1925—26 года. Однако, следует, прежде всего, иметь в виду, что в лицензионной системе допущены некоторые из'ятия: они относятся к внешней торговле по восточной границе. Здесь укреплением, отражающим спрос на иностранную валюту, остается, главным образом, валютное законодательство, если только лицензионный барьер не заменяется другими торговыми ограничениями, что не всегда

оказывается вполне возможным. Один барьер действует слабее, чем два барьера и поэтому в сфере тех торговых и валютных отношений, которые относятся к востоку, прорывается торговый спрос на импортные товары и на иностранную валюту, ищущий удовлетворения обходными путями и готовый платить за иностранную валюту выше официального курса.

Однако, даже там, где спрос не «прорывается», в обход планового порядка импорта, даже там, где лицензионное и валютное регулирование производится, по возможности, с исчерпывающей полнотой, нарушение равновесия оказывается возможным, по крайней мере, на время, и существо его обнаруживается в этих случаях в том, что курс начинает играть уже иную роль, чем прежде: он становится расчетной ценой, а не условием равновесия между спросом и предложением.

В той обстановке, которая кратко описана была выше, напор со стороны предприятий, нуждающихся в иностранных товарах, становится чрезвычайно велик. Хозяйственные планы составляются и выполняются не в научной лаборатории. Они чаще отражают какой-нибудь компромисс, чем результат беспристрастных изысканий. Кроме того, в них возможны и просчеты, особенно вероятные тогда, когда стремление к импорту преобладает над спокойным размышлением об его возможных пределах. Лицензионный порядок не мог, поэтому, предотвратить то, что в 1925—26 году у импортирующих организаций оказалось гораздо больше надежд на лицензии, прав на лицензии и даже полученных уже лицензий, чем могло быть реализовано в ближайшие сроки без чрезмерного и нежелательного напряжения валютных ресурсов банковой системы. «Особому Валютному Совещанию» пришлось тогда сыграть весьма активную регулирующую роль. В качестве руководства стали составляться валютные планы, предусматривающие вероятные поступления валюты и устанавливающие, кому из импортеров наличные ресурсы будут предоставлены втечение ближайшего промежутка времени. Этим путем удалось избежать платежных затруднений. Во второй половине 1926 г. положение значительно улучшилось и, как мы видели, возобновилось валютное накопление, продолжавшееся и в начале 1927 г., но все же приближение к состоянию равновесия было еще недостаточным для того, чтобы можно было отказаться от порядка распределения валюты по планам. Между тем, ясно, что эти распределительные программы означают уже не что иное, как «плановое распределение» того товара, предложение которого недостаточно для удовлетворения платежеспособного и даже надлежаще признанного торгового спроса.

План распределения формально восстанавливает, конечно, равновесие между спросом и предложением. Кто не попадает в план, тот и не пред'являет спроса, и в самом плане расход всегда должен быть покрыт приходом. Но такое равновесие является уже только бухгалтерским, а не рыночным. Правда, тут речь идет о таком нарушении равновесия, которое при существовании монополии внешней торговли, может быть ликвидировано легче, чем другие его случаи. Стоит усилить лицензионное регулирование, или упорядочить его, если механизм стал плохо действовать, и в этих пределах все придет в норму. Но мы вообще не пишем здесь о диспропорциях неустранимых. Что же касается столь легкого, повидимому, способа преодоления данного случая нарушения равновесия, то следует заметить, что «легкость» приема получается лишь при сжатии плана, т.-е. импорта, а это ведет к тому, что диспропорция лишь несколько перемещается.

Мы имели пока в виду только внешне-торговый и «плановый» или государственно уже признанный спрос, т.-е. тот, который основан на утвержденных программах. Но существует еще спрос частного рынка, имеющего в виду не использование валюты для внешней торговли, а ее накопление. Такому спросу принадлежит, конечно, совершенно иное значение, чем спросу импортному. Но о нем приходится упомянуть и в этом месте, потому, что об'ект у обоих один и тот же.

Опыт последнего пятилетия, втечение которого наше денежное обращение пережило многие испытания, показал, что этот спрос существует не при всяких обстоятельствах. Спрос на иностранные банкноты (и золото) зависел от состояния нашей собственной валюты, и в те периоды, когда положение ее упрочивалось или было прочно, частный спрос на иностранные валюту и золото сменялся даже частным предложением ранее накопленных запасов. Как бы ни относиться к вопросу о задачах денежной политики в отношении этого сектора валютного рынка, он представляет интерес в том отношении, что его состояние служит симптомом где то и в чем-то нарушенного равновесия. Он не пред'являет совершенно беспричинного спроса на валюту и беспричинно не отдает ее. В системе товарно-денежного хозяйства, где имеются еще миллионы частных хозяйств, его показания заслуживают особенного внимания. В главе IX было отмечено, что с середины 1925 г. частный валютный рынок стал обнаруживать спрос на иностранную валюту, превышающий предложение, и что с начала 1926 г. он стал расценивать иностранную валюту и золото выше официального курса. Разрыв курсов есть показатель нарушенного равновесия и должен быть отмечен, как одно из тех явлений, которые ставят серьезные задачи перед денежной политикой.

Третий случай нарушения равновесия в том ряду, отдельные элементы которого мы хотим перечислить, заключается в разрыве между высотой наших товарных цен или покупательной силой червонца и его валютным паритетом. Он переплетается с теми, которые уже описаны и все они, в сущности, образуют лишь различные стороны или различные последствия одного и того же явления. Цены поднялись на высоту, не соответствующую золотому паритету, и отсюда нерентабельность целого ряда отраслей экспортной торговли.

Об этом несоответствии достаточно говорилось в предшествующих главах, где оно было иллюстрировано цифрами и где показано было время его возникновения и усиления. Здесь нелишне будет прибавить к сказанному лишь следующие замечания.

Средний уровень цен, по которому мы измеряем покупательную силу валюты, образуется, как равнодействующая множества экономических сил. Средний уровень слагается из цен товаров, которые вывозятся заграницу и которые ниже, чем цены соответствующих продуктов заграницей, из цен товаров, которые импортируются из-за границы и которые дороже, чем соответствующие товары иностранного происхождения, и из цен товаров, нейтральных в отношении внешней торговли. Средний уровень цен даже при существовании золотой валюты никогда не бывает одинаков во всех странах. Когда в современных сопоставлениях уровней цен в различных государствах опираются на те индексы, которые строятся на основании цен довоенного времени, то нередко упускают из виду, что и в 1913 г. эти уровни были различны. Истекшее же время настолько изменило все хозяйственные условия, что не может быть ничего неожиданного в том, чтобы и в разницах между уровнями цен также совершился известный сдвиг. Так как хозяйство Советского Союза втечение ряда лет находилось в особенно неблагоприятных условиях в отношении износа и разрушения старого оборудования и в отношении замены его новым, то понятно, что оно имеет цены на промышленные изделия относительно еще более высокие, чем пятнадцать лет назад. В связи с этим оно должно иметь и более значительный чем в мировом хозяйстве под'ем среднего уровня цен.

Высокие цены могут при всяких условиях рассматриваться как симптом того, что какие-то явления в хозяйстве,—лежащие в области оборудования, в области других условий производительности труда, в области промышленной или финансовой организации и т. п.,—неблагополучны. Но они сами по себе не суть доказательство того, что дело обстоит неблагополучно именно в области денежного обращения. Однако, если поднимается *общий уровень цен и затрудняется вывоз товаров*, т.-е. начинает происходить

отрыв народного хозяйства от мирового, то корень явления лежит уже несомненно и в условиях денежного обращения, ибо это явление показывает, что эмиссией денег создан внутренний спрос на товары, который исчерпывает предложение, не оставляя излишков для вывоза. При свободных внешних торговых и валютных сношениях, такое положение быстро приводит к пассивному внешнему расчетному балансу, к утечке золота и падению курса валюты. А при падении курса экспорт опять становится рентабельным. Но при регулировании курса мероприятиями, описанными выше, и при стабильности курса в результате этих мероприятий, образуется разрыв между курсом и покупательной силой, который превращается в длительную диспропорцию с отмеченными уже ее последствиями.

Другие случаи нарушения равновесия, к которым мы теперь перейдем, также стоят в теснейшей связи с состоянием денежного обращения. Необходимо отметить расхождение между оптовыми и розничными ценами, а также расхождение между ценами в государственно-кооперативной торговле и ценами в частной торговле, или, другими словами, существование в стране двойного уровня цен. В главе VIII, характеризуя нашу денежную систему, мы отмечали, что двойной уровень цен в наших условиях возможен. В известный момент он оказался не только возможным, но и действительно существующим. Полное единообразие цен вообще едва ли может и едва ли должно обязательно иметь место. Но то расхождение цен, которое стало наблюдаться уже к осени 1924 года и возросло в 1925—26 году, представляет собой явление настолько крупное, что его необходимо включить в описываемый ряд. Эта диспропорция относится, главным образом, к промышленным изделиям, но она существует и в отношении продуктов сельского хозяйства.

Индекс промышленных изделий в 1925 году достиг своей низшей точки втечение лета, и мы поэтому приведем цифры, характеризующие эволюцию от лета 1925 г. до весны 1927 года.

Индексы, приведенные в нашей таблице, мало сравнимы, как по методам обработки материала, так и по номенклатуре товаров. На основании этих данных нельзя, поэтому, судить о том, насколько розничные цены выше оптовых. Они не показывают действительных размеров так называемых оптовых накидок. Но они достаточны для того, чтобы обнаружить, насколько различны результаты движения оптовых и розничных цен втечение описываемого периода. Если розничные цены повышались быстрее оптовых, то это значит, что дистанция между теми и другими возросла. Образование этой возросшей дистанции относится, главным образом, к первой половине 1925/26 года, но цифры пока-

зывают, что движение цен после этого не возвратило их к тому соотношению уровней, на котором они стояли в исходный момент, и что расхождение к апрелю 1927 г. даже усилилось.

	На 1 июля 1925 г.	На 1 октября 1926 г.	Изменен. в процентах	На 1 апреля 1927 г.	Изм. в %% с 1 октября 1926 г. по 1 апр. 1927 г.	С 1 июля 1925 г. по 1 апр. 1927 г.
Промышленные товары						
Инд. Госпл. (опт. ц.)	1 898	2 041	+ 7,5	1 961	— 4,0	+ 3,3
„ К. И. (розн. ц.)	2 190	2 640	+ 20,5	2 680	+ 1,5	+ 22,3
Текстильные фабрикаты						
Инд. Госпл. (опт. ц.)	2 407	2 469	+ 2,6	2 336	— 5,4	— 3,0
„ К. И. (розн. ц.)	2 300	3 210	+ 39,6	3 340	+ 4,0	+ 45,2
Металлические изделия						
Инд. Госпл. (опт. ц.)	1 707	1 779	+ 4,2	1 737	— 2,4	+ 1,7
„ К. И. (розн. ц.)	1 890	2 100	+ 11,1	2 040	— 2,9	+ 8,0

Столь же отчетливо цифры обнаруживают те сдвиги, которые произошли в соотношениях между ценами в кооперативной и в частной торговле, при чем и здесь следует обращать внимание лишь на тенденции движения цен, так как непосредственно друг с другом частные и кооперативные цены мало сопоставимы (в некоторых случаях явно учитываются различные сорта товаров). Данные, приведенные ниже (табл. на стр. 396), относятся только к Москве и исчислены Кон'юнктурным Институтом.

Снижение кооперативных цен свидетельствует отчасти о том, что кооперативная сеть ныне строже придерживается в Москве установленных накидок, чем раньше. Частные цены ориентировались по состоянию спроса и все более отклонялись от кооперативных цен. Для некоторых товаров отклонения эти стали огромны.

Многие из тех несоответствий, или диспропорций, которые отмечены выше, значительно смягчились втечение второй половины 1926 и первой половины 1927 года, когда состояние денежного обращения постепенно улучшилась,

Индекс	На 1 июля 1925 г.	На 1 октября 1926 г.	Уменьш. или увеличение в процентах	На 1 апреля 1927 г.	Уменьшения или увеличения в процентах	
					С 1 октября 1926 г. по 1 апр. 1927 г.	С 1 июля 1925 г. по 1 апр. 1927 г.
Общ. розничн. инд.						
Кооперативный	1 794	1 763	— 1,7	1 693	— 4,0	— 5,7
Частный	2 192	2 431	+ 10,9	2 420	— 0,5	+ 10,4
Мануфакт. товаров						
Кооперативный	2 190	2 144	— 2,1	2 059	— 4,0	— 6,0
Частный	2 660	2 940	+ 10,6	3 049	+ 3,7	+ 14,6
Металлич. товаров						
Кооперативный	1 620	1 541	— 4,9	1 443	— 6,4	— 11,0
Частный	1 800	2 045	+ 13,6	2 114	+ 3,3	+ 17,4
Табачных изделий						
Кооперативный	2 281	2 281	—	2 374	+ 4,0	+ 4,0
Частный	2 452	2 733	+ 11,5	2 733	0,0	+ 11,5
Обувных товаров						
Кооперативный	1 880	2 095	+ 11,4	1 990	— 5,1	+ 5,8
Частный	1 807	2 116	+ 17,1	1 938	— 8,5	+ 7,2

бестоварье сократилось и покупательная сила валюты укрепилась. Но цифры показывают, что, несмотря на это, равновесие к лету 1927 г. не было восстановлено, а в замечаниях, сделанных в предыдущей главе, было указано, что в средине 1927 г. процесс восстановления равновесия снова приостановился.

Едва ли нужно повторять здесь, почему все эти случаи нарушения равновесия причиняют народному хозяйству значительные неудобства и даже существенный ущерб. Но необходимо выяснить, какие задачи денежной политики вытекают из них.

Задачи заключаются прежде всего в устранении двойственности цен, т.-е. разрыва между уровнем товарных цен и курса, разрыва между ценами оптовыми и розничными, заготовительными и продажными, кооперативными и частными. Эти задачи могут быть разрешены двумя способами. Начнем с изложения того метода, который представляется нам неправильным.

Он заключается в повышении отпускных цен государственных трестов и синдикатов, в поднятии розничных цен в кооперации и в снижении курса червонца. Мотивы в пользу этого метода высказываются разные, и те, которые мы формулируем ниже, не принадлежат какому-либо отдельному автору, а исходят от разных представителей этого направления, сходящихся не во всех своих взглядах. В повышении цен видят способ укрепить финансовое положение государственной промышленности, усилить тем самым рессурсы, идущие на капитальное строительство, прекратить спекулятивную торговлю продуктами государственного производства, уничтожить указанный источник накопления частного торгового капитала. Что касается вопроса о снижении курса червонца, т.-е. о повышении курсов золотых валют, то мотивом в защиту этого предложения служит несоответствие между покупательной силой и курсом червонца и необходимость усиления вывоза путем создания для экспортной торговли более благоприятного соотношения внешних и внутренних цен.

Что означал бы однако в современной обстановке метод повышения цен? Укрепление финансового положения государственной промышленности произошло бы не в такой степени, которая окупила бы издержки по проведению этого метода в жизнь. За повышение цен государство должно было бы компенсировать рабочих, но не только их одних. Оно должно было бы также компенсировать крестьянство, т.-е. повысить и заготовительные цены на сырье и хлеб. Повышение заработной платы поглотило бы, может быть, не весь излишек валовой выручки, который создался бы вследствие повышения отпускных цен у предприятий, производящих «недостаточные» товары. Но не все предприятия производят такие товары, а поднять заработную плату должны были бы все. Это заставило бы повысить цены и на тех участках товарного рынка, где в настоящее время равновесие не нарушено. Но общий рост цен означает углубление того разрыва, который имеется между курсом и покупательной силой рубля и он несовместим с поддержанием золотого паритета червонца. Отсюда следует, что речь должна итти, вслед за мероприятиями по повышению цен или одновременно с ними, о снижении курса червонца. Вопрос, вести ли покупательную силу червонца к его курсу путем ее

повышения, или же вести курс червонца к его нынешней покупательной силе путем его снижения и образует кардинальную проблему денежной политики Союза с 1925 года.

Вопрос о том, на каком уровне цен и курсов следует искать того равновесия, которое является необходимой принадлежностью нормально функционирующей системы товарно-денежного хозяйства, должен разрешаться тем, какие сдвиги народное хозяйство переживет безболезненней и тем, какие мероприятия потребуют наименьшей ломки в хозяйственной жизни. Полтора года назад (когда предложение об изменении курса выдвигалось особенно настойчиво), при тревожном состоянии денежного обращения полный перелом в области валютной политики (а частичный перелом в марте 1926 г., как мы видели в главе IX, пришлось допустить) мог иметь для молодой валюты очень опасные последствия. Но и после этого не исчезли те вредные последствия, которые были бы связаны с изменением основного принципа валютной политики.

Изменение курса червонца не было бы изменением цены одного товара,—иностранной валюты,—и приведением ее в соответствие со всеми остальными ныне существующими ценами. Остальные цены стоят уже на разных уровнях. Те, которые расположены на более низких уровнях, близких уже теперь к соответствию с паритетным курсом, должны были бы быть повышены. Но повышение должно было бы распространиться и на остальные цены, ибо изменение официального курса повлекло бы за собой рост цен на все импортные товары, оплачиваемые иностранной валютой, и на все экспортные товары, за которые страна получает плату иностранной валютой. Желательностью повышения этих последних цен, главным образом, и мотивируется обычно предложение об изменении курса червонца. Речь, таким образом шла бы не о пересмотре одной цены, а о пересмотре всех цен. При пересмотре всего уровня цен и всех калькуляций в сторону повышения пришлось бы расширить банковые кредиты всем предприятиям за счет новой эмиссии. Предвидеть в таких условиях, на каком уровне цен и при каком курсе удалось бы остановить начавшееся движение и установить новое равновесие, представляется делом невозможным. Страна утратила бы доверие к своим деньгам и должна была бы войти на время в новую более или менее продолжительную полосу падающей валюты и пережить многие из тех затруднений и потрясений, которые ей знакомы по недавнему прошлому с тем, чтобы к концу этого неопределенного периода установилось соответствие между покупательной силой и курсом валюты на новом уровне, которого сейчас никто не в состоянии предсказать. Денежная политика не должна ставить себе такую задачу. Такая перспектива от-

крылась бы с неизбежностью только в том случае, если бы после длительных усилий совершенно безнадежным оказался другой путь.

Этот другой путь, пока еще возможный и более целесообразный, заключается в унификации всех уровней товарных цен и в снижении их в той мере, которая определяется официальным курсом червонца, после чего этот курс сам собою снова станет не только официальным, но и общим для всех участков валютного рынка. Это может оказаться делом длительным, но постепенное разрешение задачи в этом направлении представляет гораздо более надежный способ оздоровления денежного обращения, чем ломка курса и неизбежное тогда ориентирование денежной политики в сторону повышения цен, которому не поставлено и не может быть поставлено определенных границ. После всего изложенного в предыдущих главах нет надобности доказывать, что эта задача может быть разрешена лишь при наличии хозяйственных планов, построенных в пределах реальных рессурсов страны, и при проведении осторожной и сдержанной кредитной политики.

Если налицо будут симптомы того, что такой процесс оздоровления достаточно успешно и вполне твердо продвигается вперед, можно будет выдвинуть и некоторые частные задачи, оставшиеся до сих пор неразрешенными. Эти задачи касаются, главным образом, формального об'единения двух самостоятельных эмиссий—банковой и казначейской. Они могут быть разрешены сразу или в порядке частных мероприятий. Несомненно, что целью является превращение всей эмиссии бумажных денег в эмиссию банковую. Вопрос о том, как такое слияние будет со временем осуществлено, не представляет в настоящее время большого интереса.

Не менее крупную задачу, чем действительное снижение цен, составляет увеличение золотых резервов Государственного Банка. В 1924—25 хозяйственном году Союз имел пассивный внешний расчетный баланс вследствие неурожая, а в 1925—26 г. он имел его вследствие кредитной экспансии, описанной в предыдущей главе. В первую половину 1926—1927 г. имело место накопление валютных резервов. К началу лета 1927 г. оно вновь приостановилось. Стране необходимо во что бы то ни стало, чтобы оно было возобновлено и задачей денежной политики является постепенное увеличение валютно-золотых запасов *в несколько раз*.

Достаточно ли будет создать крупные металлические и валютные резервы и установить твердо бумажную валюту с курсом, действительно соответствующим соотношению между спросом и предложением, и с уровнем товарных цен, соответствующим курсу, или же со временем придется поставить вопрос о выпуске золота в обращение, будет

зависеть от многих внутренне-хозяйственных и внешне-хозяйственных условий и в частности от практики других стран в этом отношении. Ставить эту проблему было бы преждевременно. Сказать, что она не будет поставлена, было бы рискованно.

Задачи нашей денежной политики заключаются, таким образом, в установлении того равновесия в области цен, которое является условием ликвидации бестоварья и развития экспорта, а также в накоплении золотых запасов для укрепления денежной системы, для упрочения хозяйственного положения страны на мировом рынке и для создания общих материальных резервов государства в наиболее ликвидной их форме. Мероприятия в этой области в обстановке товарно-денежного хозяйства должны опираться на сдержанную и очень осторожную кредитно-денежную политику, ибо только при этом условии задача может быть разрешена.

Но как ни тесно связаны те хозяйственные перебои, которые страна пережила в 1925—26 году и не изжила до сих пор, с условиями денежного обращения и с направлением кредитно-денежной политики, мы не хотели бы, чтобы создалось впечатление, что правильную денежную политику мы считаем панацеей от всех зол и способом разрешения всех хозяйственных затруднений. Чем ближе денежная политика подошла бы к разрешению своих задач, тем яснее стало бы, что она не всесильна. Если бы с цен на промышленные товары снят был инфляционный нажим, тогда еще отчетливее, чем сейчас, обнаружилось бы, что они высоки вследствие большой себестоимости промышленных изделий и что в деле установления соответствия между ценами на продукты промышленности и сельского хозяйства,—в одном из важнейших дел всей экономической политики,—достигнута грань, дальше которой можно пойти только при помощи методов политики производственной и торговой. Это сознается и учитывается уже теперь, но это приобретет еще большее значение тогда, когда денежная политика разрешит свои задачи. Вопросы рационализации производства, повышения производительности труда, развития экспортных отраслей народного хозяйства и сельского хозяйства в качестве основной из них, тогда еще яснее выступят в качестве главнейших проблем экономической политики. Но задача денежной политики в том и заключается, чтобы денежное обращение было построено так, чтобы страна не замечала связанных с ним проблем, как здоровый человек не замечает своего здоровья. Тогда основные вопросы в области производства и распределения не затушевываются несовершенствами денежной системы и могут быть проанализированы и поставлены во [illegible] чистоте.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЦЕНА 5 руб.

ФИНАНСОВОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО НКФ СССР

Москва, Пушечная (Б. Софийка), 10. Книжный магазин издательства: Кузнецкий Мост, 7/8.

